

Федеральное агентство по образованию
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В.П. Сапон

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ СВОБОДЫ

**ЛИБЕРТАРИЗМ В ИДЕОЛОГИИ
И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ
ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ (1917–1918 гг.)**

Монография

Печатается по решению Ученого совета ННГУ

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского университета
2008

УДК 329.14 (470+571)(091) "1917/1918"
ББК Ф69(2 Рос)
С19

Рецензенты:

д. и. н., профессор В.А. Китаев
д. и. н., профессор В.Г. Хорос
д. и. н., профессор А.А. Штырбул

Научный редактор

д. и. н., профессор Г.В. Набатов

Под общей редакцией академика РАН О.А. Колобова

С 19 Сапон В.П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.): Монография. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2008. – 332 с.

ISBN 978–5–91326–050–5

В монографии исследуется Великая российская революция 1917–1918 гг., которая, при всем многообразии действующих сил и преследуемых целей, имела единую либертарную, социально-освободительную направленность. Опираясь на архивные материалы, а также публикации в партийной периодической печати, автор реконструирует и анализирует либертарные проекты ведущих отечественных леворадикальных течений (анархистов, левых неонародников и большевиков), рассматривает попытки реализации указанных проектов в социально-революционной практике, дает свое объяснение исторического успеха авторитарно-централистской традиции в российском обществе.

Для преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей общественно-политической мысли России.

ISBN 978–5–91326–050–5

ББК Ф69(2 Рос)

© В.П. Сапон, 2008

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2008

...Мне чудится, что бурным ходом
Идет приливная волна.
Конец тюремным низким сводам,
В тюрьме разрушена стена.
Судьба России всем народом
Теперь должна быть решена.
Крепчает, воет непогода,
Но ум Рабочего – маяк.
В Земле и Воле – жизнь народа.
Опять душить не сможет мрак.
Все заново, и всем – Свобода.
Да будет так! Да будет так!

*Из стихотворения К. Бальмонта
«Земля и Воля»*

Введение

В период всесторонней радикальной «переоценки ценностей» в российской гуманитарно-научной сфере, которая осуществляется в последние полтора-два десятилетия, одним из наиболее дискуссионных стал вопрос об *истоках и смысле* отечественного революционного движения, о когерентности свободы как цели социального развития и революции как средства достижения указанной цели. В 1990-е годы сомнению подвергалась сама обоснованность использования традиционного для советской историографии термина «революционно-освободительное движение». По убеждению сторонников указанной «ревизионистской» концепции, суть освободительного движения составляет борьба за буржуазные преобразования, поэтому только *буржуазное* движение в противовес *социалистическому* и *коммунистическому* может претендовать на эпитет «освободительного»¹. Два последних, в свою очередь, являлись всего лишь «революционными», но никак не освободительными². Таким образом, историографические стереотипы ушедшей эпохи нам предлагают без специального анализа заменить соответствующими аналогами новой эпохи с той разницей, что прежде самым прогрессивным классом считался *пролетариат*, а сейчас место «гегемона» в исторических трудах заняла *буржуазия*.

Между тем, принципы историзма и научной объективности настоятельно обязывают использовать открывшиеся в постсоветский период возможности как фактологического, так и методологического характера, для того чтобы без гнева и пристрастия – насколько это возможно – исследовать различные аспекты политической истории России XX века, в том числе и правомерность противопоставления революционного и освободительного движений. Это тем более актуально, что *буржуазное, социалистическое и коммунистическое* течения представляют собой активных участников современных политических процессов в России, да и революции разных «колеров» совершаются в нашем ближайшем геополитическом окружении с методичным постоянством.

Еще одной важной проблемой, не только исторической, но и политологической, является вопрос о вкладе таких разнородных акторов, как партийно-политические элиты и социальные низы (массы, трудящиеся, народ), в динамику общественно-преобразовательных процессов. Если в отечественной историографии доперестроечного периода общепринятым являлся тезис о ведущей роли трудящихся масс, направляемых большевистской партией, в развитии и углублении Великой российской революции* и созидании советского строя, то в наше время можно выделить целый веер подходов к указанной проблеме: от обоснования концепции о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном», до попыток выявить рационально-самобытные и автономные потоки русской народной революции, отличные от партийно-интеллигентских схем и замыслов. На наш взгляд, историческая справедливость требует, чтобы «культ личностей» (выдающихся политических деятелей, лидеров партий, изобретателей новых альтернатив общественного прогресса) в истории был дополнен признанием высокого статуса *масс*, незлитных слоев общества, как подлинного субъекта политики, как мощной и вполне самостоятельной революционной силы, способной не только к сопротивлению угнетению и эксплуатации со стороны властей предрешающих, но и к созидательному и организованному устройству новых политических и социально-экономических форм жизнедеятельности. При этом, по нашему мнению, следует исходить из приоритета именно *сознательных, рациональных* начал в деятельности народных масс, даже в период глубоких общественно-политических кризисов, каким являлась Великая российская революция, поскольку в противном случае, т.е. при явном доминировании иррационально-хаотических схем социаль-

* Обоснование понятия «Великая российская революция» см. на с. 8–9.

ного поведения, наше общество давно деградировало бы и скорее всего прекратило суверенное существование. Одним из таких более или менее сознательных начал было стремление россиян, объединенных в различные социальные группы, к воле, свободе как одной из системообразующих ценностей индивидуальной и коллективной жизни.

В западной историографии давно уже существует термин *libertarian* (*либертарный, либертаристский*), который в какой-то степени перекликается с русскоязычным понятием «освободительный». На наш взгляд, для изучения проблем общественной свободы (и методов ее практической реализации) в дискурсе отечественной леворадикальной мысли и социально-массовых практик использование иноязычного термина и его производных является вполне оправданным и более продуктивным, чем соответствующего исконно русского аналога (например, очень неуклюже звучали бы неологизмы типа «освобожденчество» или «освобождизм»). Понятие «либертаризм» совсем недавно вновь появилось в рабочем словаре российских гуманитариев, поэтому в начале нашего исследования не обойтись без дополнительных пояснений.

Идеологический либертаризм (в английском варианте: *libertarianism*) может иметь самые разнообразные идеологические корни: религиозные и атеистические, индивидуалистические и коллективистские, революционаристские и эволюционистские. Основной принцип, объединяющий либертаристов разных толков, звучит так: «Каждый свободен в своих действиях настолько, насколько он не нарушает равной свободы других людей»*.

Одной из ключевых проблем в данном идеологическом феномене является отношение к политической власти в целом и к институту государственности в частности. В своем крайнем теоретическом проявлении либертаризм выливается в анархизм, т.е. абсолютное отрицание государственности и политической власти. Такие **радикальные либертариисты**, в свою очередь, подразделяются на *анархо-рыночников*, защитников свободного от любых ограничений рынка и частной собственности, и *левых анархистов*, стоящих на позициях социалистического/коммунистического коллективизма.

* Можно эту мысль выразить и по-другому: «Моя свобода – в свободе и радости других». Именно этот девиз был отпечатан на членских билетах Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, одним из секретарей которой являлся А.А. Карелин. См. также: Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика. – Челябинск, 2004. – С. 2.

Умеренные либертариисты признают анархию как отдаленный общественный идеал, но при этом предусматривают необходимость сохранения на переходный период централизованных политических структур, не стесняющих общественную свободу: «минимального государства» (*либералы*) или федерации самоуправляющихся территориальных и производственных объединений (*сторонники либертарно-социалистических учений*). В нашем исследовании анализируется именно либертарно-социалистическая составляющая российской леворадикальной идеологии рассматриваемого периода.

Таким образом, в нашей трактовке *под социалистическим либертаризмом (социал-либертаризмом) понимается совокупность теоретических разработок и социально-политических практик, нацеленных на освобождение как личности, так и коллективов от различных видов социального угнетения и эксплуатации*. Наиболее существенными интенциями леволибертаристского социального проекта являются:

- стремление к уравниванию интересов личности и общества, конвергенция индивидуалистических и коллективистских начал в общественной жизни;

- ликвидация политического угнетения в обществе посредством распределения властных полномочий в широких слоях трудящихся (отсюда вытекает и фактическое признание, а не только декларативное провозглашение, ведущей роли народа в социально-политических процессах);

- устранение самой возможности эксплуатации человека человеком за счет обобществления средств производства и передачи реального контроля над производством и распределением материальных и духовных благ в руки самих производителей;

- эволюционное развитие общества в течение достаточно длительного периода от антибуржуазной революции до осуществления принципов антиавторитарного (либертарного) социализма.

Стоит особенно подчеркнуть, что либертаризм российских левых радикалов в своих фундаментальных теоретических проявлениях вовсе не был равнозначен апологии *анархии*, которая в обывательском понимании является синонимом социальной стихии, дезорганизации и всеобщего произвола. Выступая против всеобъемлющей роли централизованно-бюрократического государства в жизни российского общества, представители социалистического лагеря предлагали собственные социально-организационные альтернативы, предусматривавшие определен-

ное политическое и социально-экономическое структурирование общественного организма не только «по горизонтали», но и «по вертикали». В этом отношении многие отечественные идеологи левого направления и соответствующие организации, не выступая против принципа власти вообще, не являлись анархистами. Однако в их воззрениях отчетливо просматриваются либертаристские мотивы, поскольку они критически относились к государственно-бюрократическим формам организации общества, ратуя за последовательное вытеснение их неформальным народным самоуправлением.

В свою очередь, революционное движение социальных низов также носило *либертарный* характер в том смысле, что рабочие, крестьянские, солдатские, разночинские массы стремились к *освобождению* от разных форм экономического, политического, социального угнетения и эксплуатации со стороны «верхов»: непосредственного начальства, государства, работодателей-капиталистов и т.д. Либертарные представления и действия народных масс далеко не во всем совпадали с концептуальным либертаризмом левопартийных элит, нацеливаясь своим острием против полуфеодальных и капиталистических форм общественной жизни, но в то же время не «дотягивая» до социализма марксистов, неонародников и анархистов. Российские левые без достаточных оснований принимали коллективизм и антибуржуазность рабочих и крестьян за проявления их естественной классовой склонности к социалистическим и коммунистическим отношениям в обществе, и подобная социологическая аберрация провоцировала постоянные трения между «верхами» и «низами» революционного движения, особенно после прихода вчерашней леворадикальной оппозиции к власти.

Реальной организационной основой либертаризма (как сформулированного в теориях левых – от марксистов до анархистов, так и реализованного в практике революционных масс) в период Великой российской революции 1917–1918 гг. стала система *народно-трудовой демократии*, которая предполагала распределение властных полномочий в широких массах эксплуатируемого населения, т.е. среди подавляющего большинства членов общества. В этой связи следует определить наше, авторское, понимание понятия «демократия», поскольку оно в зависимости от условий осуществляемого политического дискурса имеет множество неоднозначных смыслов³. Как справедливо указывают Р.К. Баландин и С.С. Миронов, «изначально оно толковалось как народовластие. Но вот образовались страны «буржуазной демократии», которые гордятся своими свободными, всеобщими демократическими выборами. В то же

время они не скрывают, что для победы на выборах требуется иметь мощнейшую финансовую поддержку. Но если побеждают на подобных выборах только ставленники богатеев, то эту систему власти следует называть плутократией (от «плутос» – богатство)⁴. Поскольку «плутократия», т.е. власть богатейших, предпочитает называть свое правление демократическим, постольку эта подмена понятий повлекла за собой создание тавтологической словесной конструкции «народная демократия» (буквально: «народное народовластие»).

Итак, в используемом нами контексте *под народной демократией* понимается такая форма общественно-политического устройства, в рамках которой фактическая власть принадлежит не элитарному меньшинству (пусть даже оно декларативно управляет «в интересах всего общества»), а численно преобладающему большинству народных масс или политическим силам, представляющим интересы трудящегося народа (неэксплуататорских слоев населения). (При этом всегда существует угроза превращения «слуг народа» в новую правящую элиту, неподконтрольную массам, что произошло, например, в советском государстве и его историческом преемнике. Поэтому с закономерным постоянством в человеческом сообществе происходят народные бунты и полномасштабные революции.) Таким же образом рассматривалась демократия и в проектах организации политической и хозяйственной жизни российского общества, разрабатываемых различными политическими партиями и организациями революционной России.

Демократия в концепциях левых радикалов не носила «безграничный», всеобщий характер, поскольку все они признавали необходимость – по крайней мере в эпоху революции и Гражданской войны – «поражения в правах» эксплуататорских классов. Круг полноправных субъектов политической и экономической власти в контексте «трудовой» или «народной» демократии имел разные очертания в концепциях различных левых течений, что было обусловлено особенностями партийно-программных постулатов и способностью лидеров к адекватному анализу политической ситуации⁵.

Хронологическими рамками нашего исследования являются февраль 1917 – осень 1918 гг. В этот период осуществляется *Великая российская либертарная революция*, содержанием которой стали глубокие преобразования в социальных отношениях, политической системе, экономике России. Именно в это время вчерашняя империя в условиях лавинообразной демократизации всех сфер общественной жизни превратилась в гигантский полигон для реализации разного рода либертарных

проектов. Крестьяне, в преддверии Октябрьского переворота приступив к самочинно-активному разрешению аграрного вопроса, как раз к осени 1918 г. завершают так называемую «общинную революцию», в соответствии со своими мирскими традициями перераспределяя землю и создавая органы сельского самоуправления. Рабочие, не питая иллюзий насчет классового сотрудничества с буржуазией, активно участвуют в создании органов советской власти, берут под контроль предприятия и расширяют поле производственной демократии до тех пор, пока гражданская война и угроза экономического краха не заставили в конце 1918 г. вновь обратиться к испытанным средствам единоначалия и централизованного управления. Многопартийность, которая пышным цветом расцвела после крушения самодержавия, оставалась реальным феноменом политической жизни и в послеоктябрьской России, ограничившись в пределах советского хартленда (т.е. территории, управляемой Советами) левыми партиями и их беспартийными группами поддержки. Только к осени 1918 г., когда органы советской власти всех уровней были в основном «зачищены» от ненадежных и небезопасных для большевиков левоэсеровских союзников, когда в течение многомесячных «акций» против анархистов и эсеров-максималистов удалось на время устранить угрозу «третьей революции», ленинская партия пока еще не превращается в монополярную правительницу, тем не менее «значительный отрезок пути к однопартийной диктатуре большевиков к тому времени был пройден»⁶. 1917–1918 гг. и в доктринальном плане представляются единым хронологическим периодом, поскольку в то время многие очевидцы (этот подход отражен также в ряде современных исследований⁷) воспринимали свержение царского самодержавия, большевистский переворот, первые радикальные социально-экономические и политические преобразования советской власти как этапы последовательного революционного процесса. «Значительное меньшинство – если не большинство – партии [большевиков] в это время (т.е. на рубеже 1917–1918 гг. – В.С.), кажется, определенно придерживались той точки зрения – одинаково ревностно отстаиваемой меньшевиками и эсерами, – что революция еще не вполне прошла буржуазную стадию и, следовательно, еще не созрела для перехода к социализму, – писал известный британский историк Э. Карр. – С этой точки зрения Октябрьская революция была лишь продолжением и углублением Февральской, не отличаясь от нее ни принципами, ни целью»⁸.

В советской историографии история развития российской революции в 1917–1918 гг. анализировалась в рамках марксистско-ленинской

историко-материалистической концепции: ведущей силой политических процессов считался рабочий класс, а авангардной партией – большевики, которые поначалу вынуждены были энергично бороться за влияние на массы, но в конечном итоге нейтрализовали «непролетарские» партии, как умеренно-социалистические, так и левомаксималистские, и одержали стратегическую победу. В эпоху «диктатуры пролетариата» партия большевиков становится единственной выразительницей интересов рабочих и других трудящихся, естественным центром формирующейся советской политической системы⁹. Именно РКП(б) направляет классово-«диктаторскую» деятельность рабочего класса, используя в качестве «приводных ремней» между Советами и народом разного рода общественные демократические организации. В свою очередь, решающий вклад в дело вооружения большевиков действенной теорией массовой политики и тактикой продвижения радикально-революционных идей в широкие социальные слои внес В.И. Ленин, вернувшийся в Россию в апреле 1917 г. и решительно перестроивший работу своей партии. Согласно ироничному замечанию американского историка Роберта Сервиса, «в СССР малейшее непочтение к исторической троице “Ленин, партия и массы” расценивалось как еретическое, и реальная дискуссия была возможна только по второстепенным вопросам»¹⁰. В таком ключе были написаны работы, посвященные как партийным проблемам¹¹, так и проблемам участия различных социальных классов и групп (в первую очередь, рабочих¹², крестьян¹³, рядового состава вооруженных сил¹⁴) и их демократических организаций (Советов¹⁵, фабзавкомов¹⁶, профсоюзов¹⁷, крестьянских¹⁸ и солдатских¹⁹ комитетов) в бурных событиях, последовавших за Февралем и Октябрем. При этом в процессе зарождения и развития советской историографии интересующей нас проблематики можно выделить ряд периодов.

На начальном этапе развития советской исторической науки (1917–середина 1920-х гг.) главные усилия историков-марксистов (стоит добавить: ленинцев) были направлены на идеологическую борьбу с представителями оппозиционных политических течений, представленных так называемыми *дворянской* и *буржуазной* историографическими школами. В этот период происходит последовательное накопление источниковой базы, а также выработка общеметодологических канонов исследовательской работы на основе теоретических работ В.И. Ленина и ряда других идеологов большевизма. В период Гражданской войны и в первые послевоенные годы выходит значительное количество изданий, в основном агитационного и научно-популярного характера, которые

стремится доказать решающую роль трудовых масс, вдохновляемых и возглавляемых ленинской партией, в российском революционном процессе, закономерным и неизбежным рубежом которого стал Октябрьский переворот.

Глава Советского правительства не только снабдил официальных историков методологическими установками, но и оказал немалую помощь в институционализации научного направления, основным объектом исследований которого стала Октябрьская революция и реализация социалистического проекта в России. В частности, В.И. Ленин проявлял заботу о сборе печатных материалов, посвященных революции, как председатель Совнаркома принимал личное участие в создании советской архивной системы²⁰. В 1920 г., в соответствии с декретом СНК, учреждается Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт), первоначально при народном комиссариате просвещения. Разветвленная система Истпарта, включавшая соответствующие филиалы на местах, а также ряд центральных печатных изданий (журналы «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Летопись революции» и др.), оказала неоценимую услугу не только правящей партии, но и последующим поколениям исследователей, введя в научный оборот значительный объем документальных и мемуарных материалов, опубликовав десятки обстоятельных статей о событиях «пролетарской революции».

В первое послеоктябрьское десятилетие, когда еще не были выработаны «универсальные» методологические правила по изучению советской политической истории начального периода, существовал определенный плюрализм исследовательских подходов и оценок. В этом плане показательна оживленная дискуссия между членом Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцким и ведущим историком-большевиком М.Н. Покровским по проблемам марксистской интерпретации российской истории, которая развернулась в 1922 г.²¹ Определенный дуализм намечается и в оценках роли анархистских организаций в русской революции – между авторами-марксистами и авторами-анархистами, которые имели возможность публиковаться в легальных изданиях еще и во второй половине 1920-х гг. В работах А.А. Карелина, А.А. Борового, Д.И. Новомирского, А.М. Атабекина и других авторов отстаивается тезис об идеологической и организационной самостоятельности российского анархистского движения в революционном процессе, рассматриваются различные проекты либертарно-социалистических преобразований в

России, альтернативные «диктатуре пролетариата»²². В свою очередь, обществоведы-марксисты, преуменьшая самооценку анархизма как идеологии и социально-политического движения, в лучшем случае считали анархистов мелкобуржуазными союзниками большевиков в борьбе с самодержавием и буржуазным режимом²³. В этот же период в статьях и книгах дифференцированно оценивается идеология и тактика левых эсеров²⁴.

Наряду с книгами и статьями, освещающими отдельные аспекты партийно-политической истории указанного периода, на разных этапах развития советской историографии появляются фундаментальные труды, которые задают общий исследовательский тон и методологические установки. В частности, во второй половине 1920-х годов одним из наиболее основательных и авторитетных трудов стал двухтомник «Очерки по истории Октябрьской революции» (М.–Л., 1927), выпущенный под редакцией М.Н. Покровского. Если до тех пор история 1917 года представляла в исследованиях советских ученых только в виде хроники, то авторы 2-го тома «Очерков» предприняли попытку комплексного рассмотрения «всех отдельных уголков исторического процесса»²⁵ в период с Февраля по Октябрь, как в столице, так и в провинции России. Но все богатство исторических фактов авторы сборника свели к «Ленинской схеме» и методологически ограничили себя положением о том, что при всем многообразии форм основное содержание политических процессов в указанный период было «вполне предвидено, и предвидено правильно», поэтому «историку Октябрьской революции не приходится выступать... в роли верховного судьи, решающего, кто был прав, кто был неправ в своих попытках руководить массами»²⁶.

С конца 1920-х годов начинается процесс официального (теперь уже не научного, а партийно-государственного) оформления форм и рамок функционирования советской исторической науки. Выходят постановления ЦК ВКП (б) и статьи партийных лидеров, в которых резко сужается диапазон исследований и авторских интерпретаций различных аспектов революционной истории России²⁷. Однако процесс сталинистской трансформации историографии русского революционного процесса далеко не сразу завершился унификацией исследовательских подходов и оценок: историки хотя и ставят в центр событий партию большевиков, но при этом еще имеют возможность положительно отзываться и о других леворадикальных партиях и организациях. В частности, В.Н. Залежский в 1930 г. пишет, что «борьба анархистов против буржуазного государства и Временного правительства являлась рево-

люционной и фактически помогла большевикам в деле подготовки Октябрьской революции...»²⁸. Другой видный партийный историк Б.И. Горев в это же время подчеркивает политическую и идеологическую *самостоятельность* анархистов, которые после Февраля, а также на ранней стадии Октября «развили довольно большую пропагандистскую и агитационную (митинговую и литературную) деятельность, составляя, в отличие от большевиков, по целому ряду принципиальных и практических вопросов революции свои анархистские лозунги и задачи»²⁹.

Окончательное переоформление советской исторической науки в духе государственно-партийных догм происходит в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.), одобренного Центральным комитетом правящей партии. В главе VII, освещающей период с апреля 1917 г. до июля 1918 г., отмечалось, что уже после подавления корниловского выступления происходит распад анархистского движения на «мелкие группки», которые либо занялись разными видами уголовщины, либо «перекочевали открыто в лагерь контрреволюционеров». Анализ социально-политической доктрины идейных антигосударственников исчерпывался одной фразой: «Все они были против всякой власти, в том числе и особенно – против революционной власти рабочих и крестьян, так как были уверены, что революционная власть не даст им грабить народ и расхищать народное имущество»³⁰. Что касается левых эсеров, то они, согласно интерпретации авторов «Краткого курса», возникли как течение и сотрудничали с партией Ленина исключительно под давлением крестьянских масс, «определенно сочувствовавших большевикам», однако после заключения Брестского мира и создания комбедов «"левые" эсеры, все больше отражая интересы кулачества, подняли мятеж против большевиков и были разгромлены Советской властью»³¹. В кратких выводах к указанной главе звучит чеканная формулировка, ставшая в СССР историографической догмой на несколько десятилетий: «Соглашательские партии эсеров и меньшевиков, анархисты и прочие некоммунистические партии завершают свое развитие: все они становятся буржуазными партиями уже перед Октябрьской революцией, отстаивающими целостность и сохранность капиталистического строя. Партия большевиков одна руководит борьбой масс за свержение буржуазии и установление власти Советов»³². Более «фундаментально» указанные сюжеты были раскрыты в книгах и статьях Е. Ярославского, В. Парфенова³³ и др.

Новый этап в развитии историографии комплекса проблем, связанных с революционной ролью партии большевиков, ее левых союзников-соперников, а также освободительным движением социальных низов, начинается в связи с началом кампании борьбы с «культом личности» И.В. Сталина и в преддверии 40-й годовщины Октябрьской революции. По выражению Б.М. Витенберга, период хрущевской «оттепели» стал «счастливым для историков-дебютантов временем», когда, «пожалуй, впервые в советскую эпоху стало возможным открыто обсуждать важнейшие проблемы новейшей истории страны, а исследователи получили возможность работать с большей частью ранее почти совершенно недоступных документальных материалов»³⁴. Именно в этот недолгий отрезок времени наряду с продолжателями прежней историко-партийной традиции появляются ученые, которые приступают к творческой, хотя идеологически вполне лояльной, ревизии историографического наследия³⁵. В исследованиях представителей так называемого *нового направления* – П.В. Волобуева, В.И. Старцева, В.П. Данилова, А.Я. Авреха, К.Н. Тарновского, Э.Н. Бурджалова и др. – осуществляются попытки расширения официально санкционированных канонов освещения революционного процесса в России, творческого переосмысления проблемы участия различных социальных и политических сил в отечественной истории первой четверти XX века.

В это же время продолжается «экстенсивное» развитие историографии российской многопартийности в эпоху революций 1917 г. и Гражданской войны в духе марксистско-ленинской (или даже сталинской) ортодоксии. Например, в 1958 г. выходит первое обобщающее научное исследование на тему «Развитие рабочего класса и крестьянства в СССР» (М., 1958). Интересующий нас хронологический период рассматривался в статьях П.Н. Соболева (подготовка и осуществление Октября) и Ф.В. Чебаевского (эпоха Гражданской войны и иностранной интервенции). Авторы сборника в целом разделяли и развивали концепцию о закономерном и последовательном расширении союза городских и сельских тружеников под эгидой ленинской партии. Во 2-й половине 1950-х – в 1960-е гг. выходит в свет большое, по сравнению с предыдущим периодом, количество работ о деятельности леворадикальных попутчиков большевиков на этапе борьбы с Временным правительством и создания советской государственности³⁶.

Новый импульс исследованиям начального этапа революционно-политической истории Советского государства придала подготовка к празднованию 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистиче-

ской революции и 100-летнего юбилея В.И. Ленина. Подлинной энциклопедией Февральской и Октябрьской революций, а также последовавшей эпохи советизации России, стал трехтомный труд академика И.И. Минца «История Великого Октября»³⁷. В фундаментальном исследовании выдающийся советский историк со всей возможной для своего времени объективностью описал основные потоки российской революции: рабочий, солдатский, крестьянский, партийный, при этом в последнем случае уделяя достаточно пристальное внимание не только большевикам, но и левым эсерам и анархистам. Обобщающий труд И.И. Минца, при всей его официально-методологической заданности, не потерял своей исторической ценности и через несколько десятилетий после выхода в свет.

В конце 1960-х годов происходят революционные выступления рабочих и студентов во Франции и ряде других стран Западной Европы, в ходе которых проявился повышенный интерес бунтарей нового поколения к идеологии российских левых радикалов начала века. Этот внешний фактор послужил в конце 1960-х – в 1980-е гг. дополнительной веской причиной для более интенсивного профессионального освоения указанной темы в исследованиях советских ученых-обществоведов. Часто именно с целью идеологического противодействия западным политическим конкурентам марксизма-ленинизма в Советском Союзе выходят статьи, монографии и обобщающие труды, посвященные «разоблачению» «контрреволюционной» сущности разного рода «непролетарских» «мелкобуржуазных» партий/организаций прошлого, в том числе левых эсеров, максималистов и анархистов³⁸. Эти работы были основаны на принципе презумпции мелкобуржуазности и вытекающей из этого революционной непоследовательности указанных политических течений, поэтому левонароднические и анархистские концепции преобразования российского общества на началах неавторитарного социализма не стали объектом самостоятельного серьезного анализа.

Редкими исключениями из общего правила стали кандидатская диссертация и монография казанского историка Н.В. Пономарева, которые целиком посвящены критике максималистской (в широком смысле) концепции власти³⁹. Этот исследователь оценивает степень утопичности или реалистичности программных положений леворадикальных течений с помощью понятия «максимум», которое коррелируется с конечными целями соответствующих партийных образований. В этом смысле, согласно оценке Н.В. Пономарева, анархо-коммунизм является «самым «максималистским» из всех ультралевых течений. Анархо-коммунизм

совершенно не признает никаких переходных стадий, требует немедленной отмены государства и установления анархо-коммунистического строя.

Другая разновидность анархизма – анархо-синдикализм представляет собой течение, идейный «максимализм» которого уже заметно ограничен. Анархо-синдикалисты, решительно отвергая государство, признают, однако, определенную организацию общества, а именно – руководство обществом со стороны профсоюзов.

И, наконец, следующая группировка – максимализм – имеет еще более низкий уровень «максимальности», ибо признает государство. И тем не менее это течение не выходит за пределы критерия «максимум», поскольку та «Трудовая республика», которую максималисты требовали провозгласить немедленно, являла бы собой весьма отдаленную ступень человеческого развития»⁴⁰. В целом, намечая достаточно плодотворную схему сравнительного исторического и политологического анализа различных концепций власти, разработанных в рамках отечественной леворадикальной мысли, автор приходит к заранее запрограммированным выводам: в левонароднических и анархистских политических доктринах он видит только проявления утопизма, иллюзорности, абсурдности, научной несостоятельности и негативизма⁴¹.

Новый этап идеологической либерализации в нашем обществе и в сфере гуманитарных исследований начинается в период «перестройки», когда, по выражению известного историка Г.З. Иоффе, «советская история все больше и больше превращалась в ристалище, втягивая в «сражения» не только тех, кто находился на «историческом фронте», но и широкие образованные круги»⁴². В первых научных и научно-популярных работах указанного периода заполнение «белых пятен» и «переоценка ценностей» происходит в рамках марксистской традиции, но уже с учетом все более расширяющихся возможностей, открытых кампанией «гласности»⁴³. В 1990–2000-е годы параллельно с кардинальными преобразованиями экономических и социально-политических отношений в нашей стране происходят не менее масштабные подвижки и в сфере гуманитарных исследований. Поскольку марксистско-ленинская методология, потерявшая свою тотальную обязательность, была подвергнута остракизму даже недавними ее горячими адептами, на вооружение принимается методологическое оснащение вчерашних западных научных оппонентов⁴⁴. Многие российские историки начинают творить фактически в русле историографических направлений, разработанных на Западе. В целом диапазон интерпретаций российских

революций 1917 г. и Гражданской войны, а также роли партий в указанных процессах, оказался весьма широким: от традиционно-марксистского до квази-фрейдистского⁴⁵.

В частности, по мнению В.П. Буддакова, автора известной книги «Красная смута» (1997 г.), «революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной; «революционерами» сделались все»⁴⁶. А.В. Антонов-Овсеенко, ссылаясь на «мыслящих свободно и глубоко» невропатологов и психиатров, отождествляет большевизм с психопатией⁴⁷. Что же касается «стихийности»^{*} русской революции, то она, по убеждению этого исследователя, была обусловлена ведущей ролью одетых в шинели крестьян, которые после ужасов окопной войны «готовы были сместь любую власть, как бы она ни называлась»⁴⁸. В то же время он обоснованно подчеркивает, что «масштабы этих ужасающих всплесков буйства были не так уж велики. Сознательные революционеры находились везде – в солдатских полках, в красногвардейских отрядах, в командах кораблей»⁴⁹.

В отличие от предыдущих авторов, признающих ведущую роль социальных низов в революционном процессе, А.А. Арутюнов описывает события 1917–1918 гг. в своеобразно элитистском ключе. Например, согласно его концепции, «3–4 июля (1917 г. – В.С.) большевики **вытащили на улицы рабочих, солдат и матросов** путем подкупа (выделено нами. – В.С.)», а в преддверии Октябрьского переворота опять-таки подкупленные «**большевистскими ультра**» на немецкие деньги «**наемные “революционеры” – матросы, солдаты и красноармейцы** – напивались до потери рассудка и готовы были совершить любые действия против “эксплуататоров”, свергнуть Временное правительство»⁵⁰. При таких подходах повода для рассуждений об осмысленной концепции власти большевистской партии и ее левых соратников, тем более либер-

^{*} Слово «стихийный» (т.е. «неорганизованный, без правильной организации, руководства» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990. – С. 766) хотя и является одним из наиболее излюбленных в словаре исследователей Великой российской революции, на наш взгляд, далеко не всегда адекватно характеризует указанные процессы (поэтому мы будем писать его с кавычками). Очень часто процессы политического самоопределения и самоорганизации социальных низов были «стихийными» только в том смысле, что они осуществлялись независимо от официальных властей или разного рода партийных элит. См., напр.: Седов А.В. Февральская революция в деревне. – Н. Новгород, 1997. – С. 58; Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне в России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С. 137.

тарных составляющих этой концепции, уже не остается. В лучшем случае можно услышать только полуриторический вопрос: «Провозглашая свои лозунги, думал ли он (В.И. Ленин. – В.С.) о реальной власти «рабочих и крестьян», о свободе и благосостоянии народа?...»⁵¹

Достаточно убедительный ответ на этот вопрос можно найти в работах отечественных обществоведов-марксистов, которые в постсоветский период получили возможность заниматься научной деятельностью без оглядки на официально-партийные директивы. В частности, известный российский историк Е.Г. Плимак в одной из свежеезданных книг отмечает, что «свободу», *политическую демократию, завоеванную Россией в первой фазе революции 1917 г. (т.е. в Феврале), нужно отличать от демократии социальной, «о которой больше всего пеклись большевики на подходе к Октябрю, настаивая на выполнении... “непреложной программы” народа...»*⁵². Отсюда следует, что, в отличие от *ограниченной* Февральской революции, Октябрь представлял собой *кардинальнейшую ломку всей системы прежних общественных отношений*⁵³, принося принципы традиционной политической демократии в жертву принципам демократии социально-политической. По разделяемому нами мнению Е.Г. Плимака, именно всеобъемлющий характер Октябрьской революции, вызванный «отчасти требованиями и нуждами широких масс, отчасти соображениями утопической социалистической доктрины большевиков, отчасти давлением обстоятельств (голод в городах, разруха, саботаж и мятежи свержаемых классов и партий)»⁵⁴, стал причиной острого политического и социально-экономического кризиса в стране, предопределившего авторитарную трансформацию советской власти.

В рамках марксистского историографического направления в несколько ином свете описываются также сюжеты, связанные с политической и идеологической деятельностью левых эсеров и эсеров-максималистов. Например, нижегородский исследователь неонародничества А.В. Медведев в своих работах отмечает наличие в программе эсеров положений народнической идеологии, реформистского марксизма и анархо-синдикализма⁵⁵. Политические цели левых фракций неонародничества нижегородский исследователь описывает следующим образом: «левые народники настаивали на максимальной демократизации Советского государства, его децентрализации, автономии местных Советов, противясь политике большевиков на укрепление центральной власти и государственной дисциплины. Максималисты утверждали, что в Советах не должно быть руководства партий. Левые же эсеры надеялись со временем взять Советы под свой контроль»⁵⁶. По убеждению

А.В. Медведева, федералистско-синдикалистские «схемы» левых эсеров, а также их политических наследников – народников-коммунистов и революционных коммунистов, – «имели планы на будущее»⁵⁷. Как в работах историков-марксистов, так в современной отечественной историографии в целом признается самостоятельное социально-политическое значение левозероградской модели социалистической демократии, ее *теоретическая* привлекательность, и в то же время констатируется невероятная сложность или даже невозможность ее *практического* применения в условиях гражданской войны⁵⁸.

В последние 10–15 лет вышло значительное количество исследований, посвященных идеологическим и политико-организационным аспектам деятельности российских анархистов⁵⁹. Новые методологические подходы к исследованию политической теории отечественного анархизма намечаются в фундаментальной работе С.Ф. Ударцева «Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность» (Алматы, 1994), одна из глав которой посвящена исследуемому нами периоду. Известный советский анархист-теоретик объектом своего исследования сделал не декларативный политический нигилизм приверженцев «полного уничтожения власти», который носил преимущественно пропагандистский характер, а совокупность конструктивных политологических идей в анархизме, подразумевавших «обоснование необходимости дифференцированного отношения к разным формам и проявлениям власти, различение в этом явлении естественных и «искусственных», общественных и государственных начал, специализации, разделения властей, многообразия отношений власти и подчинения»⁶⁰. Нельзя не согласиться с выводом С.Ф. Ударцева о том, что анархизм, несмотря на его противоречивость, «следует рассматривать как тип политического сознания, способный к определенному развитию, самокритике, интеграции элементов иных политических теорий, исторической адаптации и являющийся своеобразным полюсом развивающегося общественного сознания»⁶¹.

Из последних работ на тему «анархизм и русская революция» стоит отметить книгу А.В. Шубина с многозначительным названием «Анархия – мать порядка. Между красными и белыми» (М., 2005). Столичный анархист-теоретик осуществляет успешную попытку конструктивного освещения заявленной в заглавии проблемы, несмотря даже на отсутствие четко сформулированных методологических и терминологических установок⁶². Он отмечает идеологическое родство большевиков, левых неонародников и анархистов – оказавшихся в той или иной степени

«радикальными и демократическими коммунистами» – на этапе борьбы с буржуазным политическим режимом и первых послеоктябрьских преобразований⁶³. Оценивая последующий конфликт между левыми радикалами, А.В. Шубин рассматривает как историческую альтернативу «диктатуре пролетариата» коалицию левых эсеров и анархо-коммунистов после гипотетического падения большевиков. «Сколько бы она продержалась – другой вопрос. Но в любом случае эта коалиция была бы ближе к идеалам анархизма, поскольку левозеро́вская мысль эволюционировала в направлении умеренных анархо-синдикалистских идей»*, – резюмирует автор анарховедческого исследования.

Плодотворно и основательно над проблематикой, которую мы называем *либертаристской***, работает профессор Омского педагогического университета А.А. Штырбул. Он вполне обоснованно указывает на «первую Советскую власть» как период относительной ограниченности центральной власти и широкой автономии местных органов самоуправления. (При этом носителей идей коммунализма омский историк справедливо видит не только в анархистах, но и в *революционных социалистах*, в том числе и в радикальных марксистах.) Нельзя не согласиться и с тем, что такая ситуация несла в себе как положительные, так и отрицательные аспекты. «С одной стороны, – пишет А.А. Штырбул, – шло развитие социального творчества масс на местах и обеспечивался учет местных условий. С другой стороны, появилась определенная неразбериха, несогласованность; зачастую имел место неучет общероссийских интересов»⁶⁴. В конечном итоге, по справедливой оценке омского ученого, основными причинами прекращения либертарного эксперимента («совершенствования коммунализма и федерализма») в революционной России стали эскалация широкомасштабной Гражданской войны, а так-

* В связи с этим вспоминаются слова американского политолога Майкла Паренти о «чистых анархистах», которые «отвергают советскую модель, но предлагают мало свидетельств того, что были возможны другие пути, что другие модели социализма, созданные не воображением, а историческим опытом, могли бы выжить и работали бы лучше». См.: Паренти М. Левый антикоммунизм // Революция. – 2002. – № 5. – С. 2–3.

** Сибирский историк в данном случае использует понятие *коммунализм*, под которым подразумевает «систему управления, сводящую к минимуму власть центрального правительства и способствующую максимальному развитию местного самоуправления» (Штырбул А.А. Идеи и практика коммунализма: исторический опыт и перспективы // Государство и общество: философия, экономика, культура: Доклады и выступления. – М., 2005. – С. 183).

же «объективная невозможность в то время, при том социально-экономическом и культурном уровне общества и в той геополитической обстановке «отменить государство с сегодня на завтра» и установить анархический безгосударственный коммунистический строй в 1918–1921 гг.»⁶⁵. Стоит отметить и оригинальный подход А.А. Штырбула к хронологии рассматриваемой эпохи. Согласно его концепции, революционные события в России явились частью «первой и пока что единственной в своем роде Мировой антиимпериалистической революции 1917–1923 гг. (курсив А.А. Штырбула. – В.С.)»^{66*}.

Таким образом, к настоящему времени в современной отечественной историографии Великой российской революции 1917–1918 гг. введен в научный оборот, исследован и обобщен – в самых разных методологических и историсофских преломлениях – огромный фактический материал. В течение десятилетий в научной литературе скрупулезно рассмотрены самые разные идеологические комплексы, степень их влияния на общественные процессы в нашей стране и мире⁶⁷, однако при этом либертарно-социалистическая модель чаще всего либо сужалась до рамок «чистого» анархизма, либо обозначалась – как во времена «марксистско-ленинского» монизма, так и в эпоху «либерального» плюрализма – как ненаучная и исключительно утопическая, либо просто отодвигалась на обочину исследовательского процесса. На наш взгляд, такой подход не является плодотворным ни с теоретической, ни с практической стороны, поскольку многие социальные проблемы оказались неразрешимыми в рамках разного рода «передовых» идеологий и политехнологий, в связи с чем постулаты неавторитарного социализма получают новый шанс пройти путь «от утопии к науке» и практике.

В западной историографии сложилось две основные парадигмы исследования революционных событий в России 1917–1918 гг. На протяжении первых десятилетий развития западной советологии в ученых кругах США, Великобритании и других капиталистических стран преобладали ярко выраженные идеологические подходы, в соответствии с которыми коммунистов трактовали как группу заговорщиков-якобинцев и приписывали им такие черты, как: фанатическая вера в спасительную силу революции; произвольное отождествление чаяний и интересов од-

* Говоря о политическом руководстве в этом «первом в истории мировом антиглобалистском движении», сибирский ученый опять-таки обоснованно выделяет – применительно к России – роль коммунистов и анархистов. См.: Штырбул А.А. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н.э. – II тысячелетие н.э.); Монография. – Омск, 2006. – С. 315, прим. 102.

ной партии с чаяниями и интересами всего народа; вера в то, что новый тип человека может быть сформирован посредством идеологической обработки со стороны государства⁶⁸. На основе указанных постулатов сформировалась историографическая традиция так называемой *политической истории*, представители которой в качестве движущей силы общественных процессов рассматривали преимущественно политические элиты, в первую очередь, партийные, а рабочим, солдатам и крестьянам отводили роль малосознательной ведомой массы⁶⁹. При этом на роль «дирижера», как правило, выдвигался объект партийной специализации того или иного историка. (В частности, известный американский анархист Пол Аврич (Эврич) (Paul Avrich), призывая не преувеличивать роль идейных антигосударственников в июльском кризисе 1917 г., в то же время не преминул отметить, что «вместе с рядовыми большевиками и радикалами анархисты действовали как оводы, жали солдат, моряков и рабочих и тем самым побуждая их к неорганизованному мятежу (выделено нами. – В.С.)»⁷⁰.) Что касается трактовки целей, задач и методов ленинской партии, в работах советологов, причем не только указанного направления, можно встретить прямо противоположные знаки: от признания достаточно демократичной и либертарной сущности большевизма⁷¹ до обвинения в имманентном авторитаризме, ненасытном властолюбии и узурпации государственной власти⁷². При этом наблюдалось полное единодушие по одному ключевому вопросу: об исторической роли лидера РСДРП(б) В.И. Ленина. «Практически все на Западе, – пишет Р. Сервис, – и тогда (т.е. в 1917 г. – В.С.) и позднее сходилось во мнении, что без него не было бы Октябрьской революции. Его незаменимость рассматривалась как аксиома»⁷³.

В рамках парадигмы *социальной* или *ревизионистской истории*, которая сложилась на Западе уже в 1960–1970-е годы, социальные низы рассматриваются как субъект революционных процессов, имеющий свои осознанные классовые цели и институты народной демократии, посредством которых осуществлялась массовая политика, независимая как по отношению к официально-государственным структурам, так и к партийным элитам⁷⁴. В описании представителей данного направления спонтанное, т.е. не санкционированное политическими элитами, движение «нижних классов» носило ярко выраженный *либертарный* характер и имело вполне организованные формы. «То, что последовало за крахом самодержавия, – считал известный британский историк Эдвард Х. Карр, – было не столько раздвоением власти (двоевластием), сколько полным ее рассредоточением. И рабочие, и крестьяне, и вообще большая часть

населения, скинув чудовищное бремя, испытывали чувство огромного облегчения, всем страстно хотелось только одного – иметь возможность заниматься своими собственными делами, как им того хочется, считая это самым главным и осуществимым. Это было массовое движение, вдохновленное утопическими мечтами об освобождении человечества от оков высшей деспотической силы и невероятным энтузиазмом (выделено нами. – В.С.)»⁷⁵.

По мнению историков-ревизионистов, большевики сумели завоевать массовые симпатии и захватить власть именно потому, что их радикальные декларации в наибольшей степени соответствовали умонастроениям социальных низов, жаждавших кардинального улучшения своей жизни и готовых к решительным действиям. Таким образом, согласно указанной трактовке, усиление политических позиций большевиков в 1917 г. было обусловлено вовсе не фундаментальной сверхэффективностью марксистско-ленинской идеологии, стратегии и тактики, а умением трансформировать партийную линию в соответствии с политической конъюнктурой, способностью к творческим заимствованиям у других революционных течений. Например, по мнению Эдварда Х. Карра, «этот всеобщий протест против власти казался большевикам прелюдией к осуществлению их мечты о новом общественном строе; они не хотели, да и не могли сдерживать недовольство народа»⁷⁶. Еще определенной высказался другой британец, автор монографии «Антибольшевистский коммунизм», Пол Мэттик. По его оценке, «Русская революция не зависела от Ленина или большевиков, ее решающим элементом стало восстание крестьян»⁷⁷. Более того, даже в городах ленинцы не были ведущей силой в конфликте между капиталом и трудом, поскольку рабочие «в своих требованиях и действиях шли далеко впереди большевиков». «Не Ленин руководил революцией, а революция руководила им»⁷⁸, – к такому оправданному, на наш взгляд, выводу пришел британский исследователь. Объясняя успех большевиков в борьбе с Временным правительством, известный американский историк Филип Помпер указывал, что «только Ленин и Троцкий оказались столь проникательными, чтобы создать собственные или позаимствовать у эсеров и анархосиндикалистов правильные лозунги для масс, а также дать направление разрозненным средствам насилия, которые оказались в распоряжении масс в ходе Первой мировой войны»⁷⁹.

Эта же ситуация, по мнению западных авторов, была характерна и для первых послеоктябрьских месяцев, когда большевики и их соратники еще только приступили к созданию структур советской государ-

ственности. В частности, П. Мэттик полагает, что вплоть до НЭПа в России в определенных формах продолжался коммунистический эксперимент, что следует приписывать не Ленину, а «тем силам, которые сделали из него политического хамелеона, принимающего то реакционный, то революционный цвет»⁸⁰. «Рабочий контроль, – пишет А. Мейер, как бы развивая мысль своего британского коллеги, – демократический централизм и народное государство – все эти идеалы и институты были отброшены в беспощадной борьбе за выживание. На смену короткому «медовому месяцу» Октябрьских дней пришел «героический период» революции, известный как Военный коммунизм»⁸¹. О «медовом месяце» во взаимоотношениях советского правительства и социальных низов (в первую очередь – рабочего класса) пишут Э.Х. Карр, Дж. Хоскинг, И. Дойчер и др. По их мнению, «диктатура пролетариата» потеряла свое реальное классовое содержание после того, как во второй половине 1918 г. большевики начинают отстранять рабочих от непосредственного контроля над промышленным производством, а власть Советов заменять однопартийной диктатурой»⁸².

Ряд западных историков вполне обоснованно пытаются примирить указанные направления советологии, призывают отказаться от «ложной противоположности» (*false polarity*) *политической и социальной истории*. «1917 год, – считает американский исследователь Р. Сервис, – лучше всего постижим через сочетание двух типов анализа. Так, события на вершине российской политики формировали то, что происходило на нижних уровнях общества; однако это же общество развивало идеи и формы деятельности независимо от политиков и партий. Это был процесс динамичного взаимовлияния.

Таким образом, политика имела значение. Ленин воспользовался своим шансом, а Керенский упустил свой. Большевицкая идеология апеллировала к «массам», и партия большевиков провела энергичную кампанию за власть и революцию. Однако не следует упускать из виду, что соответствие между политикой большевиков и устремлениями масс никогда не было полным и всегда было роковым»⁸³.

На наш взгляд, именно комбинация различных научных подходов, которая позволит изучать как «верховые», партийно-политические, так и «низовые», массовые, аспекты революционного процесса, даст историкам возможность более или менее объективно и полномасштабно воссоздать картину революционных событий 1917–1918 гг.

На протяжении многих десятилетий исследование истории России, в том числе и революционных проблем, осуществлялось в рамках офици-

ально освященной монополии *формационной* методологии, что значительно сужало познавательные возможности советской историографии. «Если бы наша страна не обладала социальной спецификой, – пишет современный российский исследователь Б.Н. Земцов, – в этом не было бы большой беды, но эта специфика была. Используя же понятийный аппарат всеобщей истории... выявить специфику (понять суть исторического процесса) не представлялось возможным»⁸⁴. Мы отнюдь не склонны отказываться в нашем исследовании от основных принципов исторического материализма. Однако при анализе взаимоотношений партийно-политической элиты и «низов» российского общества, а также при оценке сформулированных различными партиями стратегических перспектив развития России, на наш взгляд, вполне оправданно использование элементов *цивилизационного* подхода. При этом речь идет, с одной стороны, о *крестьянской* цивилизации, которая определяла хозяйственную и культурную жизнь нашей страны на протяжении многих столетий, а с другой – об *индустриальной* цивилизации, классическая модель которой сложилась в новое время на Западе и с XIX века стала не без сильных внешних влияний внедряться в России. За указанными альтернативами развития российского общества стояли различные социальные силы, представленные различными политическими направлениями, в том числе и партийными. В частности, ортодоксальные марксисты «лоббировали» именно западноевропейский тип *индустриальной* цивилизации. Как указывает российский историк М.И. Леонов, «для построения социализма они считали необходимым преодолеть, ликвидировать российскую патриархальность; российской традиционной крестьянской культуре путь в социализм был заказан»⁸⁵. Социальной базой марксистского западничества стали промышленные рабочие и техническая интеллигенция. Народнический подход, которым руководствовались анархисты и эсеры, заключался в стремлении синтезировать в рамках социалистической концепции ценности крестьянского общинного мира в сельском хозяйстве и ценности индустриальной модернизации в городе. Эти идеи получили поддержку как у крестьян, так и у городских слоев, не потерявших связи с деревней. «Эсеровский социализм (можно было бы сказать – народнический, имея в виду также и анархистов. – В.С.), пишет М.И. Леонов, – был основанием крестьянско-индустриального, а пролетарский социализм – индустриального пути развития России (выделено нами. – В.С.)»⁸⁶.

Глобальные цивилизационные установки различных политических сил определяли и более частные элементы их идеологических концеп-

ций, в частности, взгляды на оптимальную модель организации власти в обществе. Как отмечал В.М. Чернов, «государственный централизм состоит в прямом родстве с капиталистической индустрией, с ее экономической концентрацией и централизацией, государственная децентрализация и федерализм более соответствуют сущности трудового земледельческого хозяйства, развивающегося в высшие формы путем кооперативизации, а кто говорит «кооперация», тот говорит – автономия, децентрализация и федерализм»⁸⁷. При этом нужно иметь в виду ряд особенностей дифференциации партийных программных установок по цивилизационному принципу. Во-первых, можно говорить лишь об опосредованном представительстве интересов крестьянства или пролетариата в идеологии левых партий, поскольку движущей интеллектуальной силой политического процесса являлись интеллигенты, которые и формировали классовые «лики» партийной системы сквозь призму своих «сословных» представлений и предубеждений*. Во-вторых, цивилизационные типы как в социально-экономической, так и партийно-политической сферах в рассматриваемый период существовали лишь в смешанных видах: например, федералисты-анархисты отнюдь не выступали против определенных форм централизации в производстве и политике, а централисты-большевики в аграрной стране были вынуждены пойти на уступку принципам федерализма и децентрализации.

В работе над монографией автор опирался как на опубликованные, так и на неопубликованные источники, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые. В целом все эти источники можно разделить на следующие основные группы:

1. *Произведения ведущих теоретиков леворадикальных течений, а также источники партийного происхождения: протоколы, постановления и резолюции большевистских, левозеровских и анархистских организаций разных уровней – от общепартийного до уездного. Значи-*

* В этой связи уместно привести высказывание известного американского историка Оливера Рэдки. «Народники, – пишет он в книге «Аграрные противники большевизма», – любили противопоставлять свой широкий “народный социализм” узкому “индустриальному социализму” своих соперников (т.е. марксистов. – В.С.). Однако беспристрастный исследователь знает, что интеллигенция полностью господствовала в обоих социалистических течениях и что ни крестьяне, ни рабочие не были хозяевами в своих собственных “домах”» (Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries. February to October 1917. – New York: Columbia University Press, 1958. – P. 19).

тельный массив подобного рода документов был опубликован в революционную эпоху и переиздан в наше время⁸⁸, тем не менее, огромное их количество находится в фондах местных архивов. Сведения о деятельности леворадикальных партий и организаций, их взаимоотношениях в 1917–1918 гг. содержатся в ряде архивов, в том числе в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО) (в ф. 1 (Нижегородский губком РКП(б)), ф. 11 (Семеновский уком РКП(б)), ф. 34 (Сормовский комитет РСДРП(б), ф. 1866 (Испарт) и др.); в Государственном архиве Владимирской области (например, в коллекции документов, папках 14, 102), в Государственном архиве Воронежской области (ГАВорО): ф. II-214 (Воронежский губернский комитет ПСР).

2. *Документы официального делопроизводства Временного правительства, Совнаркома, а также Советов и других общественных организаций.* Как известно, большевики и их леворадикальные союзники приняли активное участие в организации и деятельности органов народной демократии – Советах, фабзавкомах, профсоюзах, а также революционных комитетах, которые превратились в эффективные механизмы борьбы с буржуазным политическим режимом, а после Октябрьского переворота стали на какое-то время основой новой государственности. В этой связи значительный объем интересующей нас информации был извлечен из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): ф. 1791 (Главное управление по делам милиции МВД Временного правительства), ф. Р-1235 (ВЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), ф. Р-1236 (Петроградский ВРК), ф. Р-382 (Наркомат труда РСФСР), ф. Р-472 (Центральный совет фабрично-заводских комитетов); Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО): ф. 2209 (Нижегородская губернская ЧК), ф. 1678 (Нижегородский губернский ревтрибунал), ф. 2507 (Сормовский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), ф. 1102 (Нижегородский губернский совет рабочих и солдатских депутатов); Государственного архива Владимирской области (ГАВО): ф. Р-24 (исполком Владимирского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), ф. Р-25 (Александровский уездный исполком (УИК)), ф. Р-35 (Юрьев-Польский УИК); Государственного архива Воронежской области (ГАВорО): ф. Р-10 (исполком Воронежского губернского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) и др.

3. *Периодическая печать и агитационные материалы.* Важнейшим средством разработки леворадикальных идеологических комплексов и внедрения их в массовое сознание стали партийные газеты и журналы, а также листовки и прокламации указанного периода. В ходе работы над исследованием автор изучил материалы целого ряда большевистских («Правда», «Коммунист» (Москва), «Рабоче-крестьянский нижегородский листок»), левонароднических («Максималист», «Трудовая республика», «Наш путь» (Петроград); «Знамя труда», «Знамя трудовой коммуны», «Воля труда» (Москва)), анархистских («Свободная коммуна» (Кронштадт), «Анархия» (Москва), «Буревестник», «Голос труда», «Вольный голос труда» (Петроград), «Под черным знаменем» (Нижний Новгород)) и других периодических изданий.

4. *Источники личного происхождения.* Важным дополнением источниковой базы исследования революционно-идеологической и организационно-практической деятельности левых радикалов в рассматриваемый период послужили воспоминания, письма, дневники непосредственных участников событий, в первую очередь партийных идеологов и организаторов. Автор использовал, в частности, соответствующие опубликованные документы, авторами которых были видные левые социал-демократы В.А. Антонов-Овсеев, А.А. Богданов, М.Я. Лацис, А.В. Луначарский, Ф.Ф. Раскольников, Н.Н. Суханов, А.Г. Шляпников, анархисты В.М. Волин (Эйхенбаум), Н.И. Махно и др.

Совокупность указанных источников дает, на наш взгляд, достаточный фактологический материал для того, чтобы описать процесс революционного преобразования России в 1917–1918 гг. не только как попытку радикального разрешения наболевших материальных проблем, но и как набирающий силу, но так и не заверченный прорыв к новым, более свободным и справедливым отношениям в человеческом сообществе.

* * *

Автор выражает искреннюю признательность за доброжелательную и заинтересованную помощь в сборе материалов для монографии д.и.н. Г.В. Набатову (ННГУ), д.и.н. А.А. Штырбулу (ОмГПУ), к.и.н. В.П. Суворову (ТвГУ), к.и.н. Я.В. Леонтьеву (МГУ), О.В. Григорьевой (Нижегородская центральная городская библиотека им. В.И. Ленина), А.А. Федюхину (ГАРФ), Н.И. Абдуллаевой (ГАРФ), Г.А. Деминовой (ЦАНО). Special thanks to Samuel T. Robino, Master of Arts in History (the University of Missouri) & Juris Doctor (Ohio Northern University).

Глава 1. Анархисты: «Анархия – наша цель, Революция – наш лозунг»⁸⁹

1.1. Февральская революция, анархисты и органы самочинной демократии

В советской анарховедческой историографии возрождение и поступательное развитие политического анархизма после свержения самодержавия связывалось преимущественно с неоформленностью классовой структуры отечественного пролетариата и незрелостью политического самосознания отдельных его слоев, с расширением «социальной базы для мелкобуржуазных шатаний в рядах рабочего класса»⁹⁰. В некоторых современных изданиях также указывается, что на новом историческом этапе агитации анархистских активистов поддавались лишь наиболее несознательные в политическом отношении слои рабочих и солда⁹¹.

По нашему мнению, социальные предпосылки внедрения анархистских идей и политических практик в революционное российское общество носили более масштабный характер. Еще сто лет назад их вполне адекватно описал социал-демократ Ст. Иванович в статье «Анархизм в России и борьба с ним», опубликованной в журнале «Современный мир» (1906 г.). Этот автор, в частности, справедливо указал на противоречие между объективным *буржуазным* характером русской революции, которая должна привести к господству буржуазии, и субъективной *антибуржуазностью* ведущих сил революции, что выражается в массовом отторжении буржуазных ценностей в сознании россиян, в низвержении «буржуазных идолов»⁹². «Таким образом, – пишет Ст. Иванович, – национальные и интернациональные условия развития объективно буржуазной революции создают в сознании довольно широких масс активных участников ее чрезвычайно сильные психологические предпосылки для решительного и энергичного субъективного отрицания ее. Нейтрализовать эти психологические предпосылки могло бы только высоко развитое политическое сознание, учитывающее всю сложную и запутанную систему социально-политических и психологических противоречий нашей революции, выводящее за скобку общее, окончательный итог всех данных чрезвычайно сложной социально-политической

формулы, именуемой российской революцией. Наоборот, слишком много явлений хотя бы из жизни социал-демократической партии указывает нам на то, что даже в руководящих верхах ее уровень этот чрезвычайно низок»⁹³. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: «русский пролетариат достаточно уже сознателен, чтобы оценить и возненавидеть социально-политическую культуру достигшей власти буржуазии, но еще недостаточно сознателен для того, чтобы понять, что мимо этой культуры, мимо организованной и планомерной эксплуатации ее в целях своего освобождения ему не пройти. А это и есть та почва, на которой могут хорошо произрасти всякого рода анархистские злаки вроде синдикализма, «прямого действия», «анархо-социализма», разных видов отрицания политической борьбы и т.п. и т.п.»⁹⁴. Кроме того, отмечает автор, особую восприимчивость к анархизму демонстрирует деклассированная интеллигенция, и «неудивительно, что у нас в этой среде анархизм делает успехи и будет их делать в еще большей мере, когда огромная масса мешанства, втянутого в капиталистический водоворот и сокрушенная им, станет в лице своих сыновей и дочерей выделять широкие кадры деклассированной интеллигенции»⁹⁵.

Статья Ст. Ивановича, написанная за 11 лет до Февральской революции, оказалась пророческой: в 1917 г. трудящиеся массы России не приняли проектов вестернизации, которые предлагались отечественными «западниками» (куда следует отнести не только либералов, но и «догматических» марксистов), и предпочли вариант некапиталистической модернизации. В политической сфере это означало достаточно быструю эволюцию от буржуазно-парламентарной технологии власти, импортированной в Россию «просвещенными сословиями», к отечественной технологии народной («общинной», «советской») демократии, которая после ликвидации самодержавно-бюрократического пресса широко используется «трудовым классом» для решения всего комплекса общественных проблем. В этих условиях, как и предвидел вышеуказанный автор «Современного мира», анархо-социалистические лозунги российских «апостолов безвластия» оказались очень актуальными и созвучными либертарным устремлениям народных масс.

Сразу же стоит отметить, что российский политический анархизм и после свержения самодержавия был единым движением только по одному показателю – по принципиально негативному отношению к институту государственности как инструменту насильственной власти меньшинства над большинством. Что же касается конкретных теоретических разработок «на злобу дня», а также моделей практического участия в

революционных процессах, то здесь позиции различных анархистов и анархистских организаций варьировались даже в рамках идеологических «подсистем» (в первую очередь, *синдикалистской* и *коммунистической*) революционно-антиэтатистского идеологического комплекса. В рядах революционных анархистов, так же как и в других левых партиях России, намечается размежевание на *умеренных* и *радикалов*. В частности, анархисты-эмигранты, проживавшие в Женеве, высказали предположение, что «грядущий государственный строй России сложится, вероятнее всего, в виде демократической республики, на федеративных началах»⁹⁶. В Иркутске 10 марта состоялось организационное собрание местных приверженцев безвластия, на котором большинство высказалось за поддержку новой революционной власти⁹⁷. А Московская федерация анархических групп фактически заявила о нейтралитете по отношению к Временному правительству, при условии, что оно не будет противодействовать организации революционных масс и пропагандистской деятельности анархистов. Одновременно с этим московские антигосударственники призвали пролетариат «обосновываться» в своих классовых организациях с целью непосредственного давления на буржуазию⁹⁸.

Тем не менее, преобладающим признаком теории и практики возрождающегося в России анархистского движения становится бескомпромиссный радикализм, с каждым новым этапом революции приобретающий все более максималистские формы. Прошло буквально несколько дней после отречения Николая II от престола, а в анархистской листовке, выпущенной в Лозанне, уже анализируется расклад общественно-политических сил в России после Февральской революции и делается прогноз о неминуемом углублении народной революции вплоть до коммунистического переворота⁹⁹. Российская буржуазия, вынашивающая планы империалистической экспансии, использовала массовый

революционный подъем в стране, чтобы отстранить от власти «германофильский» царский режим и развязать себе руки для более эффективного осуществления аннексионистской политики, – отмечали лозаннские эмигранты-анархисты. Добившись своей политической цели – захватив правительственную власть, «гучковско-миллюковская коалиция» стремится остановить дальнейшее развитие революции, ограничить ее рамками буржуазного государственного переворота. «Обмануть народ обещанием ему самых широких, чуть не республиканских политических реформ, и использовать его для своих, чуждых и враждебных

народу целей, с тем чтобы потом, когда эти цели будут достигнуты, отобрать обратно данные в момент острой нужды «свободы» и вернуться к старому порядку – такова тактика гучковско-миллюковского блока в этой первой стадии поднимающейся вновь русской Революции»¹⁰⁰. Однако, по убеждению авторов лозаннской листовки, правление империалистической буржуазии – это лишь кратковременный исторический этап, поскольку «русский народ восстал.. не для того, чтобы обеспечить Миллюковым и Гучковым владение Константинополем, не для того, чтобы вырвать у них лживый призрак политических «свобод», а для того, чтобы уничтожить всех Гучковых и Миллюковых, чтобы положить конец преступной братоубийственной войне, чтобы разбить вековые оковы Капитала и Власти, стерев с лица земли капиталистический строй. Русский народ поднялся для Социальной Революции, для полного освобождения от какого бы то ни было экономического и политического гнета»¹⁰¹. Таким образом, российские эмигранты-антигосударственники, подобно известным большевистским лидерам, фактически сформулировали лозунг перманентной революции в масштабах вчерашней Российской империи – революции, которая «на этот раз уже больше не остановится, которая сметет всех Гучковых и Миллюковых, перешагнет через их головы и осуществит коммунистический переворот»¹⁰².

Впрочем, идеологические акценты анархисты и большевики в этот период расставляют по-разному: если для В.И. Ленина социалистическая революция является перспективной *целью* следующего исторического этапа, то анархисты главную задачу дня видят в том, чтобы *объективно существующую* «социалистическую народную Революцию» не дать превратиться в «буржуазный государственный переворот», а затем уже содействовать ее эволюции в коммунистическом направлении.

Вышеуказанная радикальная стратегия революционной политики диктует анархистам и конкретные приемы борьбы. За месяц до публикации ленинских «Апрельских тезисов» «вечные и непримиримые противники Капитала и Власти» уже объявляют бессмысленной и бесполезной тактику «толкания буржуазии влево» и призывают «толкать пролетариат влево, чтобы он столкнул буржуазию в пропасть (выделено в подлиннике. – В.С.)»¹⁰³. С этой точки зрения, не только Временное правительство и Учредительное собрание не являются институтами освобождения народа, поскольку представляют собой компромисс с буржуазией относительно новых политических форм капиталистической эксплуатации, но и «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, если только он не примет последовательно-максималистической, антикапи-

талистической программы действий, невзирая на всю свою внешнюю революционность, не осуществит освобождения трудящихся классов»¹⁰⁴. Таким образом, в отличие от основной массы революционных партий и организаций, уже в первые недели «эпохи свобод» для анархистов вопрос об *условной поддержке* стоит не по отношению к органам «официальной» демократии, а по отношению к Советам, которые могут облегчить трансформацию российского государства в федеративный союз самоуправляющихся коммун, но, тем не менее, являются органами централизованной власти. «Параллельное сосуществование двух централизованных правительств, – отмечалось в одной из анархистских листовок, – несмотря на очевидное преобладание революционного правительства, глубоко ненормально и опасно для Революции. Ближайшей задачей Русской революции является ее немедленное освобождение от власти какого бы то ни было центра, ее полная децентрализация, с Социальной Революцией как идейно объединяющим лозунгом (выделено нами. – В.С.)»¹⁰⁵.

Ультрарадикальные цели и тактика анархистов выделяют их из общих рядов революционно-демократических партий, и сами сторонники безвластия это прекрасно осознают. Социалисты и демократы ведут борьбу за власть, кроме того, они ошибочно считают наступившую народную революцию буржуазной и призывают к сотрудничеству с эксплуататорами, поэтому в анархистах они видят своих врагов. Определенное исключение представляют большевики, призывающие к дальнейшему углублению социальной революции, однако, по мнению анархистов, и эта часть социал-демократии «не до конца последовательна и... двойственна, ибо, помимо социалистической концепции, она держит про запас еще и другую, буржуазную. Она в принципе не отказывается от программы-минимум и, в случае неудачи Социальной Революции, тоже очень легко примирится с буржуазными демократическими реформами, которые обеспечат ей в будущем возможность классового сотрудничества с буржуазией в рамках относительно свободной Государственности (выделено в подлиннике. – В.С.)»¹⁰⁶. На этом минималистском фоне только приверженцы анархизма представляют собой подлинных выразителей народных нужд и интересов – таков был подспудный смысл анархистского патологического анализа.

Не ограничиваясь декларативными рассуждениями и заявлениями, российские наследники Бакунина и Кропоткина с первых дней Февральской революции приступают к практическому воплощению своих социальных планов, пытаются создать островки протоанархии в рамках

реальной политической практики. По обоснованному мнению тверского историка В.П. Суворова, в первые дни новой революционной эпохи антигосударственническое политическое течение проявило себя на уровне анархистов-одиночек¹⁰⁷. Например, в Твери видную роль в демонтаже структур самодержавного режима и создании новых органов власти сыграли анархисты Г.Е. Волнухин и Е.В. Градосельский. (Последний вскоре даже станет помощником начальника милиции г. Ржева¹⁰⁸). В г. Осташкове Тверской губернии революционную активность проявили местные анархисты-коммунисты во главе с М.И. Ивановым, который в начале марта вошел – наряду с социал-демократами и эсерами – в местный Временный исполнительный комитет¹⁰⁹. В Торжке солдат А.С. Колесников, он же – бывший уфимский рабочий-анархист, принимал активное участие в организации солдатского комитета своей воинской части и стал его первым председателем¹¹⁰.

Позднее в различных городах и населенных пунктах появляются немногочисленные поначалу *группы* сторонников безвластия, которые организуют «партийные» клубы, заводят свои газеты и журналы и приступают к энергичной массовой агитации идей анархо-социалистической революции. Один из наиболее известных анархистских центров разместился в столичном пригороде Озерки на даче бывшего царского министра П.Н. Дурново, самочинно захваченной революционными массами на начальном этапе Февраля*. «Дача Дурново» в первые месяцы революции станет своеобразным барометром массовых настроений и одним из символом социально-политического максимализма стремительно набирающей обороты русской революции. Опираясь на свои воссозданные организационные структуры, анархистские активисты по всей стране проводят лекции и митинги на предприятиях и в воинских частях, участвуют в публичных диспутах с оппонентами из более умеренных партий (каковыми оказались все остальные политические партии, кроме эсеров-максималистов), предлагают массовому читателю многочисленные переиздания классиков анархизма. Как отмечал советский историк Е.М. Корноухов, после Февраля «анархисты имели благоприятные условия для своей деятельности: широкую социальную

* На бывшей даче Дурново разместились не только Петроградская федерация анархистов-коммунистов и организация близких им по духу эсеров-максималистов, но также профсоюз булочников, комиссариат рабочей милиции 2-го Выборгского подрайона, правление профсоюзов Выборгского района и рабочий клуб «Просвет». См.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. – 2-е изд. – М., 1990. – С. 288, прим. 1.

базу и небывалую свободу организации и пропаганды»¹¹¹ – вероятно, поэтому идеологический вес анархизма в русской революции намного превзошел реальные организационно-политические силы идейных противников государственности.

«Смычку» с массовым движением анархисты стремятся осуществить и другими способами – занимая и расширяя плацдармы во вновь образующихся органах общественной и производственной демократии – в Советах, профсоюзах, фабрично-заводских комитетах и т.п.

Нельзя не согласиться с мнением тех историков, которые в стремительном построении общероссийской системы Советов после свержения самодержавия увидели проявление спонтанного революционного творчества пролетариата и других слоев трудящихся, прибегнувших к политическим технологиям прямой демократии для того, чтобы без посредников отстаивать свои классовые интересы. «Повсеместно, – пишут авторы книги «Пролетариат в трех российских революциях» (М., 1987), – Советы становились властью, опирающейся «на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью» (В.И. Ленин). Трудящиеся стремились к решительному искоренению создававшейся веками системы бюрократического централизма. Это сознавали все политические партии. Ни одна из них не была нейтральна по отношению к этому процессу»¹¹². Органы прямой демократии трудящихся, создававшиеся фактически по бакунинскому сценарию, вполне оправданно отождествлялись в глазах «цензовых» элементов и их партий как проявления подлинной «анархии», по этой же причине они стали центрами притяжения для тех, кто отстаивал анархию как общественный идеал.

Уже 7 марта 1917 г. на заседании рабочей комиссии Исполкома Петросовета представитель петроградских анархистов-коммунистов выразил надежду, что его соратники получат представительство в столичном Совете рабочих и солдатских депутатов и сумеют «вложить свои идеи и борьбу на благо многомиллионной России»¹¹³. В этот раз анархисты натолкнулись на отпор со стороны советских лидеров в лице Н.С. Чхеидзе, однако со временем они все-таки вошли в состав городских и ряда районных Советов Петрограда и Москвы, причем – по мере разочарования трудящихся масс в политике умеренно-социалистических партий – доля анархистской советской «фракции» в целом по стране даже возрастает¹¹⁴. В 1917 – начале 1918 г. анархисты получили представительство и в провинциальных советских органах (в частности, в Красноярске, Иркутске, Одессе, Харькове, Кронштадте, Гельсингфорсе, Ревеле, Вы-

борге, Осташкове, Бежецке, Александровске (Владимирской губернии) и других городах)¹¹⁵. При этом в ряде городов идейные антигосударственники не только входили в руководство Советов¹¹⁶, но и возглавляли их¹¹⁷.

Возникает вопрос, не оказалось ли участие анархистов в деятельности структур, которые после демонтажа самодержавной монархии представляли собой одну из опор нового политического режима, нарушением базовых принципов революционного антигосударственничества¹¹⁸? В действительности идейные поборники безвластия имели все основания считать «децентрализованные» Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов одним из воплощений бакунинско-кропоткинского социального проекта, в котором контроль над обществом и производством в ходе социальной революции получают трудящиеся, а институционализация этого контроля происходит методом спонтанной прямой демократии «снизу вверх». Вероятно, именно по этой причине, а не в силу политического конформизма, анархистские группы, даже те, которые поначалу не разглядели в Советах «классовых организаций» пролетариата, через своих делегатов стали активными участниками советской политики.

Колебания анархистов, да и других левых фракций революционного движения, были не в последнюю очередь обусловлены политическими зигзагами столичного Совета рабочих и солдатских депутатов, который со временем все больше превращался из органа классовой самоорганизации трудящихся в орган центральной государственной власти. Именно эту ипостась формирующейся советской системы анархисты подвергают принципиальной критике, независимо от характера – умеренно-социалистического или большевистского – правящей партии или партийной коалиции. Если в дни июльского кризиса анархисты обвиняют «полубуржуазный и полусоциалистический» Петроградский совет в том, что он при содействии Временного правительства помогает буржуазии «душить русскую революцию»¹¹⁹, то и в ноябре 1917 г. из рядов идейных антигосударственников прозвучали опасения по поводу превращения Совета в верховный орган власти и его «меньшевистского» перерождения, поскольку после захвата власти «большевики уже бьют отбой, и они не оправдают надежд наших ни на мир, ни на социалистический переворот»¹²⁰.

Еще один полем битвы за политическое влияние на массы оказались органы производственной демократии. Российские рабочие, «захватным» методом бравшие под контроль производство и распределение на

своих предприятиях, действовали в полном соответствии с тактическими постулатами революционного синдикализма. Более того, имея право решающего голоса в производственных вопросах, фабзавкомы со временем превращаются во все более влиятельный субъект большой политики, поэтому анархисты, так же как другие левые партии и организации, прилагают максимальные усилия, чтобы превратить самочинные органы рабочей демократии в свою «политическую армию»¹²¹. Вполне логично, что из рядов идейных антигосударственников наибольший интерес к движению фабзавкомов проявили анархисты-коммунисты и анархисты-синдикалисты. Аполוגеты анархизма приняли самое активное участие как в организации низовых рабочих комитетов на предприятиях¹²², так и в работе форумов, объединивших движение фабзавкомов на региональном и общероссийском уровнях.

Зачастую фабрично-заводские комитеты создавались в качестве радикального противовеса не только отдельным представителям и организациям капитала, но и другим идеологически более «правильным» и умеренным формам объединения трудящихся, в частности профсоюзам. Например, на Украине профсоюзное движение после Февральской революции оказалось под контролем меньшевиков, зато Центральное бюро фабзавкомов в Харькове изначально стояло на платформе поддержки советской власти, что напрямую связано с руководящей ролью в комитетах синдикалистов и частично большевиков¹²³. «Анархисты и анархосиндикалисты, преобладавшие над социал-демократами в этих организациях, вели ожесточенную кампанию против профессиональных союзов. Их доводы, основанные на печальной практике реформистского профессионального движения Западной Европы и Америки, обычно сводились к тому, что профессиональные союзы во всем мире обанкротились, что обанкротились также их методы работы, революционное содержание профессионального движения давным-давно выветрилось и оно только связывает рабочих в экономической борьбе»¹²⁴. Поскольку променьшевистское руководство украинских профсоюзов не намерено было выходить за рамки «конструктивной оппозиции» и тем более поддерживать идею превращения Советов в полноправные властные органы, постольку именно синдикалистские и большевистские фабзавкомы «во многих местах сыграли роль организующего центра, вокруг которого мобилизовались идеологические и материальные ресурсы сторонников восстания»¹²⁵.

Последовательное размежевание умеренных и радикальных течений наблюдалось и в административном центре страны, который на всем

протяжении революции являлся эпицентром «большой политики». В специальном историческом исследовании, изданном в 1927 г., основные партийные тенденции в фабзавкомовском движении Петрограда описывались следующим образом: «1) *большевистская* ...революционная тенденция к взятию власти пролетариатом, к окончанию войны и к организации и развитию хозяйства на началах национализации, при тесной увязке интересов крестьянства; 2) *меньшевистски-эсеровская*, оборонческая по отношению к войне, соглашательская тенденция к сдаче всех позиций буржуазии, к отказу от политической борьбы, к ограничению экономических завоеваний пролетариата, к ликвидации Советов как носителей революционной власти...; 3) *анархо-синдикалистская*, ультра-левая... тенденция к частичному захвату предприятий, к переходу их в ведение отдельных групп или рабочих союзов, к уничтожению государства и замене его союзом вольных коммун...»¹²⁶. Такая типология оформлена не очень корректно с позиций научной объективности, тем не менее она дает наглядное представление о реальных социальных альтернативах, отстаиваемых различными сегментами российского социалистического лагеря. Вполне точно расставлены и «весовые» категории партий: уже к концу весны большевики, вытеснив «соглашателей» из руководства фабзавкомами, количественно преобладали, а анархисты в этом отношении на порядок уступали ленинцам, хотя зачастую выступали лидерами общественного мнения на многих столичных предприятиях.

Первая конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда проходила с 30 мая по 3 июня 1917 г. Вопреки первоначальным замыслам организационного бюро, конференция не ограничилась обсуждением чисто экономических вопросов – в ходе выступления представителей предприятий выяснилось, что «необходимо существование фабр[ично]-зав[одских] комитетов не только для профессиональной защиты, но и как опорной базы пролетарского движения (курсив подлинника. – В.С.)»¹²⁷. Наиболее решительно этот тезис отстаивали на первой и последующих конференциях анархисты. Считая профсоюзы как организации трудящихся слишком подверженными оппортунизму, а партии – излишне авторитарными, представители петроградских анархистских групп именно в формировании системы фабзавкомов в масштабах всей страны увидели действенный механизм «развития вглубь и вширь революционной борьбы за социализм»*. При этом в своих практических ре-

* Анархист-коммунист И.С. Блейхман подчеркивал революционный приоритет фабзавкомов даже по отношению к Советам, которые ни в одном городе,

комендациях по поводу «конструирования» фабзавкомовского движения приверженцы анархии выступили как политические прагматики, стремясь комбинировать принципы федерализма и централизма. В частности, И. Жук выступил с предложением немедленно создать силами рабочих *контрольные комиссии на всех российских предприятиях промышленности и транспорта* (контроль над лесным и сельским хозяйством призваны были взять *крестьянские комитеты*), а затем объединить их на районном, областном и всероссийском уровнях. По замыслу «красного директора» Шлиссельбургского порохового завода, «такие бюро должны не только отражать в себе всю деятельность предприятий, но должны и направлять эту деятельность в полезном для блага страны направлении»¹²⁸.

На II конференции фабзавкомов Петрограда (7–12 августа 1917 г.) анархист-синдикалист В.М. Волин огласил вариант резолюции, один из пунктов которой гласил: «Необходимо немедленно приступить самым деятельным образом к объединению фабрично-заводских комитетов не только в сильные Центральные советы данного города, но и в дальнейшие центральные органы, которые объединяли бы все промышленные предприятия и далее – крестьянские и солдатские организации более или менее крупных районов и областей...»¹²⁹.

В свою очередь, большевики решительно отвергли официальную формулу, озвученную от имени Временного правительства и Петроградского совета меньшевиком М.И. Скобелевым («контроль демократического государства над промышленностью и равномерное распределение рабочей силы на рынках труда») и выдвинули требование «рабочего контроля», дав законный повод подозревать себя в проанархистских настроениях и действиях. Более того, близкий к большевикам межрайонец Д.Б. Рязанов решительно выступил против запугивания рабочих жупелом хаоса и дезорганизации («не было ни одной революции, где буржуазия не вопила бы об анархии») и назвал отвратительными тех социалистов, которые «вместе с буржуазией кричат об анархии»¹³⁰. Вероятно, именно встречное движение анархистов и левых марксистов на почве либертар-

даже в Кронштадте, не выступили против Временного правительства, но повсюду «шли только под давлением рабочих и солдат». Он же утверждал, что «революции всегда гибли от централизации партий» и призвал «организовываться в свободные федерации и такие же профессиональные союзы» (Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть I. От Февраля к Октябрю. – С. 128–129).

ных ценностей сделало возможной их совместную борьбу против умеренных социалистов в рабочем движении¹³¹.

Базовым объединяющим началом для левых радикалов на данном этапе, независимо от их принципиального отношения к методам организации экономической и политической власти, стала воля наиболее революционных слоев пролетариата, который устами своих представителей на конференциях фабзавкомов заявил, что «[рабочий] контроль необходимо создать снизу, а не сверху, создать демократическим, а не бюрократическим путем» и под силу это только самим рабочим¹³².

В ходе работы I конференции фабзавкомов делегаты высказали свое мнение по четырем проектам резолюции о рабочем контроле, при этом голоса распределились следующим образом: резолюция Организационного бюро (проект Г.Е. Зиновьева) собрала 290 голосов, резолюция «новожизненца» Б.В. Авилова – 13 голосов, меньшевистская резолюция – 72 голоса и резолюция анархиста–синдикалиста И. Жука – 45 голосов. Большевики и синдикалисты фактически образовали блок, который позволил обеим группировкам достичь своих целей на конференции: большевики, включив И. Жука в согласительную комиссию, провели в качестве итоговой зиновьевскую резолюцию «о контроле над производством и распределением продуктов», а тот, в свою очередь, добился принятия ряда своих практических предложений синдикалистского характера¹³³. Поэтому составители сборника «Октябрьская революция и фабзавкомы» (М., 1927) вполне оправданно приплюсовали 45 депутатов, на предварительном этапе проявивших свои анархо-синдикалистские предпочтения, к 290 голосам, отданным в итоге за большевистскую резолюцию Оргбюро, выделяя их в единый революционный фланг.

Вторая конференция фабзавкомов Петрограда, его пригородов и ближайшей провинции состоялась 7–12 августа 1917 г., то есть после VI съезда РСДРП(б), провозгласившего курс на социалистическую (в марксистско-ленинской версии) революцию, поэтому на этом форуме наиболее обсуждаемыми проблемами становятся организация действенного отпора буржуазии со стороны рабочего класса и отношение к власти. Анархисты настойчиво продолжают пропаганду «децентралистских» лозунгов, большевики же все гуще разбавляют отдельные либертарно-популистские высказывания¹³⁴ массовой государственнической риторикой. Большевик Н.А. Скрыпник, в частности, констатируя близость политического краха в буржуазно-демократической России, отметил: «У нас должно быть недоверие к делам государственной власти тогда, когда диктатура буржуазии, но не тогда, когда власть нахо-

дится в руках рабочих и крестьян... Задачи контроля расширились. Теперь на очереди – борьба с буржуазной диктатурой, борьба за социализм»¹³⁵. Другой большевик, В.П. Милютин, резко выступив против поползновений отечественной буржуазии, которая «стремится захватить в свои руки власть для того, чтобы, овладев ею, скрутить рабочих и крестьян», в то же время подверг решительной критике антигосударственное «кустарничество» анархиста В.С. Шатова. «Государственный аппарат, – резюмировал большевистский функционер, – это могучий аппарат, которым мы должны овладеть (выделено нами. – В.С.)»¹³⁶. После того как анархист В.М. Волин предложил убрать из проекта резолюции конференции пункты, касавшиеся перехода власти в руки пролетариата, В.П. Милютин высказался еще более определенно: «Мы не анархисты, и мы признаем, что необходим государственный аппарат и его нужно больше развить (выделено нами. – В.С.)...»¹³⁷.

В подобном же контексте развивалась на II конференции дискуссия о политической роли и взаимоотношениях различных форм рабочего движения. Если анархисты выделяли фабрично-заводские комитеты, созданные революционной инициативой пролетарских низов, в качестве организационной первоосновы будущего вольного общества¹³⁸, то большевики – пока теоретически – встраивают эти органы спонтанной производственной демократии в иерархию организаций (Советы, партии, профсоюзы и фабзавкомы), где руководство политическими процессами должно принадлежать подлинно пролетарской партии, которая призвана завоевать идейное руководство в Советах и профсоюзах, а фабрично-заводские комитеты, в свою очередь, «должны сыграть известную и даже значительную роль в [революционном] движении, но роль эта не будет ни единственной, ни даже первенствующей»¹³⁹. Большевики нацелились на «конструирование» новой вертикали государственной власти, и в этой связи они стремятся упорядочить излишне самостоятельные формы самоорганизации трудящихся¹⁴⁰. Поэтому вполне логично, что фабзавкомам – как наиболее «децентрализованным»

* Идеальную для большевистских лидеров модель «разделения труда» в рабочем движении озвучил Н.А. Скрышник: «...професс[иональные] союзы ведают вопросы экономической борьбы рабочего класса; политические выступления организуют не фаб.-зав. комитеты и не профессион[альные] союзы, а политические партии, что же касается Совета Фабрично-Заводских Комитетов, то он имеет вполне определенную задачу – а именно: *контроль над производством* (курсив подлинника. – В.С.)» (Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть I. – С. 232–233).

структурам – в системе «диктатуры пролетариата» отводились подсобные функции: контролировать на своих предприятиях хозяйственную деятельность, проводить на местах решения профсоюзного руководства и втягивать в профсоюзное движение широкие массы¹⁴¹.

Анархисты предложили либертарную модель «вертикальной» организации нового общества, делая ставку на дальнейшее расширение политической роли низовых ячеек трудовой демократии и характеризуя профсоюзы всего лишь как «посредника между трудом и капиталом, а не борца труда против капитала»¹⁴². В проекте резолюции о рабочем контроле, которую предложил делегатам II конференции фабзавкомов В.М. Волин, именно фабрично-заводским комитетам предназначалась роль движущей силы антибуржуазной революции, а профсоюзам отводились полномочия «исключительно в области неизбежных повседневных столкновений между трудом и капиталом». Волинский проект подчеркивал необходимость тесных взаимосвязей между вышеуказанными отраслями пролетарского движения при неперменном политическом доминировании «организации рабочего класса по предприятиям»¹⁴³. Самочинные органы производственного контроля должны были стать и базовым «строительным материалом» для перестройки общества и народного хозяйства на синдикалистских началах.

В анархистской версии создание новой системы управления выглядело бы как «объединение фабр.-зав. комитетов не только в сильные ЦС (центральные советы. – В.С.) данного города, но и в дальнейшие центральные органы, которые объединяли бы все промышленные предприятия и далее – крестьянские и солдатские организации более или менее крупных районов и областей»¹⁴⁴. В.М. Волин позволил себе отступление от правил «политкорректности»: в пролетарской аудитории, к тому же подпавшей уже под сильное влияние большевиков, он выступил против «диктатуры пролетариата», поэтому его проект резолюции одобрили единицы, однако, когда речь заходила о защите самой перспективы радикальных революционных преобразований от умеренных социалистов, тут анархисты и большевики выступали единым фронтом¹⁴⁵.

Дальнейшим результатом левоблокистской тактики стало практически параллельное увеличение числа представителей большевистской партии и анархистских групп на конференциях фабзавкомов в ходе леворадикализации, если можно так сказать, массовых настроений и спонтанного углубления революционного процесса в стране. Если в первый состав Центрального совета фабзавкомов вошли 19 большевиков, 2 меньшевика, 2 эсера, 1 межрайонец и, по выражению Я.М. Свердлова,

1 «полусиндикалист»¹⁴⁶ (имеется в виду И. Жук. – В.С.), то на Второй конференции в состав ЦС ФЗК, по некоторым сведениям, из общего числа 25 человек были избраны уже 2 анархиста – все тот же И. Жук и В. Шатов¹⁴⁷. Правда, доля партийных анархистов всегда была значительно ниже проанархистски настроенной фракции большевиков, однако причина этого лежала скорее всего в организационной плоскости. «Со своим лозунгом «рабочего контроля», – справедливо полагает американский историк П. Аврич, – синдикалисты сумели получить влияние в фабзавкомках, непропорционально превышающее их численность. Однако, отвергая необходимость создания централизованной партии, они оказались не в состоянии в широких масштабах повести за собой рабочий класс. В итоге именно большевикам, оснащенным не только эффективной партийной организацией, но и сознательной волей к власти, которой недоставало синдикалистам, оказалось под силу добиться лояльности промышленных рабочих в фабзавкомках и профсоюзах»¹⁴⁸.

Положительно отзываясь о фабрично-заводских комитетах как ячейках грядущего самоуправляющегося общества трудящихся, анархисты не отличались единодушием во взглядах на профессиональные союзы. Если И.С. Блейхман в одном из своих публичных выступлений в ноябре 1917 г. фактически поставил крест на профессиональных союзах, а В.С. Шатов назвал их «полными банкротами», примазавшимися к рабочему контролю¹⁴⁹, то А.А. Солонович, напротив, видел в профессиональной организации пролетариев умственного и физического труда «единственный путь проникновения духа в быт, единственное средство воспитания массы, облагораживания ее интересов и, с другой стороны,

* Известный анархо-теоретик В.М. Волин (Эйхенбаум) в своей книге «Неизвестная революция, 1917–1921» признает, что с самого начала революции 1917 г. социалисты разных оттенков выступали как организованные массовые субъекты политики, а анархисты представляли собой «лишь незначительную горстку активистов». По этому поводу он дает следующие пояснения: «Отвергая политические цели и средства, анархисты, следуя логике, не образовывали дисциплинированную политическую партию, стремившуюся захватить власть. Они организовывались в пропагандистские группы, занимавшиеся общественной деятельностью, а затем объединялись в ассоциации или федерации на основе добровольной дисциплины. Этот способ организации привел к тому, что временно они оказались слабее политических партий. Это, впрочем, ничуть их не обескураживало, ибо они работали ради того дня, когда широкие массы осознают – в силу вещей и не без помощи их разъяснительной и просветительской работы – жизненную правду анархической концепции» (Волин В.М. Неизвестная революция, 1917–1921. – М., 2005. – С. 120–121).

оживления и импульсирования духа в горниле непосредственного творчества жизни»¹⁵⁰. При этом в качестве главных целей профессиональных объединений обозначались не только защита интересов различных категорий трудящихся, но и содействие социальному творчеству – «не путем навязывания организации инертной, постоянной политической платформы, а игрой свободных, индивидуальных сил, спаянных единством классовых стремлений»¹⁵¹.

Руководствуясь указанной установкой, отдельные группы анархистов стремятся не только проникнуть в профессиональные объединения, создававшиеся по почину рабочих или по инициативе социал-демократов, но и учреждают собственные профсоюзы на либертаристских началах. Например, 11 апреля 1917 г. в физической аудитории Московского университета состоялось учредительное собрание Федерации работников умственного труда, в подготовке и проведении которого ключевую роль сыграли видные анархисты А.А. Боровой, А.А. Солонович и Л. Черный¹⁵². А.А. Боровой, избранный председателем собрания (товарищем председателя стал член Совета солдатских депутатов

Н.А. Лежнев, секретарем – Е.Е. Святловская), зачитал «Декларацию пионеров объединения умственного труда», в которой ставилась перспективная задача классовой самоидентификации и самоорганизации интеллигенции и перехода ее «от узкой цеховой политики к широкому пролетарскому объединению». «Пришло время, – торжественно провозглашалось в Декларации, – призвать распыленных умственных работников в ряды великой пролетарской семьи, как равноправного брата. Пора бросить не критический взгляд на умственный труд как на группы «внеклассовых интеллигентов», «выходцев», «приживальщиков», «кающихся дворян», не имеющих собственного экономического бытия, живущих отбросами чужой идеологии»¹⁵³. Вышеуказанные анархисты выступили и с основными докладами, которые вызвали живой интерес многочисленной аудитории. Один из докладчиков – А.А. Солонович – наметил общую схему дальнейшей организационной работы: создание разного рода профессиональных союзов работников интеллектуального труда и объединение их в Федерацию (Союз союзов), а также делегирование представителей указанных организаций в Совет рабочих депутатов¹⁵⁴. По итогам прений участники учредительного собрания приняли резолюцию, а затем по предложению председателя избрали комиссию в составе 25 человек для разработки устава новой организации и налаживания связей с другими профсоюзными организациями¹⁵⁵.

В различных профессиональных союзах работников физического труда сторонники безвластия занимали не столь выдающиеся, но все-таки заметные позиции. В частности, на учредительном собрании Петроградского союза кожевников 5 марта 1917 г. было избрано правление из 14 человек, членом которого стал и анархист Лихачев¹⁵⁶. Этот факт особенно примечателен, если указать, что при преобладающем влиянии социал-демократов-меньшевиков в зарождающемся российском профсоюзном движении ни один представитель этой партии не получил места в руководстве указанного профсоюза. Еще более значительную роль играли анархисты в профсоюзах петроградских телеграфистов, металлистов, портовых работников, булочников¹⁵⁷. Под влияние анархо-синдикалистов попали и некоторые московские профсоюзы, а именно железнодорожники и работники парфюмерного производства¹⁵⁸.

Политический и производственный либертаризм при активной помощи идейных антигосударственников постепенно проникает в провинцию. Например, в Дебальцево (Донбасс) анархистам удалось организовать на синдикалистских началах 25–30 тысяч шахтеров, в Екатеринодаре и Новороссийске они вели за собой портовиков и рабочих цементных заводов, в Харькове и Киеве – пекарей, в Казани – работников речного транспорта¹⁵⁹. В одном из горнорудных районов Сибири, в Черемхово, популярным народным вожаком стал анархист А. Буйских, возглавивший районный профсоюз горнорабочих. В мае 1917 г., после того как были исчерпаны все легальные (через примирительную камеру) возможности защитить права трудящихся, рабочие по призыву анархистов захватили один рудник и завод, продемонстрировав пример реальной социализации предприятий. (При этом не забыли и бывшего владельца: он стал получать пенсию в размере 4 % от прежнего дохода¹⁶⁰). Еще одну успешную попытку организации труда на свободных началах осуществили рабочие золотых приисков Нерчинского округа. Летом 1917 г. под руководством анархиста-синдикалиста В.И. Ганимедова они создали паевую артель «Терпение» для разработки официально полученного участка. Если начальное количество пайщиков не превышало и сотни, то в сентябре в рядах артели трудилось более 700 человек. Более того, по примеру «Терпения» были созданы и другие артельные коллективы, которые объединились в Центральный комитет союза горнопромышленных рабочих по выработке золота на кооперативных началах (председатель – В.И. Ганимедов)¹⁶¹. Благодаря подобного рода «наглядной агитации» и вопреки противодействию стоявших у власти соглашателей, идейное влияние антигосударственников как в

Черемховском бассейне, так и в других горнорудных районах Сибири неуклонно возрастает.

По сравнению с большевиками, которые в течение 1917 г. постепенно вытесняют «соглашателей» – эсеров и меньшевиков – из руководящих органов большинства профсоюзов, как в столицах, так и в провинции, анархисты в целом не могли похвастаться такими объективными показателями расширения своего влияния, однако это и не удивительно, если вспомнить «основную идею анархизма», изложенную М.В. Волным (Эйхенбаумом): «Реальное освобождение может произойти лишь в процессе непосредственной, широкомасштабной и независимой деятельности самих трудящихся, объединившихся не под знаменем политической партии или идеологической группы, а в свои собственные классовые организации (производственные профсоюзы, заводские комитеты, кооперативы и т.п.) на основе конкретных действий и самоуправления, при помощи, но не под руководством революционеров, которые действуют не извне, а в самих массовых профессиональных, технических, оборонительных и других органах»¹⁶².

В условиях мировой войны и усугубляющейся хозяйственной разрухи спонтанный либертаризм народных масс мог получить развитие только на фоне затишья на фронтах и относительной слабости либерального Временного правительства, однако дальнейшее выживание российского общества как единого целого требовало от революционно-политических элит не только красивых деклараций, но и конкретных проектов реорганизации политических и социально-экономических отношений. Более того, В.И. Ленин и его партийные соратники, выступавшие принципиальными апологетами максимальной централизации народного хозяйства, опирались на ведущую общемировую тенденцию экономического развития и использовали как действенное оружие против анархо-синдикалистов «индустриалистский принцип, лежащий в основе процесса слияния профсоюзов в крупные объединения»¹⁶³. Поскольку анархистам, так же как и представителям других партийных направлений, приходилось участвовать в *практической* организации новых форм социальной деятельности и новых отношений на производстве, постольку они волей-неволей должны были адаптировать свои *теоретические* представления к требованиям реальной политики. Поэтому не удивительно, что уже летом 1917 г. не только обывателям, но и многим политическим активистам становится все трудней «понять, где кончается большевик и начинается анархист», и наоборот¹⁶⁴. Омский историк А.А. Штырбул, по нашему мнению, прав, утверждая, что идей-

но-политическая эволюция российского анархизма привела к тому, что к осени 1917 г. в тактических вопросах революции большинство анархистов-коммунистов сблизились с большевиками, а анархисты-синдикалисты как умеренно-революционное течение стали напоминать левых меньшевиков-интернационалистов¹⁶⁵. В этих условиях перспектива сохранения и развития анархизма как самостоятельного и влиятельного идейно-политического течения напрямую зависела от способности adeptов безгосударственной гармонии к самоорганизации и консолидации.

Между тем именно организационный вопрос оказался для анархистов непреодолимым препятствием. Несмотря на явный количественный рост анархистских групп и организаций по всей стране*, радикальные либертариисты с трудом объединялись даже в пределах одного города или региона, а общероссийская анархистская партия так и осталась нереализованной мечтой. Первый представительный форум анархистов разных направлений («начиная от индивидуализма и кончая синдикализмом»¹⁶⁶) состоялся 18–22 июля 1917 г. в г. Харькове. Предусматривалось, что это будет конференция анархистских организаций юга России, однако в Харьков прибыли не только делегаты из Киева, Екатеринослава, Елисаветграда, Одессы, Николаева, Александровска, но также из Москвы, Петрограда и ряда поволжских городов. Таким образом, состоялось что-то среднее между региональной конференцией и общероссийским съездом приверженцев анархизма. Поскольку единого идейного и организационного центра у анархистов не существовало, поэтому и на харьковском форуме с самого начала выявились самые разные мнения по основным вопросам развития революции и организации общества в России. Показательным в этом отношении стал четвертый день работы конференции, в течение которого делегаты обсуждали свое отношение к органам политического и экономического самоуправления революционного народа: Советам, фабрично-заводским комитетам, контрольным комиссиям и профсоюзам.

«Сочувствие многих встретила следующая точка зрения – «желательности участия анархистов в Советах хотя бы и теперешнего состава,

* В конце 1916 г. анархистские организации существовали в 7 населенных пунктах России, накануне Октября – почти в 40, в 1918 г. (по неполным данным) – в 130. См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. – М., 1996. – С. 33–34; Штырбул А.А. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н.э. – II тысячелетие н.э.). – Омск, 2006. – С. 316.

причем анархисты должны понять свое представительство соответствующим образом, идти в Советы преимущественно с осведомительными целями, превратить Совет не в нового хозяина и начальника, а товарища по революции, солидаризирующего свои работы с волей революционного авангарда»¹⁶⁷.

Еще меньше единодушия встретил вопрос об отношении к фабрично-заводским комитетам и контрольным комиссиям. Часть делегатов видела в фабзавкомах административные органы, стоящие на страже частной собственности, в отличие от контрольных комиссий, «выясняющих наглядно эксплуатацию рабочих». Другие же, признавая отклонение от пролетарской линии некоторых фабзавкомов, характеризовали этот политико-экономический институт как «орган революционной самостоятельности и организованного перехода предприятия в руки трудящихся в момент восстания» и считали насущно необходимым участие анархистов в фабзавкомах не только в настоящее время, но и «в особенности после завершения революции»¹⁶⁸.

Несмотря на отсутствие общего мнения между участниками харьковского мероприятия даже по принципиальным вопросам революционной тактики, одним из итогов конференции стало создание Временного Осведомительного бюро, которое и должно было заняться организацией Всероссийского съезда анархистов¹⁶⁹. Однако в предполагаемый срок (до 30 сентября того же года) съезд так и не состоялся, и осенью функцию координаторов объединительной деятельности и организаторов общероссийского анархистского форума взяли на себя петроградские анархисты. Обстоятельно этот вопрос обсуждался на II конференции Петроградской федерации анархистов, которая проходила в столице с 26 по 28 ноября 1917 г. Участники конференции рассматривали предстоящий «партийный» форум, с одной стороны, как определенный революционный противовес «реакционному» Учредительному собранию, а с другой стороны, как мощный стимул к консолидации анархистов и сочувствующих им на основе либертаристских идеалов¹⁷⁰. Питерские анархисты избрали Организационную комиссию, которая попыталась наладить контакт с московскими и харьковскими товарищами. Новым сроком открытия съезда назначили 15 января 1918 г.¹⁷¹ Однако до объединения анархистских сил в масштабах всей страны дело так и не дошло.

Безграничный организационный плюрализм и федерализм, отсутствие какой-либо формальной дисциплины, полная свобода личностного самовыражения служили неким политическим брендом, ярко выде-

ляющим анархистов на фоне классических партий. Но в то же время все эти преимущества превращались в крупные недостатки в условиях жесткой конкуренции различных революционных направлений за умы и голоса широких слоев населения. В этой связи очень показателен пример из исследования А. А. Штырбула о сибирских анархистах: в то время как различные фракции антигосударственников никак не могли согласовать единую платформу своего печатного органа и начали его выпуск только в декабре 1917 г. (это была газета анархо-синдикалистского направления «Сибирский анархист»), другие партии после Февраля в полной мере пользовались свободой печати и выпускали десятки наименований периодики¹⁷².

Вместе с тем следует отметить, что анархисты при их скромных организационных возможностях сделали все, чтобы «утопия» социальной революции получила максимальное воплощение в реальной политической жизни революционной России. На этом пути наиболее бескомпромиссный радикализм продемонстрировали анархисты-коммунисты, которые, в отличие от приверженцев классического анархо-синдикализма, стремились не к выращиванию «клеток» и «молекул» народного самоуправления в существующем «организме» буржуазно-демократического государства, а к хирургической ликвидации любых форм насильственной политической власти и оздоровлению общества с помощью чудодейственных средств безвластного коммунизма. При этом ультрареволюционная тактика анархистов в полной мере коррелировалась с вспышками «анархической» активности народных масс.

1.2. Кризисы Временного правительства и действия анархистов

Анархисты оказались наиболее радикальным отрядом партийной «организованной демократии» в ходе всех кризисов Временного правительства. «Казалось бы, дальше Ленина было некуда идти в социально-политическом радикализме. Однако ленинцы все же не стояли на крайнем левом фланге тогдашней красочной и пестрой общественности. Среди рабочих масс не без некоторого успеха шевелились анархисты и их специфическая российская разновидность – максималисты, исторически происшедшие от эсеров», – такова несколько ироничная, но вполне объективная оценка статуса идейных сторонников безвластия в событиях 1917 г., высказанная одним из членов столичного Совета Н. Н. Сухановым¹⁷³.

Как известно, первый правительственный кризис был спровоцирован нотой министра иностранных дел П.Н. Миллюкова от 18 апреля 1917 г., в которой выражалось якобы всенародное «стремление довести мировую войну до решительной победы»¹⁷⁴. Массы получили наглядный урок неэффективности социал-оборонческих и соглашательских методов прекращения империалистической войны. «Да, да, становится все яснее, что политическое соглашение длит войну, усугубляет разруху, — описывал атмосферу тех дней большевик Д.З. Мануильский своему товарищу В.А. Антонову-Овсеевскому. — И массы все нетерпеливее. Вот на ряде фабрик Выборгской стороны и в частях, хотя б в Финляндском на Васильевском острове, где я больше работаю, начинают успевать анархисты. Массу приходится сдерживать...»¹⁷⁵.

Уже 20 апреля на Невский проспект столицы пришла огромная толпа солдат и рабочих с Выборгской стороны с требованием отставки Миллюкова и всего Временного правительства¹⁷⁶. Если большевистское руководство не осмелилось поддержать лозунг «Долой Временное правительство!» и подавило «анархические действия» в лице так называемой «багдашевщины» в своих рядах¹⁷⁷, то анархисты, идя в ногу с солдатскими и рабочими массами столицы, готовы были к самым решительным действиям. В этот же день состоялось заседание Петроградского совета, однако, по оценке видного советского деятеля того времени Н.Н. Суханова, «прения 20 апреля показали, что не только народные массы вообще, но и советская, депутатская, в огромном большинстве *солдатская* масса ушла вперед по сравнению со своими вождями — политиками и политиканами Таврического дворца (курсив Н.Н. Суханова, жирным выделено нами. — В.С.)»¹⁷⁸.

Реальную расстановку сил в органах «двоевластия» вполне объективно описал человек, которого нельзя было отнести к разряду «путчистов» и радикалов, — народный социалист В.Б. Станкевич. «... — Зачем, товарищи, нам выступать? — спрашивал (на заседании столичного Совета 20 апреля. — В.С.) Станкевич. — В кого стрелять? Против кого применять силу? Ведь вся сила — это вы и те массы, которые стоят за вами. Ведь у вас нет достойного противника: против вас ни у кого нет силы. Как вы решите — все так и будет. Надо не выступать, а решить, что делать... Вон, смотрите, сейчас без пяти минут семь (Станкевич протягивает руку к настенным часам, весь зал оборачивается туда же). Постановите, чтобы Временного правительства не было, чтобы оно ушло в отставку. Мы позвоним об этом по телефону, и через пять минут оно

сложит полномочия. К семи часам его не будет. Зачем тут насилия, выступления, гражданская война?...»¹⁷⁹.

Проявляя «здравый политический смысл, классовое чутье и преданность революции» (Н.Н. Суханов), трудящиеся массы не подчинились успокоительным призывам советских миротворцев и продолжили тактику прямого участия в «большой политике». «В редакции газет, и в «Новую жизнь» в частности, – вспоминал Н.Н. Суханов, – стекались десятки заводских и полковых резолюций по поводу ноты – с решительными требованиями немедленной отставки Миллокова или Временного правительства. Напечатана могла быть ничтожная часть этих резолюций, но не в этом была суть; резолюции во всяком случае свидетельствовали о том, что лозунги движения за истекшие сутки достаточно определились и кристаллизовались, что они пропитали собой сверху донизу всю толпу петербургских демократических масс»¹⁸⁰.

На этом социальном фоне действия анархистов выглядели вполне в духе времени. Вероятно, не без их содействия был оформлен агитационными плакатами грузовик, который 21 апреля ездил по всему городу, демонстрируя лозунги «Долой Временное правительство!», «Да сгинет капитализм, пулемет и булат сокрушат!»¹⁸¹. В тот же день анархисты организовали в массовой демонстрации в центре столицы собственную колонну под черным знаменем и с плакатами: «Долой Временное правительство!», «Да здравствует анархия!», «Да здравствует коммуна!», «Война – войне!»¹⁸².

Если с призывами к коммуне и анархии анархисты «несколько» опережали события, то что касается антиправительственных лозунгов и намерений – они имели широкое распространение в массах столичных солдат и рабочих и не были изобретением левопартийных «экстремистов». В этом отношении распространенная в советской историографии характеристика анархистских апрельских лозунгов как «провокационных» и «авантюристических» звучат нелогично и необъективно¹⁸³. «Авантюризм» анархистов в данном случае опирался на соответствующие настроения столичных масс, которые, кстати, даже марксисты (внефракционные) считали проявлением политической зрелости¹⁸⁴. Например, по оценке Н.Н. Суханова, уличное движение в период апрельского кризиса имело *формы восстания* и решительная попытка большевиков овладеть массовым антиправительственным движением, пусть под угрозой развязывания гражданской войны, «могла бы иметь очень большой успех»¹⁸⁵. Однако Ленин «еще не имел охоты к эксперименту», а у анархистов пока еще не было ни реального политического

влияния, ни серьезных материальных и организационных ресурсов для осуществления радикальных революционных планов.

Уже в начале лета революционный боевизм анархистов помог им завоевать симпатии значительного количества рабочих, солдат и матросов-балтийцев. В частности, большевик Ф.Ф. Раскольников, побывавший в июне 1917 г. в составе делегации Кронштадтского совета на судах Балтийского флота в Гельсингфорсе, обнаружил, что при общем эсеровском засилье сильные позиции большевики имели на броненосцах «Республика» и «Петропавловск». Однако если на первом «большевизм господствовал безраздельно», то на втором «наряду с большевистским течением, завоевавшим настроение большинства, еще заметно пробивалась анархическая струя»¹⁸⁶. Член Гельсингфорского комитета РСДРП(б) В.А. Антонов-Овсенко получил (тогда же в июне) примерно такое же впечатление от первого посещения флота, отмечая, что «на могучем «Петропавловске»... все еще в брожении: молодежь дышит нетерпением, сбивается временами на анархию, шеголяя крайне бунтарской фразой, но мысль не четка, большевистское влияние не определяющее»¹⁸⁷. Описывая события ретроспективно, большевик-мемуаристы, пытались изобразить проявления стихийного и идейного анархизма в матросской среде как изолированные и случайные явления, между тем по мере политической дискредитации эсеровско-меньшевистской соглашательской тактики «анархическая струя» будет набирать серьезную силу (о чем, кстати, уже в сентябре будет докладывать в ЦК РСДРП(б) партии не кто иной, как В.А. Антонов-Овсенко), с которой придется считаться – и как с союзницей, и как с конкурентом, – нацеленной на «социалистическую» революцию партии большевиков.

Расширение социальной базы идейного анархизма происходит и в революционной столице России, особенно на Выборгской стороне, где находилась ставшая знаменитой на всю страну дача Дурново. В обывательской среде «это анархическое гнездо пользовалось... завидной популярностью и репутацией какого-то Брокена, Лысой Горы, где собирались нечистые силы, справляли шабаш ведьмы, шли оргии, устраивались заговоры, вершились темные – надо думать – кровавые дела»¹⁸⁸. Однако для выборгских рабочих дача Дурново стала своеобразным политико-культурным комплексом: здесь функционировали партийные и профсоюзные организации, проводились публичные лекции, а прилегающий к даче сад был часто посещаемым местом отдыха для рабочих и их семей.

Стремясь еще больше укрепить свое идейное влияние на массы, анархисты попытались обзавестись полиграфической базой для издания собственной газеты, а заодно установить анархо-коммунистический строй в масштабах отдельно взятого предприятия. 5 июня 1917 г. отряд вооруженных анархистов под руководством члена Петроградского совета И.С. Блейхмана занял типографию «сумбурно-желтой» (Н.Н. Суханов) газеты «Русская воля», при этом было объявлено о переходе предприятия в распоряжение трудового коллектива. Когда выяснилось, что рабочие-печатники не готовы к синдикалистскому эксперименту, анархисты выпустили их из помещения, арестовали администрацию и, пока шли переговоры с членами исполкома Петросовета, успели отпечатать воззвание к петроградским пролетариям. В прокламации анархистов отмечалось, что они «решили возратить народу его достоинство и поэтому конфисковали типографию «Русской воли» для нужд социализма, анархии и революции»¹⁸⁹. И.С. Блейхман отказался вступить в контакт с представителями милиции и поставил «дальнейшую судьбу этого предприятия» в зависимость от позиции социалистических партий¹⁹⁰. В итоге под давлением умеренного большинства Всероссийского съезда Советов, который для ликвидации «инцидента» прислал эсера А.Р. Гоца, меньшевика В.А. Анисимова и большевика Л.Б. Каменева, «авторитетного специально для анархистов»¹⁹¹, заговорщики сдали оружие и под арестом были направлены в помещение съезда Советов рабочих и солдатских депутатов¹⁹².

Захватная акция питерских анархистов-коммунистов стала поводом для политической цепной реакции, которая слилась с очередным правительственным кризисом. 7 июня министр юстиции П.Н. Переверзев отдал распоряжение о выселении анархистов-коммунистов из дачи Дурново в суточный срок. В знак протеста 8 июня на Выборгской стороне забастовало 28 заводов. Возле пресловутой дачи собрался многотысячный митинг, который первоначально апеллировал к демократической власти – исполнительному комитету Петроградского совета. Первую делегацию рабочих, просивших официально закрепить дачу за трудовым народом, в исполкоме встретили без должного внимания, тогда вторая делегация предупредила «народных представителей» о решимости анархистов самостоятельно защищать свой штаб вплоть до применения вооруженной силы¹⁹³. После посещения дачи помощником прокурора судебной палаты и обнаружения «новых обстоятельств дела» министр юстиции смягчил свою позицию по поводу выселения всех обитателей дачи Дурново, но за дело взялись советские лидеры, стара-

ниями которых Всероссийский съезд Советов «прервал свои работы для полицейских функций»¹⁹⁴. Председатель президиума съезда меньшевик Е.П. Гегечкори подготовил резолюцию, в которой прозвучало требование о выселении людей, «под именем анархистов учинивших уголовные преступления»¹⁹⁵. Подавляющее большинство делегатов поддержало резолюцию грузинского политика. «Полицейский окрик был сделан, — описывал ситуацию Н.Н. Суханов. — И, как всегда, это имело совсем не те результаты, на которые рассчитывали мудрые политики мелкобуржуазного большинства. Анархисты не подчинились воззванию и остались на даче: преследовать уголовных *выселением* по меньшей мере абсурдно для ученых юристов коалиции. Но среди петербургского пролетариата полицейские подвиги «съезда всей демократии», конечно, произвели удручающее впечатление. В глазах рабочих советское большинство во главе с его лидерами час от часу превращалось из идейных противников в классовых врагов (курсив Н.Н. Суханова. — В.С.)»¹⁹⁶.

В самом деле, симпатии пролетарских низов оказались не на стороне законопослушных и политкорректных лидеров соглашательского Совета, а на стороне анархистов, репрессированных за покушение на *буржуазную* собственность. Поддержка неудачливых «захватчиков» шла по двум направлениям. С одной стороны, еще 8 июня на заседании бюро исполкома Петроградского Совета делегаты с мест потребовали отменить распоряжение об освобождении спорного помещения и освободить «арестованных социалистов и анархистов во всей России»¹⁹⁷. С другой стороны, 9 июня обитатели дачи Дурново организовали в своей резиденции конференцию, в которой приняли участие представители 95 предприятий и воинских частей Петрограда и Кронштадта¹⁹⁸. Избранный делегатами Временный революционный комитет объявил о подготовке к выступлению против Временного правительства. «Приняв такое решение, — свидетельствовал позднее анархист Ф. Другов, — все участники конференции разъехались по заводам и казармам с призывом выступить 10 июня на демонстрацию с оружием. На даче Дурново был оставлен штаб, который поручил разработку технического плана восстания полковнику, примыкавшему к анархистам»¹⁹⁹. По словам этого осведомленного участника событий, присланные В.И. Лениным представители большевистского ЦК уговаривали анархистов отказаться от планов восстания и ограничиться демонстрацией, однако последние «были настойчивы и вынудили большевиков дать обещание выступить совместно»²⁰⁰. Тем не менее, под давлением эсеров-меньшевистского большинства I Всероссийского съезда Советов в ночь на 10 июня ЦК

РСДРП(б) отменил свое постановление о демонстрации. Еще одной причиной тактического отступления большевиков было, вероятно, их нежелание идти в фарватере анархистской политики и оказаться на вторых ролях.²⁰¹

Имея за собой массовую поддержку рабочих, солдат и матросов, анархисты не собирались отступать. 13 июня 1917 г. Временный ревком на даче Дурново, заручившись поддержкой представителей 150 заводов и воинских частей, принял решение выступить на следующий день.²⁰² Члены Петербургского комитета РСДРП(б), заседавшие в это время в доме Кшесинской, убеждали себя, что идейное влияние анархистов невелико и массы удастся удержать, тем не менее они вполне осознавали опасность перехвата революционной инициативы ультралевыми конкурентами и поэтому надеялись сохранить «деловые отношения» с ревкомом.²⁰³

Ни 10-го, ни 14-го никаких крупных выступлений в столице не было. Но, по признанию большевиков, так произошло только потому, что «массу, в которой много горячего материала», призвали на другую демонстрацию.²⁰⁴ Затишье оказалось кратковременным. Большевик М.Я. Лацис, работавший агитатором в Выборгском районе, отметил в своем дневнике 13 июня 1917 г.: «Нельзя не признать, что даже отмененная демонстрация была своего рода грозной демонстрацией. Это была мертвая зыбь, которой испугались оставшие от движения соглашатели».²⁰⁵ О признаках приближающегося шторма свидетельствовали и делегаты советского съезда, направленные для агитации в массах в тревожную ночь на 10 июня*. «Делегатов повсюду встречали крайне недружелюбно, – писал в мемуарах Н.Н. Суханов, – и пропускали после долгих пререканий. На Выборгской стороне – сплошь большевики и

* Свою руку к недопущению «преждевременных» выступлений приложили и большевики. 13 июня деятельность проанархистского ревкома стала предметом обсуждения экстренного заседания ПК РСДРП(б). В постановлении руководящего органа столичных большевиков прозвучал призыв: «Принять все меры пропаганды и агитации к тому, чтобы до воскресенья (18 июня. – В.С.) никаких уличных выступлений рабочих и солдат не состоялось». Районным партийным организациям предписывалось «добиться ухода рабочих, членов нашей партии и сочувствующих ей (если таковые там окажутся) из так называемого Временного революционного комитета... действующего под руководством анархистов... послать делегатов на дачу Дурново, чтобы перед присутствующими там рабочими отстаивать точку зрения ПК». См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 316–317.

анархисты. Ни съезд, ни Петербургский Совет не пользуются ни малейшим авторитетом. О них говорят так же, как и о Временном правительстве: меньшевистско-эсеровское большинство продано буржуям и империалистам; Временное правительство – контрреволюционная шайка. В частности, на даче Дурново заявили, что постановление съезда не имеет ни малейшего значения и выступление произойдет. На Васильевском острове – то же самое. «Выступление» среди рабочих крайне популярно. С ним связываются самые реальные надежды на изменение конъюнктуры... В полках – пулеметном^{**}, Московском, 180-м – объявили съезд сборищем помещиков и капиталистов или подкупленных ими людей; ликвидация коалиционного правительства считается неотложной. Верят только большевикам»²⁰⁶.

По образному выражению того же Н.Н. Суханова, «вожди не прозрели, правители себе не изменили, и настроение масс осталось прежним»²⁰⁷. Красноречивым подтверждением сухановского афоризма стали события 18 июня, когда в ходе «открытого и честного смотра сил» (И.Г. Церетели) рабоче-солдатский Петроград продемонстрировал почти полное пренебрежение официальными лозунгами эсеровско-меньшевистского Совета. Накануне «общесоветской» демонстрации И.С. Блейхман и его соратники высказались о своих планах в радикально-либертаристском духе: «Совет для анархистов совершенно не авторитетен; если к его решению присоединятся большевики, то это ничего не значит, Совет в целом служит буржуазии и помещикам; никаких определенных намерений у анархистов на завтра нет; участвовать в манифестации они будут – со своими черными знаменами, а насчет того, будут ли с оружием, то, может быть, пойдут без оружия, а может быть, и с оружием»²⁰⁸.

Согласно отчету «Известий», в демонстрации 18 июня участвовали 3 немногочисленные группы вооруженных анархистов²⁰⁹, но при этом нужно учитывать, что немало сторонников революционного либертаризма присутствовало и в других колоннах. (Например, 1-й пулеметный полк прошел под лозунгом «Помни, капитализм, – булат, пулемет уничтожат тебя!», которые репортер из «Известий» охарактеризовал как

^{**} В 1-й пулеметный полк была направлена, по выражению Н.Н. Суханова, «тяжелая артиллерия» в лице Н.С. Чхеидзе и Н.Д. Авксентьева, однако им удалось добиться только двусмысленного обещания, что «полк откладывает свое выступление и эти три дня (до 14 июня. – В.С.) использует для организации выступления всего пролетариата в пользу мира и хлеба». См.: Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 287.

большевистский²¹⁰, однако на самом деле, как показали июльские события, пулеметчики в своем «стихийном» радикализме оказались намного ближе к анархистам, чем к ленинцам). По словам Н.Н. Суханова, «толпа на Марсовом поле встретила их только иронией и весельем: они казались совсем не опасными»²¹¹. Тем не менее вооруженные сторонники безвластия не ограничились дефилированием на официальном мероприятии и приступили к конкретным действиям: с Марсова поля они направились к Выборгской тюрьме («Крестам») и освободили семерых политических (одним из них был сотрудник газеты «Окопная правда» Ф.П. Хаустов, остальные – анархисты), а попутно и несколько сот уголовников.

В ночь на 19 июня дачу Дурново окружили верные правительству войска во главе с командующим столичным военным округом генералом П.А. Половцевым. Гражданские власти представляли министр юстиции, ряд судебных и милицеских чинов. Анархистам предложили выдать освобожденных из «Крестов» арестантов, а также участников нападения на тюрьму. Последовал отказ и войска начали штурм, в ходе которого осажденные неумело защищались, а наступавшие вели себя как погромщики. Один анархист погиб, 59 человек, среди которых были и случайные люди, попали под арест²¹². «Военная экспедиция» Половцева еще больше накалила обстановку в Петрограде и пригородах. Всероссийский съезд Советов вновь взял на себя функции «департамента полиции» и занялся рассмотрением столичных дел, рабочие ряда предприятий прекратили работу в ожидании сигнала к антиправительственному выступлению, лояльные правительству элементы, вдохновленные к тому же сообщением об успешном наступлении русских войск на фронте, на своих манифестациях заявляли: «Слава Богу, началось. Теперь бы открыть поход на анархистов, а потом и на большевиков»²¹³.

В то время как большевики приложили немалые усилия, чтобы отмежеваться от «провокации», в связи с которой прозвучало имя Ф.П. Хаустова²¹⁴, анархисты снова оказались в центре всеобщего внимания. Члены анархистских групп Василеостровского и Московского районов, захватившие дачу Дурново в полдень 19 июня, воссоздали революционный комитет и наладили контакты с проанархистски настроенными рабочими нескольких предприятий. «Рабочие заводов Розенкранц, Металлического, Феникса и Ст[арый] Промет, – отмечал в этот день в своем дневнике М.Я. Лацис, – целый день не работают. Ждут призыва выступить против Вр[еменного] правительства. От дру-

гих районов являются делегаты разузнать правду. Звонят от всех заводов. Волнение общее. Массы приходится унимать»²¹⁵.

По обоснованному мнению Я.М. Свердлова, «хотя демонстрация (18 июня 1917 г. – В.С.) и дала некоторый выход возбужденному настроению, но процесс возрастания возбуждения продолжал развиваться дальше»²¹⁶. Коллективы оборонных предприятий выражали резкое недовольство «буржуями», которые извлекали из военных заказов многотысячные прибыли и при этом не желали в требуемых величинах повышать заработную плату рабочим, солдаты с опасением ждали приказа об отправке на передовую. В последние недели июня на заводах и в полках столичного гарнизона периодически проводятся стихийные митинги и принимаются воинственные резолюции, однако до поры до времени даже самая радикальная из советских партий – большевистская, считая невыгодным принимать бой, стремится сбить революционную волну²¹⁷.

Поскольку большевики отказываются поддержать идею немедленно вооруженного восстания, «партийные» анархисты и сочувствующие им рабочие и солдаты на время приобретают статус политического авангарда рвущихся в бой столичных масс. При этом приверженцы анархии строили свою ультрареволюционную агитацию на реальном знании «конъюнктуры» социальных проблем различных слоев населения и умело влияли на массовые настроения с целью превратить разрозненные всплески стихийного недовольства в либертарную социальную революцию. В частности, на собрании солдат и офицеров 1-го пулеметного полка 20 июня анархисты стремились представить антиправительственное выступление как достойную альтернативу отправке на фронт и участию в империалистической «бойне». Подобная агитация анархистов нашла живой отклик в сердцах пулеметчиков, которые до этого считались идеологической «паствой» большевиков. Давая оценку указанным фактам на заседании Петербургского комитета РСДРП(б), М.Я. Лацис отметил: «Настроение такое повышенное, что 2–3 анархиста могут во всякую удобную минуту вывести полк на улицу. Когда приходишь в рабочую среду, то чувствуешь, как там бурлит и бушует, мы держим пока массу, но ее могут вывести»²¹⁸. При этом стоит отметить, что и некоторые большевики с сочувствием относились к антиправительственному радикализму анархистов. К примеру, с согласия командира 1-го пулеметного полка прапорщика А.Я. Семашко активную агитационную работу среди пулеметчиков проводил секретарь Петроградской федерации анархистов-коммунистов И.С. Блейхман²¹⁹. Главным факто-

ром, который волей или неволей способствовал политическому сближению большевиков, особенно работавших непосредственно на местах, и анархистов, было давление «снизу», со стороны рабоче-солдатских масс, стремившихся не допустить наступления «контрреволюции», а заодно и решить безотлагательно свои корпоративные проблемы²²⁰.

Причем не только большевики, но и анархисты были вынуждены под влиянием массовых политических предпочтений вносить серьезные коррективы как в свой тактический арсенал, так и в программные положения. В отличие от большевиков, они стремились организовать *самостоятельное* вооруженное выступление в столице *помимо Совета*. Как отмечалось в «Воззвании» Петроградской федерации анархистов-коммунистов, опубликованной в самом начале июльских событий, «один Совет Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов не в силах будет справиться с великой задачей переустройства нашей социальной жизни», поэтому анархисты призвали рабочих и солдат «к самостоятельности, к творчеству своей ответственной судьбы своими силами, не доверяясь всецело хотя бы и своим представителям»²²¹. Когда выяснилось, что большинство революционно настроенных солдат и рабочих поддерживают лозунг «Вся власть Советам!», анархисты соответствующим образом перестраивают свою деятельность. На митинге в 1-м пулеметном полку 3 июля 1917 г. И.С. Блейхман ратовал уже за передачу всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов²²².

«Провокационные действия правительства Керенского по расформированию полков петроградского гарнизона*, – отмечал советский историк А.М. Андреев, – попытки «разгрузить» Петроград от революционных рабочих, наступление локаутчиков-капиталистов и углубление продовольственного кризиса возбуждали рабочие и солдатские массы. Они рвались на улицу»²²³. Во взрывоопасной обстановке конца июня –

* «Реальная угроза расформирования и разоружения, – пишет известный российский историк Г.Л. Соболев, – встала перед 1-м пулеметным, 1-м, 3-м и 180-м пехотными полками, запасными батальонами Гренадерского, Московского и Павловского полков, которые по разверстке штаба округа должны были направить в составе маршевых рот почти весь свой наличный состав. Особенно напряженное положение сложилось в 1-м пулеметном полку, из которого военный министр А.Ф. Керенский распорядился направить на фронт 500 пулеметов... Настроения недовольства и озлобления в столичном гарнизоне еще больше усилила весть о расправе с солдатами Гренадерского, Финляндского и Павловского полков, отказавшимися идти в наступление на Юго-Западном фронте» (Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». – СПб., 2002. – С. 129–130).

начала июля 1917 г. достаточно было попадания нескольких искр в горючую смесь рабоче-солдатской бунтарской «стихии», чтобы в столице полыхнуло новым восстанием.

Первой искрой послужило решение исполкома Петроградского совета рассмотреть 3 июля в своем военном отделе план реорганизации 1-го пулеметного полка, основной состав которого должен был отправиться на фронт. Еще больше обострили обстановку и взвинтили «антибуржуйские» настроения облетевшие столицу в начале июля вести о провале наступления русских войск на Юго-Западном фронте и об отставке четырех «министров-капиталистов» из кадетов, протестовавших против предоставления Украине областной автономии²²⁴. В этих условиях в «верхах» и «низах» революционной демократии начинаются напряженные поиски выхода из очередного кризиса. Лидер левоцентристской фракции ЦИК Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов Ю.О. Мартов предложил в условиях «самопроизвольного» развала коалиции немедленно создать однородное демократическое правительство из представителей советских партий, большинство крестьянского ЦИК также было не против устранить буржуазию от власти, чтобы решить аграрный вопрос в интересах «мужика»²²⁵. Рабочая секция Петроградского совета, в которой преобладали большевики, в резолюции, принятой на заседании 3 июля, прямо призвала к тому, чтобы «Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял в свои руки всю власть»²²⁶.

Еще более активную деятельность развивали «низы». «Столица кипела, – вспоминал об июльских днях Н.Н. Суханов, – стихия поднималась все выше и выше. Лозунгом бурливших масс была та же диктатура демократии; это была – «Вся власть Советам!». Казалось бы, события с разных сторон бьют в одну и ту же точку. Казалось бы, что движение масс, выражая «общественное мнение» рабоче-солдатской столицы, послужит отличным фоном, благоприятным фактором правильного решения вопроса о власти. Но это было не так»²²⁷.

Возникает вопрос, почему же два общественных потока, представлявших на разных уровнях советскую демократию, не только не слились в конструктивном социальном творчестве, но даже силой кризисных обстоятельств оказались противопоставленными друг другу? Н.Н. Суханов пытается объяснить такой поворот событий происками большевиков, которые будто бы только прикрывались просоветскими лозунгами, а на самом деле намеревались в случае успеха передать власть не блоку всех советских партий, а некоему «инициативному меньшин-

ству», то есть самим себе²²⁸. Однако этот план не удался, поскольку массы вышли из повиновения и «власть большевиков над стихиями была невелика»²²⁹.

На наш взгляд, главными «виновниками» июльского кризиса являлись не большевики, которые еще не контролировали низовые политические процессы в столице и по этой причине были не готовы к решительным действиям, а советские лидеры, которые не сумели или не осмелились распорядиться полновесной властью для последовательного решения насущных социально-экономических и политических проблем в интересах широких демократических масс. По резонному мнению Н.Н. Суханова, в условиях «конъюнктуры, сложившейся после наступления», оптимальным решением вопроса о власти было установление «диктатуры демократии». «Взамен коалиции мелкой и крупной буржуазии против пролетариата и революции должна быть создана новая коалиция: коалиция советских партий, пролетариата и крестьянства – против капитализма и империализма. Других решений не было. Но это решение могло быть дано только *единым фронтом*, только единой волей в Совете (курсив Н.Н. Суханова. – В.С.)»²³⁰. Однако лидеры «соглашательского» ЦИК Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов, вопреки ясно выраженной воле избравших их в свое время масс, отказались взять всю государственную власть в свои руки и сделали все для «обуздания анархии» и политической реанимации коалиции с «цензовыми» элементами.

Говоря словами одного из советских «соглашателей», меньшевика-оборонца В.С. Войтинского, «революция “обманула” темных людей, которые от победы ждали избавления от всех бед и лишений»²³¹. Поэтому «темные люди», то есть пострадавшие от войны и экономической разрухи рабочие и солдаты, отвернулись от формальных лидеров советской демократии, в том числе и относительно умеренных большевиков, и нашли себе неформальных вождей в лице представителей ультраевых групп. По справедливому замечанию Г.Л. Соболева, «если оставаться на почве реальных факторов, то 3 июля тон задавали анархисты»²³².

«...Великая российская революция вступает в новую фазу: со дня первых дней нашей революции прошло только четыре месяца. За это короткое время пострадавшей и разоренной России пришлось пережить немало тревожных дней и моральных потрясений, ход событий изменился и изменяется с каждым днем, с каждым часом. Требования и желания трудящихся масс становятся ярче и определеннее;

полумерами, обещаниями, подачками отделаться нельзя. И как бы г[оспода] капиталисты ни строили свои козни, но одурачить народ не так уж легко, как было это раньше (выделено нами. – В.С.)...

Реакционная и капиталистическая буржуазия в начале революции замаскировалась в красный цвет и при содействии желтых союзов демократии «ликвидаторов» и социалистов в «кавычках» захватным путем взяла в свои руки бразды государственного правления и, опираясь на поддержку полубуржуазного и полусоциалистического Совета Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов, буржуазии и Вр[еменного] Прав[ительства], шаг за шагом начинает душить русскую революцию. И для более успешного дела выдвинула на самый важный пост министра-социалиста Керенского...

Глухой ропот и озлобление против правительства в широких массах солдат и рабочих растет, грозя снова восстанием против надвигающейся реакции. Центральные комитеты социалистических партий предательски удерживают поступательное движение революции, призывая подчиниться их авторитету и верховной власти правительства...»²³³, – так описывалась ситуация в начале июля в листовке петроградских анархистов-коммунистов, и подобные филиппики были вполне созвучны настроениям, преобладавшим в бурлящих столичных массах. Вероятно, по этой причине анархисты, несмотря на их малочисленность, внесли заметный вклад в июльскую «репетицию» социальной революции в Петрограде.

Советский историк О.А. Лидак в своем очерке истории Октябрьской революции 1917 г. подчеркивает, что «инициатива выступления исходила от полков, расположенных на пролетарской Выборгской стороне (1-й Пулеметный, Гренадерский, Московский, 180-й пехотный и др.)». По его мнению, «здесь безусловно чувствовалось революционное влияние рабочих на одетых в солдатский мундир крестьян»²³⁴. Тем не менее, в очередную революционную атаку против правительства «капиталистов» и «соглашателей» рабочих и солдат повели не большевистские лидеры, которые недооценили бунтарский потенциал масс (и вскоре сами признали это*), а анархисты или анархистски настроенные боль-

* В частности, О.А. Лидак, подкрепляя свое мнение цитатой из ленинской статьи, пишет: «То обстоятельство, что движение началось стихийно, помимо и даже против партии (большевиков. – В.С.), доказывает, что руководящие партийные органы безусловно тогда в достаточной степени не учитывали революционного настроения масс» (Лидак О.А. 1917 год. Очерк истории Октябрьской революции. – М. – Л., 1932. – С. 49).

шевистские вожак районного уровня. Если руководящие органы РСДРП(б) подключились к антиправительственному выступлению столичных заводов и полков только под усиленным нажимом «снизу», при этом всячески пытаясь сохранить политкорректность, то анархисты сразу же определили свое место в бурно развивающихся событиях.

2 июля на даче Дурново состоялось тайное совещание лидеров Петроградской федерации анархистов-коммунистов, на котором было принято решение агитировать за вооруженное восстание. Главной ударной силой должен был стать 1-й пулеметный полк, личный состав которого в этот день провожал на фронт своих товарищей и выразил готовность сложить головы во имя революции²³⁵. На следующий день, 3 июля, пулеметчики собрались на полковой митинг, на котором выступили делегаты с фронта, рабочие Путиловского и Трубочного заводов, а также анархисты, один из которых – И.С. Блейхман (он был одним из участников тайного совещания на даче Дурново) – от имени столичной федерации анархистов-коммунистов призвал «протестовать против войны и требование свое поддержать демонстрацией, но не мирной, которая никакой цели не достигнет, а демонстрацией вооруженной»²³⁶. В этом же духе выступали и прочие ораторы. Противников «преждевременного выступления» (в частности, большевиков И.Н. Ильинского, И.Ф. Казакова, К.Н. Романова), пулеметчики попросту отказались слушать²³⁷. Участники митинга приняли решение выступить в тот же день в 17 часов и избрали штаб восстания – Временный революционный комитет во главе с большевиком А.Я. Семашко. В состав ревкома вошли И.С. Блейхман, а также по два представителя от каждой роты. Пулеметчики направили своих делегатов в другие воинские части и на предприятия столицы.

Анархистов и поддержавших их солдат-пулеметчиков нередко обвиняют в авантюризме и стихийности (чаще всего при этом упоминается брошенная кем-то из анархистов фраза: «нас сорганизует улица»). Однако И.С. Блейхман не только предложил наиболее эффективную, на его взгляд, тактику достижения революционных целей («вооруженная демонстрация»), но и сформулировал конкретную программу социальных преобразований: наряду с озвучиванием антивоенных деклараций «он призывал взять всю власть в свои руки, помимо Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, из которых большинство на стороне буржуазии (позднее, как уже указывалось, агитатор-анархист кардинально скорректировал этот «антисоветский» лозунг. – В.С.); он требовал реквизировать у буржуев деньги и продовольствие, захватить донецкие рудники, все заводы и фабрики, свергнуть Временное правительство и

сделать все это немедленно»²³⁸. Анархисты вдохновлялись успехом недавней народной победы над самодержавием, ведь и в февральские дни ни одна партия не призвала к революции²³⁹. По утверждению очевидцев, в начале июля 1917 г. ситуация в столице и в самом деле напоминала Февральские дни*, поэтому у анархистов были – по крайней мере психологические – основания рассчитывать на победу антибуржуазного выступления.

Тем более что формы и масштабы «самоорганизации улиц» оказались весьма впечатляющими. В этом процессе сыграли свою роль не только организационные импульсы, исходившие от «зачинщиков»-пулеметчиков, но и некие внутренние механизмы революционно-либертарной мобилизации социальных «низов», которые «включились» во многих полках столичного гарнизона и пригородов, а также на промышленных предприятиях. К примеру, на Путиловском заводе рабочие собрались на митинг после того, как от делегатов 1-го пулеметного полка стало известно о предполагаемой демонстрации под лозунгами 1 июля (18 июня). (В свою очередь, на митинге пулеметчиков утром того же дня анархист П. Колобушкин (Голубушкин), призывая солдат к вооруженной демонстрации, уверял, что путиловцы давно готовы к решительному выступлению²⁴⁰.) Когда секретарь заводского комитета большевик С.Я. Багдатыев предложил запросить инструкции от вышестоящих партийных инстанций, то в ответ услышал выкрики из толпы: «Долой, опять желаете затянуть время, дальше так жить невозможно!». Не подействовали также уговоры прибывших через какое-то время представителей ВЦИК. Последним доводом в пользу выступления путиловцев стало известие о том, что Выборгская сторона уже направляется к Таврическому дворцу²⁴¹. Рабоче-солдатское самовольное движение с неопределенными целями, но четко выраженными антиправительственными настроениями стремительно распространилось по всей столице и окрестностям. По описанию Н.Н. Суханова, «город довольно быстро принял вид последних дней февраля семнадцатого года... Столичный гарнизон и тем более пролетариат были ныне крепко организованы. Но в движении, казалось, было не больше «сознательности», дисциплины и порядка. Разгулялась стихия»²⁴².

* По описанию члена ВЦИК Б.О. Богданова, 3 июля «на улицах появились грузовики с пулеметами и вооруженными солдатами и рабочими и картина отчасти начала походить на дни 27–28 февраля, когда вооруженный народ в целях агитации разъезжал по городу. К вечеру толпы выросли». См.: Владимирова В. Июльские дни 1917 г. // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 12.

Делегацию Временного революционного комитета, направленную в «красный Кронштадт», возглавила анархистка М.Г. Никифорова. Товарищ председателя Кронштадтского совета большевик Ф.Ф. Раскольников «счел долгом их предупредить, что политическое настроение у нас достаточно приподнято, приводить массы в еще большее возбуждение сейчас не следует, так как это может вызвать стихийное, неорганизованное выступление»²⁴³. Тем не менее гости через голову Совета и местной большевистской организации, и «даже игнорируя близких себе по духу анархистов-синдикалистов»²⁴⁴, организовали многотысячный митинг на Якорной площади и обратились к матросам с призывами помочь восставшим петроградским товарищам. «Мы решили лечь костями на улицах Петрограда, но добиться своей цели», – резюмировал один из ораторов-пулеметчиков²⁴⁵. По признанию Ф.Ф. Раскольникова, «на впечатлительную, по преимуществу морскую аудиторию такие речи оказывали сильнейшее впечатление»²⁴⁶. Попытки большевика С.Г. Рошалья, левого эсера А.М. Брушвита и руководителя местной группы анархистов-синдикалистов Х.З. Ярчука отговорить кронштадтцев наткнулись на решительный отпор со стороны матросской аудитории²⁴⁷. В конечном итоге большевистским руководителям и поддерживавшему их Х.З. Ярчуку удалось лишь на день отсрочить отъезд кронштадтских моряков в бурлящую столицу под предлогом более тщательной подготовки выступления. В штаб, созданный для организации похода, вошли большевик С. Рошаль, анархист Х. Ярчук и левый эсер Ф. Покровский (позднее по указанию ЦК своей партии он отказался от участия в выступлении кронштадтских моряков)²⁴⁸.

Пиком июльских событий стала прошедшая 4 июля в столице демонстрация рабочих, солдат и матросов, в которой по разным оценкам участвовало от 350 до 500 тысяч человек. Анархисты имели слишком немногочисленные силы, чтобы встать во главе такого массового движения, несмотря на то, что оно «стихийно» провозгласило радикально-либертаристские лозунги. Тем не менее идейные антигосударственники пытались не упустить революционную инициативу из своих рук. В частности, солдаты 1-го пулеметного полка, «опекаемые» анархистами и ультра-левыми большевиками, осуществили ряд действий, которые, по справедливой оценке В.Д. Ермакова, *нельзя квалифицировать иначе, как восстание*²⁴⁹. Они захватили Финляндский вокзал, организовали контроль за движением поездов и проверку документов пассажиров, нейтрализовали деятельность войск, преданных правительству (автоброневое дивизиона и 9-го кавалерийского полка). С 3 по 6 июля 16-я рота пулеметчиков находилась

в Петропавловской крепости, следя за тем, чтобы оружие отсюда не попало в руки противников революции. Другие подразделения 1-го пулеметного полка поддерживали порядок на путях продвижения демонстрирующих народных масс (на Выборгской стороне, около Николаевского вокзала, Литейного проспекта и т.д.).

Среди солдат, матросов и рабочих, пытавшихся в этот день прорваться в Таврический дворец для выяснения отношений с властью предержащими, также выделялась инициативная группа из 30–35 анархистов в штатской одежде, развернувших знамя с надписью: «Да здравствует анархия»²⁵⁰. Когда министр земледелия В.М. Чернов вышел к толпе с умиротворяющими словами, то он оказался во враждебном анархистском – и в прямом, и в переносном смыслах – окружении, при этом вызволять его пришлось Л.Д. Троцкому. Лидер межрайонцев поблагодарил собравшихся солдат, матросов и рабочих за то, что «они пришли выявить свою волю», и просил их не чинить насилия над эсеровским лидером. По словам свидетеля событий, «на группу анархистов речь эта, слова его об освобождении Чернова, не оказала влияния и они продолжали находиться около Чернова, но матросы резко переменяли свое нейтральное положение и совместно с... караулом преображенцев оттеснили анархистов, дав возможность Чернову выйти из толпы и возвратиться в Таврический дворец»²⁵¹.

Вечером 4 июля, стремясь расширить свое идеологическое влияние, петроградские анархисты заняли типографию газеты «Новое время», которая вместо очередного номера опубликовала революционное воззвание²⁵². Однако после того как руководство большевистской партии приняло решение возглавить рабоче-крестьянскую бунтарскую стихию масс, анархисты, выступившие в первых рядах застрельщиков и вдохновителей антиправительственного выступления, вынуждены были отойти на второй план. «Большевикам было нетрудно перехватить руководство движением, – отмечает российский анархист А.В. Шубин, – так как у них, в отличие от анархистов Петрограда, была сильная организация»²⁵³. На самом деле и большевистские организаторы не смогли оседлать «ураган» самочинной низовой инициативы.

Анархистские агитаторы предпринимали энергичные действия, чтобы «подтолкнуть» события в еще более радикальном направлении, но лидерам большевиков удалось, хотя и не без затруднений, частично взять под контроль разбушевавшуюся социальную «стихию» в столице. Одним из «успокоителей» стал член ЦК РСДРП(б) Г.Е. Зиновьев, который весь день 4-го июля провел в Таврическом дворце, неоднократно

выступая перед подходившими толпами рабочих и солдат. «В громадном большинстве случаев, – вспоминал он вскоре после указанных событий на страницах газеты «Правда», – демонстранты слушали меня со вниманием и знаками одобрения выражали согласие с тем, что я говорил. Один-два раза меня пробовали срывать маленькие группы, как мне показалось, анархистов, которые стояли у самого крыльца Таврического дворца и не проходили дальше вместе с толпой. Когда я звал расходиться, они кричали: «Опять расходиться! Опять ждать! Довольно!» и т.д. Один раз им как будто стало удаваться переломить настроение в свою пользу. С трудом мне удалось опять овладеть аудиторией»²⁵⁴.

Если учесть тот факт, что еще весной первого революционного года анархистские ряды насчитывали в политических центрах страны не больше нескольких десятков, может быть, сотен активистов, то первая серьезная проба сил в ходе июльского политического кризиса стала заметным успехом идейных антигосударственников: не имея разветвленных организационных структур, серьезной материальной базы для агитационно-пропагандистской работы, они сумели прочувствовать набирающие силу «бунтарские» тенденции освободительного движения социальных «низов» и в какой-то степени придать ему идейно-анархистские черты. Более того, на леворадикальном партийном фланге исторические наследники Бакунина и Кропоткина получают даже определенное тактическое преимущество, поскольку их *антигосударственный* фундаментализм, совмещенный с народной «стихией», мог послужить чрезвычайно эффективным орудием ниспровержения шаткого буржуазно-демократического режима.

1.3. В решительном натиске на Государство и Капитал

В советской исторической литературе характер деятельности и масштабы политического влияния анархистов в период между Февралем и Октябрем обычно описывались в уничижительных тонах. При этом иногда не обходилось без противоречивых оговорок. «Война и разруха, голод и нищета, – писал видный советский анархист С.Н. Канев, – вызвали рост анархистских настроений»²⁵⁵. Однако основная масса трудящихся, по его убеждению, «прочно стояла на позициях большевиков»²⁵⁶. По оценке другого советского историка Е.М. Корноухова, «в июле – октябре 1917 года анархисты не имели сколько-нибудь значительного влияния на организованные массы рабочих и солдат»²⁵⁷. А на следующих за этим высказыванием страницах своей монографии он

приводит свидетельства активной политической работы анархистов на шахтах Донбасса, а также отмечает, что «влияние их усилилось и в столице, на предприятиях Нарвского, Рождественского, Московского районов и Колпине»²⁵⁸.

Между тем, даже те немногочисленные упоминания анархистского «следа», которые встречаются в советских сборниках документов и монографиях, посвященных революционным событиям 1917 г., наводят на мысль, что роль идейных противников государства была весьма заметной. Дополнительные убедительные свидетельства в пользу этого положения содержатся в целом ряде публикаций, вышедших в свет уже в постсоветский период. Рассмотрим ряд «свидетельских показаний».

Конфигурация политических предпочтений в Севастополе осенью 1917 г. очень откровенно обрисовывается в письмах одного из ведущих местных работников-большевиков Н.И. Островской. «Если не пришлете двух работников, то разовьется намечающийся здесь уклон к анархизму, – пишет она в Центральный комитет своей партии 16 сентября 1917 г. – т.к. эсеры, ме-ки (меньшевики. – В.С.) без авторитета (здесь и далее выделено нами. – В.С.)»²⁵⁹. Еще более отчаянное послание председательница Севастопольского комитета большевиков направила тому же адресату 30 сентября 1917 г.: «...Дайте двух людей и через месяц здесь будет десяток-другой местных работников, богатая и сильная организация и у нас будет голос Черного моря. Не пришлете – по-прежнему не будете отсюда получать ни гроша, Таврическая губерния проведет повсюду эсеров, и мы потеряем то, что уже держим – флот – в своих руках. Сейчас не только массы были, но и считаться с нами стали серьезно – мы могли бы быть всем, могли бы быть полновластны, а будем ничем, если еще не ударятся в анархизм и всяческую безгра-

* Это была уже не первая волна анархистской «экспансии» в Севастополе. Еще летом 1917 г. для передачи революционного опыта на Черное море была направлена делегация моряков-балтийцев, среди которых были и анархисты. По поводу деятельности указанной делегации 7 июля опубликовано правительственное сообщение за подписями министра-председателя Г.Е. Львова и военного министра А.Ф. Керенского. «В Севастополе за последнее время сильно развилась агитация анархистов, – били тревогу власти. – Анархисты, претерпев неудачу в Центральном Комитете и делегатском собрании, переменили тактику, обратив свою деятельность непосредственно на массы. Им удалось возбудить крайне острое положение, выразившееся арестом трех офицеров и отобранием у офицеров оружия. Митинговые решения проводились в исполнение без ведома и помимо Центрального Комитета». Цит. по: Залежский В. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 172.

мότητα. Сюда приехали из Америки анархисты. Итак, берите на себя всю ответственность: или двух работников и Черное море – большевистское и богатое, или опять ваше равнодушие и молчание – и тогда здесь керенщина или анархизм (который пойдет на ваш счет), ибо считают, на основании последнего времени, что влияние наше, а анархисты выступают никогнито, иной раз говоря с трибуны, что «Ленин анархист», что большевики и анархисты смотрят на все одинаково. – А им помогает в этом по мере сил Бунаков (со своей безграмотной кликой), уверяя, что большевики анархисты (курсив автора письма, выделено жирным нами. – В.С.)»²⁶⁰. В том же духе написано письмо Н.И. Островской от 10 октября: «... Между прочим, за последнее время анархисты развелись и за отсутствием наших выступлений (некому теперь, раз я лежу) их принимают за нас. Наши не отходят, но масса «левее» по-анархистски, при южном темпераменте и политической невоспитанности это может привести к хлопотам не малым и не вовремя, главное (выделено нами. – В.С.)»²⁶¹.

«Голосу» Черного моря вторила Балтика. В.А. Антонов-Овсеенко в том же сентябре писал в ЦК РСДРП(б): «Поспешите со съездом Советов Северо-Западной области, а то инициативу придется брать нашим Советам. Масса идет *через нашу голову* – на съезде балтийцев оборонцами не пахнет, но есть – небывалое у нас явление – 6 анархов. В «провинции» и того хуже – бурлят, нестерпимо. Надо спешить с организацией»²⁶².

Своеобразное идейное «двоевластие» большевиков и анархистов в это время отмечается и в других регионах страны. В частности, 22 сентября в телеграмме военного комиссара Временного правительства Пирогова военному министру о состоянии воинских гарнизонов в сибирских городах сообщалось: «1) В Канске, Красноярске, Ачинске – проповедь большевизма и гражданской войны, Иркутске и Черемхове – усиленная агитация анархистов. 2) В Канске, Красноярске, Ачинске – власть формально принадлежит Советам, солдатские массы следуют за ними, [в] других гарнизонах отношение положительное, однако на практике многие приказы не выполняются...»²⁶³.

В Иркутске анархисты выступили в качестве авангарда антиправительственного движения, поскольку большевики никак не могли размежеваться с меньшевиками и серьезного влияния на местный гарнизон не имели. Анархисты использовали благоприятную политическую ситуацию, чтобы привлечь под черные знамена вооруженную солдатскую массу. 17 сентября 1917 г. по их инициативе создается Беспартийный союз взаимопомощи солдат, который возглавили анархисты Гейцман и

Новиков. В своей декларации союз призвал к поддержке Временного правительства и других общественных организаций в борьбе с контрреволюцией и в то же время предъявил радикальные антибуржуазные требования (в частности, речь шла о конфискации имущества «цензовых» элементов, о ликвидации частной собственности в промышленности и передаче власти Совета солдатских депутатов союзу). Получив отрицательный ответ, «бунтовщики», в свою очередь, отказались исполнять приказы вышестоящего начальства, участвовать в строевых занятиях и отправлять своих товарищей на фронт. Арест руководителей Беспартийного союза спровоцировал аналогичные действия со стороны восставших: когда на митинг личного состава 12-го полка прибыл командующий войсками округа подпоручик эсер А.А. Краковецкий, он был арестован вместе со всеми сопровождающими лицами. К солдатам мятежного 12-го полка готов был присоединиться и 11-й полк, расположенный на другом берегу Ангары. Только с помощью юнкеров, использовавших пулеметы и артиллерию, удалось не допустить воссоединения восставших частей и разоружить солдат (помимо указанных подразделений, обезоружили также 9-й и 10-й полки). В городе фактически был установлен режим военной диктатуры²⁶⁴. На этот раз все закончилось ликвидацией бунта. Буквально через несколько недель подобные действия революционизированных солдатских гарнизонов в столице страны и других российских городах выльются в победоносные восстания, причем заметную роль в них – и в качестве политических руководителей, и в качестве рядовых бойцов – сыграют именно анархисты.

Уже ранней осенью 1917 г. «бунты» социальных низов, возглавляемые идейными антигосударственниками, превращались кое-где в локальные победоносные «революции». Например, в Гомеле в том же сентябре анархистам-коммунистам удалось подговорить солдат местного пересыльного пункта организовать вооруженную антивоенную демонстрацию. Начальство приложило немало усилий, чтобы предотвратить самочинную акцию, однако выступление все-таки состоялось, хотя и по другому поводу. 20 сентября на пересыльном пункте появились две женщины, у которых по распоряжению властей на железнодорожной станции изъяли хлеб. Жалобы женщин настолько накалили атмосферу, что солдаты готовы были не только бить «буржуев», но и разогнать Совет, идущий у них на поводу. Многотысячная толпа возмущенных «нижних чинов», возглавляемых гомельскими анархистами, с самыми решительными намерениями окружила дворец Паскевичей, в котором

проходило заседание Совета, и вынудила депутатов принять антивоенную резолюцию²⁶⁵.

В указанный период идейное влияние анархистов постепенно распространяется не только на радикально настроенные слои города, армии и флота, но в некоторых районах страны и на крестьянство. В частности, на Украине под руководством Гуляйпольского комитета защиты революции, возглавляемого анархистом-коммунистом Н.И. Махно, местные крестьяне и рабочие установили контроль над производством и явочным порядком передали помещичью землю в ведение земельных комитетов. Примеру гуляйпольцев последовали другие волости и уезды Украины²⁶⁶. Эти действия представлялись сельским труженикам и их вожакам только началом реализации далеко идущих либертаристских планов. «Наша группа анархо-коммунистов и члены Совета крестьянских и рабочих депутатов, – писал в своих воспоминаниях Н.И. Махно, – разослали всюду своих людей и листовки-призывы, в которых призывали народ действовать в этом направлении как можно решительнее. Мы полагали, что успехи прямого революционного действия тружеников на местах решат земельный вопрос в окончательной и справедливой форме до Учредительного собрания и этим предрешат судьбу частной собственности и на фабрики, заводы и другие виды предприятий, так как рабочие, имея пример крестьян, не останутся рабами хозяев этих общественных предприятий: они провозгласят их общественным достоянием и возьмут их под непосредственное руководство своих заводских комитетов и союзов. А отсюда начнется атака против государственной политической власти (если наши анархические группы по городам находятся на своих местах) и смерть принципу самой государственности станет свершившимся фактом в жизни трудящихся. Останется лишь одно дело: похоронить их решительно так, чтобы они не находили себе места в жизни и не воскресали...»²⁶⁷. Видимо, именно такими соображениями руководствовались многие идейные анархисты и сочувствующие им слои населения, оказывая действенную помощь большевикам в организации нового революционного переворота.

1.4. Несостоявшаяся Третья революция

Анархисты не являлись инициаторами Октябрьского переворота, вместе с тем их действительное присутствие заметно на всех уровнях и этапах организационной подготовки и осуществления антиправительственного выступления. В частности, 6 сторонников безвластия вошли в Военно-

революционный комитет (ВРК) при Петроградском совете²⁶⁸. Немало анархистов участвовало в захвате Зимнего дворца и других ключевых объектов столицы в составе отрядов балтийских моряков, красногвардейских отрядов Василеостровского, Невского, Выборгского и Шлиссельбургского районов²⁶⁹. В некоторых из этих отрядов командирами и комиссарами состояли анархисты: И.П. Жук, А.Г. Железняков, Э.А. Берг, А.В. Мокроусов, Х.З. Ярчук²⁷⁰. Анархист К.В. Акашев, используя свои полномочия комиссара Временного правительства в Михайловском артиллерийском училище, вывел две батареи из расположения Зимнего дворца и тем самым весьма облегчил штурмующим их боевую задачу^{271*}.

С удовлетворением встретили падение власти, «изменившей пролетариату», московские анархисты, однако они поддерживали вовсе не действия большевиков по реализации партийных задач, а новый всплеск революционного либертаризма масс. Октябрьские события в Петрограде трактовались в Московской федерации анархистских групп как *социальная революция*, которая не ограничится «политическим творчеством», но самым коренным образом изменит экономические отношения в пользу трудового народа²⁷². Поэтому главную силу революционных преобразований сторонники безвластия видели не в партиях, пусть даже ультрареволюционных, а в самих массах и их народно-демократических организациях. В частности, на страницах газеты «Анархия», выпущенной 26 октября 1917 г., прозвучал радикально-либертарный призыв к фабрично-заводским комитетам – объединяться в федерацию «для захвата экономической власти, для организации производства, для захвата фабрик и заводов»²⁷³. В свою очередь, крестьянам предлагалось самочинно брать землю в ведение своих «деревенских союзов», а солдатам по собственной инициативе прекращать военные действия и присоединяться к социальной революции²⁷⁴. (В сфере потребления делалась ставка на кооперацию, которая, «имея организационные навыки, имея организованный рынок, огромный распределительный аппарат... должна проявить всю свою энергию, всю мощь кооперативного творчества и прийти им (рабочим, захватившим производство в свои руки. – В.С.) немедленно»²⁷⁵.)

Готовность немедленно приступить к радикальным преобразованиям московские анархисты продемонстрировали на личном примере. Они

* Примечательно, что в это же время (25 октября) анархист Г.Б. Сандомирский пишет П.А. Кропоткину: «...Есть основания не верить тревожным слухам о том, что всех нас, несогласных с демагогией, Троцкий завтра посадит в катлажку при Петроградском совете...» (ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 2213. Л. 1).

захватили типографию «Московского листка», чтобы, согласно их заявлению, осуществить истинную свободу печати и иметь возможность бросить народу «ключ борьбе за свое освобождение»²⁷⁶. Показательно также, что захват типографии, выпускавшей «черносотенную» литературу, преподносился именно как акт поддержки анархистами «выступления петроградского революционного пролетариата», несмотря на идейные расхождения антигосударственников с социал-демократами-ленинцами^{277*}. Участвовали московские анархисты бок о бок с солдатами-двинцами и в боевых действиях на улицах древней русской столицы²⁷⁸.

В провинции взаимоотношения между восставшими большевиками и анархистами развивались в диапазоне от тесного сотрудничества до доброжелательного нейтралитета. Ряд примеров боевого союзничества указанных леворадикальных течений в Твери и уездных городах приводится в кандидатской диссертации В.П. Суворова. В Торжке и Ржеве большевики и анархисты совместными усилиями создали военно-революционные комитеты, которые взяли под контроль ключевые городские объекты, транспортные коммуникации и безболезненно передали власть в руки Советов²⁷⁹. В г. Осташкове большевики осуществили смену власти, организовав с помощью анархистов перевыборы местного Совета и завоевав в нем большинство мест²⁸⁰. По оценке В.П. Суворова, в городах Красный Холм и Бежецк, будучи «среди главных инициаторов перехода власти к Советам», анархисты действовали в этом направлении даже более энергично, чем большевики²⁸¹. «Активность бежецких и краснохолмских анархистов, пишет тверской историк, – позволила им выдвинуться в своих уездных Советах на первые роли в первые послеоктябрьские месяцы»²⁸².

Сторонники безвластия были поставлены перед нелегкой мировоззренческой проблемой: поддержка Советов как органов *политической власти* означала отход от ортодоксального анархизма, а отказ от такой

* «Нам, понятно, долго не приходится распространяться о том, что мы, анархисты, не сторонники власти, – независимо кем бы она захвачена ни была, – отмечалось в печатном органе Московской анархистской федерации. – Не по этому пути, – мы глубоко убеждены в этом, – лежит освобождение рабочего класса. Но мы приветствуем и неописуемо рады, что революционная подлинная демократия взяла руководство страной в свои руки. Как бы мы не расходились с товарищами большевиками, какими бы противниками власти мы не были, – но мы всегда помним, что в рядах большевиков находятся изверившиеся в другие партии, обманутые изменниками социализма, – пролетарии, солдаты и крестьяне» (Революция продолжается // Анархия. – 1917. – № 8. – С. 1).

поддержки мог привести к победе реакции. Антигосударственникам пришлось проявить недюжинную изобретательность, чтобы с честью выйти из шекотливой ситуации. Например, в Красноярске вопрос о власти решался на заседании губернского исполкома 28 октября 1917 г. Эсеры и меньшевики, огласив свои декларации, в знак протеста покинули заседание, а анархисты хотя и напомнили, что являются принципиальными противниками государства как института насилия над свободной личностью, но в «интересах дальнейшего развития революции» пообещали поддерживать ленинцев, поскольку «Советская власть – власть “децентрализованная”»²⁸³. В Иркутске анархисты во главе с Н.А. Каландаришвили с оружием в руках поддерживали большевиков и левых эсеров в борьбе за контроль над Советом, но при голосовании за советскую власть высказались «против всякой власти»^{284*}. В целом в среде сибирских анархистов возобладали конструктивные просоветские настроения. По подсчетам А.А. Штырбула, в состав сибирских Советов и их исполкомов различных уровней входило до 70 депутатов-анархистов и анархо-сочувствующих (в том числе 4 в ЦИК Советов Сибири), из них 5 стояли во главе соответствующих органов советской демократии²⁸⁵.

Заметный вклад внесли анархисты в подготовку политических условий для «триумфального шествия Советской власти» по стране после успешных восстаний в обеих столицах, положивших начало демонтажу буржуазно-демократической политической системы. Подтверждением данного тезиса может послужить политическая история Краснохолмского уезда Тверской губернии, который, по утверждению В.П. Суворова, «стал первым в Тверской губернии и одним из первых в России, где в Совете ведущую роль играли анархисты в коалиции с левыми эсерами и большевиками»²⁸⁶.

24 декабря 1917 г. в г. Красный Холм анархисты, большевики и левые эсеры созвали альтернативный (в том смысле, что в административно-территориальном плане этот город входил в состав Весьегонского уезда) I уездный съезд Советов. В состав избранного на съезде исполкома из 5 человек вошел и анархист-коммунист А.А. Седов²⁸⁷. В середине января 1918 г. после II уездного съезда Советов состав исполкома

* Правда, в том же Иркутске нашлись анархисты, которые не только не участвовали в революционном перевороте в декабре 1917 г., но даже по доброй воле пришли в тюрьму и просидели там до конца боев, доказывая свою лояльность законной власти. См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 166.

был расширен до 9 человек, членами которого стали 3 анархиста: комиссар финансов А.А. Седов, комиссар народного образования П.А. Магунов и комиссар санитарно-врачебного отдела А.Е. Лярский²⁸⁸. В конце января Краснохолмский совет, опираясь на солдат местного гарнизона, провел успешную боевую операцию по ликвидации Восьегонского уездного совета, в котором еще с марта предыдущего года прочные позиции занимали правые эсеры и кадеты. Поход на Восьегонск и арест членов местного консервативного Совета осуществлялись под руководством члена Тверского губернского совета И.В. Малышева, членов Краснохолмского уездного совета А. Седова и В. Шабаллина, а также специально присланного из столицы члена Петросовета Н. Долгирева, в недавнем прошлом анархиста-коммуниста, а с декабря 1917 г. – члена ПЛСР²⁸⁹. 28 января 1918 г. I Чрезвычайный съезд Советов Восьегонского уезда избрал новый исполком во главе с Н. Долгиревым, членами которого стали, как и следовало ожидать, большевики, левые эсеры и один анархист²⁹⁰. Анархисты активно работали и в других уездных Советах Тверской губернии: Бежецком, Калязинском, Кимрском, Кашинском, Новоторжском, Ржевском, Осташковском, Тверском²⁹¹.

Если до Октябрьской революции большевики, анархисты и другие леворадикальные организации солидарно действовали на базе *негативного консенсуса* по отношению к буржуазно-демократическому Временному правительству и его аппарату на местах, то в последовавший затем период советизации революционной власти в России в лагере идейных антигосударственников выделяются два основных направления: *лояльная оппозиция* («анархо-большевики») и *непримиримая (внесистемная) оппозиция* (впоследствии они получили название «анархисты подполья»), которые, в свою очередь, включали в себя более дробные фракции. Камнем преткновения стала не только проблема сотрудничества с революционными государственниками в Советах, но и целый комплекс вопросов, связанных с перспективами развития социальной революции и «конструирования» подлинно народной власти, при этом в качестве *великого другого* на новом этапе выступают преимущественно большевики.

Лояльные анархисты сотрудничали с большевиками не только на разных уровнях аппарата Советской власти (начиная с ВЦИК, членами которого в разное время стали анархисты А.А. Карелин²⁹², Ф.С. Горбов, А.Е. Ге, Р.Е. Эрманд, и заканчивая уездными Советами), в органах производственной демократии (профсоюзах и фабзавкоммах), но даже в таких сугубо авторитарных структурах, как органы госбезопасности.

Например, в конце декабря 1917 г. комендантом и членом ВЧК стал анархист-индивидуалист Ф.П. Другов, а в феврале 1918 г. по личной рекомендации Ф.Э. Дзержинского начальником банковского подотдела ВЧК назначен анархист Г.Г. Делафар (Лафар)^{293*}.

Что касается *внесистемных* анархистов, то они подвергли резкой критике уже самые первые шаги новой власти, обвиняя большевиков в «парламентском фетишизме», «смертельном меньшевистовании», оппортунизме и склонности к гражданскому миру – то есть в тех политических «грехах», которые являются преступными в условиях развивающейся Третьей революции. Еще одним поводом для суровой критики слева стал отказ правящей ленинской партии от радикальных либертарных деклараций дооктябрьского периода. Например, один из членов Петроградского ВРК анархист Г. Богацкий в связи с планами большевистского руководства провести запланированные еще при Временном правительстве выборы и созвать Учредительное собрание заявил, что, «отправляя туда своих представителей, большевики посягают на революционную самостоятельность трудовых масс», выхолащивают ими же выдвинутый лозунг «государства-коммуны»²⁹⁴.

В прессе и публичных выступлениях анархисты (особенно анархо-коммунисты) активно опровергали социальную и экономическую целесообразность большевистского лозунга «рабочего контроля», утверждая, что трудовой народ должен не просто контролировать, но в полной мере пользоваться и распоряжаться тем, что принадлежит ему по праву. «Для того, чтобы, наконец, стать свободными экономически и политически, – возвещали «апостолы безвластия» в декабре 1917 г., – необходимо забыть о политическом методе борьбы путем дарованных властью декретов и приступить непосредственно к действиям и захватам фабрик, заводов, не останавливаясь ни перед какими средствами вплоть до уничтожения создавшейся власти (выделено нами. – В.С.)»²⁹⁵.

Какую альтернативу предлагали идейные антигосударственники революционным массам? «Своими непосредственными усилиями, – писал видный русский анархист-коммунист А.А. Карелин (Кочегаров) в ноябре 1917 г., – хотим мы (т.е. эксплуатируемые и угнетенные. – В.С.)

* По сведениям современного историка О. Капчинского, в состав ВЧК в период с конца января до начала июля 1918 г. входило в общей сложности 29 человек: 17 большевиков, 10 левых эсеров и 2 вышеуказанных анархиста. См.: Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. – М., 2005. – С. 162.

устроить в настоящее время общественную жизнь так, чтобы она не была для нас очень тяжелой, и хотим переустроить ее, раз навсегда уничтожив всякий капитал (и современный – буржуазный, и тот, которым грозят нам социал-демократы, – то есть новогосударственный капитал) и всякую власть (как современную, так и социал-демократическую, которая прибавит в своей деятельности управление производством и распределением продуктов)²⁹⁶. Сторонники безвластия призывали «сознательных» товарищей (в отличие от «полусознательных товарищей» из социалистических партий) рассчитывать лишь на собственные усилия и самоорганизацию для достижения великих идеалов свободы и справедливости. При этом их революционно-либертарная тактика предусматривала создание для борьбы с противниками-государственниками, объединенными в могучие союзы, не менее эффективных анархистских «союзов сопротивления и нападения», как явных, так и тайных²⁹⁷.

Радикальные анархисты фактически оказались в той же позиции, какую занимали большевики до Октябрьского революционного переворота: опираясь на углубление радикально-либертарных настроений в массах и расширяя свою социальную базу, они намеревались добиваться от новой власти дальнейшего продвижения по пути революционных преобразований, но теперь уже под эгидой «апостолов безвластия». Анархисты надеялись в ходе дальнейшего развития «бунтарской стихии» в России перехватить идеологическую и политическую гегемонию из рук своих «поправивших» вчерашних партнеров – большевиков, подобно тому, как те в свое время сумели оттеснить от власти умеренных социалистов. И.С. Блейхман (Солпцев) в конце ноября 1917 г. отметил, что с первых дней революции большевизм претерпевает «странный метаморфоз», демонстрируя свою неспособность сопротивляться «ударам жизни и анархизма». В частности, большевистская власть пообещала во что бы то ни стало обеспечить созыв Учредительного собрания, невзирая ни на какие препятствия справа и слева. «Но тов[арищи] большевики забыли, – грозно предупредил бывший член столичного ВРК, – что кроме их сил еще имеется сила жизни и анархизма, которая также не останавливается ни перед чем, и большевизм пред этими грозными силами бессилён, как ребенок, он отступает шаг за шагом (выделено автором статьи. – В.С.)»²⁹⁸.

«Сила жизни и анархизма» оказалась не просто риторической фигурой: она воплощалась в «стихийной», т.е. не оформленной партийно-идеологически, тяге широких слоев населения к жизни, свободной от политической и экономической эксплуатации, а кое-где представляла

собой целые территориальные анклавы, подконтрольные идейным анархистам. Например, после перевыборов Совета Черемховского района в начале ноября 1917 г. новое руководство было представлено 1 анархистом-синдикалистом (председатель Совета А. Буйских), 6 анархистами-коммунистами и 3 беспартийными. Преодолев активное сопротивление эсеров и меньшевиков, контролировавших местный гарнизон, милицию и военный отдел Совета, анархистам с помощью рабочих-горняков удалось к концу месяца установить в районе Советскую власть²⁹⁹. В Бежецком уездном исполкоме Советов анархисты уже в конце 1917 г. численно преобладали над большевиками (пятеро против троих), а пост председателя исполкома замешался сначала левым эсером, а затем большевиком только потому, что авторитетный местный анархист Л.А. Алексеев по принципиально-идеологическим соображениям отказывался его занять³⁰⁰. В условиях политического кризиса в уезде, связанного с упразднением земства и установлением единовластия Совета, Л.А. Алексеев продемонстрировал качества подлинного харизматического лидера и завоевал уважение даже в кругах «цензовой» общественности. Заметной фигурой в Бежецке стал еще один либертарист – А.Г. Зуев, прибывший в город 14 февраля и вскоре кооптированный на должность товарища председателя уездного исполкома. В свое время он был социал-демократом, затем сблизился с максималистами, а в указанное время тесно примыкал к анархистам. На V Бежецком съезде Советов, проходившем в марте 1918 г., А.Г. Зуев был утвержден председателем новосозданного уездного Совета народных комиссаров, членами которого в ранге комиссаров или их заместителей (товарищей) стали анархисты Л. Алексеев, Г. Марков, А. Виноградов, И. Журавлев, С. Багров и ряд сочувствующих им членов исполкома³⁰¹. Бежецкие анархисты, как они заявляли, пошли во власть для того, чтобы защищать интересы отдавших им свои голоса тружеников, для того чтобы укреплять и развивать институты народоправства, а не бюрократической государственности*.

Еще одна либертаристская «революция» уездного масштаба произошла практически в это же время в городке Камень-на-Оби (Алтайская губерния). Здесь в марте 1918 г. V уездный съезд Советов провоз-

* Например, Л.А. Алексеев мотивировал свою советскую работу необходимостью защищать нужды крестьян-выборщиков волости и уезда, и при этом он в Советской власти видел «переходную власть к анархизму» (см.: Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии: 2-я половина XIX в. – 1918 г.: Дис. ... к.и.н. – Тверь, 2004. – С. 213).

гласил создание Каменской республики, горячими сторонниками которой были местные анархисты и левые эсеры, а также анархо-сочувствующие большевики³⁰².

Значительных масштабов в Сибири достигло движение за социализацию предприятий, возглавляемое местными анархистами. Около 30 тысяч рабочих, занятых преимущественно в горнодобывающих отраслях, приняли участие в создании коллективистских форм собственности и производственных отношений. По сведениям А.А. Штырбула, наиболее результативным массовое движение за социалистические социально-экономические преобразования было на Черемховских, Черновских, Анжеро-Судженских угольных копях и золотых приисках Забайкалья³⁰³.

Мощным эпицентром практической «анархии» стал Гуляйпольский район, от которого либертарные импульсы расходились по всей Украине и прилегающим российским губерниям. Во главе главных классовых организаций в Гуляйполе – Совета (до августа 1917 г. – Крестьянский союз), а также профсоюза металлистов и деревообделочников, объединявшего осенью 1917 г. практически всех местных рабочих, – стоял анархист Н.И. Махно. Авторитет будущего *батьки* и его товарищей из Гуляйпольской группы анархистов-коммунистов опирался не только на вооруженную силу (еще в августе махновцы создали Комитет защиты революции и провели изъятие оружия у потенциальных местных контрреволюционеров), но и на реальные радикальные реформы в интересах трудящихся без оглядки на гипотетическое Учредительное собрание³⁰⁴. Гуляйпольский район в условиях относительной независимости от региональной и центральной власти превратился в площадку для смелых социальных экспериментов в народно-либертарном духе. В частности, осенью 1917 г. гуляйпольцы осуществили успешную попытку прямого товарообмена между селом и городом, отправив в Москву вагон муки и получив в обмен вагон мануфактуры. А весной 1918 г. под эгидой махновцев была проведена аграрная реформа, которая предусматривала плюрализм форм хозяйствования – от хуторов до коммун. «Махновский режим, – отмечает А.В. Шубин, – отрицал любые привилегии, в том числе и для общественных форм, близких ему идеологически». В свою очередь, и «общинное крестьянство отнеслось к коммунам и кооперативам спокойно – выступления против этого опыта на сходах успеха не имели»³⁰⁵. Командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко, посетивший «Махновию» в апреле 1918 г., отметил постоянную потребность *батьки* в «устройении жизни мирными средства-

ми». «Ростки социализма? Если да, то какого?» – подытожил свои впечатления высокопоставленный большевик³⁰⁶.

Особенно болезненной «мигренью» для правящего большевистско-левоэсеровского режима стала активная деятельность анархистских организаций и вооруженных формирований в промышленных, политических и военных центрах страны. Во второй половине 1917 г. последовательно укрепляются социально-политические позиции анархистов в таких форпостах революции, как Кронштадт и Гельсингфорс. И хотя в советских структурах сторонники безвластия не могли составить серьезной конкуренции другим левым фракциям*, тем не менее они имели основания рассчитывать на серьезную поддержку социальных низов, в том числе и в вооруженных силах. Например, 18 декабря 1917 г. в Гельсингфорсе на митинге рабочих, солдат и матросов была принята анархистская резолюция, в которой выдвигались радикальные социальные, политические и экономические требования и заявлялось об отказе подчиняться какой бы то ни было власти. Участниками митинга, объявившими себя «врагами государства, законов, власти», стали представители 28 подразделений морской базы и флота, в том числе делегаты экипажей мощных военных судов: броненосцев «Андрей Первозванный» и «Гражданин», дредноутов «Севастополь» и «Петропавловск», минных крейсеров «Автроил», «Самсон», «Свобода», «Десна»³⁰⁷.

Немало усилий прилагают идейные антигосударственники и для создания «партийных» вооруженных сил. Летом и осенью 1917 г. отряды Черной гвардии создаются в таких крупных городах Украины, как Одесса, Николаев, Херсон, Мелитополь, Никополь³⁰⁸. (Весной следующего года один из лидеров российского анархо-движения, член ВЦИК А.Ю. Ге утверждал, что «в руках анархистов уже многие города на Юге»³⁰⁹.) В Петрограде 20 декабря 1917 г. состоялось собрание инициативной группы по созданию анархических дружин, на котором присутствовали представители Выборгского, Василеостровского, Московского и Петроградского районов, а также редакции газеты «Буревестник»³¹⁰.

При этом военизированные формирования, осененные черным знаменем, создавались и укреплялись во имя борьбы как раз за те идеалы, которые привлекли на сторону большевиков многомиллионные массы и

* К примеру, после перевыборов Кронштадтского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов в начале 1918 г. места распределились следующим образом: большевиков – 163, левых эсеров – 63, максималистов – 60, анархистов – 14, меньшевиков – 5. См.: Максималист. Орган ССРМ. – 1918. – № 3 (28 января). – С. 3.

которые так и остались обещаниями после победы Октябрьской революции. «Мы признали, – декларировалось в органе анархистов-синдикалистов «Буревестник», – что:

- Земли – народу.
- Фабрики – народу.
- Дворцы – народу.

Да будет так: где массы слабы для осуществления этого, вольные дружины или помогут им своею силой, или умрут вместе с ними»³¹¹. Горя желанием выполнить программу-максимум социальной революции, анархисты в лучшем случае готовы были предложить большевикам роль младшего партнера по коалиции, вряд ли приемлемую для правящей партии³¹². В худшем случае большевики расценивались как явные изменники революционных принципов, бросившиеся в объятия враждебных классовых элементов – буржуазии и даже черносотенцев³¹³.

В конце 1917 – начале 1918 г. наступательной тактикой отличились анархисты обеих столиц. Пуская в ход оружие в имущественных конфликтах с большевиками, они захватили лучшие особняки для создания своеобразных плацдармов реального либертаризма под боком у новых государственных властей³¹⁴. Например, в Москве в конце января 1918 г. в помещении бывшего купеческого клуба на Малой Дмитровке разместился Совет Московской федерации анархистских групп в составе известных деятелей антигосударственного движения Л. Черного (П.Д. Турчанинова), М. Крупенина, В. Бармаша и А. Гордина^{315*}. Отряд Черной гвардии, созданный при Доме анархии, положил начало формированию неподконтрольных и нелояльных правительству вооруженных сил, которые, экспроприировав 25–26 особняков в центре города, к началу апреля 1918 г. захватили в тактическое кольцо Кремль³¹⁶. Это стало особенно нетерпимым для властей предрежащих после переезда в Москву советского правительства. По выражению второго лица в ВЧК Я.Х. Петерса, организации московских анархистов «представляли собой как бы вторую параллельную Советской власти власть»³¹⁷. Стоит учитывать и то обстоятельство, что анархистские «гнезда» представляли собой не только импровизированные арсеналы, казармы и партийные штабы, но и центры массового политического просвещения, пропаганды и развлечений, которые местная публика посещала с большей охотой, нежели скучные большевистские «храмы»³¹⁸.

* Штаб московских анархистов в просторечии получил название Дома анархии.

В сложившейся ситуации просматривалась прозрачная аналогия с тактикой большевиков в августе–октябре 1917 г.: подобно ленинцам накануне свержения Временного правительства, анархистские вожди утверждали, что вооружают своих сторонников в целях борьбы с буржуазией и контрреволюцией, на самом деле они нацеливались на ликвидацию «переродившейся» и не оправдавшей доверия масс власти*. В начале апреля 1918 г. А.Ю. Ге в частном разговоре проговорился, что «через месяц-два анархисты выкопают могилу для большевиков» и тогда «будет основана подлинно коммунистическая Республика»^{319**}. Но до тех пор, по его признанию, необходимо очистить движение идейных антигосударственников от контрреволюционных элементов, стремящихся использовать оппозицию правящему режиму в своих целях.

Полной аналогии с предоктябрьским периодом 1917 г. не получилось. «Новое Временное правительство»³²⁰, в отличие от правительства А.Ф. Керенского и вопреки ожиданиям идейных апологетов безвластия, *посмело* решительно применить вооруженную силу против своих вчерашних революционных союзников и продемонстрировать всему миру, кто является хозяином в «пролетарском» государстве. Воспользовавшись как предлогом рядом уголовных эпизодов с участием анархистствующих элементов, ВЧК тщательно спланировала и провела полномасштабную военную операцию по ликвидации 25 «очагов» в Москве. Отряд ВЧК***, воинские части и латышские стрелки из кремлевской охраны, усиленные артиллерией и броневиками, в ночь с 11 на 12 апреля окружили занятые и укрепленные анархистами здания и к двум часам

* Аналогия наблюдалась и в другом. В начале 1918 г. бежецкий священник, историк-краевед И.Н. Постников отметил в своем дневнике: «Волнуют слухи об усилении в Петрограде анархистов. Захват частных домов, усиливающиеся выступления на собраниях, откровенные и резкие – то же, с чего начали большевики. В своё время успех большевизма правительству Керенского представлялся маловероятным. Не то же ли повторится и с анархистами?....». Цит. по: Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии. – С. 244.

** На вопрос «А если большевики вас опередят и начнут наступление первыми?» А. Ге довольно наивно ответил: «Они не посмеют». См.: Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. – М., 1990. – С. 234.

*** По свидетельству авторитетного участника событий М.Н. Покровского, основу формирующихся вооруженных сил ВЧК составил отряд левого эсера Попова, прибывший из Финляндии. «При ликвидации «особняков» отряд себя оправдал и был зачислен как специальный отряд ВЧК». См.: Покровский М.Н. ВЧК–ОГПУ (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1927 г.) // Покровский М.Н. Октябрьская революция. Сборник статей. 1917–1927. – М., 1927. – С. 404.

уже рапортовали вверх по инстанциям об успешном выполнении задания. При этом осажденные черногвардейцы, несмотря на позднейшие описания победителей³²¹, вовсе не выглядели безрассудными и беспомощными авантюристами. Например, решительный отпор латыши и чекисты встретили со стороны обитателей «главного гнезда анархистов» на Малой Дмитровке, а также в особняках на улицах Поварской и Донской. Только после применения артиллерии со стороны превосходящих правительственных сил защитники анархистских центров, среди которых было немало женщин и подростков, были вынуждены сдать-ся³²². Тем не менее даже в ходе чекистской операции анархисты проявляли инициативу и проводили военные контрманиевры. В частности, как свидетельствовал Ф.Э. Дзержинский, «в ночь на 12 апреля одна из групп анархистов в 2 часа ночи заняла особняк; на протест хозяев, требовавших разрешения от Советской власти, было отвечено, что Советская власть еле дышит»³²³.

«Красные» власти преподнесли противонархистскую акцию в первопрестольной как борьбу с преступными элементами, взявшими «в плен» идейных революционеров³²⁴, однако осведомленные свидетели событий прекрасно понимали, что в действительности острее репрессий было направлено против одного из политических конкурентов правящего режима – анархистского движения, опасно усилившегося в последнее время и готового повторить большевистский сценарий «социальной революции» лета-осени 1917 г. «Своим энергичным выступлением, – как бы в подтверждение нашей мысли писал Ж. Садуль, – против наиболее сильной, наиболее организованной, наиболее популярной в пригородах партии оно заставляет остальных задуматься и спланировать свои ряды (выделено нами. – В.С.)»³²⁵.

Вскоре после нанесения превентивного удара по московским центрам антигосударственнического движения начинается аналогичная «борьба с преступными элементами» в Петрограде, Саратове, Воронеже, Нижнем Новгороде, Витебске, Курске, Таганроге, Туле, Смоленске, Екатеринославе и многих других городах³²⁶. При этом в провинциальных городах, где идейные анархисты не представляли собой серьезной силы, действия властей по наведению «порядка» зачастую носили провокационный характер. В Нижнем Новгороде, например, противонар-

* Сами анархисты предоставляли чрезвычайным органам прекрасные «формальные» поводы. Например, нижегородские анархисты в дни кровавой развязки в столице печатно уверяли своих читателей, что не замысливают ничего против Советской власти, и в то же время призывали народ вооружиться и

хистская акция проводилась 28 апреля силами отряда латышских стрелков, прибывшего из Москвы. После недолгого обыска в помещении губернской федерации анархистских групп, сопровождаемого ударами прикладов и расстрельными угрозами, столичные «гости» доставили в местную ЧК одного анархиста, семь винтовок, три старых штыка и пару десятков патронов. В разговоре с председателем губчека – кстати, бывшим анархистом-коммунистом – Я. Воробьевым представители федерации выяснили, что местные власти не видели никакой реальной угрозы в существовании анархистской дружины в городе, но, тем не менее, из государственных соображений («Ведь мы власть. Что хотим, то и делаем») рассчитывали вызвать анархистов на вооруженное сопротивление со всеми вытекающими военными последствиями³²⁷.

Таким образом, большевики готовы были мириться с независимым существованием и самостоятельной политической линией организованных анархистов лишь до поры до времени – как только новая власть укреплялась в том или ином населенном пункте, она тут же принималась за искоренение своеволия антигосударственников, которое в новых условиях трактовалось в категориях Уложения об уголовных наказаниях. Что, впрочем, не мешало ленинцам объединять свои усилия со вчерашними «бандитами» в борьбе с более могущественным общим противником в лице интервентов или белогвардейцев. Например, в г. Каменском Екатеринославской губернии большевистский Военно-революционный комитет разоружил анархистов еще в конце 1917 г. Сторонники безвластия поплатились за самовольные экспроприации местных зажиточных элементов: большевики тоже налагали контрибуции на «буржуазию», но они это делали «для нужд государства», а анархистов обвинили в банальной уголовщине. Тем не менее Каменский ВРК не пренебрег вооруженной помощью анархистов, когда стало известно об агрессивных планах казачьих частей, возвращавшихся с фронта на Дон. Как только опасность миновала (казаки, узнав, что местное население поддерживает большевиков, не рискнули вступить в бой с рабочими отрядами), анархистов и действовавших совместно с ними максималистов вновь объявили «преступниками» и разоружили. Всего было задержано около 100 человек. Вожаков арестовали и отправили в Екатеринослав³²⁸.

уничтожить не только «капитал со всеми его классовыми привилегиями», но и «всякую власть со всеми ее орудиями угнетения личности» (см: Строев П. Контрреволюция надвигается // Под черным знаменем. – 1918. – № 5. – С. 2).

Подобная тактика использовалась и по отношению к анархистам (а также другим небольшевистским левым течениям), действовавшим на оккупированных германскими войсками территориях Украины и Белоруссии. В период борьбы с интервентами левые партии и организации были вынуждены объединяться, несмотря на разногласия «в центре» и «в верхах», но вскоре после ухода захватчиков левый блок, как правило, распадался. По сведениям белорусского анарховеда Ю.Э. Глушакова, «анархо-коммунисты входили в гомельский повстанческий ревком, действовавший в подполье, и играли первоначально в нем руководящую роль. Крестьяне отказывались вступать в контакт с представителями ревкома, пока им не сообщали, что в его состав входят анархисты или эсеры. Однако после занятия Гомеля и других белорусских городов Красной Армией с социалистической многопартийностью было покончено»³²⁹.

Военное разоружение и активная – на протяжении всего 1918 года – политическая дискредитация анархизма (целенаправленная – со стороны правящей левопартийной коалиции и невольная – со стороны поклонников Бакунина и Кропоткина, воплощавших их идеи в жизнь в примитивно-вульгарных формах) оставила идейным антигосударственникам слишком мало пространства и материальных возможностей для самостоятельной политики в сфере социальных либертарных нововведений. Надежды на трансформацию государства «диктатуры пролетариата» в федерацию вольных коммун стали еще более иллюзорными после перехода относительно вялотекущей Гражданской войны в «горячую фазу» в связи с выступлением Чехословацкого корпуса и последующими событиями. В реальной политике анархисты должны были либо примкнуть к платформе одного из течений революционного государственничества, либо пытаться навязывать силой ультра-«либертарную» модель «массе», имеющей собственные представления о свободной жизни, либо оказаться в роли беспочвенных мечтателей и «чистых» теоретиков*.

* Например, нижегородские анархисты не имели ни достаточно сильного идейно-политического влияния на местное население, ни административных рычагов для практического воплощения в жизнь своих идеалов, поэтому их уделом стало теоретическое проектирование анархо-коммунистического «Царства Божия на земле». См. Приложение (документы № 1 и 2). В этом же контексте можно упомянуть агитационные материалы владимирских и воронежских анархистов (см. документы № 3 и 4).

В этом контексте не вызывает удивления факт практического сотрудничества ряда советских анархистов с большевиками и левыми эсерами на почве построения основ государственного капитализма. Одним из таких практических работников был, например, тверской анархист И.Е. Мокин, который в Весьегонском уезде занимал ключевой пост комиссара обложения, труда, промышленности и торговли. Вот как мотивы его «весьма разумной и рациональной экономической политики» характеризует историк В.П. Суворов: «Горячий поклонник Парижской Коммуны и одного из её руководителей прудониста Варлена, бывшего по профессии, как и он, переплётчиком, Мокин пришёл к выводу, что Коммуна проиграла только потому, что не лишила капиталистов их экономической силы – не захватила их средства производства. Поэтому первоначально промышленников и купцов обложили чрезвычайным налогом, а тех, кто отказывался платить, посадили в местную тюрьму и держали их до выплаты налога.

В то же время как анархист, разделяющий взгляды идеолога индивидуалистического анархизма М. Штирнера, он полагал, что полное огосударствление экономики не отвечает интересам личности и поэтому союз разумных эгоистов, на основе общей заинтересованности, выгоден для общества в целом, поскольку создаёт стимулы к производительному труду. Постепенно И.Е. Мокин пришёл к выводу о необходимости использования опыта и капиталов весьегонской буржуазии на основе разумного экономического компромисса между ней и Советом»³³⁰. Поддержанный своими коллегами в Совете (в том числе действующим председателем УИК большевиком Г.Т. Степановым и его предшественником левым эсером Н. Долгиревым) комиссар-анархист уже весной 1918 г. приступил в масштабах уезда к реализации элементов социально-экономической политики, которая в скором будущем получит одобрение главы Совнаркома и будет положена в основу НЭПа³³¹.

Другую – ультрареволюционную – модель социальных преобразований пытались внедрить там же, в Тверской губернии, краснохолмские анархисты, которые в партийно-организационном смысле доминировали в уезде в январе–мае 1918 г. По инициативе уездного комиссара финансов анархиста А.А. Седова в начале года Краснохолмский совет обложил чрезвычайным налогом в 1,5 млн руб. имущие слои населения, в том числе и зажиточных крестьян. В марте прошёл уездный съезд Советов, который по рекомендации делегатов-анархистов объявил о национализации всей торговли и промышленности в городе и уезде. Реквизированные товары поступили в распоряжение сельской бедноты, а

достаточные крестьяне, в свою очередь, стали объектом нового прямого налогообложения. Большинство сельского населения восприняло радикальные экономические эксперименты анархо-большевистской власти как стремление отобрать у них весь хлеб и ввести карточную систему его распределения. Всеобщее недовольство еще больше обострилось после начала реквизиции лошадей и имущества Антониева монастыря, обитатели которого обратились за помощью к близлежащим общинам Путиловской волости. 14 марта на волостной сход собралось около 3 тысяч антисоветски настроенных крестьян, которые избили представителей уездного исполкома и красноармейцев из охраны. В воздухе запахло «кулацким» бунтом. А.А. Седов, наделенный у исполкома чрезвычайными полномочиями, с помощью военной силы сумел восстановить порядок в Путиловской волости, однако проведенный им бессудный расстрел трех арестованных крестьян стал поводом для разбирательства со стороны губернской следственной комиссии. Следствие не только осудило действия А.А. Седова, но признало также незаконной и нецелесообразной инициированную Краснохолмским советом национализацию и чрезвычайное налогообложение³³².

В Бежецком уезде Тверской губернии анархисты (и сочувствующие им большевики) также несли политическую ответственность за «углубление» социальной революции, спровоцировавшее массовые антисоветские выступления. Они начали с того, что в феврале и марте 1918 г. обложили двухмиллионными контрибуциями местную буржуазию*. Затем черед дошел до крестьянских волостей, с которых потребовали от 50 до 75 тыс. руб., при этом рабочие от налогового бремени были практически освобождены. В уезде ввели всеобщую трудовую повинность для всех трудоспособных в возрасте от 18 до 45 лет, ударными темпами осуществили национализацию торговли и промышленности, поставили вопрос о реквизиции всех излишков хлеба. Все это привело к плачевным результатам. Борьба с дороговизной и спекуляцией, которая выплывала в реквизиции продуктов у крестьян в базарные дни, еще больше обострила проблему продовольственного обеспечения горожан, которым приходилось на свой страх и риск выбираться за город и покупать продукты по высоким ценам. Не получил массовой поддержки и проект внедрения анархо-коммунизма в сельскую жизнь: в коммуны вступали лишь сами анархисты, неимущие крестьяне и рабочие, оставшиеся в

* Позднее председатель Бежецкого УИК анархист А. Зуев успешно «поделится» своим опытом на губернском съезде Советов (апрель 1918 г.): было принято решение об обложении тверской буржуазии контрибуцией в 20 млн руб.

городах без средств к существованию. Недовольство «низов» дополнялось законным беспокойством «верхов»: в мае из Москвы прибыла комиссия, пытавшаяся разобраться с бежецким экспериментом тотальной национализации торговли, однако никакой документации ей обнаружить не удалось³³³.

На VI уездном съезде Советов (20 июня – 1 июля 1918 г.) многие делегаты выразили недовольство социально-экономической политикой исполкома, большинство прежних комиссаров не переизбрали на новый срок. Совет «поправел» за счет вновь избранных эсеров и зажиточных крестьян. (В исполком были избраны 4 анархиста, три большевика и два сочувствующих, пять правых эсеров и 4 беспартийных.) Несмотря на столь неблагоприятные для ультрарадикальных «экспериментаторов» настроения в уезде, бежецкие анархисты с помощью бюрократических манипуляций сумели закрепить за собой посты председателя УИКа и комиссара по военным делам (им стал А.Г. Зуев)³³⁴. Уездное руководство продолжило «анархическую революцию», опираясь на самочинные вооруженные формирования, вызвав вполне обоснованную тревогу со стороны большевистских властей. 21 июля на совещании бежецких большевиков, организованном представителем Тверского окружного комитета РКП(б) А. Барановым, создан нелегальный Военно-революционный комитет, который занялся приготовлениями к политическому перевороту*. 29 июля большевики создали солдатский митинг и сумели использовать в своих целях массовое озлобление рядового состава против самодурства комиссаров-анархистов: Л.А. Алексеев, А.Г. Зуев и их соратники (первоначально 16 человек) были арестованы и отправлены в тюрьму³³⁵. Таким образом в масштабах одного уезда была наглядно продемонстрирована одна из практических версий социальной революции по анархистским ультрарадикальным рецептам и при их активном властном участии, которая завершилась насаждением полукриминальной диктатуры и бюрократическим перерождением вчерашних поборников безвластия.

Неоднозначными оказались и результаты социализации предприятий, которая в некоторых районах страны проводилась под эгидой анархистов. В частности, 3 января 1918 г. решением Черемховского совета все угольные копи и смежные заводы перешли в собственность рабочих

* Именно так – *небольшой «переворот»* – квалифицировались бежецкие события в отчете Тверского окружного комитета РКП(б) в Московский областной комитет и ЦК партии. (Копия этого отчета оказалась в документах Нижегородского губкома РКП(б)). См.: ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1 Д. 55. Л. 52.

коллективов, более того, провозглашалась «линия» на «объединение всей Сибири и общую социализацию копей Сибири»³³⁶. Анархо-синдикалистская политика местного советского руководства, возглавляемого идейным антигосударственником А. Буйских, заметно повысила благосостояние горняков: их заработок в среднем в 1,5–2 раза превысил соответствующие показатели в других районах, а в апреле после ультиматума черемховцев отдел труда и промышленности Восточной Сибири был вынужден сделать прибавку еще на 150 %. Однако это не способствовало повышению производительности труда в районе, зато резко подскочила цена на уголь, что поставило в сложное положение потребителей топлива, в частности Забайкальскую железную дорогу³³⁷. Корпоративный эгоизм одной группы рабочих больно ударил по другим категориям трудящихся. В конце апреля того же года под давлением центральных и региональных властей (вероятно, и экономической целесообразности) социализированные шахты перешли в собственность государства³³⁸.

Имея в виду изложенные выше факты, следует признать, что политический закат анархистов был обусловлен не только репрессиями со стороны большевистско-левозеровской власти, но и особенностями идеологических конструкций и практических инноваций апологетов безгосударственной гармонии — особенностями, которые вряд ли помогли бы им завоевать широкую популярность в массах. Например, анархисты-синдикалисты на новом этапе революции позиционировали себя как политическое движение, которое, в отличие от *социалистов-максималистов* (большевиков и левых эсеров), является подлинным представителем пролетариата. Поскольку именно пролетариат является носителем новой культуры и движущей силой революции, постольку «сотрудничество рабочего класса с буржуазными или мелкобуржуазными классами реакционно, ибо оно затемняет пролетарское сознание, отдаляет момент социалистической революции»³³⁹. Такой постулат был призван возвысить рабочих над другими слоями российского общества, над преобладающей «мелкобуржуазной» стихией, однако фактически он изолировал пролетариат как класс-в-себе и класс-для-себя, действующий по принципу: «делом рабочих является только их освобождение»³⁴⁰.

В свою очередь, отношение идейных анархистов-синдикалистов к рабочему классу также было далеко не однозначным. Публицисты-антигосударственники в своих статьях рисовали некий идеальный тип пролетария-анархиста, который *безусловно* отрицает регуляторские функции государства в обществе в целом и в производственной сфере —

в частности, но в то же время вынужденно признавали, что такие сознательные, либертарно мыслящие рабочие не являются массовым явлением. Именно по этой причине, как отмечалось в печатном органе синдикалистов «Голос труда» весной 1918 г., «для осуществления анархического, пролетарского социализма необходима многолетняя организационная работа, необходимо многое, чего мы не можем иметь непосредственно в данный момент, сегодня, немедленно»*. Зато «осуществление государственного социализма вполне возможно как непосредственный результат переживаемой революции»³⁴¹, чем и воспользовались левые социал-демократы и эсеры. (Кстати, и социальная база указанных социалистических течений в описании анархистов-синдикалистов вполне соответствует комбинации общественных сил в российской революции: компромисс между слабым пролетариатом и многочисленными, но распыленными мелкобуржуазными массами³⁴².) Таким образом, анархисты вполне отдавали себе отчет в том, что советская Россия не готова к «чистым» анархо-социалистическим экспериментам и, следовательно, идейным антигосударственникам не приходится рассчитывать на воплощение радикально-либертарных замыслов в жизнь.

Намного больше пиетета к трудящимся слоям города и села демонстрировали анархисты-коммунисты, но и они в своих социологических построениях зачастую исходили из догм собственной «партийной» идеологии, а не из реальных настроений и хозяйственных предпочтений рядовых тружеников. В частности, в анархо-коммунистических печатных изданиях пропагандировался план повсеместного создания сельскохозяйственных коммун, которые, по убеждению теоретиков-либертаристов, являются естественной формой самоорганизации русских крестьян³⁴³. В самом деле, на заре Советской власти в России появлялся, в том числе при активном участии идейных анархистов, немало сельскохозяйственных коммун, однако основная масса крестьян отно-

* Недостаточная анархо-сознательность реальных рабочих обуславливает *наставническую* тактику идейных сторонников безвластия: анархисты должны «всегда и всюду **развивать классовое самосознание пролетариата**, помнить, что зародыши этого самосознания уже проявляются в русской жизни независимо от какой бы то ни было пропаганды; и если в силу нашей отсталости эти проявления принимают болезненную и уродливую форму, то тем не менее они представляют те источники, из которых выльется широкое и мощное анархистское движение (выделено нами. – В.С.)». См.: Батырев В. Задачи пролетарского движения // Голос труда. – 1918. – № 3 (4 апреля). – С. 2.

силась к подобным общественным инновациям чаще всего с недоумением, а иногда и просто враждебно³⁴⁴. Несмотря на то, что вдохновляемые и направляемые идейными антигосударственниками коммуны оказывались в экономическом отношении эффективнее традиционных общинных хозяйств³⁴⁵, крестьяне становились коммунарами только в экстремальных ситуациях (например, чтобы избежать голодной смерти) и при первом удобном случае возвращались к менее «прогрессивным» и более привычным приемам хозяйствования. Таким образом, либертаризм анархистов-интеллигентов звучал в диссонанс с крестьянскими идеалами вольной жизни, которые были вполне антибуржуазно-либертарными, но вовсе не анархо-коммунистическими. В этой связи вспоминаются горькие слова П.А. Кропоткина, который писал в 1919 г., имея в виду, конечно, не только анархистов: «...Русский народ обладает в высшей степени способностью к организации и самоуправлению... Наши революционеры сов[ершенно] не знают народа и не понимают этого движения. Они могли бы содействовать ему, а только мешают...»³⁴⁶.

Еще одной принципиальной ошибкой анархистского течения стало иногда невольное, иногда сознательное приобщение к сфере не только политико-властных, но даже государственных отношений (что еще допустимо в рамках концепции либертарного социализма, но уж никак не приемлемо с позиций ортодоксального анархизма), превращение в силу, которая вопреки фундаментальным либертаристским принципам считает себя вправе *распоряжаться судьбами народа**. По мысли про-

* В качестве еще одного примера политической эволюции некоторых анархистов в сторону авторитаризма и этатизма можно привести слова А.К. Гастева на пленарном заседании общезаводского комитета Сормовского завода, которое проходило в несколько этапов в конце апреля – начале мая 1918 г. с участием представителей местного Совета, Комиссариата труда, профсоюзов и двух левых партий (ССРМ и ППС (левица)). На ответственном заседании обсуждалась деятельность завкома, а также вопрос о национализации завода. Касаясь второй проблемы, А.К. Гастев призвал к осмотрительности, но при этом он оперировал отнюдь не анархо-синдикалистскими доводами. В частности, он указал, что в случае немедленной национализации Сормово «может оказаться изолированным другими синдикатами, жизнь без посредства которых превратит национализированное предприятие в безжизненный труп. Кроме того, необходимо выделить талантливые силы, призвать массу к повиновению, чтобы поднять производство на должную высоту (выделено нами. – В.С.).». Более последовательным либертаристом выступил эсер-максималист В.К. Хрекин, который предложил не национализировать, а социализировать всю российскую промыш-

нительного нижегородского анархиста Б. Рыжина, «если все-таки в последнее время выросла вражда между нашими организациями и большевистской властью, то не в силу нашей анархичности, а в силу неожиданно резкого поворота назад, сделанного властвующей партией, в силу нападения на наши организации со стороны этой партии, нападения грубого и, как видно, для многих тоже неожиданного (выделено нами. – В.С.)»³⁴⁷.

Апологеты безгосударственности по определению не могли стать успешным субъектом борьбы за политическую власть, поскольку это привело бы их – и, как показано выше, кое-где приводило – к полной потере идеологической идентичности и, если можно так сказать, революционно-либертарной легитимности. С другой стороны, организационно-практические традиции анархизма также не предусматривали целенаправленных действий по организации неких централизованно-властных структур, которые могли превратиться в зародыши новой государственности. Между тем, в условиях драматического перехода российского общества от первых сравнительно безболезненных месяцев замены буржуазно-демократического режима «диктатурой пролетариата и трудового крестьянства» к полномасштабной кровопролитной Гражданской войне вопрос выживания Советской республики напрямую зависел от способности революционно-политической элиты создать, опираясь на более или менее массовую поддержку, эффективный механизм *авторитарного* распределения и управления всеми наличными общественными ресурсами. Анархисты с их призывами к децентрализации или даже полной ликвидации политико-государственной власти вряд ли могли стать спасителями социальной революции – пусть несовершенной и половинчатой, но оставляющей надежду на лучшее – от угрозы буржуазной контрреволюции, которая получила реальный победоносный шанс после восстания чехословаков в мае 1918 г. и особенно после переворота адмирала А.В. Колчака в ноябре того же года. Когда в антагонистическую борьбу вступили *диктатуры*, сторонникам либертарного социализма оставалось выбирать между меньшим и большим злом, поэтому многие

ленность. «Национализация, – заявил он на заседании 2 мая, – хотя я и не ученый, но как рабочий, маленький политик должен сказать, пользы не принесет. Нужно взять все богатства страны в свои руки». См.: ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22. Лл. 2 (об) – 3, 4 (об).

³⁴⁷ В этом отношении показательна трансформация актуально-политических взглядов нижегородских анархистов в течение весны–лета 1918 г. В апреле один из руководителей местной анархистской федерации П. Строев призывает народ

анархистские группы с началом Гражданской войны и иностранной интервенции фактически превратились в *группы поддержки* авторитарных революционных партий (в первую очередь, большевиков и максималистов), не скрывавших своей воли к власти и демонстрировавших незаурядные организаторские способности.

Те же из антигосударственников, кто претендовал на самостоятельную политическую линию, – «анархисты подполья», – тоже были вынуждены отказаться от надежд на близкое пришествие анархической гармонии и принять авторитарно-террористические «правила игры». Имея в виду «непримиримых», нижегородский анархист Б. Рьжкин отмечал, что после апрельских событий ничего не прояснилось в их сознании, поскольку они не отказались от вульгарно-политических методов достижения своих идеалов. На новом этапе некоторые анархисты, рассчитывая на сохранившиеся силы Черной гвардии и вооруженные эсэро-максималистские формирования, по-прежнему разрабатывают планы насильственного свержения большевиков и радикального перераспределения политического влияния в органах Советской власти в пользу максималистов. Такой шаг, по логичному умозаключению нижегородца, означал бы дальнейшую идейную деградацию сторонников безвластия: «Ведь если октябрьский переворот носил отпечаток хотя бы бледной революционности, если в нем действительно участвовали низы, хотя бы и не осознавшие преподанных им лозунгов, то теперь мы становимся с переворотом, не имеющим даже отдаленного сходства с революцией, с переворотом чуть ли не военным»*.

к оружию против контрреволюции, к которой он причисляет «Милкокова (...), Керенского, Корнилова, Каледина, Троцкого, подписывающего мирный договор в Бресте, и Ленина, отменяющего социализацию земли, разрушающего особняки, занимаемые рабочими-анархистами, и допускающего "полную свободу" лишь для себя и своих ближайших сотрудников». А в июле того же года другой авторитетный анархист М. Бляшко на страницах той же газеты убеждает: «Нет, товарищи рабочие и крестьяне, большевики плохи, но не следует же забывать того, что среди большевиков есть ведь истинные революционеры – социалисты, а у чехо-словак[ов] – буржуазия: фабриканты, купцы и буржуазные сынки – белогвардейцы». (См.: Строев П. Контрреволюция надвигается // Под черным знаменем. – 1918. – № 5. – С. 1–2; Бляшко М. Долой большевиков, да здравствуют чехо-словаки // Под черным знаменем. – 1918. – № 9. – С. 4.). Мнение одного из столичных анархистов о проблеме «выбора» между двумя диктатурами см. в Приложении (документ 5).

* Поэтому Б. Рьжкин предлагает своим единомышленникам «предотвратить произвольное превращение в орган власти» и вновь уйти в подполье, «созна-

Нельзя не указать и на организационные причины поражения анархистов. На эту тему много и пристрастно написано в марксистской исторической литературе, тем не менее и сами российские анархисты постоянно отмечали в своих актуальных статьях, что для политического успеха им не хватает «системы и планомерности». Например, Г. Сахновский, отмечая *природную* склонность русского народа к антигосударственническим идеям и безгосударственным формам общежития, констатировал, что идейные анархисты очень мало сделали для того, чтобы помочь простым людям ввести созидательно-анархические начала в реальную жизнь. При этом главную причину недостаточной эффективности своего движения он вполне обоснованно видел в *разрозненности* анархистских организаций. «Вот уж восемь месяцев, как мы имеем возможность съехаться, – писал Г. Сахновский в декабре 1917 г. – Социалисты-революционеры четвертый раз устраивают свой Всероссийский съезд, а мы до сих пор сделали в этой области очень мало. И не только мы не связали планомерно города, но даже в больших городах редко объединены районы... Нигде нет системы, нет планомерности. Кто идет в лес, кто по дрова. В организации числятся сотни лиц, но что они делают – никто не знает»³⁴⁸. Анархистам-синдикалистам удалось организовать две общероссийские конференции (они прошли 25 августа – 1 сентября и 25 ноября – 1 декабря 1918 г. в Москве), однако, решив одну из задач («выковка программы»), эти форумы не сумели осуществить главного – так и не удалось создать единой организации даже в рамках указанного направления. Кроме того, в то время как страна усилиями большевиков превращалась в «единый военный лагерь», даже подвиги апологетов безвластия в направлении политического реализма не соответствовали стремительной динамике событий. Они отказались от иллюзии «вот сейчас, сегодня или завтра, перейти от государственности к полной свободе, т.е. анархии», но, тем не менее, категорично требовали и считали возможным «вот сейчас, сегодня организовать общество на таких началах и в такой форме, которые почти уничтожают власть и государство как активную силу и низводят их на степень пассивных элементов (выделено в подлиннике. – В.С.)»³⁴⁹.

тельно и решительно отклонить всякий контакт с какой бы то ни было из соперничающих политических партий и военных групп, нужно твердо, по-анархически оценить и тем самым переоценить улыбающиеся многим из нас перспективы, открываемые возможным максималистским переворотом» (см.: Рыжик Б. На наклонной плоскости // Под черным знаменем. – 1918. – № 6. – С. 3).

Анархисты-коммунисты, представлявшие 15 губерний и 2 украинские организации, съехались на свой I Всероссийский съезд в Москву 25–28 декабря 1918 г. Они вполне резонно рассудили, что безвластный коммунизм может быть осуществлен лишь при соответствующем стремлении всего общества или хотя бы значительной его части. Поэтому важнейшей задачей объявлялось «создание в современном обществе сильной группы, стремящейся к осуществлению коммунизма и действующей в этом направлении»³⁵⁰. Намечая программу практической деятельности, делегаты съезда признали нецелесообразной прямую борьбу (восстание) с существующей властью при всем своем принципиально негативном к ней отношении. (Один из секретарей Всероссийской федерации анархистов-коммунистов А.А. Карелин убеждал даже в необходимости «товарищеского отношения» анархистов-коммунистов к коммунистам-большевикам перед лицом контрреволюции³⁵¹.) Тем не менее было признано возможным вхождение анархистов в Советы и другие массовые организации с целью разложения власти изнутри³⁵². В реальности все получилось как раз наоборот: доля антигосударственников в структурах советской демократии оказалась слишком мизерной и делегаты-анархисты в Советах, профсоюзах, разного рода комитетах были либо встроены в «систему» и превратились в большевиков с партбилетами, либо оказались в разного рода отдаленных местах. Анархисты упустили тот момент, когда они в конце 1917 г. – первом полугодии 1918 г. находились на пике своей «политической формы» и «раскрученности» в общественном мнении. Даже если бы в конце 1918 г. последователи Бакунина и Кропоткина сумели объединиться, они уже не имели бы в своем распоряжении прежних политических, социально-психологических, материальных возможностей. Однако объединения на деле так и не произошло, даже в пределах «фракций», не говоря уже о создании единой всероссийской «партии».

Таким образом, в силу разного рода причин к концу 1918 г. принципиальные антигосударственники, не склонные поступиться чистотой принципов и вступить в компромисс с государственной властью, вновь оказались на исходной позиции, в какой-то степени напоминающей канун Великой российской революции: они вынуждены были уйти на полуправильное или даже подпольное положение в стране, где аппарат *твердой власти* «не только начинает фактически “налаживаться” и работать, но (что гораздо характернее и важнее) начинает исподволь признаваться населением, начинает находить и примиряющихся, и считающихся, и фанатически, не за страх, а за совесть – служащих (выделено в подлиннике. – В.С.)»³⁵³.

Глава 2. Левые неонародники: «...Социализм есть отрицание капитализма, а социалистическое общество – отрицание государства»³⁵⁴

2.1. Выделение и самоопределение леворадикальных фракций в неонародническом течении между Февралем и Октябрем

Организационное оформление леворадикального неонародничества после падения самодержавия начинается на крайнем – максималистском – фланге. После Февральской революции организации эсеров-максималистов формируются как путем выхода из структур Партии социалистов-революционеров (ПСР), так и под непосредственным руководством уцелевших ветеранов подполья. Процесс партийного возрождения был инициирован в центре: в марте 1917 г. возникает организация в Петрограде, несколько позднее там же создается Петроградская инициативная группа эсеров-максималистов, которая действует в тесном контакте с Кронштадтской инициативной группой. В июле в результате слияния формируется единая организация. Летом интенсивное организационное оформление максималистского политического течения происходит и в других регионах страны. Официальное воссоздание Союза социалистов-революционеров максималистов (ССРМ) на общероссийском уровне связано с созывом II союзной конференции, которая состоялась 15–21 октября 1917 г. Относительно крупные и влиятельные организации максималистов появились и действовали в Петрограде, Москве, Самаре, Симбирске, Казани, Ижевске, Воткинске, Шлиссельбурге, Сормове. Как и в большинстве других левых политических объединений, ведущую роль в качестве идеологов и организаторов здесь играли представители разночинной интеллигенции, при этом основную социальную базу составляли типичные для России пролетарские слои, которые сохраняли связь с личным хозяйством и в этом отношении не были пролетариями в узком терминологическом значении.

Февральская революция 1917 г. стала мощным стимулом и для самоопределения левых в рядах ПСР*. В самом начале марта харьковская эсеровская организация, в которой видную роль играл В.А. Алпасов, объявила себя «организацией партии левых социалистов-революционеров»³⁵⁵. В течение весны размежевание между «оборонцами» и «интернационалистами» в рамках эсеровской партии происходит в Астрахани, Нижнем Новгороде, Смоленске, Одессе, Выборге и других городах. При этом в ряде городов эсеры-интернационалисты находят общий язык и действуют солидарно с максималистами³⁵⁶.

Уже в первые месяцы *эпохи свобод* эсеры-интернационалисты выступают как сторонники радикальной демократизации государственной власти на основе сочетания советских и земских принципов самоуправления. Будущий член ЦК ПЛСР М.А. Спиридонова выступила с докладом на I Забайкальском областном съезде сельских депутатов, проходившем в апреле 1917 г., и предложила многоуровневую модель организации региональной власти. Нижний уровень этой модели составляли сельские, волостные, поселковые и станичные *комитеты общественной безопасности*, которые посылают своих представителей в *уездные КОБы*, а те, в свою очередь, – в соответствующий *областной орган*. Главная задача КОБов – подготовка условий для введения земских учреждений. Волости и станицы избирают также своих делегатов в *Областной совет сельских депутатов*, который выделяет из своего состава исполнительный орган – *бюро Совета*. Бюро Совета направляет полномочных представителей в Областной комитет общественной безопасности, в исполком Совета рабочих и солдатских депутатов, в другие органы управления³⁵⁷. Указанная модель «конструирования» государственного управления вполне соответствовала неонароднической концепции единого революционного класса, тремя «ипостасями» которого являлись крестьянство, рабочий класс и демократическая интеллигенция. Кроме того, она создавала простор для проявления общественной

* Важным фактором выделения левого (интернационалистского) течения из общего эсеровского потока стало отношение к I Мировой войне. Эсеры-интернационалисты приняли участие в Циммервальдской и Кинтальской конференциях, пытались в меру возможностей проводить антивоенную пропаганду, как в России, так и в странах Западной Европы, в частности, в лагерях русских военнопленных.

инициативы как «верхов», так и «низов», объединенных общим порывом к демократическому обновлению*.

Многочисленных сторонников приобретают левые эсеры в армии и на флоте³⁵⁸. Например, в Финляндии эсеры-интернационалисты проявили себя как заметная политическая сила уже в первой половине мая 1917 г., при этом, по свидетельству члена Гельсингфорсского комитета РСДРП(б) В.Н. Залежского, они «заняли сразу весьма приличную позицию и стали завоевывать себе быструю популярность среди матросов»³⁵⁹. Это было обусловлено тем, что к указанному времени значительная часть матросов-балтийцев в политическом отношении находилась на более радикальных позициях, чем их эсеровские вожди, поэтому появление левого течения в ПСР давало им возможность сохранить партийную принадлежность и в то же время удовлетворить свое «бунтарство». Созданная эсерами-интернационалистами фракция в Гельсингфорсском совете (около 125 человек) значительно превысила фракцию ленинцев (около 80 человек)³⁶⁰.

Поначалу гельсингфорсские большевики с ревнивой обеспокоенностью наблюдали за ростом популярности левых эсеров и даже решили, что для РСДРП(б) «это течение... куда вреднее, чем работающие до сего времени эсеры-оборонцы, среди матросов с ними бороться будет труднее»³⁶¹. Но вскоре обе революционные фракции стали действовать единым фронтом против общих меньшевистско-правозесеровских противников. Что, впрочем, не исключало конкуренции и внутри «левого» лагеря. «Там, где аудитория была однородной и определенной по своим политическим и социальным симпатиям, – вспоминал В.Н. Залежский, – мы боролись друг с другом, хотя и здесь наиболее непримиримыми были большевики, там же, где аудитория была еще политически неоформленная, мы выступали совместно». По утверждению известного советского историка Х.М. Астрахана, Гельсингфорсская организация эсеров-интернационалистов, возглавляемая П.П. Прошьяном и А.М. Устиновым, станет к осени 1917 г. «особенно сильной»³⁶².

Первые признаки «тектонических сдвигов» в эсеровских рядах стали заметными на II Петроградской конференции (3–6 апреля 1917 г.). Се-

* I Забайкальский съезд сельских депутатов 21 апреля 1917 г. принял положение доклада М.А. Спиридоновой как руководство к действию. На съезде сформировано бюро Совета, при котором создается штат инструкторов для организаторской работы на местах. В инструкторской работе активное участие принимали большевики, левые эсеры и социал-демократы-интернационалисты. См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). – Новосибирск, 1978. – С. 51.

верной областной конференции (20–24 мая)³⁶³ и на III съезде ПСР (25 мая – 4 июня 1917 г.), который де-юре возродил партию, де-факто уже являвшуюся самой многочисленной в стране и напрямую причастную к отправлению верховной государственной власти. На партийном съезде из 346 делегатов выделилась заметная группа (42 человека) левой оппозиции, члены которой энергично протестовали против «соглашательской» тактики «правых» и «центра» при решении актуальных проблем революционной политики. Впрочем, левым в ПСР было далеко до «экстремизма» анархистов, максималистов или большевиков. Например, в вопросе о власти радикализм левых эсеров не шел дальше критики коалиции с буржуазией и стремления поставить весь состав Временного правительства, а не только министров-социалистов, под контроль Совета «как высшего органа страны»³⁶⁴. При всем своем несогласии с «генеральной линией» партии интернационалисты вовсе не стремились к решительному размежеванию с «умеренными» по примеру В.И. Ленина и других максималистски настроенных социал-демократов*. «С первого взгляда, – делилась своим впечатлением М.А. Спиридонова, – съезд производил впечатление чего-то хаотического, волнующегося и во всяком случае нестройного. Очевидны были несколько течений, но совершенно неясны были грани их и личный состав отдельных течений.

Скоро выяснилась в каждом течении ярко выраженная группа (правая, центр и левая), остальное было довольно текуче, изменчиво, кроме правых, раз навсегда резко выраженных»³⁶⁵.

Лидеры интернационалистской фракции выступают за развитие федеративных начал партийной жизни в противовес прежней вынужденной централизации, однако процесс идейного брожения пока еще не выводился ими за рамки «идеи революционного социализма, идеи, дающей простор освобожденной гармоничной личности, дающей уже сейчас возможность сложнейшим и разнообразнейшим человеческим личностям с различными уклонами и изгибами миросозерцания работать рука об руку в рядах единой Партии Социалистов-Революционеров»³⁶⁶. Тем не менее уже через несколько недель после окончания съезда выяснилось, что

* Характерно и то, что при голосовании по проектам резолюций далеко не все из группы 42 демонстрировали политическую последовательность, предпочитая в лучшем случае воздерживаться. Например, против «соглашательской» резолюции об отношении к Временному правительству высказалось только 27 делегатов съезда (156 – за, 29 – воздержались). См.: Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. – Л., 1973. – С. 253.

компромисс между «левыми» и «правыми» в эсеровской партии, как и в стране в целом, носит ситуационный характер.

Первой серьезной проверкой на прочность единства в ПСР стал июльский кризис. В то время как представители «правых» и «центра» эсеровской партии содействовали обузданию «темного бунта, происходящего под знаменем большевизма»³⁶⁷, «левые» устами Б.Д. Камкова на объединенном заседании ЦИК Советов и ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов 4 июля призвали прислушаться к мнению петроградских масс и поддержать лозунг «Вся власть Советам!»³⁶⁸. Дело не ограничилось декларациями: в тот же день немало левых эсеров участвовали в демонстрации кронштадтских моряков, при этом они не довольствовались ролью большевистских попутчиков и стремились проводить самостоятельную политическую линию. «...Брушвит^{**} и др[угие] лидеры левых эсеров. – вспоминал в 1923 г. большевик Ф.Ф. Раскольников, – покинули демонстрацию позже, уже на Марсовом поле, на том основании, что демонстранты отказались идти в бюро левых эсеров и несли впереди шествия широкий плакат Цека большевиков. Демонстрация проходила под знаком большевистского руководства, и на этом основании левые эсеры заявили, что они отказываются участвовать в “партийной” демонстрации...»³⁶⁹

ЦК ПСР сделал попытку избавиться от бунтарей³⁷⁰, однако пройдет совсем немного времени, и партийное меньшинство, стремительно набирающее силы, будет всерьез обдумывать планы завоевания на свою сторону всей партии. (По этой причине процесс организационного отделения левых эсеров затянется до поздней осени.) На VII расширенном

* Впрочем, с «левой» стороны звучали и другие мнения. 7 июля будущий член ЦК левозерской партии В.Е. Трутовский с тревогой писал об опасности «господства неорганизованных и случайных толп, к которым прислушивались бы некоторые вожди, желающие во что бы то ни стало провести под своим флагом стихийное движение этих толп». Он квалифицировал июльские события в столице как разгул охлократии, играющий на руку контрреволюции. См.: Трутовский В. Власть большинства и власть меньшинства // Земля и воля. – 1917. – № 88 (7 июля). – С. 1.

** Левый эсер А.М. Брушвит, наряду с большевиками Ф.Ф. Раскольниковым, С.Г. Рошальем и анархистом-синдикалистом Х.З. Ярчуком, по решению исполкома Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов был направлен в столицу «на митинг для предотвращения неорганизованных действий и успокоения волнующихся масс». См.: Протокол заседания ИК Совета Р. и С.Д. г. Кронштадта от 3 июля 1917 г. // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 271–272.

Совете ПСР в начале августа на голосование были поставлены две резолюции: от большинства – с поддержкой Временного правительства и одобрением действий «революционной демократии», которая «правильно поступила, обратив силу своей власти против движения 3–5 июля», а также от меньшинства – с призывом создать однородную власть, «опирающуюся на революционно-трудовые классы страны»³⁷¹. В ходе поименного голосования выяснилось соотношение сил: за первую резолюцию высказалось 54 человека, за вторую – 35. Тем не менее на VII Совете эсеры-интернационалисты добились от руководства партии права «легализовать» свою фракцию, а вскоре левые стали большинством в партийной организации столичного региона, поскольку 16 августа 1917 г. за их резолюцию высказалась Петроградская губернская партконференция. В сентябре именно левые сформировали Петроградский комитет ПСР, контролировавший 45,3 тысяч членов партии³⁷². В это же время эсеры-интернационалисты расширили свое политическое присутствие и в столичных представительных органах власти. Например, в августе на выборах в Невскую районную думу прошло 38 гласных от эсеровской партии, из них 26 причисляли себя к интернационалистскому крылу³⁷³; из 25 эсеров – гласных Петергофской районной думы – интернационалистов оказалось около половины³⁷⁴.

Параллельно левое крыло ПСР наращивает свой политический вес в провинции, в низовых слоях общества, сплотившихся вокруг органов народно-трудовой демократии. Накануне Октября левые эсеры сумели завоевать прочные позиции в органах народной демократии на Украине, в Средней Азии и Казахстане, в Сибири, Финляндии, Поволжье и ряде центральных губерний России³⁷⁵. На подъеме новой мощной волны антиправительственного и антибуржуазного движения левые неонародники повсюду выступали в тесной связке с другими фракциями внесистемной оппозиции – большевиками, максималистами и анархистами. К примеру, еще в июле 1917 г. по настоянию максималистски настроенных масс произошло обновление Ходжентского совета (Самаркандская область): на смену «соглашателям» пришел блок большевиков и левых эсеров, которые в том же месяце отстранили от власти уездного комиссара Временного правительства и приняли постановление о введении рабочего контроля на местных предприятиях³⁷⁶. В августе прошли пере-
выборы Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. В итоге в составе Совета 3-го созыва оказалось 73 левых эсера, 96 большеви-

ков, 96 беспартийных, 13 меньшевиков и 7 анархистов^{377*}. На III областном съезде депутатов армии, флота и рабочих Финляндии 10 сентября 1917 г. в новый состав областного комитета вошли 27 левых эсеров, а также 37 большевиков и 1 меньшевик-интернационалист³⁷⁸. На губернском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в Рязани (14–16 октября 1917 г.) левые эсеры составили вторую по количеству фракцию после большевиков – 10 человек (большевиков – 28, меньшевиков – 8 и меньшевиков-интернационалистов – 3)³⁷⁹.

Ранней осенью, чувствуя поддержку, а иногда и прямое давление «снизу», левые неонародники в коалиции с другими радикальными организациями приступают к «углублению» революции. В частности, одну из ключевых ролей сыграли левые эсеры в ходе сентябрьских событий в Ташкенте. Здесь, в столице Туркестанского края, волнения в гарнизоне на почве продовольственной разрухи очень быстро привели к радикальному решению вопроса о власти. Митинг солдат и рабочих, состоявшийся 12 сентября 1917 г. в Александровском парке, по инициативе левых ораторов принял резолюцию, в которой формулировались меры по преодолению кризиса (введение рабочего контроля над производством, немедленная передача земли крестьянству и т.д.) и признавалось «необходимым немедленное принятие всей полноты власти» Ташкентским советом³⁸⁰. В состав революционного комитета, избранного на митинге, вошли 5 большевиков, 4 левых эсера, 2 анархиста, 2 меньшевика-интернационалиста и 1 максималист³⁸¹. Вечером того же дня командующий войсками Туркестанского округа генерал Черкес арестовал 10 ревкомовцев, однако репрессии привели лишь к дальнейшей эскалации кризиса. По настоянию рабоче-солдатской массы прошли перевыборы исполкома Ташкентского совета (в него вошли 18 левых эсеров, в том числе председатель исполкома Черневский, 10 меньшевиков и 7 большевиков³⁸²), новый состав которого добился освобождения членов ревкома, назначил командующего округом – поручика Перфильева и коменданта города – прапорщика Гриневича (оба – левые эсеры), взял под контроль железнодорожную станцию, почту, телеграф, казначейство. После гневной телеграммы министра-председателя, полученной 16 сентября, ревком сложил с себя полномочия, а исполком попытался найти общий язык с Туркестанским комитетом Временного правитель-

* В Кронштадтский совет 2-го созыва были избраны 93 большевика, 91 эсер, 68 беспартийных, 46 меньшевиков. См.: Любович А. Кронштадтский совет за год // Известия Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – № 63 (4 апреля). – С. 1.

ства, надеясь не допустить приезда в город карательной экспедиции во главе с генералом Коровиченко. Тем временем рабочие создают стачечный комитет и с 20 сентября объявляют общегородскую забастовку. 24 сентября на нее накладывается всероссийская забастовка железнодорожников, организованная Викжемом. Начавшиеся было репрессии против членов исполкома были остановлены прибывшим в город генералом Коровиченко, который вынужденно уступает требованиям рабочих, в том числе и в плане признания Ташкентского совета «полномочным органом революционной демократии»³⁸³. «В сентябре, – отметил автор статьи о «ташкентских событиях» С. Муравейский (В. Лопухов), – рабочие и солдаты Ташкента получили хорошие уроки политической борьбы, которые они применили немного попозже – в октябре»³⁸⁴. В ходе событий заметно укрепляется и авторитет будущих вождей новой революции – левых эсеров и большевиков³⁸⁵.

Решающие дни наступают в октябре, когда и массами, и некоторыми леворадикальными политиками на повестку дня ставится ликвидация сложившегося в стране двоевластия органов буржуазной и народно-трудовой демократии в пользу единовластия Советов. В этих условиях левые неонародники оказали немало ценных услуг большевикам, приступившим к целенаправленной организации антиправительственного восстания. Как известно, В.И. Ленин и его соратники сделали ставку на «законную» трансформацию политических институтов, надеясь оттеснить «министров-капиталистов» и поддерживавших их социалистов-согласителей от государственной власти с помощью механизма прямой советской демократии. Легитимизацию власти трудящихся планировалось приурочить ко II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, созыв которого постоянно откладывался лидерами ВЦИК 1-го созыва.

Опасаясь дальнейших препон со стороны правительства и лидеров умеренно-социалистических партий, большевики и их леворадикальные союзники 11 октября 1917 г. провели в Смольном съезд Советов Северной области, который в случае необходимости мог стать всероссийским и взять государственную власть в свои руки. Подавляющее большинство делегатов съезда оказались представителями «крайней левой» российского социалистического движения – помимо 51 большевика, 24 левых эсеров и 4 эсеров-максималистов там присутствовали только 10 эсеров, 4 меньшевика и 1 меньшевик-интернационалист³⁸⁶. В резолюции о текущем моменте съезд призвал органы советской демократии «к активным действиям», поскольку «только решительным и едино-

душным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти»³⁸⁷. В Северный областной комитет, которому поручили обеспечить созыв II Всероссийского съезда Советов, избрали 11 большевиков и 6 левых эсеров. По справедливой оценке академика И.И. Минца, *съезд имел огромное политическое значение: «Он сплотил революционные силы столицы, ближайших к ней районов, Балтийского флота и войск, расположенных в Финляндии, на которые можно было опереться в ходе вооруженного восстания. Резолюции съезда послужили образцом при проведении других областных съездов»*³⁸⁸.

Несмотря на последовательное расширение сферы своего политического влияния в социальных «низах», до поздней осени 1917 г. левые эсеры представляли собой фракцию в составе ПСР, а не самостоятельную партию. По свидетельству В.А. Карелина, «партия зародилась в октябре месяце [1917 г.]. В октябре – в момент революционного взрыва – не было еще партии, а течение... Мы не имели организованного аппарата, того, чем сильна партия и что дает право на определенную политику»³⁸⁹. К этому времени левые эсеры стали весомой политической силой на Украине, в Тверской губернии, в Красноярске, Уфе, Курске, Риге, Выборге, Гельсингфорсе. В некоторых местах (в частности, в Петрограде и Кронштадте) за ними шло подавляющее большинство членов эсеровских партийных организаций, тем не менее, по удачному выражению А.И. Разгона, вплоть до весны 1918 г. «везде наблюдается не окончательный результат, а процесс раскола»³⁹⁰. Незавершенность процесса левозесеровского партотенеза, отсутствие отлаженного механизма поддержания и координации горизонтальных и вертикальных связей между организациями значительно уменьшали шансы новообразующейся партии в борьбе с более авторитарными большевиками за перераспределение государственной власти. Однако на этапе борьбы с недееспособным Временным правительством левые эсеры, опиравшиеся на массовые симпатии социальных «низов» и тесно сотрудничавшие с другими радикально-социалистическими организациями, представляли собой грозную силу.

В отличие от эсеров-интернационалистов, максималисты с первых шагов своего политического ренессанса стремятся оформиться как самостоятельная и в организационном, и в идеологическом аспектах партия. Свое отношение к революции, свергнувшей российскую монархию, максималисты выразили в последовательно либертариистском ключе. «Для нас, – заявили они со страниц партийного печатного органа «Воля

труда», – нет ни первой революции, ни второй, ни третьей. Для нас есть единая революция за полное освобождение, в процессе которой народ потерпел столько поражений, прежде чем пришел к победе»³⁹¹. Исходя из этой стратегической установки максималисты оценивали развитие политической ситуации в стране и действия новых органов власти. Если в июне 1917 г. участники конференции Петроградской и Кронштадтской инициативных групп заявили, что относятся «критически, но беспристрастно» к деятельности центрального правительства независимо от того, будет ли оно коалиционным, или однородно социалистическим³⁹², то осенью того же года Временное правительство категорично квалифицировалось максималистами как продолжатель политики свергнутого самодержавного режима³⁹³. Со временем все более жесткой становится и критика руководящих органов Советов, находившихся под контролем умеренно-социалистических партий³⁹⁴.

В немногочисленных монографических исследованиях общественно-политического феномена неонароднического максимализма, вышедших в свет в советскую эпоху, делался акцент на противопоставлении четкой линии «подлинно революционной партии – партии большевиков» и «авантюристической тактики» эсеровского максимализма, который «представлял серьезную опасность для судеб революции»³⁹⁵. Между тем, во многих теоретических и практических аспектах этот отряд леворадикального неонародничества имел немало общего с «крайней левой» отечественной социал-демократии, а в некоторых принципиальных вопросах осуществления социальной революции занимал даже более последовательную позицию³⁹⁶.

В частности, максималисты исходили из общего в начале XX века для всех левых положения о насущной необходимости социализма как средства выхода человеческого общества из глубокого кризиса, спровоцированного капитализмом*. В материалах к построению максималист-

* Например, К. Каутский еще в 1906 г. в письме к IV съезду РСДРП писал: «...никогда не было революции, которая была бы внутренне так противоречива, как современная русская; эта революция, в существе своем, может и должна быть лишь буржуазною, а между тем, она совершается в эпоху, когда во всей остальной Европе возможна лишь революция социалистическая. Буржуазная революция – в эпоху, когда буржуазные идеалы пришли к полному банкротству, когда буржуазная демократия утратила всякую веру в самое себя, когда лишь на почве социализма могут расцвести идеалы, развиваться энергия и энтузиазм» (Письмо К. Каутского съезду // Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель–май) 1906 года. Протоколы. – М., 1959. – С. 580).

ской программы актуальность социальной революции выводилась из следующих посылок: с одной стороны, «угнетенные и поработанные» (пролетариат и крестьянство) не станут терпеливо дожидаться, пока естественная эволюция и постепенная гуманизация антагонистического общества освободит их от эксплуатации и угнетения, так как «обострение классовой борьбы приведет к социальной революции раньше, чем капитализм достигнет высших форм развития»; с другой стороны, «капитализм уже начал разлагаться (выделено нами. – В.С.)», так и не оправдав возложенных на него надежд³⁹⁷. В этих условиях единственным исходом является социальная революция, которая, подобно хирургической операции, создаст условия для исцеления общественного организма путем «устранения всех препятствий и преград и создания благоприятных условий для мирного эволюционного развития и достижения высших идеальных форм социалистического строя»³⁹⁸.

По убеждению максималистских теоретиков, фактор непримиримой классовой борьбы в обществе обуславливает и решение «политического вопроса» в ходе социальной революции: поскольку «все существующие формы политической и хозяйственной организации буржуазного общества, основанного на порабощении большинства меньшинством, не могут быть органами строительства новой жизни», поэтому «все буржуазные формы правления должны быть отвергнуты»³⁹⁹. Отмечая различные формы буржуазно-демократического оформления общественной жизни (не исключая и заветной цели многих российских революционеров разных поколений – Учредительного собрания), максималисты предлагают свою классовую модель политического устройства – «пролетарско-крестьянскую трудовую республику». Причем исходные «материалы» для своей модели максималисты находят там же, где и большевики – в историческом опыте Парижской коммуны и Петроградского совета времен первой русской революции. Как утверждалось в материалах к построению максималистской программы, «Советы рабочих и крестьянских депутатов, являясь истинными выразителями интересов и воли трудящихся, должны взять власть в свои руки и, исполняя волю трудового народа, проявить инициативу создания новой жизни на трудовых началах»⁴⁰⁰.

Примечательно, что и дальнейшую историческую перспективу эсеры-максималисты представляли себе – вполне по-большевистски – на путях интернационализации и, говоря современным языком, глобализации социальной революции. В указанном программном документе ССРМ конечной целью политического переустройства общества при-

знавалась «Интернациональная федерация всех трудящихся, т.е. соединенные штаты всемирной трудовой республики, одной из частей которой должна быть Российская Трудовая республика»⁴⁰¹. В ходе революции максималисты сближаются с большевиками (и одновременно дистанцируются от анархистов классического типа) еще в одном важном программном пункте своего проекта социальных преобразований – они признают неизбежность переходного периода на пути от капитализма к «высшим идеальным формам социалистического строя». Подобно тому, как буржуазные тенденции политической и экономической жизни постепенно вывели в недрах феодализма и в конечном итоге стали основой нового строя в наиболее развитых странах, так же и коренное переустройство общества на социалистических началах потребует значительных усилий и времени. Вследствие этого максималисты отделяют «понятие об идеальном социализме, который должен явиться результатом долгой эволюции и сознательного творчества освобожденного человечества от зародышевых форм переходного строя, который может быть осуществлен путем победоносной социальной революции (выделено нами. – В.С.)»⁴⁰². Таким образом, высказывания советских историков о *коренной враждебности* максимализма к марксизму, который отождествлялся с большевизмом, в свете изложенных фактов звучат некорректно.

Поначалу максималисты не посчитали необходимым внести какие-либо принципиальные изменения в свою программу, основные положения которой сложились в эпоху первой русской революции. Это выразилось даже в том, что 1 сентября 1917 г. в газете «Воля труда» они опубликовали программное заявление «Сущность максимализма», которое было аналогично документу, принятому I конференцией эсеров-максималистов в октябре 1906 г. Максималисты образца 1917 г., вслед за своими партийными предшественниками, провозгласили безусловную возможность и необходимость «реорганизовать всю общественную жизнь на социалистических началах не в более или менее отдаленном будущем, через прохождение всех этапов эволюционного развития, а немедленно, путем творчества самого трудового класса»⁴⁰³. Однако кое-какие коррективы, в соответствии с разительно изменившейся общественно-политической обстановкой, в максималистскую идейную платформу были все-таки внесены. В частности, комбинируя свои традиционные идеологические положения и опыт «советского движения», получившего свое развитие в ходе трех революций в России, они выступают за осуществление принципов *Трудовой советской республики*,

т.е. такого строя, в рамках которого трудовой народ будет осуществлять прямой контроль над всеми сферами общественной жизни через своих депутатов в Советах.

«Политическую программу Трудовой Республики» изложил видный теоретик ССРМ Н. Черемин. В 1-м пункте программы звучал базовый принцип распределения властных полномочий в Трудовой республике: «Вся власть принадлежит трудовому народу в лице советов рабочих и крестьянских и других депутатов от трудящихся, которые должны быть исполнителями воли народа и его руководителями в созидательной жизни»⁴⁰⁴. Конкретные мероприятия по организации власти трудящихся, предлагаемые максималистским теоретиком, очень напоминают ленинский проект «государства-коммуны». В частности, в «Политической программе Трудовой Республики» предусматриваются следующие общественно-политические преобразования:

- отмена всех видов привилегий и ограничений, признание всех граждан равноправными;
- замена постоянной армии «всенародным вооружением»;
- ликвидация «принудительного характера» церкви и брака;
- наделение всех граждан Трудовой республики правом объединяться в организации, основанные на свободном соглашении (при этом в отдельном пункте оговаривалось, что «содержание храмов, монастырей и т.п. учреждений возлагается на самих верующих, организованных в религиозные общества»);
- введение всеобщей трудовой повинности с признанием равноценности физического (как квалифицированного, так и неквалифицированного) и умственного труда;
- создание системы местных, областных и центральных органов Советской власти (во главе с Всероссийским съездом Советов) и соответствующих каждому уровню органов исполнительной власти;
- выборность всех должностных лиц и уравнительная оплата их функций по сравнению с другими видами труда⁴⁰⁵.

Хозяйственная политика максимализма выстраивалась в соответствии с общей стратегической установкой на «освобождение личности от гнета и эксплуатации». Первыми шагами на пути к социализму должны были стать определенные мероприятия по социализации как аграрного, так и промышленного секторов производства. В «земельной программе» выделялись три уровня хозяйственных отношений: 1) владение землей становится исключительной прерогативой всего народа, 2) распоряжение землей устанавливается за органами самоуправления раз-

ных уровней. 3) непосредственное пользование земельными угодьями сохраняется за прежними хозяйственными субъектами – общинами, а также частными владельцами в пределах трудовой нормы и при условии личного труда. Таким образом, на первом этапе социальной революции «обобществляются владение и распоряжение землей, а пользование и труд остаются индивидуальными»⁴⁰⁶. Дальнейшее углубление социалистических начал в сельскую жизнь максималисты связывали с соответствующей пропагандистско-просветительской работой в крестьянской среде и созданием коллективных земледельческих хозяйств на основе механизации труда и с использованием научных достижений. Как отмечалось в максималистских материалах к построению программы, «полного обобществления труда и земледельческого производства возможно достигнуть путем многолетней эволюции и сознательного творчества свободных людей на свободной земле»⁴⁰⁷.

Намного решительней звучали рекомендации максималистов по решению «рабочего вопроса». Радикальной социализации (т.е. превращению в достояние всего общества) подлежали все транспортные и промышленные предприятия, за исключением мелких при условии отсутствия в них наемного труда. При этом предусматривались различные уровни распоряжения социализированными средствами производства. В частности, предприятия, имеющие общенародное значение, планировалось передать в распоряжение центральных органов управления; предприятия пищевой промышленности, а также коммунальную сферу и общественный транспорт – подчинить областным и местным Советам. Согласно этому проекту, функции по оперативному руководству предприятиями осуществляются, с одной стороны, профессиональными организациями рабочих и служащих, кооперативами и артелями («техническое руководство, обслуживание и пользование»), а с другой стороны – фабрично-заводскими комитетами («хозяйственное руководство»). Обобществление крупной и средней промышленности представлялось максималистам лишь первой ступенью на пути к социализму, так же как и ряд других нововведений в сфере обмена и распределения продукции общественного производства (ликвидации всех частных банков и создания единого общенародного банка, упразднения всех видов частной торговли и т.п.). Перестройка общества в указанном направлении как раз и означала создание Трудовой республики, которая далека от идеала социалистического строя, но «образует максимум того, чего возможно достигнуть путем победоносной социальной революции»⁴⁰⁸. Составляя

неизбежную первоначальную форму социалистического строя, Трудовая республика «открывает путь к достижению полного социализма»⁴⁰⁹.

Принципы «трудовой демократии», отстаиваемые эсерами-максималистами, стали своеобразным преломлением либертаристского умонастроения, которое в 1917–1918 гг. явилось одной из доминант общественного самосознания россиян и оказало заметное влияние на теоретическую и практическую деятельность леворадикальных партий и организаций, поэтому ССРМ в указанный период действует в тесном контакте с другими максималистскими (в широком смысле) течениями русской революции.

Максималисты приняли активное участие в работе органов Советской власти*, в формировании отрядов Красной гвардии, как в столице, так и в провинции⁴¹⁰, вошли в военно-революционные комитеты Петрограда, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Тулы и других российских городов⁴¹¹, поддержали провозглашение новой власти на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. (Один эсер-максималист стал членом ВЦИК 2-го созыва⁴¹².)

Решительность и последовательность максималистов выглядели полным контрастом в сравнении с уклончивой и компромиссной тактикой левозеровских вожаков. Отдавая себе отчет в том, что «старая» эсеровская партия теряет свой политический капитал в глазах стремительно радикализирующихся масс, лидеры левых эсеров – М.А. Спиридонова, М.А. Натансон, В.А. Алгасов, А.Л. Колегаев и другие осенью 1917 г. все еще отказывались полностью связывать себя с «бунтарской» тактикой большевиков и максималистов. Характерно, что наиболее решительные из левых эсеров – членов ВЦИК I созыва – хранили в поме-

* Создавая «парламентские» фракции в Советах, максималисты получали дополнительные возможности для саморекламы и расширения своей политической деятельности. На выборах в Сормовский совет 1 июля максималисты получили только 1 место (большевики – 4, меньшевики – 6, эсеры – 38). Тем не менее, согласно решению Сормовского бюро Совета рабочих депутатов, принятому 2 октября 1917 г., эсеры-максималисты получили 1 тысячу рублей «для ведения выборной кампании в Учредительное собрание»; точно такие же суммы получили фракции других социалистических партий в бюро Совета. Не отставали максималисты и в других делах. В конце того же года из 200 бойцов Сормовской Красной гвардии 40 причисляли себя к членам ССРМ и сочувствующим. См.: ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 1. Д. 96. Л. 65; ЦАНО. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 13. Л. 8; Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии: Сборник документов. Под ред. А.И. Великоречина и К.Г. Селезнева. – Горький, 1957. – С. 377.

шении своей фракции в Смольном пулеметы и боеприпасы на случай восстания, однако делали это «без участия и ведома руководящего ядра». А в Петроградский ВРК, который играл ключевую роль в организации и проведении восстания, накануне II Всероссийского съезда Советов отдельные представители левозерской фракции вошли даже *помимо* желания большинства лидеров своего течения⁴¹³. (В состав Петроградского военно-революционного комитета вошли 14 левых эсеров, в том числе Г.Д. Закс, В.А. Алгасов, А.М. Устинов, М.А. Левин, П.Е. Лазимир (первый председатель ВРК). Из 5 членов бюро ВРК, избранного 21 октября 1917 г., двое – П.Е. Лазимир и Г.Н. Сухарьков – также были левыми эсерами⁴¹⁴.) Вот как участие столичных левых эсеров в октябрьских событиях описывал орган ЦК ПСР «Дело народа»: «“Левые с.-р-ы” не только нарушили партийную дисциплину, они пошли войной против партии: “левый с.-р.” Прошьян в Гельсингфорсе арестовывает членов партии социалистов-революционеров и совершает налет на партийную типографию; “левый с.-р.” Устинов участвует в насилии над “Известиями Совета Крестьянских Депутатов”; “левый с.-р.” Спиро вскрывает по постановлению военно-революционного комитета письма, адресованные в Совет Крестьянских Депутатов, и т.д., и т.д.

“Левые с.-р.” вместе с большевиками организуют за спиной органов демократии восстание и захватывают власть...”⁴¹⁵. В этой связи правые эсеры с удовлетворением восприняли факт политического самоопределения левых эсеров и исключения их из ПСР, полагая, что та «болезнь», которая глубоко внедрилась в их партию и «жестоко раздирает ее в течение последнего времени на несколько частей, теперь выгнана наружу»^{416*}.

Левые эсеры внесли весомый вклад в подготовку и осуществление антиправительственного переворота в Москве, Харькове, Ревеле, Гельсингфорсе, Воронеже, Астрахани, Ташкенте, Туле, Твери, во многих уездных городах⁴¹⁷, при этом их участие в «коммунальных революциях» принимало разные формы. Например, в Нижнем Новгороде ведущую роль в военно-революционном комитете играли большевики, однако

* «Мы всегда были убеждены, – отмечал В.М. Зензинов, – что “левые с.-р.-ы” – в партии социалистов-революционеров элемент чуждый и случайный. Огромное большинство среди них принадлежит к максималистам, синдикалистам и анархистам. И потому мы приветствуем, что “левые с.-р.-ы”, наконец, самоопределились (выделено нами. – В.С.)» (Зензинов В.М. Левые эсеры самоопределились // Дело народа. – 1917. – 1 ноября. – С. 1).

именно лояльная позиция местных левых эсеров стала залогом победы антибуржуазного восстания. В частности, в день большевистского переворота 28 октября 1917 г. «все живые силы» – от правых эсеров до кадетов – под эгидой городской думы создали Комитет спасения родины и революции и начали подготовку вооруженного отпора ревкому. В этот же день в думе появилась делегация сормовских эсеров, которые, по выражению современника, «как рабочие, стояли всегда левее городских (т.е. нижегородских. – В.С.)», заявившая, что их партийная организация не допустит кровопролития и в случае агрессивных действий со стороны думцев поддержит большевиков, предоставив им свою боевую дружину⁴¹⁸. В итоге в Нижнем Новгороде антиправительственный переворот прошел «малой кровью».

Более активно действовали левонароднические организации в других регионах России. Воронежские левые эсеры в своем октябрьском воззвании к рабочим и солдатам возвестили: «Скоро настанет момент, когда народ, изверившись во всех, поднимется бурной стихией»⁴¹⁹, однако не стали дожидаться общенародного выступления и энергично поддерживали большевиков, как только пришли известия о перевороте в столице. 28 октября 1917 г. в Воронеже большевики и левые эсеры создают чрезвычайный революционный орган («орган действий») «на случай каких-нибудь неожиданных событий и для принятия и проведения необходимых срочных мер»⁴²⁰. Когда правительственные войска приступили к разоружению «ненадежных» частей гарнизона, некоторые решительно настроенные большевики, а также левые эсеры Н.И. Григорьев и А.С. Ляпис, сформировавшие временный революционный комитет, сумели организовать и возглавить победоносное восстание⁴²¹. По признанию воронежского большевика И. Врачева, «основным кадром для дружины Ревкома» была левозеро́вская дружина⁴²². Показательно, что Воронежская губернская организация (наряду с Петроградской и Гельсингфорсской) была исключена решением ЦК ПСР из рядов партии за активное участие в Октябрьском революционном перевороте⁴²³.

Важным этапом идейной и организационной институционализации радикальных неонародников стал I съезд новой партии, получившей название Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (ПЛСР). Учредительный съезд ПЛСР проходил 19–27 ноября 1917 г. в Петрограде. Главные пункты размежевания между левыми и правыми эсерами наметились не только в вопросах о мире и степени социализации экономики, но и в проблемах дальнейшего социального и политического освобождения России. В этом отношении показательно

противопоставление в высказываниях делегатов съезда позиций левых эсеров и большевиков, с одной стороны, и умеренных социалистов – с другой, как «социального» и «политического» течений в русской революции. По оценке А.М. Устинова, вожди эсеровской партии оказались «меньше социалистами, чем политиками»⁴²⁴. Эсеры-оборонцы и меньшевики были убеждены, что «в России происходит революция с некоторым социальным содержанием, но революция по существу политическая», поэтому, когда удалось достичь серьезных успехов в сфере политики – свергнуть самодержавие и передать власть в руки «демократии», – они посчитали основную задачу революции выполненной. В то же время «социальное содержание, которое эта группа вкладывала в революцию, не шло дальше социализации земли, вполне... доступной и в буржуазной обстановке при капиталистическом строе»⁴²⁵. Исходя из идеологических догм о неминувости капитализма как закономерной исторической фазы общественного развития, меньшевики, а вслед за ними и эсеры твердо стояли за союз с буржуазией и «готовы были объявлять преступником всякого, кто только немного смел мечтать о том, что мы все-таки вступаем в период социальной революции, или, даже скажем больше, социалистической революции»⁴²⁶. В конечном итоге именно «психология отрицания социалистического момента в революции», определявшая и идеологию, и практическую деятельность меньшевиков и правых эсеров после Февраля, стала причиной отторжения миллионов трудящихся от вчерашних фаворитов освободительного движения.

В этих условиях А.М. Устинов считает несправедливыми нападки на партию большевиков, которая демократическими лозунгами якобы «вскружила головы народных масс». По его мнению, ситуация складывается прямо противоположным образом: «большевики – это только граммофон, который повторяет и очень удачно, а иногда и очень неудачно то, что переживает масса»⁴²⁷. «Россия – отсталая страна, однако российские варвары оказались... вполне владеющими всеми теми ультра-демократическими, ультра-социалистическими лозунгами, которыми Европа только начала жить последний год. Не странно ли это? Нет, несколько не странно для того, кто следил внимательно за развитием всех мировых явлений, которые протекали за последние месяцы. Наряду с этим грандиозным русским империализмом, который дошел до кульминационного момента своего развития, идет развитие другой психологии, которая является последствием вымученной, выстраданной мысли масс. Поскольку с одной стороны развивался этот жестокий им-

периализм угнетателей, постольку в массах угнетаемых развивалась психология революционная и социалистическая»⁴²⁸. Таким образом, левые эсеры оценивают «ультра-демократизм» и «ультра-социализм» программных лозунгов леворадикальных партий (в том числе и своих собственных лозунгов*) как отражение социального максимализма народных чаяний, которые, в свою очередь, явились результатом максимализма «империалистического» угнетения и эксплуатации.

В рассмотренных рассуждениях четко просматривается еще одна линия принципиального размежевания правого и левого флангов русского социалистического движения: если первые (меньшевики и эсеры) видели в народных массах лишь объект манипуляции со стороны «экстремистских» элементов, то вторые (левые эсеры, большевики и прочие «максималисты») сделали ставку именно на массовую политику, на активное социально-политическое творчество миллионов трудящихся. При этом в деятельности народных масс зачастую априори отрицались какие-либо негативные, деструктивные мотивы. А.М. Устинов выразил эту установку следующей фразой: «...отдельный человек, кто бы он ни был, может творить худое и творит его, но народ в целом, трудовой народ может творить только хорошее»⁴²⁹. Поскольку народ дорос до понимания «трудового социалистического начала», поскольку крестьяне, рабочие и солдаты не признают над собой власти «господствующих классов» и хотят «царствовать» сами, постольку и левые эсеры, чтобы «не остаться без армии», должны соразмерять свою теоретическую и практическую деятельность с ультрарадикальными порывами масс^{**}. Очевидно, что на этапе расширения рамок социальной революции в России на рубеже 1917–1918 гг. «концентрация» либертаризма в левозесеровских партийных установках напрямую определялась влиянием

* Тот же А.М. Устинов отметил на съезде: «...когда мы шли к рабочим, крестьянам, солдатам, в армию, во флот, мы все время чувствовали, что наша позиция революционных социалистов и интернационалистов именно правильная. Мы были те, у которых мысль и сердце бились совершенно в унисон с тем, что переживал наш трудовой народ» (Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). – М., 1918. (Далее: Протоколы I съезда ПЛСР). – С. 52).

** Один из делегатов I съезда ПЛСР Ильинский, в частности, заявил: «...Трудовой народ сам будет творить свою волю, он является хозяином жизни... Всякие программы в процессе борьбы связывают революционные действия, теперь не время программ, а время творческой активной работы» (Там же. – С. 64, 65).

мощного стремления крестьянских и рабочих масс к радикальному освобождению от навязанной «сверху» власти, эксплуатации и нищеты.

В этой связи на I съезде ПЛСР интенсивно обсуждаются проекты оформления и закрепления завоеванной трудящимися свободы, как в политической, так и социально-экономической сферах. Проблема власти рассматривалась в двух плоскостях: во-первых, отношение к политическому наследию Февраля – Советам и Учредительному собранию, во-вторых, конструирование организационных моделей «социалистического» этапа революции. Не ограничиваясь «политикой», левые эсеры пытались сформулировать и «социальные», т.е. экономические, культурные и прочие аспекты своего проекта революционных преобразований. При этом доминантой большинства выступлений по указанной проблематике было стремление ораторов попасть в такт массовым настроениям, спонтанному революционному творчеству «трудового народа».

Впрочем, преклонение перед народом у левых эсеров не носило всеобщего и безусловного характера. В свое время неонародники сформулировали концепцию единой движущей силы русской революции – «трудового класса», составными частями которого являются пролетариат, крестьянство и демократическая интеллигенция. История внесла свои коррективы во взаимоотношения революционных «сословий». Как отмечалось на I съезде ПЛСР, в 1905–1906 гг., «в романтическую пору революции», крестьяне и рабочие, с одной стороны, и интеллигенция – с другой, тесно сотрудничали, однако впоследствии наступило резкое охлаждение, которое так и не удалось преодолеть, поскольку «интеллигенция ударилась в другую крайность» – «она отстала от масс»⁴³⁰. Отсюда происходит гипертрофированное преклонение партийных интеллигентов перед спонтанным революционно-разрушительным действием социальных низов, отсюда уверенность в том, что «вся мудрость в народе, а мы только писаря»⁴³¹. Но с другой стороны, интеллигенция не может играть только роль подсобной силы, она обязана осуществлять духовное руководство революционным процессом. «Если же мы не выступим, – отмечал делегат I съезда ПЛСР Ежов, – как сила организующая, а только как разрушающая, поддакивающая всем диким проявлениям масс. то может случиться – и это неизбежно, – что сама масса вспыхнет и обрушится на все завоевания революции»⁴³². В конечном

* В этой связи Ежов высказывает критическое замечание в адрес большевиков, которые «отрекаются от интеллигентов, видя в них единственное зло и не замечая того, что это самое утверждение есть чисто интеллигентское измышление» (Протоколы I съезда ПЛСР. – С. 58).

итоге левозеровские планы социально-политической реорганизации российского общества как раз и стали попыткой концептуального решения указанных противоречивых проблем: в этих планах наблюдается стремление ввести в рациональное русло стихийную тягу народных масс к вольной жизни, отстоять приоритет созидательных начал революции над разрушительными, усовершенствовать структуры народной демократии, выросшие «снизу» своими партийно-теоретическими (по сути интеллигентскими) новациями.

В отличие от максималистов, левые эсеры не отличались единодушием как при характеристике типа демократического устройства, приемлемого для российского общества, так и во взглядах на различные аспекты демократии. В частности, даже вопрос о применимости всеобщего избирательного права в эпоху революционного кризиса вызвал дискуссии на левозеровском партийном форуме. Например, Д.А. Черепанов в своем выступлении обосновывал политическую программу, «исходя из принципов Народовластия и всеобщего избирательного права», а будущий член ЦК ПЛСР и нарком В.Е. Трутовский признал возможным использовать «оружие всеобщего избирательного права» лишь в том случае, когда «социальная обстановка отвечает интересам рабочего класса»⁴³³. Еще определенной высказался И.З. Штейнберг: «Всеобщее избирательное право, конечно, формально. Для нас это ясно, но массы в него верят»⁴³⁴.

Широкий разброс мнений возник при обсуждении тактической линии партии по отношению к предстоящему Учредительному собранию. Шифер, будучи правым среди левых эсеров, заявил, что следует опасаться не столько созыва будущего российского конвента, сколько его срыва, поскольку это может стать началом гражданской войны. Другую крайнюю – ультралевую – точку зрения высказал Муравьев: он призвал не делать из Учредительного собрания фетиш, поскольку «оно совершенно изжило себя»⁴³⁵. Большинство делегатов, высказавшихся по данной теме, обусловили судьбу «долгожданного хозяина земли русской» его готовностью выразить политическую волю трудового народа или, по крайней мере, способностью не противостоять этой воле. И.З. Штейнберг предложил использовать собрание с «педагогически-революционной» целью – предоставить ему формально верховную правительственную власть, чтобы разоблачить «всю неспособность его при проведении в жизнь всех законов»⁴³⁶. Преобладающим в конечном итоге стало мнение об исторически преходящей роли Учредительного собрания, которое должно быть создано с учетом сохраняющихся парла-

ментских иллюзий значительных слоев трудового народа, но которое, тем не менее, является уже морально устаревшим политическим институтом на фоне широкого развития «советского движения»⁴³⁷. В афористической форме позицию большинства выразил В.Е. Трутовский: «Учредительное Собрание нам ничего не даст, но откуда в него верят массы – мы должны быть осторожны»⁴³⁸.

Прозвучали на съезде и различные мнения, или, точнее сказать, различные оттенки единого просоветского мнения, о месте Советов в системе революционной государственной власти. По выражению М.А. Спиридоновой, советские органы являются «самым полным выражением народной воли»; «в этих Советах социальная жизнь», поскольку путем парламентской борьбы невозможно прийти к социализму⁴³⁹. Впрочем, и из классовых организаций трудящихся левые эсеры не делали фетиша. Конструктивно-критические ноты в адрес новорожденной советской системы прозвучали, в частности, в выступлении на съезде делегата С.Б. Гельфера. Он подчеркнул, что Советы, осуществляя в революционном процессе политические функции, пренебрегали функциями социально-экономическими, и призвал дополнить их в этой сфере другими «местными самоуправлениями», а также организациями, занимающимися хозяйственной жизнью страны*.

Первому съезду ПЛСР были предложены два проекта резолюции по политической программе «для проведения через Учредительное Собрание». Оба проекта базировались на принципах революционного государственничества, однако они имели вполне выраженное *либертариистское* содержание, поскольку исходили из положения о неформальном политическом суверенитете трудящихся масс**, т.е. подавляющего числа населения страны. Д.А. Черепанов предложил классический вариант трех ветвей власти для Российской Федеративной Республики, но с но-

* «В этом, – отметил С.Б. Гельфер, – наше расхождение с большевиками, которые, захватив власть и предоставив ее Советам, не хотят туда включать ни почтово-телеграфный союз, ни жел[езные] дор[оги] и никакие экономические группы» (Протоколы I съезда ПЛСР. – С. 88).

** В проекте резолюции Д.А. Магеровского, принятой съездом, подчеркивалось: «Вся власть как в центре, так и на местах должна принадлежать трудовому народу. Его классовые организации должны править страной» (Протоколы I съезда ПЛСР. – С. 89). А в проекте Д.А. Черепанова содержалось радикальное и беспрецедентное в подобных государственно-построительных документах положение о праве народа на восстание в случае посягательства на всенародно избранную власть (см. там же. – С. 89).

вым наполнением: по его плану законодательную власть представляет *Законодательная палата*, сформированная на основе всеобщего избирательного права; исполнительную власть возглавляет *Исполнительный комитет*, который также избирается народом; судебные функции выполняет *демократический суд*. Система «сдержек и противовесов» в рассматриваемом проекте также содержит принципиальные народно-демократические коррективы: не только Законодательная палата может обратиться непосредственно к народу с вотумом недоверия по отношению к Исполкому и наоборот, но «определенной численной группе населения наряду с правом законодательной инициативы предоставляется право обращения к народу по поводу вотума недоверия законодательной палате и исполнительному Комитету»⁴⁴⁰. Кроме того, в синдикалистском духе Д.А. Черепанов предложил передать отдельные отрасли государственного управления в руки соответствующих союзов рабочих и служащих, а вопросы местного масштаба рассматривать с обязательным участием представителей «местных самоуправлений»⁴⁴¹.

В проекте резолюции Д.А. Магеровского, которая была принята I съездом ПЛСР, подчеркивалось, что подлинная реализация социалистического строя возможна лишь посредством единой и непреклонной революционной воли, олицетворением которой выступает центральная и местная государственная власть, однако «захват государственной власти является лишь одним из этапов социальной революции»⁴⁴². В резолюции отмечалось, что «все кадры трудового народа» должны объединиться в соответствующие профессиональные объединения, тем не менее не все классовые органы могут получить доступ к государственному управлению. В частности, Д.А. Магеровский называет четыре типа советских организаций: *Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Советы служащих государственных и общественных служб, Советы торгово-промышленных служащих и Советы депутатов трудовой интеллигенции*, из которых только первый тип представляет собой безусловную классовую базу революционного государства, а остальные могут приобщиться к управлению страной, лишь доказав свою лояльность новому строю⁴⁴³.

Высший уровень государственной власти в проекте Д.А. Магеровского составляют *Центральный Исполнительный Комитет представителей Съезда всех Советов*, который, в свою очередь, формирует в качестве исполнительного органа *Совет Государственных Комиссаров*. «Местная власть организуется на основе сочетания принципов общенародного и классового представительства трудящихся масс»⁴⁴⁴.

Таким образом, левые эсеры уже на учредительном съезде своей партии выступили как революционные государственники, как сторонники использования государственной власти в целях построения социалистического строя. Однако государство, в их понимании, – это политический институт советского типа, формирование и деятельность которого напрямую зависит от всеобщего волеизъявления трудящихся масс. Левозэсеровский проект советской демократии в рассматриваемый период (осень 1917 г.) носил вполне либертариистский характер, так как предусматривал участие в управлении политическими процессами на государственном уровне не только городского пролетариата и беднейшего крестьянства (как в проектах большевиков), но и широких «трудовых» слоев города и села, включая даже торгово-промышленных служащих, при условии их искреннего включения в социалистическое строительство*.

2.2. Левые неонародники в послеоктябрьский период: соправители – оппозиционеры – «мятежники»

Как известно, левые неонародники поддержали большевиков на II Всероссийском съезде Советов, который ликвидировал власть Временного правительства и сформировал Совет народных комиссаров. Из 101 члена нового ВЦИКа, избранных на пленуме 27 октября, 29 причисляли себя к эсерам-интернационалистам, 1 состоял в ССРМ⁴⁴⁵. При этом именно позиция левых эсеров часто сдерживала те антидемократические тенденции, которые стали явственно проявляться в политической практике большевиков. В частности, левозэсеровские депутаты ВЦИК в своих интерpellациях в СНК в октябре–декабре 1917 г. остро ставили вопросы о неправомерном нарушении гражданских свобод и репрессиях против небольшевистских печатных органов, об арестах лидеров оппо-

* В этом отношении показательна ремарка Д.А. Магеровского на замечания товарищей в ходе обсуждения проекта резолюции: «...Ставится мне также в упрек то, что в Советах не будет осуществлено всеобщего избирательного права, а курialesкое право. Я утверждаю, что всеобщее избирательное право будет проводиться в широких массах трудового народа, на которых мы базируемся. Я считал бы, что этот кадр трудовых масс следует расширить всеми представителями труда. Потому я предлагаю и Совет трудовой интеллигенции. У нас в Совете имеют право представительства лишь рабочие и солдаты» (Протоколы I съезда ПЛСР. – С. 93–94).

зиционных партий и членов Центральной избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание, о приоритете законодательной власти над исполнительной. Как отмечают Л.М. Овруцкий и А.И. Разгон, «большевики, располагая во ВЦИК большинством, хотя и не без труда, но справлялись с левыми эсерами. Однако не считаться с оппозицией правящая партия не могла: приходилось освобождать арестованных, разрешать выпуск запрещенных газет, организовывать отчеты наркомов на пленумах ВЦИК»⁴⁴⁶. В декабре левые эсеры вошли в состав советского правительства, возглавив в том числе и важные с политической и экономической точки зрения наркоматы земледелия (А.Л. Колегаев*), юстиции (И.З. Штейнберг) и местного самоуправления (В.Е. Трутовский)⁴⁴⁷.

Весомый вклад внесли члены ПЛСР в советизацию власти на местах уже после Октябрьского переворота, при этом часто они выступают наиболее решительными сторонниками демонтажа буржуазно-государственных органов⁴⁴⁸. Например, 31 декабря 1917 г. на пленуме Нижегородского губернского совета рабочих и солдатских депутатов эсер-интернационалист Ф. Филиппов, не успев объявить о формировании советской левозесеровской фракции**, тут же «указывает на контрреволюционные Комитеты защиты Учредительного Собрания и Стачечный и находит, что исполнительный комитет не принимает должных мер для борьбы с ним (выделено нами. – В.С.)»⁴⁴⁹. В Бежецком уезде Тверской губернии левые эсеры в коалиции с большевиками и анархистами вели упорную борьбу с земскими административными структурами, в которых ключевую роль играли эсеры, меньшевики и кадеты. В декабре 1917 г. и начале января 1918 г. под председательством левого эсера Шустрова прошли II и III уездные съезды Советов крестьянских депутатов, на которых левые фракции, опираясь на свое количественное превосходство, потребовали роспуска уездной земской и городской управ. Во второй декаде января 1918 г. противостояние между IV съездом Советов и уездным земским съездом заканчивается ликвидацией двоевластия и установлением Советской власти⁴⁵⁰. Примерно в это же время

* Постановление о назначении А.Л. Колегаева наркомом земледелия было подписано председателем СНК В.И. Лениным еще 25 ноября 1917 г.

** Ф. Филиппов попросил для новообразованной фракции «представительства в исполнительном комитете в количестве трех лиц». Нижегородский совет практически единогласно (при 5 воздержавшихся) удовлетворил просьбу левых эсеров новообразованной фракции. См.: ЦАНО. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 56. Л. 13.

левые эсеры, наряду с большевиками и анархистами, сформировали и Весьегонский уездный исполком Советов в той же губернии⁴⁵¹.

Активно работали над укреплением советской политической системы и максималисты. Правда, в отличие от левых эсеров, роль представителей ССРМ в Советах была более заметна на губернском и уездном уровнях. В соответствии со своими просоветскими и антипарламентаристскими взглядами, максималисты поддерживали «закрытие» Учредительного собрания, провозгласив устами своего представителя на III съезде Советов: «Не так давно в этом зале было сказано: государственная Дума умерла – Да здравствует Учредительное собрание! Мы говорим теперь: Учредительное собрание умерло – Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»⁴⁵².

Однако Советскую власть они представляли не в партийных, а в классовых категориях: в *трудовых Советах* они видели центры объединения «всех трудящихся, к какой бы социалистической партии они не принадлежали, какого бы учения они не придерживались»⁴⁵³. Поэтому, отказываясь называть вооруженное восстание в Петрограде авантурой, максималисты вместе с тем подвергают жесткой критике стремление большевиков сосредоточить всю власть в своих руках. «Мы глубоко уважаем идейных большевиков, – писал по этому поводу один из лидеров ССРМ Г.А. Ривкин, – Мы их поддерживали, не ставя условий, когда они оказались максималистами, когда вместо демократической республики, программы постепенности, они провозгласили советскую власть и социалистическую революцию. Но когда мы видим, как за общими дорогими для нас всех словами кроется нечто иное, мы обязаны предупредить и самих большевиков, и трудовые массы об этом»⁴⁵⁴.

С позиции пробольшевистских историографов политическая линия Союза эсеров-максималистов в рассматриваемый период выглядит как «неспособность преодолеть мелкобуржуазные иллюзии», «попытка затемнить классовые задачи пролетариата»⁴⁵⁵. На наш взгляд, в действительности следует говорить о принципиальной приверженности максималистов духу либертаризма⁴⁵⁶, принципам прямой народной демократии, под лозунгами которой левые марксисты и их союзники при активной или молчаливой поддержке масс перехватили политическую инициативу у правых социалистов и получали шанс на осуществление идеала подлинной, с их точки зрения, свободы и справедливости. В указанном контексте следует оценивать и участие членов Союза в построении идеологической и организационной конструкции советской политической системы.

Например, на первом заседании Сормовского бюро Совета рабочих депутатов 9 ноября 1917 г., посвященном вопросу организации новой власти, в состав исполнительного комитета были избраны 8 большевиков и 1 эсер-максималист⁴⁵⁷. Показательно, что лидер сормовских меньшевиков Н.И. Быховский категорично заявил, что «меньшевики и эсеры отказываются принимать участие в президиуме, а также в исполнительном комитете»⁴⁵⁸. Позднее, когда на Сормовском заводе под видом «увольнения в отпуск» начались массовые сокращения рабочих и новой власти пришлось столкнуться с угрозой социального взрыва⁴⁵⁹, местные большевики, а также их политические партнеры – левые неонародники создали в районе комиссариат труда. Наряду с двумя большевиками членом комиссариата стал максималист В.К. Хрекин⁴⁶⁰. (Кроме того, еще 8 ноября 1917 г. по постановлению исполнительного комитета рабочей секции Нижегородского совета он в составе тройки депутатов был делегирован для заведования губернским отделом труда⁴⁶¹.) Благодаря энергичным действиям комиссаров труда, а также вследствие оттока большинства приезжих рабочих-беженцев в хлебные районы страны, к июлю 1918 г. количество безработных в Сормове сократилось до 859 человек (в марте число «уволненных в отпуск» составляло 10 тысяч человек)⁴⁶².

Немногочисленные (от 1 до 8 человек), но активные фракции эсеров-максималистов действовали в сибирских Советах разных уровней*, а в Канском объединенном совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в самом начале 1918 г. они составляли большинство депутатов и членов исполкома⁴⁶³.

Распад многопартийной коалиции марксистов-ленинцев и левых неонародников стал следствием заключения советским правительством сепаратного мирного договора с Германией в марте 1918 г. По убеждению левоэсеровских идеологов, именно в области *Интернационала* лежала «основная, решающая междупартийная скрепа двух руководящих ныне политических партий», и большевики, отказавшись от первоначального курса на мировую революцию и пойдя на уступки империалистической Германии, тем самым разрушили эту «скрепу»⁴⁶⁴. «Твердо зная, что лишь в международном масштабе могут быть осуществлены задачи нашей Революции, – заявлял в статье «Революционный социа-

* В частности, в Омском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в Омском совете казачьих депутатов, в Тюменском совете, в Петропавловском совете, в ряде уездных Советов. В ЦИК Сибири (Центросибири) работало 4 члена ССРМ. См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири. – Табл. 13.

лизм» член ЦК ПЛСР С.Д. Мстиславский, – поскольку мы утверждаем не только социальный, но даже социалистический ее характер – мы не можем отречься от тех принципов интернационала, которые были по сие время руководящими во внешней политике Революционной России»^{465*}. Левые эсеры не только оставляют свои посты в Совнаркоме, но и с позиций революционного оборончества начинают энергичную агитационную кампанию, направленную на дискредитацию и срыв «позорной линии капитуляции, которая стала политическим курсом Советской Республики после Бреста»⁴⁶⁶.

Примечательно, что свою критику «похабного мира» партия левых эсеров, представители которой совсем недавно состояли в правительственном блоке, основывает отнюдь не на государственных аргументах. Вчерашние союзники большевиков выступили с лозунгом «Не война, но восстание!», противопоставив войне как сфере приложения государственных сил восстание революционных масс как форму классовой борьбы. С.Д. Мстиславский в цитированной выше статье отмечал, что социалист-революционер имеет право «стоять у власти» лишь до тех пор, пока политические условия позволяют ему сочетать требования государственной необходимости с «интегральными требованиями» революционного социализма. «И если это сочетание невозможно – он должен незамедлительно уйти от власти, ибо он не вправе поступаться – ни интересами государства, управление которым он принял на себя во имя партийных принципов, ни своими принципами во имя интересов государства, ибо вне этих принципов его, как социалиста-революционера – нет»⁴⁶⁷. Левые эсеры стремились не повторить печальный опыт «старой» эсеровской партии, которая именно потому и погибла, что «стала на путь оппортунизма» в погоне за государственной властью. Поэтому они готовы были легко расстаться с государственной властью во имя принципов «целостного, чистого, революционного социализма»⁴⁶⁸.

Максималисты также выразили решительный протест по поводу подписания Брестского договора с Германией. В заявлении фракции ССРМ на IV Чрезвычайном съезде Советов (14–16 марта 1918 г.) гово-

*Исходя из указанной установки, С.Д. Мстиславский противопоставляет *сепаратному*, *«мелкобуржуазному»* подходу В.И. Ленина и его сторонников *интернациональную*, подлинно *социалистическую* позицию противников Брестского мира, т.е., в первую очередь, своих товарищей по партии. См.: Мстиславский С.Д. Революционный социализм // Знамя труда. – 1918. – № 143. – С. 1.

рилось, что «эти мирные условия убивают власть Советов, ибо без проведения в жизнь трудовых требований, без социализации земли, фабрик, заводов, без организации государственной жизни на трудовых началах нет и не может быть советской власти; а мирные условия Германии, являющиеся ультиматумом германской буржуазии, всецело уничтожают политическую и экономическую возможность проведения в жизнь этих социальных мероприятий»⁴⁶⁹. Подобно большевикам в 1917 г., левые неонародники в 1918 г. активно используют социально-революционные аргументы и либертаристскую риторику для бескомпромиссной критики не только внешнеполитических шагов вчерашних партнеров по коалиции, но и их внутренней политики.

Отстранившись от бремени правительственной власти и превратившись в «парламентскую» оппозицию, левые эсеры начинают критический обстрел изъянов советской государственности, к созданию которой они и сами приложили усилия. «Государство, — отмечалось в газете «Знамя Труда», — как форма классового господства — изживается нами вместе с преодолением классового деления общества. Власть, насильственно подчиняющая большинство трудящихся интересам меньшинства, уступает место силе, служащей интересам трудового большинства. Эта новая форма общественности и есть федерация, новая организация власти, как организация самоуправления»⁴⁷⁰. Между тем реального создания советской политической системы на принципах свободного самоуправления и децентрализации не происходит, вместо этого налицо только «хаотическое нагромождение органов, на старые — новых, на высшие — еще более высших (“чрезвычайных”)), «небывалое... перепроизводство законодательных и распорядительных органов в центрах при небывало малом численно и слабом по работе существовании органов исполнительных на местах»⁴⁷¹.

Против «фетишизма власти» выступает в своих статьях видный идеолог ПЛСР Д.М. Магеровский. Он рассматривал захват государственной власти не как «самодовлеющий акт социальной революции», а лишь как один из ее этапов. По его убеждению, «думать, что власть творит историю и пересоздает жизнь общества — значит быть в плену буржуазных представлений, освящающих в целом как собственность, так и централистическую власть и приписывающих им чудодейственные силы». Политике «фетишистов власти», под которыми подразумеваются разного рода государственники, в том числе и большевики, левые эсеры противопоставляют либертаристскую альтернативу, суть которой в признании «необходимым везде и во все времена при всяких

условиях как единственно здоровой формы жизни общества — децентрализации, т.е. федерации автономных организаций»⁴⁷².

Еще дальше в своей критике шли эсеры-максималисты, с полным основанием обвинявшие не только большевиков, но и левых эсеров в межпартийной борьбе за власть в Советах⁴⁷³ и в приверженности к «партийному централизму», который выливался в «монополизацию всех чувств трудовых масс». В связи с этим они призывали к «созданию подлинной Советской власти и оздоровлению Советов как классовых объединений всех трудящихся и эксплуатируемых (обездоленных) в их борьбе за социальную революцию и новый трудовой и социалистический строй, развитию для этого начал коллегиальности и народной самодетельности в Советах; уничтожению диктатуры партийных комитетов и фракций, стремящихся управлять трудящимися, а не помогать им в деле самоуправления и трудового строительства»⁴⁷⁴.

Резкое неприятие левых эсеров вызвали меры большевистского руководства, направленные на установление продовольственной диктатуры и разжигание классовой войны в деревне. 11 июня 1918 г., то есть в день принятия декрета об организации комитетов бедноты, фракции левых эсеров и максималистов во ВЦИКе выступили с декларацией. В этом документе были озвучены два основных аргумента против «неестественного разделения трудового крестьянства». Во-первых, пророчески указывалось на то, что исключение из числа избирателей комбедов тех крестьян, которые якобы имеют «излишки хлеба» — при неопределенности самого понятия «излишка», — чревато произволом со стороны люмпенских слоев деревни и опасным сужением социальной базы Советской власти⁴⁷⁵. Во-вторых (с этого и начинался текст декларации), левые эсеры и их единомышленники вполне обоснованно увидели в комбедах авторитарную альтернативу Советам крестьянских депутатов, — органы, действующие «вне их (т.е. Советов) руководства и контроля и являющиеся слепыми проводниками политики центральной власти»⁴⁷⁶. «Таким образом, — констатировалось в декларации, — делается еще один шаг к погибельному пути бюрократического централизма, на который с некоторого времени вступила центральная власть (выделено нами. — В.С.)»⁴⁷⁷.

По убеждению леворадикальных неонародников, разрешение продовольственного кризиса было возможно без применения диктаторских и террористических методов, при условии честного сотрудничества и взаимной ответственности трудовых классов города и села. «Смягчение возможно лишь при условии, если, предъявляя справедливые тре-

бования хлеба к деревне, город сознает свои обязанности перед земледельцем, для которого продукты сельскохозяйственного производства являются средством к получению необходимых ему предметов городской промышленности. Должны быть сохранены государственные монополии и твердые цены на хлеб, но должны быть также, без промедления, монополизированы другие предметы массового потребления и проведена общегосударственная система твердых цен (выделено в подлиннике. – В.С.). Работой по организации товарообмена, сбором продовольственных излишков и их распределением на основе общегосударственного плана как раз и призваны были заняться местные Советы одновременно с энергичной борьбой с подлинными кулаками, укрывающими хлеб с целью личного обогащения⁴⁷⁸.

Отстаивая политический суверенитет низовых крестьянских Советов, левые эсеры не могли одобрительно отнестись и к попыткам большевиков взять под контроль верхние этажи Советской власти. В частности, когда в июне 1918 г. в преддверии V съезда Советов был распущен ВЦИК 4-го созыва, Центральный орган ЦК ПЛСР «Знамя труда» оценил этот шаг как неуместный и опасный «в момент, когда особенно ценен, особенно необходим сочтенный, “общий” – в действительном смысле слова всенародный – труд, сложить, организовать, вдохновить который – конечно же, не под силу “коллегии комиссаров”, с их централизацией, их чиновничеством»⁴⁷⁹. «Ленинский кабинет» уже совершил немало ошибок, дорого стоивших формирующемуся советскому обществу, и в сложных условиях Гражданской войны и иностранной интервенции каждая новая ошибка может стать катастрофичной для революции. «...после Бреста, – отмечалось в «Знамени труда», – после “комитетов бедноты”, после карательных хлебных отрядов, после вступления правительства на путь – не только безоглядных, но и слепых репрессий – советская Россия не может быть спокойна за “правильность курса”, который примет на ближайшие недели до съезда свободный даже от призрака контроля “кабинет”»⁴⁸⁰. Решение вызывающих тревогу проблем, во весь рост вставших перед молодым революционным государством, левые эсеры видели не в «отстранении советов от активной, “собственной” политической работы», к чему на данном этапе стремилась оставшаяся у кормила власти партия большевиков, а напротив, в упрочении выборной Советской власти и дальнейшей активизации деятельности Советов разных уровней, которые, в отличие от авторитарной «коллегии комиссаров», опираются на широкую массовую поддержку и способны объединить трудовые слои города и деревни для «коллективной собор-

ной» деятельности. Исходя из указанных народно-демократических установок, левые эсеры поставили вопрос о возобновлении работы ВЦИКа на непрерывной основе (о «перманентных заседаниях» высшего органа Советской власти), который должен возродиться как «центр организации живых сил республики» и как гарант гласности, предохраняющей революционное общество от трагических ошибок⁴⁸¹.

В историографии, посвященной истории партии левых эсеров, обычно заостряется внимание на их критике авторитаристских тенденций внутренней политики большевистского правительства. Между тем, левые эсеры защищали советскую демократию не только от поползновений «слева» – со стороны большевиков, но и «справа» – со стороны меньшевиков. «Дезорганизация советской работы, – с тревогой отмечалось в статье Л. Виссарионова «С двух сторон», – идет ныне по двум направлениям»⁴⁸². Большевики приступили к созданию комитетов бедноты, которые должны сыграть роль «надежных проводников всех фантастических проектов продовольственных диктаторов»; правосоциалистические партии – в первую очередь меньшевики – организовали бюро уполномоченных и рабочие конференции. При этом обе партии используют одни и те же «рекламные приемы»: большевики уверяют, что в комбедах будут представлены подлинно революционные крестьянские элементы – так называемая деревенская «беднота», а меньшевики клянутся, что бюро уполномоченных составят самые настоящие рабочие, «действительные выразители воли пролетариата». Как те, так и другие декларативно ограничивают деятельность вновь создаваемых структур экономическими проблемами, в частности, продовольственным вопросом. Между тем, по мнению Л. Виссарионова, заинтересованные партии словесно-рекламным прикрытием лишь маскируют свою реальную политическую стратегию, суть которой у них одина – создание организационной альтернативы существующим Советам рабочих и крестьянских депутатов, которые все еще стремятся проводить не узкопартийную, а классовую линию и поэтому не устраивают ни большевиков, ни меньшевиков. «Меньшевики – против рабочих советов, в которых подавляющее большинство за большевиками; большевики – против крестьянских советов, которые вряд ли отнесутся с восторгом к продовольственной диктатуре.

Большевики утверждают, что меньшевистская тактика приведет к столкновению советов с рабочими конференциями.

Меньшевики утверждают, что комитеты бедноты организуются для сужения компетенции местных советов.

В этих своих утверждениях обе стороны правы.

С двух сторон – слева и справа идет натиск на советский строй.

Меньшевики думают о создании советов недовольных и обиженных.

Большевики – о создании советов надежных приказчиков и верных исполнителей. И слишком мало думают о советах крестьянских и рабочих депутатов (выделено нами. – В.С.)»⁴⁸³.

Проблемы, связанные с восстановлением подлинной народной демократии, оживленно обсуждались на II и III съездах левозсеровской партии. При этом все более ожесточенной критике подвергается не только «капитулянтская» внешняя политика большевиков и «упрощенные меры» решения продовольственного вопроса, но и «безудержная централизация, увенчивающая систему бюрократических органов диктатурой»⁴⁸⁴. По убеждению левых эсеров, месяцы, прошедшие после подписания Брестского мирного договора, подтвердили необоснованность большевистских надежд на «передышку». Напротив, компромисс с германским империализмом лишь ослабил силы революции, одним из трагических проявлений чего стал продовольственный кризис. В борьбе с голодом большевистское правительство прибегло к формированию авторитарных органов (в частности, реквизиционных отрядов и комитетов бедноты), выведенных из-под контроля Советской власти на местах и угрожающих подорвать сами основы трудовой народной демократии. Как указывалось в резолюции III съезда ПЛСР, «все эти меры создают поход на советы крестьянских депутатов, дезорганизуют рабочие советы, вносят путаницу классовых отношений в деревне, создавая гибельный фронт города и деревни»⁴⁸⁵. По мнению левых эсеров, «Брестская капитуляция и связанные с ней действия правительства» играли на руку правосоциалистическим партиям, которые под лозунгом Учредительного собрания готовили контрреволюционную реставрацию⁴⁸⁶.

Прямым следствием общей политической линии ленинского правительства, нацеленной на свертывание прямой демократии и «угашающей революционную инициативу», является «бюрократический, слепой бюрократизм»⁴⁸⁷. Страстную антибюрократическую филиппику произнес член ЦК ПЛСР И.З. Штейнберг на II съезде своей партии. «Надо признать, – заявил он, – что наши советские органы развращаются все больше и с каждым днем. Вино власти многим так ударило в голову, что мы почти не умеем с этим справиться... Создается впечатление, что за деньги все можно сделать, что никогда партийные sinecуры и кумовство не были так сильны, как теперь, что создается особая советская, я бы сказал, преторианская бюрократия. Советское дело делается не

народными массами, а специально поставленными людьми, которые превращаются в «профессионалов власти»... Все горе в том, что Советская республика еще не родилась, что до сих пор она заменяется диктатурой даже не пролетариата, а верхушек его – отдельных партий и лиц»⁴⁸⁸.

Левые неонародники поставили своей целью расширить поле советской демократии за счет тех слоев трудового народа, которые большевики относили к мелкой буржуазии и вследствие этого не собирались включать в систему «пролетарской диктатуры» в качестве субъекта политики. На III партийном съезде левые эсеры решительно провозгласили, что если в начале социальной революции аморфная крестьянская масса демонстрировала низкий уровень организованности и политической сознательности, то на новом этапе «именно трудовое крестьянство, сознавшее свои классовые интересы, резко отмежевывавшееся от кулацких элементов, создавшее систему мощных советов, является главной непобедимой социальной опорой революции, имеющей право на решающее определение ее тактики»⁴⁸⁹. («Героическое восстание на Украине, – утверждалось в резолюции III съезда по текущему моменту, – является неопровержимым доказательством».) Вполне естественно, что левые эсеры, позиционируя себя в качестве подлинных выразителей интересов трудового крестьянства, возложили на свою партию функцию «выпрямления» линии советской политики. Оставаясь непоколебимыми сторонниками Советской власти как «единственной формы организации трудящихся», делегаты съезда уполномочили свой партийный центральный комитет проводить через своих представителей в правительстве основные задачи социальной революции. Точно так же все «члены обширной партийной семьи» на местах были призваны к энергичной работе в Советах разных уровней с целью реализации задач партии⁴⁹⁰.

Одной из важнейших политических задач партии левых эсеров стало сохранение принципов народной демократии в формирующейся системе революционной власти России. III съезд ПЛСР принял резолюцию «О советской конституции», в которой излагались принципиальные соображения по поводу основного закона российского революционного государства. Первый пункт резолюции формулировал необходимость организации государственной власти таким образом, чтобы «она, привлекая к себе массы трудящихся, вызвала бы эти массы к творчеству... к изъятию своей воли и тех организационных сил, которые в них таятся»⁴⁹¹. Во втором пункте уточнялось, что под трудящимися массами, имеющими равное право на власть в советском государстве, понимают-

ся не только пролетариат, но и трудовое крестьянство. В целом, подчеркивалось в резолюции, «конституция должна проводить в жизнь диктатуру всего трудового народа, а не одного лишь его отряда»⁴⁹². Тесная связь Советов с трудящимися массами, полагали левые эсеры, может быть обеспечена рядом мер, которые теоретически заложены в систему советской демократии, но далеко не всегда выполнялись на практике. Левозеро́вская резолюция перечисляла эти базовые положения: формирование Советов по производственному принципу («по организациям труда»), выборность депутатов «на все виды съездов и сходов советов» непосредственно трудовым населением, право отзыва депутатов и их обязанность периодически отчитываться перед избирателями, широкое применение процедур прямой демократии («народная законодательная инициатива и право референдума в пределах класса трудящихся»). В общегосударственном масштабе новый строй представлялся левым эсерам как «свободная федерация советских республик, организованных на основе производственных, национальных, бытовых и территориальных особенностей»⁴⁹³.

Сами по себе либертаристские резолюции левозеро́вского форума носили популистский характер в духе деклараций эпохи перманентной социальной революции. Они вполне укладывались в концепцию народной демократии, сторонниками которой при определенных условиях выступали и большевики: некоторые из указанных организационных установок, но уже без участия левых эсеров как самостоятельной политической силы, будут реализованы при создании Советского Союза. Однако в своем требовании восстановления подлинной трудовой демократии левозеро́вская партия угрожала фактической монополии большевиков на государственную власть и по этой причине не могла рассчитывать на лояльность своих недавних партнеров по правительственной коалиции*. «Вся полнота власти должна принадлежать подлинным

* Угроза для большевиков была тем более реальной, что левые эсеры имели не только субъективные, но и объективные основания для того, чтобы претендовать на одну из ключевых ролей — если не первую — в советской политической системе. Как раз в период после заключения «похабного» мира с Германией происходит бурный организационный рост и усиление идейного влияния левого неонародничества на массы. В частности, делегаты III съезда ПЛСР представляли 85 тысяч членов партии, однако, по сведениям мандатной комиссии, реально в рядах партии насчитывалось не менее 300 тысяч человек (см.: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. — С. 364).

представителям трудового народа, организованным в советы трудящихся, связанным с трудовым классом через организацию труда, а не коллегиям, оторвавшимся от трудящейся массы, от их классового сознания и от их воли к непримиримой и беспощадной войне с эксплуататорами всего мира»⁴⁹⁴, – указывалось в резолюции III съезда ПЛСР «О советской конституции». Отсюда делался практический вывод – ликвидировать советы народных комиссаров и передать законодательно-исполнительную власть, в соответствии с решениями Всероссийских съездов Советов, в руки исполнительных комитетов Советов⁴⁹⁵.

Реформа органов исполнительной власти в случае ее осуществления серьезно укрепила бы властные позиции левых эсеров, поскольку на уровне губерний и уездов они во многих местах количественно не уступали и даже превосходили большевиков. Например, члены ПЛСР преобладали в Олонецком (17 против 14 большевиков), Северо-Двинском и даже Петроградском (в обоих случаях соотношение левых эсеров и большевиков было 11 к 9) губисполкомах⁴⁹⁶. При этом и в других губерниях Северной области левые эсеры уступали коммунистам в исполнительных органах власти лишь в пределах 1–4 голосов (за исключением Псковского губисполкома, где на 18 большевиков приходилось всего два левых эсера)⁴⁹⁷.

В Сибири эсеры-интернационалисты приняли активное участие в антиправительственных восстаниях и в борьбе с умеренными социалистами за влияние в органах Советской власти, вследствие чего в некоторых Советах они стали ведущей партией или же действовали на паритетных началах с большевиками*. Например, в состав областного исполкома,

Еще одним ресурсом усиления левонароднического лагеря могло стать объединение Партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов, перспективы которого оживленно обсуждались на страницах соответствующих печатных органов. По наблюдению одного автора, «на местах – очень часто – максималисты и левые эсеры работают рука об руку и различаются больше лишь по имени, называясь в одном месте максималистами, а в другом – левыми эсерами». Препятствиями на пути к объединению двух родственных партий он называет «отчасти несогласованность программ, а главное – противодействие на верхах – в Центральном Комитете партий и на страницах партийной печати, обслуживаемой верхушками партийной интеллигенции». См.: Об объединении максималистов и левых эсеров // Максималист. – 1918. – № 24. – С. 1. См. также: Об объединении и разъединении // Там же. – № 30. – С. 1; К объединению левых эсеров и максималистов // Знамя Труда. – 1918. – № 221. – С. 4 и др.

* При этом с самого начала «советской эры» левые неонародники стремились проводить в жизнь свою концепцию «децентрализованной» власти. На

избранного на III съезде Советов крестьянских депутатов Западной Сибири (г. Омск, 17–24 января 1918 г.), вошел 61 человек, в том числе 29 левых эсеров и 18 большевиков. Из 30 мест в Ялutorовском уездном исполкоме левым эсерам принадлежало 25 (1 – максималистам, остальные – большевикам), из 61 места в Новониколаевском уисполкоме – 34 (остальные – большевикам), из 120 мест в Омском облысполкоме – 65. В Канском объединенном совете в первой половине марта работали по 100 левых эсеров и большевиков⁴⁹⁸. В большинстве других Советов левоэсеровские фракции значительно уступали большевистским, однако чаще всего ленинцы имели твердое большинство только благодаря своим неонародническим союзникам.

Не имели явного преимущества и тверские большевики. 12 (25) апреля 1918 г. в Твери прошел II губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с участием 559 депутатов. Самыми крупными оказались большевистская и левоэсеровская фракции, которые составили соответственно 24 % и 14 % от общего числа участников⁴⁹⁹. (309 депутатов (55 % делегатов съезда) зарегистрировались как беспартийные – именно за эту «социальную базу» развернулась жесткая борьба в масштабах всей страны между партнерами по правительственной коалиции.)

Согласно сообщениям депутатов I Нижегородского губернского съезда Советов (23–26 июня 1918 г.), в Ардатовском уезде в исполкоме из 15 человек левым эсерам принадлежала ровно треть (остальные 10 человек – большевики), в Лукояновском уезде на 7 сочувствующих левым эсерам приходилось 8 сочувствующих большевикам. В ряде уездов соотношение членов указанных партий в исполкомах было в пользу неонародников: в Васильсурске – из 17 человек 5 левых эсеров и 4 большевика, в Нижегородском уезде – соответственно 9 и 8, в Воскресенском – 7 и 3 (а также 2 беспартийных)⁵⁰⁰.

При таком неустойчивом соотношении сил во властных структурах, да еще и на фоне активизации неподконтрольного «пролетарскому»

III Дальневосточном краевом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (г. Хабаровск, 12–20 декабря 1917 г.) представитель левоэсеровской фракции Ф. Бугаев, поддержав декреты Советской власти, заявил: «Нам не нужно ждать барина из центра – мы сами будем управлять краем». Левые эсеры и большевики выработали резолюцию съезда об организации власти, в которой указывалось на необходимость «совместной и дружной работы органов местного самоуправления и Советов» в процессе углубления революции. См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). – С. 102.

государству крестьянского движения, левые эсеры использовали все законные средства, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. Жесткая борьба шла за каждый голос на съезде, за каждое место в исполнительных комитетах. Вполне ясное представление о сути разногласий между партиями, до тех пор тесно сотрудничавшими, дают материалы I Нижегородского губернского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также предшествующего ему общего собрания Нижегородского совета, состоявшегося 15 июня 1918 г.

На этом собрании, инициировавшем созыв губернского советского съезда, члены правящей коалиции пока еще выступают единым фронтом против общего противника «справа». Когда правый эсер С.С. Векслерчик в самом начале собрания предложил включить в повестку дня вопрос о разгоне рабочей конференции в Сормове⁵⁰¹, депутаты подавляющим большинством голосов (против трех) отвергли указанное предложение⁵⁰². Таким образом, советские представители нижегородских и сормовских рабочих дружно выступили против внесоветских форм решения общественных проблем⁵⁰³. Однако когда встал вопрос о представительстве на запланированном губернском съезде Советов, между левыми фракциями начались серьезные трения. Председатель Нижгубисполкома большевик И.Р. Романов предложил в сложных для Советской власти политических условиях собрать на съезд «только революционный элемент»⁵⁰⁴. Крестьяне «часто не понимают тех политических задач, которые выдвигаются русской революцией, не выполняют постановления центра и, подстрекаемые кулаками, играющими на продовольственной разрухе, идут вразрез с постановлениями», поэтому руководитель-большевик предложил схему «меньшего представительства» при ведущей роли депутатов от рабочих (по 5 представителей от уездных Советов, по 3 – от промышленных районов, 25 – от Нижегородского совета)⁵⁰⁵. Большевиков поддержали меньшевики-интернационалисты в лице депутата В.И. Сибирякова. «Никто из нас, – отметил этот оратор, – конечно, не противник того, чтобы Совет опирался на широкие массы, но масса-то еще далеко не подготовлена... Массе дай хлеба, дай порядок – вот и авторитет власти будет, но ведь этого-то сейчас и невозможно дать...»⁵⁰⁶. В самом деле, инициированная большевиками политика «продовольственной диктатуры», в основе которой лежал неэквивалентный, т.е. неравноправный и неравноценный, обмен между городом и деревней, могла прибавить «пролетарским революционерам» мало сторонников в преобладающей массе сельского населения.

Зато для левых неонародников создавалась реальная возможность на волне крестьянского политического самоопределения и отчуждения от большевистских методов правления легально переоформить организационные основы Советской власти в свою пользу. Именно поэтому там, где марксисты видели угрозу революции, там леворадикальные социалисты-революционеры отмечали расширение революционного процесса и укрепление ростков подлинной народной демократии. Так, левый эсер Щуров на собрании Нижегородского совета 15 июня 1918 г. попытался убедить депутатов, что «крестьянские Советы не так страшны, и бояться их нечего»⁵⁰⁷. Хотя крестьянство, действительно, не «сорганизовано», но «оно не пойдет с контрреволюционерами». По-настоящему контрреволюционные и антисоветские выступления, указал депутат-неонародник, происходят в рабочих районах (в Сормове, Кулебаках, Богородске), «среди крестьянства этого нет, везде и всюду слышно одобрение и поддержка Совета»⁵⁰⁸. Исходя из изложенных доводов, Щуров предложил созвать «обширный съезд», при равных нормах представительства от сельских волостей и рабочих районов (по одному представителю от каждого пяти тысяч жителей, по 3 — от уездных Советов)⁵⁰⁹.

Максималисты, настаивая на «обширном съезде», поддержали своих товарищей — левых эсеров. В.К. Хрекин от имени своих товарищей по партии одобрил левозеровские рекомендации по выборам представителей на советский губернский съезд, так как, по его словам, «теперь-то как раз и надо опираться на широкие слои населения, как раз и надо стремиться к организации крестьян». В преддверии предстоящего в скором будущем разрыва большевиков с радикальными неонародниками провидчески прозвучал политический прогноз депутата-максималиста: «Бояться крестьянства нечего, сейчас мы боимся созвать съезд, а через несколько времени, может, будем бояться созвать исполком (выделено нами. — В.С.)»⁵¹⁰.

В конечном итоге большевикам удалось отстоять чистоту «пролетарских» рядов, и крестьяне не получили пропорционального представительства на губернском съезде Советов*. Поэтому левые эсеры и максималисты не смогли составить реальную конкуренцию нижегородским коммунистам несмотря на то, что в ряде уездных органов Советской власти они имели свыше трети мест, а в некоторых даже преобладали. Даже после введения специальных квот партийного представительства

* Согласно подсчетам автора, на съезде присутствовало 55–60 рабочих и 14 крестьян, остальные — работники сферы услуг, служащие и представители творческой интеллигенции. См.: ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 14. Лл. 22–23.

(по 5 человек от РКП (б), ПЛСР и ССРМ) левые неонародники в общей сложности получили лишь четверть делегатских мандатов из 106 (левые эсеры – 19, максималисты – 8, большевики – 64, остальные оказались беспартийными)⁵¹¹.

Теперь борьба за политическую гегемонию развернулась уже в рядах левых советских партий, и большевики в полной мере использовали свое искусственно созданное численное превосходство. Член крестьянской секции Нижегородского губисполкома Андрютин на первом же заседании 23 июня 1918 г. заявил, что «такой состав съезда слишком мал», и предложил созвать представителей от волостей, но, получив полную поддержку левонароднических делегатов⁵¹², он встретил решительный отпор со стороны председателя съезда большевика Романова⁵¹³. Когда же на следующий день тот же делегат вновь поднял насущный вопрос и потребовал создания полноправной крестьянской секции на паритетных правах с рабочей, то ему не помогла даже поддержка члена ВЦИК левого эсера Г. Д. Закса⁵¹⁴. Съезд большинством голосов (56 против 26 при 2-х воздержавшихся) принял специальную резолюцию, в которой указывалось, что заявление тов. Андрютина «целиком основано на недоразумении», и перешел к рассмотрению очередных дел^{515*}. Указанный эпизод стал своеобразным подтверждением тревожной мысли, высказанной левым эсером Дегтевым, когда речь зашла о «конструировании» власти в соответствии с новой конституцией уже в масштабах всей страны. Он, в частности, отметил, что «советы начинают отрываться от масс, не созывая советы, а действуя от имени советов». Предлагаемая конституция также не создает механизмов реальной демократии, резюмировал депутат-неонародник, и он выразил опасение, «как бы мы не сделались бюрократами и не оторвались совершенно от масс»⁵¹⁶.

Выиграв борьбу за «пролетарскую» гегемонию в губернии, представители правящей партии сумели отстоять свои интересы на выборах делегатов на V Всероссийский съезд Советов (избраны 4 большевика, 1 левый эсер и 1 максималист⁵¹⁷) и при распределении мест в губернском

* Проекты резолюций левонароднических фракций по актуальным социально-политическим проблемам (см. документы 6 и 7 в Приложении) так и остались мнением меньшинства.

** По другим сведениям, Нижегородскую губернию на V Всероссийском съезде Советов представляли 5 большевиков (Романов, Левит, Таганов, Козлов и Шаблыгин), 2 левых эсера (Борисов и Ревин) и 1 максималист (Хрекин). См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стенографический отчет. – М., 1918. – С. 237.

органе исполнительной власти. «Пропорционально представительства на съезде» большевики попросили для себя 18–19 мест в губисполкоме из 25, соответственно оставив другим фракциям 7–6. Однако Г.Д. Закс от имени левозесеровской фракции потребовал 8–9 мест для представителей своей партии. После того как достичь соглашения так и не удалось, левые эсеры и максималисты отказались войти в губернский исполнительный комитет, однако остались работать в уездных Советах и во всех отделах губернского Совета⁵¹⁷.

Большевики квалифицировали поведение своих политических партнеров как интригу, затеянную из властолюбивых побуждений. Вот как о столкновении с левыми эсерами на I губернском съезде Советов вспоминал видный нижегородский большевик, губернский комиссар народного образования Таганов: «...Как раз на этом съезде я имел высокую честь выступать с докладом о деревенской бедноте. В суждениях по этому докладу явно обнаружился раскол между нами и левыми эсерами. Финалом этого съезда был как раз отход левых эсеров от нашего исполкома и уход их со съезда. Никто из участников съезда не сомневался, что это расхождение было исторически и объективно неизбежно, лишь только нужен был предлог... В данном случае таким предлогом было расхождение из[-за] одного места в исполкоме. Обиженные левые эсеры заявили о своем уходе, но это был лишь маневр, лишь внешняя форма внутреннего расхождения. Левые эсеры ушли со съезда и мы, большевики, остались одни в исполкоме в числе 25 человек... До раскола с левыми эсерами число членов исполкома было свыше 60-ти человек и фракция левых эсеров играла видную роль... Левые эсеры проводили свой отход с полным сознанием его значения; они рассчитывали на свою силу, которой фактически у них не обнаружилось, но их расчет по тому моменту был строго определенный: встать во главе, вытеснив большевиков. В конечном итоге, как бы это ни казалось утопичным, как бы это ни казалось абсурдным, но в их политический план входило вытеснение нас, большевиков, с политической арены (выделено нами. – В.С.)»⁵¹⁸. Еще совсем недавно – весной и летом 1917 г. – большевики сами активно использовали эффективную либертаристскую тактику «изменения физиономии» Советов *снизу*, что уже к осени того же года позволило им завоевать большинство в ключевых органах советской демократии в России. Имея такой опыт, они не могли позволить своим политическим противникам, левым неонародникам, на стороне которых были симпатии политизированных крестьянских масс, стать советской партией № 1, поэтому было сделано все, чтобы не допустить

легальной «конвертации» расширяющегося общественного влияния левых неонародников в монопольную государственную власть в рамках советской модели политического управления.

Окончательное «выпрямление курса советской политики» левые эсеры надеялись совершить путем завоевания большинства на очередном Всероссийском съезде Советов*. С приближением дня открытия V съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с укреплением надежд на увеличение левозсеровской фракции на этом форуме все более решительным и даже, можно сказать, агрессивным становится тон публицистических выступлений радикальных народников. Например, в статье «Белый террор», опубликованной в газете «Знамя труда» 3 июля 1918 г., автор, скрывшийся за псевдонимом *Свент*, говорит о неком

* Свообразную репетицию «парламентского» переворота с опорой на институты советской демократии левые эсеры провели еще весной 1918 г. на Украине. На II Всеукраинском съезде Советов в Екатеринославе (17–19 марта 1918 г.) основная борьба за политическое лидерство развернулась между левыми эсерами (414 депутатских мест) и большевиками, которые совместно с левыми украинскими социал-демократами имели 428 голосов. При формировании советского украинского правительства (Народного секретариата) левые неонародники потребовали посты председателя, а также народных секретарей военных дел, внутренних дел, финансов, продовольствия. Большевики, в свою очередь, предложили им половину мест в Народном секретариате, за исключением ключевых. На этот раз договориться не удалось. 21 марта советское правительство Украины прежнего состава выехало в Таганрог, и здесь после ультиматума большевиков левые эсеры все-таки приняли участие в заседании ЦИК Советов Украины (25–26 марта), которое было посвящено формированию нового состава Народного секретариата. При обсуждении вопроса о «конструировании» власти член ЦК ПЛСР В.А. Карелин заявил: «В виду того, что партия левых социалистов-революционеров на съезде заняла позицию борьбы с международным империализмом, она решила взять на себя руководство как организацией обороны, так и все функции, которые с ней связаны. Поэтому кроме секретарства военных дел, мы берем на себя секретарство финансов, продовольствия, путей сообщения и внутренних дел». Большевики посчитали претензии своих союзников чрезмерными. В итоге большинством голосов (27 большевиков и левых социал-демократов при 25 воздержавшихся левых эсерах) председателем ЦИК Советов Украины был избран большевик В.П. Затонский, в состав президиума ЦИК вошли 3 большевика, 1 левый социал-демократ и 4 левых эсера. Посты в Народном секретариате получили преимущественно большевики, так как левые эсеры в его «конструировании» не участвовали. См.: Погребинский М.Б. Борьба большевиков с левыми эсерами на Украине весной 1918 г. // Вопросы истории КПСС. – 1972. – № 1. – С. 71–76.

«бессознательном внутреннем враге», который наряду с «сознательным внешним врагом» угрожает власти рабочих и крестьян, при этом делается прямой намек на «правлящую группу», т.е. большевиков⁵¹⁹.

«Пресс власти», убеждал своих читателей автор статьи, не может быть ослаблен в условиях болезненного классового расслоения общества, однако обстоятельства Гражданской войны не дают «кабинету», т.е. большевистскому правительству, права на «волчью политику относительно трудовых крестьян». Власть слишком отчетливо ощутила себя властью и, вследствие этого, слишком озабочена самосохранением, подменяя организованную диктатуру трудовых классов «рассыпным террором»⁵²⁰. «Власть, заматеревшая, отделившаяся, ставшая эгоистичной – деформируется, грубеет и нуждается в переплавке! Но, естественно, боясь этой переплавки, она пытается разжечь огонь вокруг себя. Если это ей удастся – близлежащие к ней народные слои тают и теряют свои очертания. Они прилипают к ней, уже деформированной. Создается малоупругий и малоковкий ком, предвестник общественного хаоса, пособник реакции. Такой ком может быть разбит лишь тяжелым молотом новых катастроф и новых времен. Больную власть надо лечить, деформированную – переливать и ковать наново»⁵²¹. По оценке левозерковского публициста, час «перековки» власти уже настал.

Переходя от «металлургических» метафор к реалиям политической жизни, Свень заостряет внимание на настроениях петроградского населения, которые служили отправной точкой для многих революционных начинаний. Так вот, в колыбели нескольких русских революций, констатирует автор статьи, проводится активная антисоветская пропаганда*. Это значит, что «люди смешали власть народа, власть Советов, свою кровную власть – с властью группы, творящей ошибки и не желающей остановиться на этом пути»⁵²². Когда под давлением масс, пишет Свень, Октябрьская революция покончила с внешней войной и объявила войну против своих внутренних врагов, легитимировала социализацию земли и рабочий контроль, именно широта открытых перспектив общественного развития оправдывала в глазах миллионов трудящихся «топорность организующей работы» новой власти. Однако последующие мероприятия правящей партии: возрождение «охранки», провоцирование «войны всех против всех» в деревне, насильственные наборы в Красную Армию, бестактные выпады против просоветски настроенных

* «Сколько бы ни таяли пролетарские массы Петрограда, – уточняет Свень, – нельзя утверждать, что он населен только мещанами и врагами» (Свень. Белый террор // Знамя труда. – 1918. – № 241).

социальных групп, использование приемов тайной дипломатий во внутренней и внешней политике, «наконец, упорный подмен диктатуры классовой – диктатурой партийной, диктатуры партийной – диктатурой групповой и диктатуры групповой – диктатурой личной» – все это побуждает защитников Советской власти «решительно и быстро перестроиться – в интересах сохранения этой власти»⁵²³.

Выход из политического тупика левые неонародники находят в рамках традиционной для них субъективистско-идеалистической парадигмы. «Мы должны, – отмечалось в цитируемой статье, – твердо рассечь связи с людьми, с партиями, с молодыми нашими политическими традициями и восстановить ослабленную связь с принципами, во всех их чистоте и величии»⁵²⁴. Ключевая «идея-сила», создающая новое общество, – это идея Советской власти, поэтому, если кое-где трудовые массы возвращаются к ложным лозунгам Учредительного собрания, значит «представительство советское уже отделено средостением от народного материка», следовательно, «оно должно быть освежено в духе и смысле этого материка»⁵²⁵. Таким образом, последовавшее в начале июля 1918 г. вооруженное выступление левых эсеров в качестве одной из генеральных целей имело восстановление первородных ценностей народной, советской демократии, которые оказались попорченными правящей партией.

Было бы большим прегрешением против исторической истины изображать левых эсеров беззаветными идеалистами, которые в «белых перчатках» строили царство либертарно-социалистической утопии⁵²⁶. Нельзя не согласиться с утверждением Ю.Г. Фельштинского о том, что у взаимовыгодной коалиции большевиков и ПЛСР существовал «реальный фундамент»: «месяцами перманентной борьбы с большинством своей партии левые эсеры доказали свою приверженность к догматическому радикальному социализму»⁵²⁷. Правда и то, что по отношению к партиям, стоявшим «правее», левые эсеры вели себя пусть не «точно так же, как большевики»⁵²⁸, но часто вполне солидарно с ленинцами, особенно когда речь шла об укреплении политических позиций и влияния левых радикалов на массы.

В этом отношении показательны обстоятельства созыва II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. 9 ноября 1917 г. эсеровское большинство ЦИКа Всероссийского совета крестьянских депутатов первого созыва провело решение о проведении очередного съезда в Могилеве, т.е. вне пределов контроля новой власти, а на следующий день в Петрограде для обсуждения этого вопроса собралось Совещание гу-

бернских крестьянских Советов и армейских комитетов, на котором первоначально также преобладали эсеры. В спешном порядке левые эсеры собрали в столице своих представителей от уездов и дивизий, которые, влившись в работу вышеуказанного Совещания, сразу же кардинально изменили соотношение сил в пользу левых эсеров и большевиков (из 195 участников их было в общей сложности 165)⁵²⁹. Успех был закреплен тем, что по предложению левых эсеров и их союзников самозванные представители от «низов» получили право решающего голоса и провозгласили Совещание Чрезвычайным съездом. Воспользовавшись уходом эсеров, левые эсеры сформировали «свой» Президиум Чрезвычайного съезда, и уже 14 ноября на съезде был поставлен вопрос о слиянии крестьянского и рабоче-солдатского ЦИКов.

Теперь, накануне V Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, подобная тактика была применена против самих левых эсеров. Не без трудностей левым эсерам удалось добиться от Президиума ВЦИК, в котором преобладали большевики, назначения даты открытия съезда Советов на 26 июня 1918 г. Как и накануне предыдущего советского форума, на котором подлежал ратификации мирный российско-германский договор, руководству РСДРП(б) вновь «пришлось проделать огромную работу по подготовке съезда»⁵³⁰. «Беспокойство Ленина, – пишет американский историк

А. Рабинович, – имело основания, он понимал, что хотя по избирательному уставу предпочтение отдавалось рабочим, но преимущество это могло быть недостаточным для компенсации преобладания левых эсеров на выборах в деревне»^{531*}.

* Один из возможных сценариев развития событий на общегосударственном уровне можно реконструировать на основе материалов уездного съезда Советов крестьянских депутатов, который начал свою работу 7 мая 1918 г. в г. Михайлове Рязанской губернии. Большевики (36 членов партии и 25 сочувствующих) получили здесь абсолютное большинство делегатских мандатов, все остальные фракции имели только 58 мест (левые эсеры и сочувствующие – 22, максималисты – 4, эсеры центра – 1, меньшевики – 2, беспартийные – 29). Однако, как утверждалось в органе ССРМ «Максималист», «большевики потерпели полное поражение на этом съезде, так как прошли почти все резолюции, предложенные левыми с.-р. и с.-р. максималистами... Так, например, в резолюции по текущему моменту говорится, что рабочий контроль есть попустительство буржуазии и скрытое с ней соглашательство, а в резолюции по организационному вопросу говорится, что уездный совет комиссаров упраздняется... и вся полнота власти должна перейти к исполнительному комитету...». В избранном на съезде УИК

Опасения лидеров правящей партии оказались вполне оправданными: 25 июня обнаружилось примерное равенство голосов у представителей РКП(б) и ПЛСР на предстоящем съезде, поэтому начало форума отложили до 3 июля. В этот период большевики, по словам А. Рабиновича, «интенсифицировали попытки изменить состав съезда в свою пользу столь успешно, что к открытию съезда у них было в два раза больше делегатов, чем у левых эсеров»⁵³². В конечном итоге левые эсеры не сумели совершить «мирный» переворот путем завоевания преобладающих позиций на съезде Советов, поэтому, по мнению многих исследователей, они решили прибегнуть к силовому варианту достижения своих политических целей. При этом обычно указывают на тот факт, что еще 24 июня 1918 г. ЦК ПЛСР принял резолюцию, составленную в весьма решительных выражениях⁵³³.

В этом контексте убийство кайзеровского посла Мирбаха 6 июля 1918 г. и последовавшие затем вооруженные столкновения левозеро-вских отрядов и правительственных войск изображаются как проявление заговорщического «голгофизма» левых эсеров, а подавление «мятежа» и репрессии против ПЛСР – как «реакция большевиков, на стороне которых в этот день была бесспорная историческая правда»⁵³⁴. Между тем, по меткому замечанию Ю.Г. Фельштинского, «кто бы ни стоял за убийством Мирбаха, фактом является то, что большевики оказались к нему готовыми больше, чем сами левые эсеры, которые, по заявлению большевиков, этот террористический акт готовили»⁵³⁵. Можно с большой степенью уверенности предположить, что ленинское правительство опасалось не столько возобновления военных действий с войсками Германской империи, которая, как вскоре выяснилось, находилась на пороге своего краха и была уже не способна к полномасштабным активным действиям на фронтах мировой войны, сколько дальнейшего укрепления политического статуса левых эсеров в случае их непосредственного обращения к крестьянским массам, демонстрировавшим явное недо-

15 мест из 23 заняли небольшевики (в том числе 6 левых эсеров и сочувствующих и 3 максималиста), а в президиум уездного исполкома в составе 3 человек избрали 2 максималистов и 1 левого эсера. (См.: Алисов Пл. Уездный съезд Советов // Максималист. – 1918. – № 44.) Таким образом, у В.И. Ленина и его соратников были серьезные причины для беспокойства, поскольку, как отмечалось в цитированной выше статье, «в провинции с партийностью не так считаются, как в центре... и [многие], называя себя часто большевиками, на самом деле смотрят по-максималистски, т.е. беспартийно-революционно, принимают чисто максималистские резолюции».

вольство внешней и особенно внутренней политикой правящей «пролетарской» партии. Левые эсеры не только на словах, но и на деле показали себя решительными защитниками социальной революции и трудовой демократии, отстаивая принципы народовластия в Советах разных уровней, выступая против «диктатуры отдельных партий и лиц», против развязывания гражданской войны в деревне, и организуя крестьянские восстания против оккупационных сил империалистов на Украине. Поэтому они представляли собой реальную угрозу политической «гегемонии» большевиков, одним из политических приоритетов которых являлось сохранение собственной власти. Думается, именно по этой причине В.И. Ленин и его соратники воспользовались «акцией 6 июля 1918 года» и «как государственные люди... обнаружили решительность и последовательность (выделено нами. – В.С.)»⁵³⁶.

Отсутствие у левых эсеров реальных планов совершения государственного переворота подтверждают не только их нерешительные действия в ходе так называемого «мятежа» 6–7 июля 1918 г., но и агитационные материалы, выпущенные различными левозеро-эсерскими органами в указанные дни. Лидеры партии стремились представить террористическое покушение на германского посла как один из актов революционной борьбы против германского империализма, который «поставил своей гнусной целью удушение рабоче-крестьянской революции при помощи петли Брестского мира»⁵³⁷. При попустительстве «поистине правительственной власти большевиков», отмечалось в воззвании крестьянской секции ВЦИК, «трудовое крестьянство оказалось накануне возвращения всего в крепостное состояние, накануне нашего хозяйственного и политического порабощения германским империализмом»⁵³⁸.

Вопрос о сохранении народной свободы и Советской власти от происков «международных империалистических хищников» приобрел, таким образом, острую актуальность, однако левые эсеры, укоряя своих «заклятых друзей» – большевиков в соглашательской внешней политике, вовсе не призывали к их свержению*. Левозеро-эсерская фракция V

* Примечательна корректировка взглядов эсеров-максималистов на события 6 июля. 9 июля 1918 г. на заседании V Всероссийского съезда Советов была обнародована резолюция максималистской фракции, в которой речь шла о «выступлении ЦК партии левых с.р., выразившемся в покушении на германского посла в России и в попытке захвата власти (выделено нами. – В.С.)». В августе после ознакомления с материалами следственной комиссии руководство ССРМ

съезда Советов, арестованная в ходе ликвидации «мятежа» в здании Большого театра, публично заявила, что «братоубийственная вооруженная борьба большевиков и л. с.-р. лишь на руку международной и внутренней контрреволюции», и предложила «сделать возможное, чтобы обрушить все удары на общего всем революционным социалистам врага – помещиков, капиталистов, кулаков»⁵³⁹. Таким образом, речь шла не о контрреволюционном антисоветском перевороте левых эсеров, а, наоборот, о восстановлении радикально-революционных целей советской политики под эгидой левых эсеров, которые, как отмечалось в воззвании ЦК ПЛСР к железнодорожникам, «продолжают линию Октябрьской социалистической революции, борясь за свободные, независимые от цепей международного империализма Советы крестьянских и рабочих депутатов (выделено нами. – В.С.)»⁵⁴⁰. Характерна также безобидная, на первый взгляд, перестановка мест «слагаемых» в «сумме» советской власти*, которая на практике означала бы выдвижение на первый план в Советах крестьянства, что по логике должно было привести к преобладанию в правительстве левых эсеров. Не планируя военный переворот, левые эсеры, тем не менее, намеревались, опираясь на поддержку крестьянского большинства, внести такие коррективы в расстановку классовых и партийных сил революционной России, которая была равнозначна подлинному социальному перевороту** – это и стало главной причиной сначала разгрома левозероверских сил в столице, а затем и ликвидации структур ПЛСР по всей стране.

Однако сильная сторона деятельности левых неонародников – стремление осуществить демократизацию государственной политики в

официально отвергло первоначальную формулировку. См.: Союз эсеров максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. – М., 2002. – С. 152.

* Большевики, как известно, утверждали, что гегемоном революции является пролетариат и в политической терминологии отдавали приоритет эпитету «рабочий».

** Вполне возможно, что в этом случае сбылось бы предсказание, высказанное в заявлении ЦК ПСР «Убийство Графа Мирбаха и выступление левых социалистов-революционеров» («...Поражение левых с-ров лишь полностью обнажило истинную подоплеку советской власти – партийную диктатуру большевиков. Победа же их ознаменовалась бы их собственной диктатурой. И в том и в другом случае жизнь страны ни в чем не изменилась бы» (ГАВорО. Ф. И–214. Оп. 1. Д. 3. Л. 248 (об))), однако левозероверская диктатура, опирающаяся на значительные слои трудового крестьянства, а также определенные категории пролетариата, предоставила бы больше простора для развития практического либертаризма в революционной России.

рамках советского «парламентаризма» – стала в конечном итоге их слабостью. Имея – даже в рамках дискриминационных по отношению к крестьянству избирательных правил – шанс разделить голоса на V Всероссийском съезде Советов на паритетных началах с большевиками, левые эсеры оказались бессильными против манипуляций со стороны большевистского партийного аппарата, который к лету 1918 г. дублировал и контролировал многие низовые советские структуры разных уровней. Левозеро́вская фракция на съезде оказалась вдвое меньше большевистской, что сразу заблокировало все возможности легального «парламентского» изменения курса советской политики. Попытка непосредственного обращения к массам – в частности, посредством теракта против «палача трудового русского народа»⁵⁴¹ Мирбаха, также не принесла желаемых результатов, – более того, была интерпретирована официальными властями как «антисоветский мятеж» и стала поводом для ликвидации набирающего силу конкурента большевиков.

Оргвыводы, последовавшие за июльскими событиями в столице, поначалу по-разному отразились на политических позициях и организационных структурах левых эсеров, но в итоге перевели эту партию из разряда соправящей в разряд гонимой. Наиболее радикальные партийные группы примкнули к непримиримой оппозиции, занявшись подготовкой антибольшевистских выступлений или пытаясь возглавить «стихийные» народные бунты на местах⁵⁴². Многие члены ПЛСР просто вышли из партии и некоторые из них вскоре оказались в рядах большевиков. В этом случае им удавалось даже сохранить достаточно высокие посты в государственной иерархии в центре⁵⁴³ и на местах⁵⁴⁴.

Что касается *советских* левых эсеров, то их, по предписанию сверху, разрешили оставить в Советах (при условии письменного осуждения действий ЦК ПЛСР), но не назначая на какие-либо ответственные должности⁵⁴⁵. Впрочем, даже в большевистских верхах не сразу сложился единый взгляд на взаимоотношения со вчерашними союзниками и соправителями. Любопытно, что в Воронежском губисполкоме сразу же после известных событий в Москве были получены телеграммы с прямо противоположными оценками политической ситуации после левозеро́вского «мятежа» и соответствующими оргвыводами. В частности, председатель ВЦИК Я.М. Свердлов 8 июля направил в Воронеж следующий текст: «Осуждая уход фракции левых эсеров из губисполкома, предлагаем им немедленно вернуться. Разрешение всех конфликтов передать в ВЦИК. Обе советские партии обязаны [в] интересах социалистической революции работать совместно»⁵⁴⁶. А на следующий

день в Воронежский губисполком поступила телеграмма замнаркома путей сообщения Невского, в которой тот безапелляционно называл левых эсеров «агентами русской буржуазии и англо-американского империализма» и утверждал, что «своими безумными шагами левозеро-ские бунтовщики пытались замедлить ход международной грядущей рабочей крестьянской революции»⁵⁴⁷.

Сумятица в центре усугублялась сложностью местных условий: даже в пределах одной губернии взаимоотношения между недавними партия-ми-дуумвирами принимали самые причудливые формы. Например, в Бежецке и Старице большевикам в начале августа 1918 г. пришлось создавать военно-революционные комитеты и силой распускать уездные исполкомы Советов, в которых численный перевес был соответственно за анархистами и левыми неонародниками. В Весьегонске «ярых» левых эсеров не было – здесь они даже участвовали в организации комбедов, поэтому сохранили за собой посты военного комиссара, членов и секретаря ЧК, уездного комиссара и комиссара земледелия. В Калязине все левые эсеры были удалены из уездного исполкома, так как отказались осудить действия своего партийного ЦК. В Красном Холме, напротив все ответственные посты, начиная с председателя уездного исполкома, сохранились за членами ПЛСР, более того, они контролировали местную газету и подразделения Красной Армии⁵⁴⁸. В Ржевском исполкоме, сообщалось в отчете окружной организации РКП(б), «с левыми эсерами коммунисты не считаются, левые эсеры заявляют о своем несогласии с ЦК, но коммунисты не доверяют их заявлениям»⁵⁴⁹. Зато в Торжокском уездном исполкоме, как отмечалось в том же документе, «организация коммунистов держится примирительной тактики к лев[ым] эсерам, ни та, ни другая фракция не желают возможным порвать совместной работы (так в подлиннике. – В.С.)»⁵⁵⁰.

Непросто происходило удаление «мятежников» от власти и в других российских регионах – особенно в сельской местности, – поскольку левые эсеры опирались на поддержку крестьянской массы. Например, в Борском волостном совете Семеновского уезда Нижегородской губернии вопрос об избавлении местных советских органов от «засилья» левых эсеров был поставлен лишь осенью 1918 г. 17 сентября 1918 г. состоялось собрание борской большевистской организации, на которой районный военный комиссар Бобин доложил об устранении от занимаемых должностей (при этом он попросил постфактум санкционировать свои действия(!)) председателя волостного Совета Тарновского и заведующего отделом народного образования Гонсовского, членов ПЛСР.

Большевики высказали немало упреков в адрес недавних «заправил Совета», но самые главные обвинения носили, можно сказать, военнополитический характер: левозеровские вожаки задерживали создание комбедов, а значит, подрывали основы большевистской классовой политики на селе, и создали боевую дружину исключительно из своих партийных соратников, что в условиях гражданской войны могло выглядеть как угроза. Примечательно, что, лишив влиятельных постов Тарновского и Гонсовского, борские большевики все же не решились провести тотальную «зачистку» Совета от представителей левозеровской партии, предпочитая решать эту щекотливую проблему поэтапно⁵⁵¹.

Поздним летом и осенью размежевание в рядах левых эсеров приводит к необратимым центробежным последствиям: противники приспособления к «партийному централизму» большевиков на I Совете (август 1918 г.) и IV съезде ПЛСР (октябрь 1918 г.) выступили против «вооруженной борьбы трудового крестьянства с пролетариатом» и в то же время указали, что «попытка правящей партии вооруженной рукой исказить волю трудящихся должна неизбежно встретить со стороны трудовых масс и партии л. с.-р., их представляющей, – отпор всеми средствами»⁵⁵². При этом в их программных документах, по верному наблюдению Я.В. Леонтьева, «наблюдался сильный крен в сторону анархо-синдикализма, чему, кстати, в немалой степени поспособствовал выход из партии «государственно мыслящих» людей (Колегаев, Биценко и др.), пошедших в услужение к большевикам»⁵⁵³.

Менее «твердокаменные» левые эсеры в сентябре 1918 г. основали сразу две новые партии: партию народников-коммунистов (ПНК) и Партию революционного коммунизма (ПРК), причем первые в своем стремлении к синтезу народничества и марксизма продвинулись так далеко, что, отказавшись от слияния с «революционными коммунистами», уже в ноябре того же года в полном составе перешли в ряды большевистской партии. Народников-коммунистов, в частности, не устроил узкий подход одного из ведущих теоретиков ПРК А.М. Устинова «к пониманию путей ко всеобщей коммунизации всего хозяйства исключительно через аграрный коммунизм»⁵⁵⁴. Еще одна претензия заключалась в том, что другой лидер «революционных коммунистов» А.Л. Коллегаев, выступая от имени всей партии, «не признал комитетов бедноты как параллельных организаций, не признал их классового значения». Но главным пунктом расхождения стало неприятие народниками-коммунистами «старого левозеровского подхода к деревне как особой

исключительной базе для партии и к крестьянству как главной опоре для партии, как особой доминирующей силе в революции»⁵⁵⁵. Таким образом, народники-коммунисты фактически самоустранились из идейно-ценностного пространства классического народничества и превратились в попутчиков революционных западников-централистов.

Более удачную попытку соединения ценностей *аграрной* и *индустриальной* цивилизаций, принципов социальной автономии и централизации, осуществили теоретики ПРК в концепции «интегрального социализма». По справедливому утверждению А.М. Устинова, «в мире преобладают страны с аграрным хозяйством, и в них диктатура пролетариата неизбежно встретит энергичное противодействие» (поскольку «марксизм обращает все внимание на высшие формы производительности труда», «он и деревню в этом отношении хочет заставить служить городу»)⁵⁵⁶. Отсюда вытекает вполне обоснованная надежда, что и в России «рано или поздно, из желания сохранить революцию (а мы считаем большевиков искренними революционерами), партия большевиков скажет деревне: идем с нами творить революцию, ибо мы признаем тебя революционной силой». Левонароднический теоретик не ограничивает проблему достижения свободы цивилизационными категориями, его либертаризм расширяется до философских высот: «Марксизм идет к централизации, к организации общественного производства до степени высших форм производительности труда. Нас же интересует нечто другое.

Нас не интересует сейчас создавать из общества, из отдельных его личностей тех кадров рабочих, которые вновь будут закабалены на заводах ждя организации высших форм производства. Мы строим жизнь иначе – путем полного и всестороннего развития личности в коллективе, автономное развитие этих коллективов на местах, вместо централизации большевиков.

Наша программа – бунт личности против подавления (выделено нами. – В.С.)»⁵⁵⁷. По убеждению А.М. Устинова, в ходе дальнейшего развития социальной революции идеология «интегрального социализма» «даст все гарантии развития личности, каких не дает марксизм»⁵⁵⁸, между тем немногочисленная и маловлиятельная партия народников-коммунистов не имела сил и возможностей для внедрения своих идей в широкие массы, а правящая партия, заимствуя отдельные идеологические фрагменты у своих левонароднических союзников, довольно быстро перестала нуждаться в их политических услугах.

По нашему мнению, основной пафос трагедии левых неонародников заключался в том, что они оказались жертвой «цивилизационной ло-

вушки»: будучи проводниками идеалов *аграрной* («сельской», «крестьянской») цивилизации, они стремились во всех сферах жизни российского общества внедрять начала децентрализации и федерации, которые *в условиях перманентной – Мировой, тесно переплетенной с Гражданской – войны* и всех сопутствующих ей бед не были столь эффективными, как начала централизации и авторитаризма, на которые опиралась *индустриальная* («городская», «пролетарская») цивилизация и на которые с начала 1918 г. сделала основную ставку руководящая группа правящей партии большевиков. (Под эффективностью подразумевается прежде всего способность тех или иных социально-политических организационных технологий, представляемых различными партиями, обеспечить даже не реализацию полномасштабного социалистического проекта той или иной модификации, а хотя бы выживание суверенного общественно-государственного организма на российской территории, а также сохранение материально-технической основы для дальнейшего экономического роста.) Была своя стройная логика и идейная последовательность в том, чтобы в условиях борьбы с империализмом разных мастей развивать в «низах» способности к федеративной самоорганизации и автономному действию. «Укрепляя творчество трудящихся масс, – выражал уверенность Д.А. Магеровский на страницах левозсеровского «Знамени Труда», – мы создадим мощное тело и мощный дух в нашем государстве, который будет в состоянии противостоять империалистам всего земного шара: падет область под ударами международных или отечественных империалистов, подымется восстание крестьян и рабочих в оккупированной области; падет центр, но области должны быть живы: руководясь собственной боевой организацией, они должны суметь защитить себя и раздавить наступление классового врага»⁵⁵⁹.

Однако на практике ситуация на фронтах развивалась вопреки либертарно-автономистским чаяниям левых неонародников, поскольку реальными форпостами борьбы за государственную независимость и революционную перспективу оказались крупные городские центры и именно за них шла основная борьба в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции. По этому поводу убедительно высказался делегат III Всероссийской конференции ССРМ Широков: «Тактика германского наступления на Россию ... ясно показывает... что достаточно захватить промышленные центры и узловые станции, как вопрос о существовании сопротивления можно считать поконченным... Если вла-

дичество германцев утвердится в городе, оно утвердится и в деревне»⁵⁶⁰.

Более того, и крестьянство далеко не везде горело желанием вести революционную войну, пусть даже замаскированную лозунгом восстания. По итогам телеграфного запроса СНК и ВЦИК губернским и уездным Советам, а также губернским, уездным и волостным земельным комитетам в начале марта 1918 г. выявилось преобладание сторонников мира (за мир 262 ответа, против – 233⁵⁶¹); кратко данные импровизированного референдума резюмировала секретарь ЦК РСДРП(б) Е.Д. Стасова: «... крупные рабочие центры и крестьянство стоят за мир, [мелкие] города – за войну (выделено нами. – В.С.)»⁵⁶². Об «усталости масс и отвращении их от войны» говорили и левонароднические лидеры⁵⁶³. Тем не менее, они исходили из приоритета требований социально-революционной стратегии и при этом плохо соотносили свои теоретические построения с военной стратегией, переоценивая возможности автономного локального крестьянского сопротивления и недооценивая централизованную мощь империалистических сил. Другой стороной этой проблемы для радикальных социалистов являлся вопрос о том, чья тактика разжигания мировой революции дает больше преимуществ: левонародническая (а также левокоммунистическая), которая нацеливала на бескомпромиссную антиимпериалистическую борьбу, даже ценой потери государственного суверенитета Красной республики, или ленинско-большевистская, признающая временный «похабный» компромисс с классовым врагом, но сохраняющая плацдарм для вероятного небезуспешного наступления в будущем.

Получив мирную «передышку», большевистское правительство и весь советский хартленд (т.е. центральные губернии, подконтрольные Советам) натолкнулись на проблему продовольственного обеспечения населения, которая приобретала все более острый характер по мере потери хлебных житниц на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе и в Сибири. Большевики сделали свой выбор в пользу имманентно близкой им *индустриальной* цивилизации, возглавив вооруженный поход голодающего «города» против «села» за хлебом и привлекая на свою сторону «пролетарские» слои крестьянского сообщества. Левые неонародники вновь продемонстрировали идейную последовательность и приверженность партийным принципам, встав на защиту экономических и политических интересов *сельской* цивилизации, однако они так и не сумели доказать, что в условиях отсутствия возможностей для эквивалентного обмена товарами между городом и селом крестьяне стали бы

добровольно в долг кормить* миллионы рабочих, служащих, солдат, да еще при этом сохранили бы лояльность к партийно-советским властям и готовность к социалистическим преобразованиям. В случае установления экономической, а вслед за ней и политической гегемонии «селянства», пусть даже поначалу возглавляемого левыми неонародниками, вполне вероятным был бы сценарий деиндустриализации страны, архаизации экономических и социальных отношений и последующей автономизации крестьянских общин без оглядки на какие-либо партийные схемы.

Либертаризм левых неонародников, представляя собой замечательный фундамент для социалистических преобразований в более благоприятной обстановке и в более спокойные времена, в условиях межцивилизационных, межклассовых и т.д. конфликтов, ареной которых стала Россия в 1917–1918 гг., оказался неисполнимой мечтой. Поэтому в ходе развития Великой российской революции многие левые эсеры и максималисты, так же как и анархисты, вынужденно переходят невидимую линию и оказываются на «территории» авторитарно-централистских приоритетов в политической практике независимо от того, борются ли они с правящей партией старыми подпольными методами, сотрудничают с большевиками (вплоть до помощи в создании комбедов) или непосредственно пополняют ряды ленинцев.

* Еще осенью 1917 г. крестьяне нередко заявляли, что «городу мы хлеба не дадим» (см., напр.: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 320). В 1918 г. желания заниматься благотворительностью по отношению к «городу» у «села» явно больше не стало.

* В частности, левые эсеры составили 0,5 % руководящего состава комбедов Севера и Северо-Запада России, которых здесь было создано не менее 3900. Можно предположить, что в масштабах Советской России в процессе «сплочения организаций крестьянской бедноты» участвовали сотни, если не тысячи членов ПЛСР. См.: Массовые организации трудящихся в социалистической революции / Рук. авт. колл. П.Ф. Метельков; сост. Т.А. Абросимова. – Л., 1988. – С. 144.

Глава 3. Радикальные марксисты: «Беспощадная борьба с игрой в государство...»⁵⁶⁴

3.1. Либертарная проблематика в программных установках российских социал-демократов

«У очень многих из уцелевших жертв большевизма и сталинизма (а также у многих политиков и ученых-гуманитариев, которых жертвами не назовешь. – В.С.) всегда был велик соблазн найти простые решения – объявить Ленина и Сталина главарями “шайки бандитов”, да и дело с концом»⁵⁶⁵, – с едва скрываемой иронией пишет известный российский историк В.Г. Сироткин. На этом фоне вполне «естественным» и логичным выглядит редукционизм по отношению ко многим теоретическим постулатам российского леворадикального марксизма, в том числе и к тем, которые освещают проблему либертарных целей революции и устройства свободного послереволюционного общества.

Между тем, в программных документах Российской социал-демократической рабочей партии, в произведениях теоретиков отечественной социал-демократии разных уровней и «уклонов» наряду с ярко выраженной централистской, «диктаториальной» принципиальной установкой присутствовали также вполне отчетливые либертаристские интенции. Например, в программе РСДРП, принятой в 1903 г., содержание понятия «социальная революция» формулировалось следующим образом: «Заменяя частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою»⁵⁶⁶. Необходимое условие и средство социальной революции по-социал-демократически – *диктатура пролетариата*, т.е. «завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»⁵⁶⁷. С одной стороны, применительно к российским условиям речь идет фактически о революционной *диктатуре* пролетарского

меньшинства над подавляющим большинством населения, которая на выходе должна привести к созданию в общегосударственных масштабах единого планового (т.е. почти неизбежно *централизованно и авторитарно-иерархически* организованного) индустриально-производственного механизма*, но с другой стороны – социально-политические результаты революции рисуются нашими марксистами вполне либертариистскими «красками». Уже в ближайшую повестку дня партия ставит задачу замены царского самодержавия демократической республикой, в конституционных рамках которой обеспечивались бы:

- «самодержавие народа», институционально воплощенное во всеобщем равном прямом избирательном праве (с тайным голосованием «при выборах»), в формировании однопалатного законодательного собрания в центре и широком самоуправлении на местах;

- неприкосновенность личности, ее жилища, неограниченная свобода слова, совести, собраний, стачек и т.п.;

- уничтожение сословий и обеспечение полного равноправия всех граждан;

- всеобщее вооружение народа и целый ряд других демократических прав и свобод⁵⁶⁸.

В России задача социального освобождения осложняется переплетением *капитализма* (как «господствующего способа производства») с «остатками нашего старого *докapиталистического* порядка», которые «не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуя сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ»⁵⁶⁹. Отсюда вытекает не только антибуржуазный, но и либертарный пафос программы РСДРП, провозглашающей твердое убеждение в том, что *последовательное и прочное* осуществление прогрессивных преобразований в стране «достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учреди-

* Явный, на этот раз интеллигентский, партийно-элитарный, авторитаризм сквозит и в намерении социал-демократов *организовать пролетариат* в самостоятельную политическую партию, «руководить всеми проявлениями его классовой борьбы» и т.п. во имя того, чтобы «сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию» (выделено нами. – В.С.). См.: Программа Российской Социал-демократической Рабочей Партии // Полный сборник платформ всех русских политических партий. Репринтное издание. – М., 2002. – С. 13.

тельного Собрания, свободно избранного всем народом (выделено в подлиннике. – В.С.).».

Полемизируя с «крайней левой» революционного либертаризма – анархистами и утверждая, что «марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах»⁵⁷⁰, российские социал-демократы, тем не менее, с методичным постоянством рисовали гипотетические модели будущего социалистического общества, в котором, говоря словами Фридриха Энгельса, «с исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство».

Например, А.А. Богданов еще в 1904 г. (в статье «Цели и нормы жизни») писал, что *государство будущего*, то есть политическая организация социалистического общества, представляет собой лишь переходную стадию – «оно предполагает пережитки старых классовых идеологий, стоящие в противоречии с новой организацией жизни и подлежащие правовому нормированию. Когда эти пережитки исчезнут и психология всего общества придет к соответствию с его новой системой сотрудничества – всеобщей кооперацией для всеобщего развития, то и “государство будущего”, теряя элементы принуждения, перестанет быть “государством”»⁵⁷¹.

Г.В. Плеханов, энергично критикуя представителей различных направлений западного либертаризма (в частности, синдикалистов), вместе с тем находил в их прогностических построениях и рациональное зерно. Он утверждал, что с устранением капиталистических производственных отношений и ликвидацией классового деления в обществе функция принудительной власти «все более и более станет сводиться к простому заведованию производством, вследствие чего власть эта все менее и менее будет походить на государственную власть, свойственную разделенному на классы обществу, и все более и более будет становиться выражением “общественного разума”»⁵⁷². Исходя из этих соображений, патриарх отечественной социал-демократии считал «конечной целью» политического развития человеческого общества не *анархию*, а *панархию*⁵⁷³.

Будущий «вождь всех времен и народов» И.В. Сталин в 1906 г. в цикле своих антианархистских статей утверждал, что «будущее производство будет социалистически организованным, высокоразвитым производством, которое будет учитывать потребности общества и будет производить ровно столько, сколько нужно обществу». Из этой посылки грузинский большевик логично переходит к следующему умозаключению: «Там, где нет классов, там, где нет богатых и бедных, – там нет

надобности и в государстве, там нет надобности и в политической власти, которая притесняет бедных и защищает богатых. Стало быть, в социалистическом обществе не будет надобности в существовании политической власти (выделено нами. – В.С.)»⁵⁷⁴. В своем эскизе будущего безгосударственного общества будущий советский диктатор упоминал целый ряд разного рода органов – конференции, съезды, местные бюро, а также центральное статистическое бюро, – которые заменят государство в деле координации производственной деятельности и распределения потребительских благ. В период между «генеральной репетицией» 1905 г. и Февральской революцией 1917 г. немало и других российских теоретиков-марксистов разных калибров всерьез анализируют «возможность слияния социализма с анархо-социализмом»⁵⁷⁵ (так, в частности, писал М. Горький о теоретических изысканиях А.В. Луначарского в 1907 г.⁵⁷⁶).

При этом либертарно-социалистические веяния в социал-демократическом движении России получили наиболее заметное распространение в среде большевиков, в то время как меньшевики, за исключением наиболее левых (многие из которых в скором будущем вольются в ряды большевистской партии), фактически эволюционировали в сторону «либерального “марксизма”» (Н.И. Бухарин), то есть буржуазной разновидности либертаризма⁵⁷⁷.

* В частности, Ю.О. Мартов в российских политических реалиях весны 1917 г. увидел «блестящее» подтверждение хрестоматийного меньшевистского тезиса о том, что в ходе радикальной буржуазной революции именно буржуазия должна находиться у руля государственной власти, а пролетариат призван играть роль «толкающей» и контролирующей силы. «До сих пор дело идет так, – писал видный социал-демократ-интернационалист 13 апреля 1917 г., – что от подобного положения выигрывают и революция, и рабочий класс: революция потому, что ломка старого совершается силами почти всех классов и потому будет более основательной; пролетариат потому, что его партия получает возможность, не смешиваясь с правительством и не отвечая за его действия, организовать его силы в неслыханном размере, приобретать колоссальное влияние на всю страну и заставлять правительство идти влево и влево» (Письмо Ю.О. Мартова Н.С. Кристи от 13 апреля 1917 г. // 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. Под ред. Г.А. Бордогова и Е.А. Котеленец. – М., 2005. – С. 152–153). Если же, при определенных обстоятельствах, придется свергать Временное правительство, продолжал Ю.О. Мартов, то «это не значит, что свергать надо будет во имя рабочего правительства, а лишь во имя более прогрессивного буржуазного правительства». Даже если «вся буржуазия и ее подголоски исчерпают себя», перспектива пролетарской рево-

Накануне нового революционного взрыва инициатором дискуссии, которая вновь вывела большевиков на либертаристскую проблематику, выступил Н.И. Бухарин. В 1916 г. он подготовил для публикации в «Сборнике «Социал-Демократа»» статью «К вопросу о теории империалистического государства», которую лидер большевиков охарактеризовал как ошибочную. В.И. Ленин не напечатал бухаринскую работу в партийном сборнике, посоветовав своему соратнику «дать дозреть» его мыслям о государстве⁵⁷⁸. В конце того же года Бухарин публикует в цюрихской газете «Jugend-Internationale» («Интернационал молодежи») статью «Империалистическое разбойничье государство», в которой развивает свой анализ «современного Левиафана государственности»⁵⁷⁹.

Опираясь на цитаты из Маркса и Энгельса, молодой большевик заявил, что «с уничтожением классового строя будет уничтожено (...) и его политическое выражение – государство, и возникнет бесклассовое, социалистическое общество, в котором не будет государства»⁵⁸⁰. «Совершенно ошибочно, – утверждал теоретик, – различие между социалистами и анархистами в том, что первые – сторонники, вторые – противники государства»⁵⁸¹. Социалисты, так же как и апологеты анархии, стремятся к «взрыву» государственности. Действительное различие между социал-демократами и сторонниками безначалия автор статьи увидел не в политической, а в экономической сфере, поскольку первые

люции вовсе не является неизбежной: рабочему классу предстоит «или взять власть в свои руки, если есть шансы ее завоевать в открытой битве, или признать, что эта революция закончена, что созданная ею буржуазная республика окончательно сложилась (это при полной «исчерпанности» буржуазии! – В.С.), и занять место оппозиции – партии меньшинства населения...» (там же. – С. 153).

К «либеральному “марксизму”» в указанном смысле склонялись и некоторые руководящие работники большевистской партии, наиболее видными из которых были члены ЦК Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев. «Разница была та, – отмечал Л.Д. Троцкий в «Уроках Октября», – что они действительно стремились толкнуть демократическую революцию как можно дальше влево. Но метод, по существу, был тот же: «давление» на правящую буржуазию – с таким расчетом, чтобы это давление не выходило за рамки буржуазно-демократического режима (выделено нами. – В.С.)» (Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990. – С. 250). Таким образом, правые – или, по ленинскому определению, «старые» – большевики и левые меньшевики, не говоря уже о так называемых «соглашателях», откладывали на неопределенный срок партийную программу-максимум, которая включала в себя требования радикального политического, экономического и социального освобождения эксплуатируемых.

настаивают на централизованном ведении общественного хозяйства, а вторые ратуют за децентрализацию производства. В целом, подчеркивалось в статье, для социал-демократии, претендующей на роль воспитательницы масс, «теперь, более чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству (выделено нами. – В.С.)»⁵⁸². Н.И. Бухарин называет предателями социализма тех, кто «толкает рабочих к взаимному истреблению под предлогом защиты отечества, потому что в действительности война есть наступление государства, смертельного врага социалистического пролетариата»⁵⁸³.

В.И. Ленин в заметке «Интернационал молодёжи» (декабрь 1916 г.) обвинил своего молодого соратника в серьезном отклонении от марксистской и социалистической позиции. В частности, лидер большевиков настаивал, что главное идейное размежевание между анархистами и социал-демократами следует проводить не в экономических, а в политических вопросах; что же касается путей преодоления «нового Левиафана», то здесь, по мнению В.И. Ленина, настоящие марксисты должны говорить об «отмирании», постепенном «засыпании» государства, а не о его «отмене» или «взрыве»⁵⁸⁴. В той же статье В.И. Ленин обещал вернуться к анализу марксистской теории государства в специальной работе.

В первые месяцы 1917 г. он усиленно штудировал работы марксистских теоретиков, заполнив цитатами целую тетрадь (она получила название «Марксизм о государстве»). А в марте 1917 г. лидер большевиков уже написал первые статьи и заметки, в которых попытался приложить теоретические разработки радикализованного марксизма к политической практике революционной России. В частности, первым эскизом его концепции *государства-коммуны*, изложенной в программной работе «Государство и революция», можно считать одно из «Писем из далека», в котором рассматриваются основные черты политической организации восставшего пролетариата и его классовых союзников. В письме третьем («О пролетарской милиции») В.И. Ленин высказывает, ссылаясь на К. Маркса, радикальную мысль о необходимости *разбить* «готовую» государственную машину во имя завоевания народом мира, хлеба и свободы. В связи с этим он устанавливает четкий водораздел между большевиками и анархистами: первые за крупное, централизованное, коммунистическое производство, вторые за раздробленное, мелкое. Первые за использование государственности в революционных формах для осуществления идеалов социализма, вторые – тотальные противники государства.

«Нам нужна революционная *власть*, – пишет автор «Письма», – нам нужно (на известный *переходный период*) *государство*... Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками... Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти (курсив В.И. Ленина, выделено жирным шрифтом нами. – В.С.)»⁵⁸⁵.

Рабочие уже начали разбивать старую государственную машину, оставшуюся от самодержавной эпохи, однако на практике Временным правительством уже восстанавливается «потихоньку *буржуазная, противонародная милиция*» как особая организация вооруженных людей, находящихся под командой буржуазии. Такой «милиции», по сути больше похожей на старорежимную полицию, В.И. Ленин противопоставляет проект подлинно народной милиции, при этом фактически развивая в новых условиях свою прежнюю идею «вольных боевых союзов».

«Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно *народная*, т.е., во-первых, состоящая из всего *поголовно* населения, из всех взрослых граждан *обоего* пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления (курсив В.И. Ленина. – В.С.)»⁵⁸⁶. Вождь большевиков даже делает примерные подсчеты на примере населения столицы: если из двух миллионов «откинуть» детей, стариков, больных и т.п., то останется 750 тысяч человек, которые, выполняя свою общественную обязанность один раз в полмесяца (продолжая при этом получать плату по основному месту работы), составили бы пятидесятитысячную армию⁵⁸⁷.

По убеждению радикального марксистского теоретика, «такая милиция... выражала бы *действительно* разум и волю, силу и власть огромного большинства народа... Такая милиция была бы исполнительным органом «Советов рабочих и солдатских депутатов», она пользовалась бы *абсолютным* уважением и доверием населения, ибо она сама была бы организацией поголовно всего населения. Такая милиция превратила бы демократию из красивой вывески, прикрывающей порабощение народа капиталистами и издевательство капиталистов над народом, в

настоящее *воспитание масс* для участия во *всех* государственных делах... Такая милиция обеспечила бы абсолютный порядок и беззаветно осуществляемую товарищескую дисциплину. А в то же время, в переживаемый всеми воюющими странами тяжелый кризис, дала бы возможность действительно демократически бороться с этим кризисом, осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы «обязанностью гражданской службы», и без которой *нельзя* – *оказалось, что нельзя*, – лечить раны, нанесенные и наносимые разбойнической и ужасной войной (курсив В.И. Ленина. – В.С.)»⁵⁸⁸.

На первый взгляд, теоретик-эмигрант формулирует парадоксальную мысль: он призывает к максимальному освобождению народной инициативы, к народовластию в самом широком смысле этого слова, для того, чтобы осуществить мобилизацию общественных сил для ликвидации тяжелейшего кризиса, вызванного мировой войной. Иными словами, он предлагает либертаристские средства лечения тех «болезней» общества, которые обычно врачуются авторитарно-этатистскими «лекарствами» (как это позднее и произойдет в период «военного коммунизма» в Советской России, а до этого и в других воюющих европейских странах). Однако теоретик-большевик в своих «утопических» схемах вполне реалистически исходит из особенностей «утопического» развития России после Февральской революции, которая в кратчайший исторический срок сделала вчерашнюю самодержавную империю самым свободным государством в мире и вызвала к жизни невиданный подъем общественного самосознания и энтузиазма. Для В.И. Ленина абсолютно очевидно, что «революционный энтузиазм передового класса при условиях, когда объективное положение *требует* крайних мер от всего народа, *многое* может»; «*эта* сторона дела воочию наблюдается и *ощущается* всеми в России (курсив В.И. Ленина. – В.С.)»⁵⁸⁹. Отсюда вытекает и важная практическая установка для большевиков: они «должны *уметь* *приспособлять* свою тактику и свои ближайшие задачи к *особенностям* каждой данной ситуации». Поскольку в широких массах оказались востребованными «стихийно»-либертаристские идеологические ценности и формы деятельности, постольку – на этапе борьбы против «помещичьего и капиталистического империализма» – остро актуальность приобретает «*организационная* задача, но *никоим* образом не в *шаблонном* смысле работы над *шаблонными* только организациями, а в смысле привлечения невиданно-широких масс угнетенных классов в орга-

низацию и воплощения самой этой организацией задач военных, общегосударственных и народнохозяйственных (курсив В.И. Ленина, выделено жирным шрифтом нами. – В.С.)»⁵⁹⁰.

Исходя из опыта первых месяцев революции, В.И. Ленин размышляет и о конкретных формах воплощения народной демократии. В частности, в своем докладе на собрании большевиков-участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 апреля 1917 г. он акцентирует внимание именно на советской модели организации революционно-социалистической власти. По его оценке, «за Советы рабочих депутатов мы все ухватились, но не поняли их»⁵⁹¹. Между тем, Петроградский совет уже функционирует как фактический орган народной власти, пользуясь огромным влиянием и сочувствием большинства. «Если Совет рабочих депутатов сможет взять управление в свои руки, – дело свободы обеспечено»⁵⁹². Еще категоричнее В.И. Ленин высказался в «Апрельских тезисах», назвав Советы рабочих депутатов «единственной возможной формой революционного правительства»⁵⁹³.

Как отмечал внефракционный социал-демократ Н.Н. Суханов (Гиммер), избранный 27 февраля 1917 г. членом Исполкома Петроградского Совета, ленинский проект реорганизации революционной власти для многих стал «громом среди ясного неба»⁵⁹⁴. По оценке Н.Н. Суханова, в начале апреля 1917 г. «всеми слушателями, сколько-нибудь искушенными в общественной теории, формула Ленина (о передаче все власти в руки Советов. – В.С.), выпаленная без всяких комментариев, была воспринята как чисто анархистская схема»⁵⁹⁵. Член Исполкома Петросовета приводит следующие аргументы в пользу такой трактовки ленинского «анархизма»: «...во-первых, Советы рабочих депутатов, классовые боевые органы, исторически образовавшиеся (в 1905 году) просто-напросто из «стачечного комитета», – как бы ни велика была их реальная сила в государстве, – все же доселе не мыслились сами по себе, как государственно-правовой институт; они очень легко и естественно могли быть (и уже были) источником государственной власти в революции: но они никому не грезились в качестве органов государственной власти, да еще единственных и постоянных. Во всяком случае, без предварительного социологического обоснования пролетарской диктатуры в этой схеме ничего понять было нельзя»⁵⁹⁶.

Во-вторых, между классовыми боевыми органами, рабочими Советами, не существовало ни сколько-нибудь прочной связи, ни самой примитивной конституции; «правительство Советов» при таких условиях звучало как *полнота власти на местах, как отсутствие всякого во-*

обще государства, как схема «свободных» (независимых) рабочих общин... К тому же о крестьянских Советах Ленин ничего не говорил, а никаких батрацких Советов не было, да и развиться не могло – как должно было быть ясно всякому, имевшему какой-либо багаж для полемике по аграрному вопросу»⁵⁹⁷.

В условиях, когда не только марксисты-небольшевики, но даже и «более грамотные из верных учеников» (выражение Н.Н. Суханова) были ошеломлены ультрарадикализмом ленинского «Советского проекта», вождь большевиков прилагает немалые усилия для более тщательной теоретической отделки своей политико-государственной доктрины. Даже в условиях подпольной жизни, последовавшей за июльскими событиями, В.И. Ленин не прекращает работы над своей программной книгой «Государство и революция» (опубликована в 1918 г.), которая фактически легитимизировала антиэтатистскую интерпретацию марксизма, осуществленную несколько ранее Н.И. Бухариным*.

В своей ключевой работе лидер большевиков констатирует, что любое государство представляет собой механизм подавления угнетенного класса классом доминирующим, поэтому, по его определению, всякое государство «несвободно и ненародно»⁵⁹⁸. Чтобы избавиться от угнетения и ввести социалистические порядки, рабочий класс должен «слопать», «разбить» буржуазную государственную машину и заменить её своей классовой диктатурой, осуществляемой в интересах всех трудящихся. По прогнозу В.И. Ленина, массовая поддержка пролетариата со стороны эксплуатируемых классов устранил необходимость существования бюрократического аппарата, следовательно, «пролетариату

* Еще одним левомарксистским теоретиком (в июле 1917 г. он к тому же вступил в РСДРП(б)), ставшим на защиту «анархии», оказался Л.Д. Троцкий. Разбирая тезис А.Ф. Керенского о необходимости борьбы против анархии слева и контрреволюции справа, бывший лидер межрайонцев приходит к выводу, что *анархия* – это «самостоятельная политика рабочего класса, на деле противопоставляющая интернационализм империализму», это организованное вне официальных политических структур представительство революционного пролетариата (см.: Троцкий Н. Кровью и железом // Пролетарий. – 1917. – № 5. – С. 3–6). Большевицкая партия, в указанном смысле олицетворяющая собой также «анархию», «ни на минуту не переставая быть классовой организацией пролетариата... превратится в огне репрессий в истинную руководительницу, в опору и надежду угнетенных, придавленных, обманутых и затравленных масс...» – предсказывает Л.Д. Троцкий. Таким образом, и этот новоявленный большевицкий идеолог делает ставку на плодотворный синтез революционной партийной тактики и либертарной энергии масс.

нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать (выделено нами. – В.С.)»⁵⁹⁹. Поэтому, заключает будущий советский вождь, «мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как цели»⁶⁰⁰.

Более того, лидер большевиков даёт понять, что антиэтатистская программа-максимум роднит левую социал-демократию скорее с классическим анархизмом – «и с Прудоном, и с Бакуниным», – нежели с современными оппортунистами и ревизионистами, отошедшими от марксизма «в этом пункте»⁶⁰¹. Как точно подметил С. Козн, «ленинская работа «Государство и революция» сделала антигосударственность органической частью ортодоксальной большевистской идеологии, хотя она и оставалась несбывшимся обещанием после 1917 года»⁶⁰².

В работах многих западных исследователей (в частности, в статьях и книгах таких авторов, как Леонард Шапиро (L. Shapiro), Роберт В. Дэниэлс (Robert V. Daniels), Альфред Дж. Мейер (Alfred G. Meyer), Адам Б. Улам (Adam B. Ulam), Льюис Фишер (Louis Fischer) и др.), касающихся в той или иной степени «Государства и революции», эта «утопическая» статья обычно трактуется как не свойственная в целом авторитарному и реалистическому ленинскому образу мыслей⁶⁰³. Между тем, как показало наше исследование, либертаристский потенциал был изначально заложен в доктрине большевизма, его активизация про-

* Вместе с тем, В.И. Ленин отвергает возможные обвинения в утопизме и анархизме в свой адрес. «Мы не «мечтаем» о том, – пишет он, – как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату» (Ленин В.И. Государство и революция. – Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 33. – М., 1981. – С. 49). Таким образом, лидер большевиков в своих воззрениях и деятельности большевистской партии стремится совместить *либертаризм*, нацеленный против буржуазной государственности, с *авторитаризмом* диктатуры революционного пролетариата, который, по его мнению, гораздо более прогрессивен и демократичен, чем авторитаризм эксплуататорских классов. Подобный тактический дуализм давал большевикам широкие возможности для политического маневра как на этапе борьбы с Временным правительством, так и в ходе институционализации Красной республики.

исходила в связи с ростом освободительных настроений в российском обществе⁶⁰⁴. В этой связи мы полагаем, что стоит прислушаться к мнению тех ученых, которые отвергают обвинения В.И. Ленина в примитивном политическом якобинстве и пытаются выявить либертарно-гуманистические мотивы его теории. (Например, американец Нейл Хардинг (Neil Harding) утверждает даже, что ленинские организационно-политические установки 1917 г., изложенные в указанной программной работе, представляли собой «предвидение подлинной прямой демократии и подлинной свободы», модель общественного устройства, которая «неизбежно влечет за собой широчайшее рассеивание власти и могущества во множестве самостоятельно действующих организаций народных масс, воодушевленных принципами товарищества и самоорганизации»^{605*}.)

Как уже было сказано, позитивное отношение В.И. Ленина к либертаристским идеям просматривается не только в «Государстве и революции», но и в ряде других работ, написанных им между Февралём и Октябрём 1917 г. В этот период, анализируя процесс развивающейся русской революции, лидер большевиков неоднократно отмечает, что марксизм, в отличие от анархизма, признаёт необходимость государственного механизма «в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности»⁶⁰⁶. В то же время, революционное государственничество В.И. Ленина содержит немало идейных элементов, близких по духу доктрине русского анархизма, и это сочетание как раз и придает либертаристский оттенок большевистским тактическим установкам в указанный период.

Радикальная трактовка марксизма, изложенная в ленинских работах указанного периода, стала предметом критики не только справа, но и со стороны левых союзников большевиков-ленинцев. Одним из таких отзывов стала рецензия В.Е. Трутовского, опубликованная в центральном органе партии левых эсеров «Наш путь». Левонароднический публицист хвалит В.И. Ленина за то, что тот «с большой основательностью и мастерством» восстанавливает радикальную сущность марксистского

* Что касается степени искренности автора «Государства и революции», то нам остается лишь повторить вслед за американцем Робертом Вессоном: «Возможно, Ленин рассматривал эту мечту, по духу более анархистскую, чем марксистскую, как политически выгодную; но, возможно, он был заражен настроением дня, когда люди были готовы верить во что угодно» (Wesson R.G. The Soviet Russian State. – New York, London, Sydney, Toronto: John Wiley & Sons, Inc., 1972. – P. 60).

учения (на что задолго до лидера большевиков указывали «революционные критики марксизма слева»)⁶⁰⁷, однако основным содержанием рецензии становится, тем не менее, критика либертаристского радикализма и утопизма ленинских политологических построений.

Если исходить из жесткого определения государства как *только* орудия *классового* угнетения, как отмечает рецензент, тогда нельзя ограничиваться надеждой на «неизбежное» отмирание государства – необходимо реальное разрушение государственных структур в политической практике. Между тем, внутрисоциальные антагонизмы, как традиционные (расовые, национальные, половые, духовные и т.п.), так и новоявленные, неизвестные нам пока, «создадут и в будущем обществе необходимость принуждения *некоторых*, а следовательно, и орудие принуждения в виде государства (ибо до сих пор других орудий принуждения еще не придумано)». Таким образом, по мнению В.Е. Трутовского, за пределами экономически-политического фактора «работа Ленина не отвечает на вопросы о будущем государственном строе, несмотря на то, что он хочет все-таки вопреки марксистской привычке заглядывать в это будущее. В этом смысле никаких новых перспектив работа Ленина не открывает, поскольку она является только комментарием». Левозсеровский автор все-таки выражает надежду на то, что марксистскому теоретику еще удастся довести свою работу до логического завершения: «быть может, Ленин из опыта русской революции 1917 года сможет дать те выводы, которые сделать он обещает»⁶⁰⁸. Однако уже в момент публикации рецензии (май 1918 г.) становилось вполне очевидным, что либертаристские тенденции развития «социалистической» революции уступают место надвигающемуся авторитаризму.

Со схематичностью и избыточным оптимизмом ленинского проекта «государства-коммуны» не согласились и некоторые некогда весьма левые марксисты. Например, ультра-большевик образца 1906–1910 гг. А.А. Богданов на новом историческом этапе критикует в политических построениях большевистского вождя именно «доведенные до крайности черты максималистского мышления»⁶⁰⁹.

Автор «всеобщей организационной науки» подвергает критическому разбору институциональные изъяны предлагаемого проекта политического устройства. Он указывает на принципиальную разницу между органами *революционно-правовыми*, которые выполняют в первую очередь разрушительную функцию в борьбе с отжившим строем, и *государственно-правовыми*, составляющими основу «постоянной организации, которая должна пережить всю революцию и удержаться на

некоторый период развития после нее»⁶¹⁰. В этой связи А.А. Богданов отказывается признать в Советах – *органах революционной борьбы* – конструктивный организационный материал для создания государственности нового типа.

После Февральской революции 1917 г. на протяжении определенного периода параллельно возникали и самостоятельно действовали крестьянские и рабочие Советы, при этом выборная система отличалась многостепенностью и многообразием организационных правил. Рабочие и крестьянские Советы – «курии» договаривались между собой как независимые стороны, руководствуясь при выполнении своих обязательств соответствующими «куриальными» подходами. По оценке ленинского оппонента, все эти «недочеты формы» вполне допустимы на этапе революционного подъема в обществе: «слишком много общих задач, слишком серьезны общие интересы, слишком настоятельны общие потребности классов, ведущих революцию: противоречия отступают на второй план, и соглашения достигаются легко»⁶¹¹.

Однако в случае временного упадка революции, реакции, «на первый план неизбежно выступают противоречия интересов»⁶¹². Любое государство, напоминает А.А. Богданов, есть организация классового господства, поэтому по мере продвижения демократической революции к целям пролетарского социализма будет увеличиваться расхождение между крестьянством и рабочим классом. Если для рабочего революция – «почти родная стихия», отмечает пронизательный мыслитель, то «природе крестьянина, с его привычкой к устойчивым отношениям жизни, с его тяготением к заветам прошлого, она глубоко чужда; он может только временно, по необходимости мириться с нею; и конечно, он гораздо раньше, чем рабочий, почувствует жажду успокоения, прочного порядка... крестьянство отнюдь не захочет жить неопределенно долго в кипящем котле; получив землю, сколько найдется, – податную реформу и организованный кредит для поправления хозяйства, он потребует «успокоения», а в случае надобности сам осуществит его. При государстве же «коммуне» это успокоение может быть только кровавым. И судьба русской коммуны оказалась бы такая же, как и Парижской»⁶¹³.

В этой связи бывший «отзовист», яростно выступавший в свое время против участия большевиков в думской деятельности, говорит о преимуществах «парламентского способа улаживания и подсчета» классовых сил при демократической республике⁶¹⁴ – преимуществах, которых лишена республика Советов, при которой «совместное господство

*разнородных и отдельно организованных классов не может быть устойчивым порядком»*⁶¹⁵. Вследствие этого, предостерегает А.А. Богданов, в государстве-коммуне «реакция имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа»⁶¹⁶.

Не скрывает он своего скепсиса и по поводу конкретных технико-организационных предписаний В.И. Ленина. В частности, А.А. Богданов считает несовместимым с марксистским положением о стоимости рабочей силы предложение ввести в «государстве-коммуне» уравнительную оплату труда управленцев – «не выше средней платы хорошего рабочего». По его убеждению, даже с экономической точки зрения более сложная, продолжительная, напряженная работа, которая «нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет», должна и вознаграждаться соответствующим образом, а «за среднюю плату хорошего рабочего только и можно делать среднюю работу хорошего рабочего»⁶¹⁷. Обратной стороной «уравниловки» в оплате труда разной степени сложности стало бы сосредоточение наиболее ответственных организаторских должностей в руках состоятельных буржуазных элементов или политиканов, готовых восполнить недостаток средств незаконными «приработками».

«Хороша, между прочим, и «сменяемость в любое время» выборных чиновников, – продолжает А.А. Богданов свой критический анализ. – Сидит в районе большинство, скажем, большевиков – и все должности заняты большевиками. Перетянули меньшевики несколько сот голосов, получили перевес – и всех большевиков долой; хорошо ли, плохо ли делали дело – не важно, «сменяемы в любое время». Что, кроме господства голой демагогии, может получиться из такой сменяемости? Кто, кроме отчаянных политиканов, пойдет на такую службу?»⁶¹⁸

Нельзя не отметить, что, в отличие от многих наблюдателей-современников и исследователей последующих времен, обвинявших В.И. Ленина в утопизме и авантюризме, прежний лидер «впередовцев» увидел в ленинских политико-организационных схемах отражение объективных общественных потребностей. С одной стороны, – на уровне партийно-идеологическом – ленинский *максимализм* представляет собой реакцию на господствовавший в течение десятилетий *минимализм* социал-демократии, так и не осознавшей необходимости глубокого изменения задач пролетариата и пережившей вследствие этого культурное и политическое крушение⁶¹⁹. С другой стороны, социалистические мечты партийных максималистов отразили привычки и настроения *военного коммунизма*, глубоко проникшие в низовые слои российского обще-

ства в годы Мировой войны⁶²⁰. И в этом смысле «наш» максимализм, по оценке А.А. Богданова, есть «не увлечение отдельных теоретиков или даже агитаторов, как максимализм Троцкого в прошлую революцию, а течение сравнительно широкое и влиятельное (выделено нами. – В.С.)».

Военный коммунизм («многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему, нормировка сбыта, производства»⁶²¹) временно перестроил все российское общество, превратив солдатскую массу и ее корпоративные предпочтения во влиятельнейший социальный фактор. В новых условиях социалистическая *рабочая* партия большевиков призывами к миру сумела привлечь на свою сторону «псевдо-социалистические» солдатские массы⁶²², т.е. «крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах», и превратилась в *рабоче-солдатскую* или даже просто *солдатскую* партию. Приспосабливаясь к потребностям «солдатчины при культурной слабости пролетариата», большевизм отказался от «логики фабрики» в пользу «логики казармы», которая «понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда»⁶²³.

В итоге А.А. Богданов считает организационные установки В.И. Ленина и его партии не только ненаучными, но и далекими от социалистического идеала, поскольку «тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно порвал, тот ошибочно считает себя социалистом – он идет по пути военно-потребительского коммунизма, принимает карикатуру упадочного кризиса за идеал жизни и красоты»⁶²⁴.

На наш взгляд, бывший большевик-«отзовист» слишком однолинейно обличает «демагогически-военную диктатуру» и пишет о «сдаче социализма солдатчине»; фактически мы имеем дело с двумя схематическими подходами в рамках единой марксистской парадигмы, которые русские идеологи социал-демократии – в данном случае В.И. Ленин и А.А. Богданов – применяли по отношению к крестьянскому «миру» России, трудно укладываемому в «прокрустово ложе» любой социальной теории.

Задолго до революционных событий 1917 г. Г.В. Плеханов писал о неумении революционных партий приобрести влияние на крестьянскую массу – «главным образом потому, что, будучи партиями, в которых тон задается *революционной интеллигенцией*, они во всех своих приемах

борьбы, во всех своих выступлениях и заявлениях считаются преимущественно, если не исключительно, с *психологией революционной интеллигенции*». При этом «психология массы, — особенно крестьянской, — плохо известна им, а потому и мало принимается ими в соображение»⁶²⁵. Поэтому А.А. Богданов даже в конце 1917 г. не видит мощного потока крестьянской революции, устремленного к реализации извечной народной мечты о земле и воле, не видит самоорганизации крестьянства, одетого в солдатские шинели, на основе многовековых общинно-коллективистских традиций. Он с тревогой описывает указанные социальные процессы в терминах «солдатско-коммунистической революции», «логики казармы», государственного капитализма как «ублюдка капитализма и потребительского военного коммунизма»⁶²⁶.

На первый взгляд, мы можем отметить в подходах А.А. Богданова и В.И. Ленина идейное размежевание между умеренным и максималистским крыльями русской революции. Однако, по справедливому утверждению западного исследователя Т. фон Лауэ, разделительная линия проходила гораздо глубже: «между теми, кто полагал, что массы не в состоянии — посредством своей инициативы и мудрости — справиться с монументальными задачами государственного строительства (statehood) и модернизации, стоящими перед Россией, и теми, кто... думал, что массы смогут или — что более вероятно в эту эпоху массовой политики и всеобщей мобилизации — что массы *должны быть подвигнуты* к решению указанных задач (курсив Т. фон Лауэ. — В.С.)»⁶²⁷. Лидер большевиков раньше своих идеологических соперников пришел к пониманию того факта, что «политика в эпоху империализма есть массовая политика»⁶²⁸, и активно использовал разбуженную войной энергию народных масс в качестве мощного источника новой политической власти.

В целом ленинская концепция пролетарского квази-государства явилась результатом многолетних поисков леворадикальной интеллигенции, которые были вызваны реальной потребностью переосмыслить и радикализировать марксизм, исходя из глубоких и устойчивых освободительных, либертаристских тенденций как внутри революционного движения, так и в русском общественном сознании в целом. Сам В.И. Ленин, не признавая органичности либертарного элемента в самосознании русского народа, готов был воспользоваться вырвавшимся на волю народным анархизмом как силой, ускоряющей «победу коммунизма над капитализмом и его властью»⁶²⁹.

3.2. Большевики на гребне либертарной волны

Американский журналист Альберт Р. Вильямс был очень близок к истине, когда писал, что Февральская революция *застала всех врасплох*⁶³⁰, причем эффект неожиданности поразил не только царское правительство и официальные структуры, но даже те партии и организации леворадикального фланга, которые десятилетиями готовили социальный взрыв (по выражению вышеупомянутого американца, «ни одна партия не могла назвать ее (революцию. – В.С.) своим детищем»). Как вспоминал левый эсер С.Д. Мстиславский, «революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими»⁶³¹. На раннем этапе создания советской историографии 1917 года тактично, но честно отмечалось, что «понимание близкой неизбежности революции не спасло и большевистскую партию от некоторой растерянности в тот период времени, когда революция началась. Никто, в том числе и наша партия, не ожидал ее так скоро (выделено нами. – В.С.)»⁶³².

Примечательно не только то, что оппозиционная контрэлита продемонстрировала полную неспособность спрогнозировать так долго ожидаемые и по мере сил подготавливаемые события социального переворота, но и то, что в ходе дальнейшего развертывания революционного процесса партийные «генералы», не только либералы, но даже радикалы, часто не поспевали за стремительной поступью своей «политической армии»*. Известный большевик В.Н. Каюров вспоминал, что по поручению Выборгского районного комитета партии накануне «женского дня» (23 февраля 1917 г.) он выступил на собрании петроградских рабочих и призвал, руководствуясь партийными установками, воздержаться от выступлений. Однако на следующий день большевистский активист узнал о начале забастовки на некоторых текстильных фабриках, чем был не только удивлен, но и возмущен: «с одной стороны, – явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем – сам только что ночью призывал рабочих к выдержке и дисциплине, и вдруг забастовка. Казалось, нет цели и повода, если не считать особенно увеличившихся очередей за хлебом...»⁶³³. После консультаций с эсерами и меньшевиками большевики «скрепя сердце» (выражение В.Н. Каюрова) все-таки поддержали забастовку, но уже вечером 26 фев-

* «Рабочее движение опережало партийные организации. Последние чаще всего констатировали и учитывали свершившиеся факты величайшей политической важности (курсив подлинника. – В.С.)» (Юренев Н. «Межрайонка» (1911–1917 гг.) // Пролетарская революция. – 1924. – № 2. – С. 140).

раля на заседании Выборгского комитета* прозвучали голоса в пользу ее прекращения. И только решительная позиция рабочих коллективов целого ряда заводов и фабрик столицы, а также боязнь, что руководящей силой революции станет какая-нибудь конкурирующая партия⁶³⁴, заставили большевиков окончательно примкнуть к массовому протестному движению. Члены Русского бюро ЦК РСДРП(б), фактически выполнявшие функции высшего партийного руководства на территории страны, а также некоторые работники Петербургского комитета (ПК) большевиков приняли решение развить движение до максимальных размеров, при этом речь шла не о какой-то планомерной политической деятельности – они «имели в виду и учитывали лишь силы стихии»⁶³⁵. «Крайними пределами, – вспоминал член Бюро ЦК А.Г. Шляпников, – нам представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными трону войсками, схватки, за которыми могла последовать и кровавая баня, а после нее – некоторый отлив»⁶³⁶. Тем не менее, когда восставшие рабочие и солдаты продемонстрировали решимость идти до конца в борьбе с царизмом, большевики приняли активное участие во всех революционных инициативах масс. На передовых позициях мощного социального движения оказались и другие силы леворадикального спектра. В частности, 27 февраля большевики, социал-демократы-межрайонцы и анархисты объединенными силами захватили типографию протопоповской газеты «Русская Воля» и отпечатали обращение к массам с призывом создавать Советы⁶³⁷.

Таким образом, с первых дней революции именно поступательно радикализирующиеся массы определяли основные темпы, формы и направления революционного процесса, а реакция политических партий и организаций носила «догоняющий» характер. Эта тенденция стала основополагающей для стремительной революционной эволюции российского общества 1917–1918 гг., и те политические силы, которые ее не осознали или не приняли, были обречены на скоротечное исчерпание своего идеологического и организационного потенциала и выбывание на историческую обочину. «Напрасно, – писал по этому поводу анархист В.М. Волин (Эйхенбаум), – политические партии пытались утвердить свое господство, приспособляясь к революционному движению: в борьбе с врагом трудящиеся шли всегда впереди, оставляя партии с их «программами» позади одну за другой. Сами большевики – лучше дру-

* Выборгский районный комитет РСДРП(б) временно взял на себя функции общегородского штаба большевиков после ареста членов Петербургского комитета в ночь с 25 на 26 февраля 1917 г.

гих организованная, наиболее решительная и рвущаяся к власти партия – были вынуждены несколько раз менять свои лозунги, чтобы успевать за быстрым развитием событий»⁶³⁸.

После свержения ненавистного самодержавного режима большевистские вожаки разных уровней начинают выработку тактической линии своих организаций и партии в целом по отношению к формирующимся институтам демократической власти. Процесс обретения своего политического лица в радикально изменившихся исторических условиях оказался нелегким, поэтому до самого приезда вождя и даже в первые недели после его возвращения ленинская партия была похожа на многослойный пирог (при этом и состав «слоев» был достаточно сложным⁶³⁹). «В самых общих чертах, – описывает ситуацию американский историк А. Рабинович, – позиция Русского бюро ЦК под руководством Шляпникова почти смыкались с отрицанием Временного правительства Лениным, тогда как подход большинства членов Петербургского комитета почти ничем не отличался от занятой ранее позиции социалистического большинства в руководстве Совета. Но вместе с тем Выборгский районный комитет большевиков занимал позицию более левую, чем Ленин и Русское бюро ЦК. По собственной инициативе он начал призывать рабочих к немедленному захвату власти»⁶⁴⁰.

Выборгский комитет РСДРП(б), который «по своей активности шел впереди других»⁶⁴¹, резко отрицательно оценил соглашение между эсеровско-меньшевистским большинством Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Государственной думы о конструировании новой государственной власти. «Со стороны Выборгского комитета были призывы к борьбе против Временного правительства, была издана особая резолюция, требовавшая избрания Временного революционного правительства, подчинения Комитета Государственной Думы Временному революционному правительству и роспуск Государственной Думы. Эта резолюция вызвала со стороны ПК протест и, как идущая вразрез с его позицией, была запрещена для распространения»⁶⁴². Именно выборгские большевики В.И. Каюров и М.И. Хахарев 27 февраля составили проект манифеста, который выдвинул как непосредственную задачу создание Временного революционного правительства. Члены Бюро ЦК А.Г. Шляпников и В.М. Молотов, внеся в документ поправки и исправления, опубликовали его от имени Центрального комитета РСДРП(б) под названием «Ко всем гражданам

России»^{643*}. 2 марта Выборгский районный комитет в присутствии члена Бюро ЦК А.Г. Шляпникова принял резолюцию, которая впервые в истории революционной России поставила ребром вопрос о *советской власти***.

Доводы, которыми руководствовались радикальные большевики, призывая к конструированию однородной «Советской» власти в февральские дни, можно найти в мемуарах А.Г. Шляпникова, посвященных 1917 году. Уже 28 февраля победа восставших рабочих и солдат в Петрограде стала очевидной. В это время оформляются два известных политических органа, претендующие на власть. «Кто же должен практически, на деле, создать это Временное революционное правительство? — пишет автор воспоминаний. — Комитет Государственной Думы как начало новой власти для нас не был приемлем. В то время он был еще подозрителен и по монархизму. Мы ожидали с его стороны сговора с монархией и следили за каждым его движением. По своему социальному составу и всей программе он не считался нами способным осуществить революционные требования рабочих и крестьян... Другая сила, могущая создать правительство, был Совет рабочих Депутатов... Его политическая физиономия нам была еще неизвестна, но... мы могли предположить, что большинство в нем будет не наше (то есть не большевистское. — В.С.). И все же другого органа, способного создать революционное правительство, не было... На деле мы предполагали возможным создание революционного правительства из тех

* Манифест ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России» был опубликован 28 февраля в «Известиях Петроградского Совета Рабочих Депутатов», а 5 марта в «Правде». Кроме того, он распространялся в виде листовок.

** Так, первый пункт резолюции гласит: «Вся власть до созыва Учредительного собрания должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских депутатов, как единственно революционного правительства». Сравните с резолюцией Бюро ЦК РСДРП(б), которая была предложена на обсуждение членов ПК 3 марта: «...1) Главнейшей задачей является борьба за создание Временного революционного правительства, которое только и сможет осуществить эти основные требования. 2) Совету Рабочих и Солдатских Депутатов необходимо оставить за собою полную свободу в выборе средств осуществления основных требований революционного народа и, в частности, в выборе способов воздействия на Временное правительство» (Цит. по: Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. Кн. 1-2. — С. 211–212, 228). А.Г. Шляпников в своих мемуарах уточняет, что под «способами воздействия» не имелись в виду вооруженные действия: «Не было никакой нужды форсировать события, бросаться в явно невыгодную авантюру». См. там же. — С. 218.

социалистических партий, которые окажутся большинством в Совете. Мы считали возможным осуществление требований революции – даже в рамках того, что определяли границами «буржуазной» революции, – только руками самой революционной демократии, опираясь на созданные ею организации»⁶⁴⁴. Таким образом, большевики из Русского бюро ЦК и из Выборгского районного комитета были едины в том, что, не связывая себе руки идеологическими догмами⁶⁴⁵, а, руководствуясь реальным раскладом политических сил и настроений, намеревались на волне мощного общественного подъема «продвинуть» революцию еще на несколько шагов вперед⁶⁴⁶.

Если Петербургский комитет партии пытался нейтрализовать радикальные устремления активистов из Выборгского райкома, то Русское бюро РСДРП(б), в свою очередь, приложило немало усилий, чтобы «раскачать» сдвинувшихся вправо товарищей из горкома, а также привлечь на свою сторону членов партийной фракции в столичном Совете. 3 и 5 марта представители Бюро предложили Петербургскому комитету признать в качестве первоочередной задачи борьбу за создание Временного революционного правительства, однако руководители городской организации большевиков заявили о своей солидарности с политикой условной поддержки новоиспеченной государственной власти⁶⁴⁷. Зато 9 марта на собрании большевиков-депутатов Петросовета большинство присутствующих одобрило резолюцию Бюро ЦК, даже некоторые из членов ПК, которые до этого выступали за поддержку Временного правительства «постольку поскільки»⁶⁴⁸.

«Многослойная» ситуация в большевистских кадрах еще больше осложняется после возвращения в середине марта из сибирской ссылки видных партийцев Л.Б. Каменева, И.В. Сталина и думского экс-депутата М.К. Муранова. Прибывшие из Сибири «подкрепления» отрицательно оценили работу не только Бюро ЦК, но даже «умеренного» ПК⁶⁴⁹. Непосредственными результатами изменения партийного курса стали «скачок в сторону оборончества»⁶⁵⁰ центрального печатного органа – газеты «Правда», а также отказ от планов консолидации под эгидой большевиков наиболее революционных элементов российской социал-демократии (по свидетельству А.Г. Шляпникова, именно резкий крен в сторону «соглашательства» новой руководящей группы большевиков помешал объединению межрайонцев с РСДРП(б) еще в марте 1917 г.⁶⁵¹).

Новые политические лозунги партии формулируются уже 14 марта 1917 г. в восьмом номере «Правды». В частности, Л.Б. Каменев в статье «Временное Правительство и революционная социал-демократия» при-

знает, что после Февраля власть в России формально перешла в руки политиков, выдвинутых «либеральным движением класса собственников», что Временное правительство «гораздо умереннее тех сил, которые его породили», поэтому пролетариат и крестьянство будут считать революцию завершённой лишь после полного удовлетворения своих классовых требований и ликвидации всех остатков царского режима, то есть после захвата власти в свои руки. «Поскольку революция будет развиваться и углубляться, она будет идти к диктатуре пролетариата и крестьянства», – повторяет автор статьи старую большевистскую аксиому, однако практические выводы делает «полуменьшевистские». «Столь же решительно, – внушал Л.Б. Каменев, – как мы поддержим его в окончательной ликвидации старого режима, монархии, в осуществлении свобод и т.д., столь же решительно мы будем критиковать и разоблачать каждую непоследовательность Временного Правительства, каждое уклонение его в сторону от решительной борьбы, каждую попытку связать руки народу или притушить разгорающийся революционный пожар»⁶⁵². «Старый большевик» призывает отказаться от радикальных целей (вопрос о смене Временного правительства он называет политической ошибкой) и, «спокойно и хладнокровно оценивая свои силы», заняться организацией и сплочением пролетариата под большевистскими знаменами. «Нам незачем подгонять события! Они и так развиваются с великолепной быстротой», – подытожил свои мысли автор статьи.

Л.Б. Каменев попытался также перестроить на «оборонческий» лад партийную тактику в вопросе о войне (в статье «Без тайной дипломатии», опубликованной в «Правде» 15 марта), однако на заседании Бюро ЦК 15–16 марта политическая позиция приехавших из Сибири партийцев была резко раскритикована⁶⁵³. Л.Б. Каменев, И.В. Сталин и М.К. Муранов сохранили свои посты в Центральном органе и даже время от времени печатали статьи, расходившиеся с линией Бюро ЦК, но в целом, по свидетельству А.Г. Шляпникова, «Правда» «опять заняла почти прежнее направление»⁶⁵⁴.

Несмотря на ликвидацию попытки узурпации партийной власти со стороны недавних сибирских ссыльных, между различными течениями большевиков на протяжении всего марта продолжается противостояние по важнейшим внутри- и внешнеполитическим проблемам. «Позиция Бюро ЦК, – пишет А.Г. Шляпников, – с его отрицательным отношением к соглашению с Временным правительством и противопоставлением ему лозунга создания Временного революционного правительства, оказалась позицией левого крыла. На позиции Бюро ЦК по отношению к

Временному правительству стояло меньшинство Петербургского комитета и весь Выборгский партийный район. Большинство Петербургского комитета после соглашения Совета с Комитетом государственной думы о власти стало на почву поддержки власти «постольку, поскольку». Но по вопросу об отношении к войне Петербургский комитет был единоклубен, и на почве антивоенной агитации у нас, членов Бюро ЦК, разногласий с Петербургским Комитетом не было. Позиция Петербургского Комитета была своеобразным центром. Правее была группа интеллигентов, возглавляемая Авиловым, Бонч-Бруевичем и посещавшим наши собрания (...) Базаровым. Эта группа деятелей тянула нас на платформу общепартийных соглашений, призывала к поддержке Временного правительства и контролю его через Совет... После приезда гг. Муранова, Каменева и Сталина группа правых в нашей среде усилилась... (везде выделено нами. – В.С.)»^{655*}.

Несмотря на отпор со стороны «левых» в Бюро ЦК и низовых столичных организациях РСДРП(б), каменевско-сталинская группа продолжает по мере сил и немалых возможностей проводить свою «умеренную» политическую линию как в издательской деятельности, так и в организационных мероприятиях партии. В частности, из четырех ленинских «Писем из далека» (пятое не было закончено самим автором) они опубликовали в «Правде» только первое, причем со значительными сокращениями и поправками, а на Всероссийском совещании партийных работников, проведенном 27 марта в Петрограде, «правые» смогли провести при единогласном голосовании резолюцию о «бдительном контроле» за деятельностью Временного правительства⁶⁵⁶.

* Авторы трехтомника «Исторический опыт трех революций» увидели в конфликте различных течений большевиков по вопросу о власти «принципиальную разницу между теми, кто еще ориентировался на лозунги вчерашнего дня (здесь, вероятно, имеются в виду А.Г. Шляпников и его единомышленники. – В.С.), и теми, кто тяготел к тактике мелкой буржуазии, что было характерно для полуменьшевистской позиции Каменева» (Исторический опыт трех российских революций. В 3-х кн. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России. Гл. ред. Голуб П.А. и др. – М., 1986. – С. 329). На наш взгляд, более корректно – в свете нашей темы и на основе анализа дальнейших событий – было бы говорить об историческом конфликте между социально-политическими лозунгами «сегодня», которые отстаивали приверженцы реализации на практике «леволиберальной» концепции освобождения России, и лозунгами «завтрашнего дня», содержанием которых был радикально-антибуржуазный, просоветский либертаризм.

Спонтанная дифференциация на «радикалов» и «умеренных», а также промежуточные слои, происходит и в провинциальных комитетах большевистской партии, которые на первых порах должны были самостоятельно вырабатывать свое отношение к актуальным политическим проблемам. В частности, в Канавинском социал-демократическом «коллективе» (то есть партийной ячейке) в начале марта была принята резолюция о Временном правительстве, в которой указывалось, что «оно составлено из буржуазных элементов, что по существу своему оно монархично, что все его шаги по пути к демократизму происходят только благодаря натиску революции». Канавинские большевики заявили об условной поддержке правительства, но предупредили: «В случае же уклонения от исполнения наших требований, мы поведем с ним такую же борьбу, какую вели с царизмом». Подобную «доверчивость к правительству» (В.И. Ленин) обнаружили также московские, красноярские и киевские большевики. В свою очередь, большевистские комитеты Харькова и Кронштадта еще в первые дни существования Временного правительства выступили с лозунгом «Да здравствует гражданская война!»⁶⁵⁷.

Именно в таком состоянии «разброда» застал партию В.И. Ленин, прибывший в Петроград 3 апреля и сходу призвавший российский пролетариат к социалистической революции. В отличие от своих «сибирских» соратников, «начало этой революции уже ощущал Ильич всем существом своим»⁶⁵⁸. Собственный план углубления революции, обобщенный в «Апрельских тезисах», В.И. Ленин обнаружил сначала на узком совещании партийных работников, а затем, на следующий день после возвращения из эмиграции, на двух собраниях (сначала чисто большевистском, а потом на совместном с меньшевиками) социал-демократов — участников Всероссийского совещания Советов. Среди меньшевиков ленинские тезисы вызвали бурю ортодоксального негодования (например, Б.О. Богданову они показались «бредом сумасшедшего», «галиматей», а И.П. Гольденберг услышал «в новых словах Ленина... истины изжитого примитивного анархизма»⁶⁵⁹), большевистская же публика в первое время «как-то растерялась»: «многим показалось, что очень уж резко ставит вопрос Ильич, что говорить о социалистической революции еще рано»⁶⁶⁰.

Выступление В.И. Ленина с программой перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую привносит новый импульс в политические дискуссии «правых» и «левых» большевиков. Чрезвычайно интересная ситуация складывается, например, на заседа-

нии ПК 8 апреля: из шести участников прений, в числе которых оказался и межрайонец К.К. Юренев, только один (С.Я. Багдатьян) попытался критиковать тезисы В.И. Ленина, но и тот в заключение заявил, что в общем и целом они правильны; однако при голосовании только два члена петербургского партийного руководства высказались в поддержку ленинской программы (13 проголосовали против и 1 воздержался)⁶⁶¹. На наш взгляд, столь парадоксальная ситуация была вызвана не столько тем, что некоторые члены городского комитета большевистской партии «по существу еще не разобрались в ленинских тезисах»⁶⁶², сколько тем, что они пока еще не представляли себе, каким образом приложить «в общем и целом правильную» теорию к практике (о чем неоднократно упоминалось в прениях).

В тот же день на страницах «Правды» с кратким отзывом о ленинских тезисах, опубликованных в центральном органе днем раньше, выступил Л.Б. Каменев. «Общая схема т. Ленина» оценивается им как неприемлемая именно потому, что она рассчитана на немедленное перерождение буржуазно-демократической революции в социалистическую. Главная забота автора статьи – не допустить превращения «партии революционных масс пролетариата» в «группу пропагандистов-коммунистов», однако доводы и аргументы он черпает не из анализа стремительной политической динамики, а из организационного арсенала партийного аппаратчика. Л.Б. Каменев подчеркивает, что его позиция, в отличие от «личного мнения» товарища Ленина, выказанного в указанных «тезисах», опирается на соответствующие резолюции, выработанные Бюро ЦК и одобренные большевиками-делегатами «съезда Советов»*. «Впредь до каких-либо новых решений ЦК и постановлений общероссийской конференции партии, эти резолюции остаются нашей платформой, которую мы и будем отстаивать как от разлагающего влияния “революционного оборончества”, так и от критики т. Ленина»⁶⁶³.

В другой газетной статье, посвященной анализу «Апрельских тезисов», Л.Б. Каменев пытается «бить» В.И. Ленина оружием марксистской методологии. Мало провозгласить по-ленински, что вне социализма нет спасения человечеству от войн, голода и человеческих жертв. Чтобы строить марксистскую политику, напоминает критик, «надобен еще учет исторической обстановки, надо взвесить соотношение сил и классов в данный момент, в данной стране, находящейся в таких-то и таких-то отношениях с другими странами»⁶⁶⁴. По мнению Л.Б. Каменева, по-

* Имеется в виду Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов.

добный анализ отсутствует в ленинских «тезисах» и статьях; вскоре выяснилось, что не на высоте оказался сам критик.

«Старый большевик» формально был, безусловно, прав и с «академической», то есть марксистско-догматической, точки зрения, и с сиюминутно-практической (в том смысле, что немногие партийцы как в столице, так и в провинции, в первые дни апреля разделяли исторический оптимизм своего вождя), однако он не учел того, что в неустойчивой политической ситуации 1917 г. на расклад сил в партии могли повлиять – и постоянно влияли! – могучие силы извне (не говоря уже о таком весомом «внутреннем» факторе, как лидерские и ораторские таланты самого В.И. Ленина), и в данных условиях радикализация большевизма, при условии желательности его сохранения как партии *революционного* пролетариата, была неизбежной. Именно в этом направлении и развиваются события – и в стране, и в ленинской партии – в последующие недели и месяцы.

В течение апреля как в партии большевиков, так и в российском обществе в целом параллельно разворачиваются в чем-то сходные и взаимосвязанные процессы, которые схематически можно обозначить так: политический лидер задает (в пределах своей компетенции) некие «вызовы», которые в соответствующих масштабах вызывают (провоцируют) энергичные «ответы» наэлектризованных масс. В рамках большевистской партии это выразилось в достаточно быстрой популяризации радикальной революционной программы, провозглашенной вождем, в масштабах страны радикализация массовых настроений происходит после известного внешнеполитического демарша министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Миллюкова.

Сначала рассмотрим ситуацию в ленинской партии. В отличие от функционеров городского и общепартийного уровня, районные организации оказались более чуткими к «апрельским» призывам своего вождя: в период с 10 по 16 апреля большевистские «коллективы» ряда районов столицы (Василеостровского, Петроградского, 2-го Городского, Пороховского) согласились с основными положениями «Апрельских тезисов» и поручили своим представителям отстаивать их на общегородской конференции⁶⁶⁵. Активное внедрение своей радикальной программы в партийные массы В.И. Ленин осуществляет на Петроградской общегородской конференции, проходившей 14–22 апреля 1917 г. В своих выступлениях лидер большевиков призывает размежеваться не только с «соглашателями» справа и анархистами слева, он противопоставляет свои идеи «старому» большевизму. По Ленину, отличие его партии от

анархистов заключается в том, что большевикам «нужно... государство для перехода к социализму», что они готовы использовать в революционных целях «организацию государства, т.е. насилие вообще и в особенности государства самих организованных и вооруженных рабочих, организацию государства через их Советы (выделено нами. – В.С.)»⁶⁶⁶. Роль Советов – это как раз и есть «организованное насилие против контрреволюции, охрана завоеваний революции в интересах большинства, опираясь на большинство»⁶⁶⁷.

Разногласия между «старым» и «новым» большевизмом также упираются в оценку органов советского самоуправления. «Буржуазная революция в России закончена, – заявляет лидер большевиков, – поскольку власть оказалась в руках буржуазии. Здесь «старые большевики» опровергают: «Она не закончена – нет диктатуры пролетариата и крестьян». Но Совет рабочих и солдатских депутатов и есть эта диктатура»⁶⁶⁸. Таким образом, в отличие от анархистов и «старых большевиков», В.И. Ленин выделяет в Советах рабочих депутатов их организационно-государственный, диктаториальный потенциал, на основе которого, по его убеждению, можно осуществить социалистическую революцию и построить социализм марксистского типа.

Однако при описании «диктатуры рабочих и крестьян» или «коммуны» В.И. Ленин говорит языком социалиста-либертариста: залогом подлинного удержания свободы, по его мнению, является всеобщее вооружение народа; коммуна – это «полное самоуправление, отсутствие всякого надзора сверху», поэтому такую политическую модель готово принять даже подавляющее большинство крестьянства; «двигать революцию вперед – значит осуществлять самочинно самоуправление», при этом «рост демократии самоуправлению не мешает, осуществляет наши задачи»⁶⁶⁹.

Особенность «изумительно своеобразного» положения в революционной России заключается в том, что Советы уступили власть Временному правительству, что диктатура пролетариата и крестьян тесно переплелась с властью буржуазии (и это, по мысли В.И. Ленина, также является отрицанием политологических положений «старого большевизма»). Большевики, убеждает вождь своих соратников, должны исходить из реальной расстановки классовых сил и настроений, не делая фетиша из партийных догм и не навязывая их массам. Советы рабочих депутатов могли бы теоретически устанавливать коммуны на местах, но неизвестно, хватит ли у пролетариата организованности для выполнения этой задачи: «этого нельзя заранее подсчитать, надо на деле учиты-

ся»⁶⁷⁰. Не все ясно с крестьянством: сельские труженики стремятся «взять» землю, однако большевики как пролетарская партия должны еще убедить их, что для подъема хозяйства нужно устроить коммуну. Отсюда вытекает тактическая установка В.И. Ленина: «Мы должны быть централистами, но есть моменты, когда... мы должны допускать максимум инициативы на местах (выделено нами. – В.С.)»⁶⁷¹. Иными словами, автор «Апрельских тезисов» предлагает выстраивать вектор политической деятельности большевистской партии в строгом соответствии с либертарным движением трудящихся масс. Это радикально-демократическое, в чем-то даже анархическое, движение пока еще верит обещаниям лидеров умеренно-социалистических партий, однако со временем – при неизбежном политическом банкротстве советских «соглашателей» мощное самостийное устремление масс к миру, свободе и материальному достатку может послужить успеху новой, *социалистической революции*.

В отношении к существующей государственной власти В.И. Ленин предлагает руководствоваться тем же либертарно-популистским принципом. Поскольку политическое влияние «пролетарской партии» еще невелико («Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство»), поскольку власть Временного правительства опирается на поддержку столичного Совета рабочих депутатов, постольку его (правительство. – В.С.) «можно и должно свергнуть» не путем бланкистского переворота, а завоевывая большинство депутатских мест в имеющих реальную власть Советах⁶⁷².

Закрепление успеха ленинского курса в общепартийных масштабах происходит на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), делегаты которой представляли 79 204 членов партии (из них 14 595 – питерцы)⁶⁷³. На партийном форуме также не обошлось без достаточно напряженных прений по вопросам об отношении к существующим политическим институтам «двоевластия» и перспективах революционного процесса*, однако лидер партии сумел заручиться под-

* Стоит обратить внимание, что размежевание между «каменевцами» и «ленинцами» происходит фактически не только в вопросе о «контроле» или «недовере» по отношению к Временному правительству, но и в вопросе о признании субъектной или объектной роли народных масс в революционном процессе. В частности, Л.Б. Каменев в своем содокладе заявил: «...построения т. Ленина и резолюция (имеются в виду «Апрельские тезисы» и ленинский проект резолюции об отношении к Временному правительству, предложенный на утверждение делегатов VII Всероссийской конференции РСДРП(б). – В.С.) страдают одним:

держкой большинства и сделать оптимистичные выводы из выступлений представителей провинции.

«Материалы, предоставленные товарищами о деятельности Советов, – отметил В.И. Ленин, – получились хотя и неполные, но замечательно интересные. Может быть, это самый важный материал из сведений, которые дала конференция, материал, который дает возможность проверить наши лозунги действительным ходом жизни. Картина полученного располагает нас к оптимистическим выводам»⁶⁷⁴. Исходя из полученных данных, на апрельской конференции вождь большевиков описывает

рисун в общем и целом совершенно правильно перспективу русской революции, они оставляют нас, активных работников, без программы-минимум, без того, с чем мы должны работать сейчас... Это – великолепная программа развития революции, но без конкретных руководящих указаний для нас, как активных руководителей политической партии (здесь и далее выделено нами. – В.С.).». Далее этот докладчик неоднократно подчеркивал, что «необходимо указать массам конкретные политические действия» в сфере сложных взаимоотношений с государственной властью, «указать массам конкретные приемы борьбы» за мир и т.п. (См.: Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 года: Протоколы. – М., 1958. – С. 85–86.)

В.И. Ленин, не забывая оперировать марксистской риторикой («... чем резче классовые противоречия, тем правильное революция идет вперед, тем вернее осуществляется диктатура пролетариата...»), вместе с тем остается политиком-практиком, который прекрасно осознает, что реальным актором (субъектом) революции являются народные массы. «Смешно думать, – заявил лидер большевиков, – что русский народ из брошюр черпает руководящие начала. Нет, из непосредственной практики вытекает жизненный опыт масс...». Спонтанное социальное творчество трудового народа, поступательно развивающееся под влиянием «хода событий, разрухи жизни, голода», подталкивает революцию вперед – «в нашу сторону», по ленинскому выражению. «И во всей России, – не совсем по-марксистски выражает свою радость вождь радикальных социал-демократов, – где крестьяне имеются в гигантском большинстве, ход революции обнадеживает нас в сильной степени». (См.: там же. – С. 146, 69.)

Таким образом, перед нами налицо два подхода к революционной технологии. С одной стороны, *позиция партийного функционера* высокого уровня, который предпочитает делать революцию «сверху» и в этой связи ждет «конкретных руководящих указаний» от вышестоящих партийных инстанций, чтобы, в свою очередь, «указать массам». С другой стороны *прагматично-либертаристская позиция* харизматического лидера, который, будучи доктринально централистом и авторитаристом, вынужден выстраивать тактику своей партии в соответствии с тенденциями *муниципальной* революции «снизу» и самочинным «жизненным опытом масс».

политическую ситуацию в стране как «переход» революционных преобразований из центра на места, превращение их в *муниципальную* революцию, которая, в свою очередь, «подталкивает центр»⁶⁷⁵.

«Движение началось в центрах»; благодаря революционной энергии пролетариата свергнут царизм, однако воспользовалась этим буржуазия, которая «превосходно была подготовлена к принятию власти»⁶⁷⁶. Постепенно революция разливается по всей стране, и на местах массы удержали инициативу в своих руках, «там меньше всего получилось руководства из буржуазии». Спонтанное народное движение далеко от программных целей большевиков («люди никакими планами коммунистическим не задаются»), однако, осуществляя конкретные шаги по переустройству социальной и производственной жизни и стремясь при этом избегать как буржуазного влияния, так и «опасности анархии», рабочие и крестьяне приобретают ценный исторический опыт и самим ходом событий подталкиваются к преодолению «мелкобуржуазной линии» в пользу «революционной». Нарастает новая революционная волна, на гребне которой могут оказаться именно большевики. «Дело идет к такому краху, с которым буржуазия не сладит. Нами подготавливается новая многомиллионная армия, которая может проявить себя в Советах, в Учредительном собрании, – мы еще не знаем, как. У нас, в центре, недостаточно сил. В провинции гигантский перевес. За нас тот ход развития революции на местах, который нагоняет, который идет»⁶⁷⁷. Таким образом, на Апрельской конференции лидер большевиков вновь обнародовал приверженность прагматическому либертаризму, который позволял его партии – в условиях ликвидации авторитарных государственно-политических структур и самочинной самоорганизации социальных низов – «этот опыт собрать и в меру накопления сил сделать шаг» к новой, антибуржуазной революции⁶⁷⁸.

В.И. Ленин, по признанию не только соратников, но и оппонентов, всегда умел с чуткостью улавливать настроения и устремления масс⁶⁷⁹,

*«...Сделано гигантское дело, – уточняет В.И. Ленин, как бы подытоживая мартовские дискуссии между «радикалами» и «умеренными» в своей партии. – Но если это привело к захвату власти буржуазией, из этого нельзя делать пессимистические выводы, нельзя видеть ошибки со стороны рабочих в том, что не захватили власти в свои руки. Предполагать, чтобы через несколько дней борьбы массы взяли власть в свои руки, было бы утопией» (Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). – С. 145).

почвенность – по крайней мере в масштабах столицы – его радикальных лозунгов подтвердилась уже в ходе апрельского кризиса.

Л.Д. Троцкий в книге «Уроки Октября» стремится изобразить массовые апрельские демонстрации в столице, спровоцированные печально знаменитой «нотой Миллюкова», как организованное партийное мероприятие, сознательно проводимое большевиками для углубления социальной революции, как «разведывательную вылазку для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством»⁶⁸⁰. В этом же духе, но, конечно, с негативно-оценочными интонациями, высказывались о роли большевиков в апрельских событиях и их политические противники⁶⁸¹.

Однако пристальное изучение фактов, в том числе и более-менее беспристрастных свидетельств очевидцев и участников событий, позволяет говорить о явном приоритете в апрельском эпизоде спонтанной инициативы низов, к которым следует причислять и рядовых партийцев, и вторичной роли руководства левых партий и групп, которые были вынуждены подстраиваться и, в соответствии со своими тактическими установками, пытаться направлять «в организованное русло» своевольное социальное движение. Кстати, тот же Л.Д. Троцкий в указанной выше книге, посвященной анализу «уроков Октября», косвенно признает «догоняющий» характер реакции большевистской элиты на кризисные события в столице. Он, в частности, оговаривается, что апрельская манифестация взяла «левее», чем полагалось, что «Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства, но снял его на недели или месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей (выделено нами. – В.С.)»⁶⁸².

Руководство Петроградского совета по поводу империалистических амбиций министра иностранных дел высказалось достаточно критично и радикально, но не подтвердило своих слов соответствующими практическими мерами⁶⁸³. Вот тогда-то в дело активно вступают солдаты столичного гарнизона, поскольку в случае решительного продолжения курса на победоносную войну им предстояло расплачиваться своими жизнями на фронте. 20 апреля, в день публикации злополучного дипломатического документа, возмущенные солдаты различных полков попытались получить поддержку в районных советских структурах, однако в ответ услышали извещение о запрете исполкомом Петроградского совета любых демонстраций⁶⁸⁴. Тогда они выдвинули предводителей⁶⁸⁵ из своей среды и двинулись к резиденции Временного правительства –

Мариинскому дворцу. Перед дворцом собралось 25–30 тысяч солдат и матросов (личный состав 180-го, 3-го стрелковых, Финляндского, Кексгольмского, Павловского гвардейских полков, 2-го Балтийского и гвардейского флотских экипажей), причем, по впечатлениям очевидцев, «демонстрация приняла такой характер, что правительство одно время казалось арестованным солдатами»⁶⁸⁶.

«Трудно сейчас выяснить, – писал советский историк М.С. Югов, – намерение руководителей, приведших солдат, и самих солдат, явившихся на площадь. Движение было стихийным, ни одна политическая организация не брала на себя инициативу выступления, вначале лозунги, по-видимому, были не столько против временного правительства, сколько против Милюкова и против завоевательной политики, т.е. была попытка оказать давление на Временное правительство, однако логика событий, по-видимому, не без участия отдельных большевиков (а также – добавим от себя – анархистов и представителей других леворадикальных течений. – В.С.) в частях, привела к большевистским лозунгам передачи власти Советам, свержения Временного правительства и т.д. Были, по-видимому, и попытки со стороны отдельных групп солдат проникнуть в Мариинский дворец, занять его выходы, арестовать правительство»⁶⁸⁷.

В конце концов, выслушав успокоительные речи лидеров Петросовета и приняв гневную антимилюковскую резолюцию, служилые люди разошлись по казармам, однако в это время уже «в рабочих кварталах кипело, как в котле»⁶⁸⁸. Митинги протеста, проведенные рабочими вечером 20 апреля на заводах, вылились на следующий день в массовые антиправительственные манифестации и кровопролитные столкновения с «чистой публикой» в центре города.

В то время как рядовые большевики принимали активное участие в солдатских и рабочих демонстрациях, руководство партии никак не могло выработать «правильную» линию поведения. Утром 20 апреля, еще до того как прапорщик Ф. Линде призвал Финляндский полк к выступлению, ЦК РСДРП(б) на экстренном заседании принял резолюцию, которая критиковала «насквозь империалистское» Временное правительство и указывала на тот факт, что политика «мелкой буржуазии» «еще и еще раз разоблачена этой нотой»⁶⁸⁹. Единственное спасение для «массы мелкобуржуазного населения», отмечалось в резолюции, заключается в безусловном ее переходе на сторону рабочего класса, который один только способен решить важнейшие социально-политические проблемы страны: «Только взявши – при поддержке большинства народа – всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат

совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно-демократическим миром»⁶⁹⁰. Американец А. Рабинович называет указанную резолюцию «двусмысленно сформулированной»⁶⁹¹, вероятно, намекая на то, что она могла быть расценена горячими головами как призыв к непосредственным решительным действиям⁶⁹². На наш взгляд, в данном случае речь должна идти не о зажигательном воззвании, а скорее об официальной реакции одной из оппозиционных партий на злободневное событие. К тому же резолюция ЦК РСДРП(б) от 20 апреля была опубликована в «Правде» только на следующий день и не могла сыграть значительной роли в спонтанном выступлении солдат и матросов столичного гарнизона.

Тем не менее, уже во второй половине дня 20 апреля политическая ситуация в столице стала развиваться столь динамично⁶⁹³, что большевистскому руководству пришлось срочно приняться за уточнение своих тактических установок, причем разные уровни партийной иерархии выполнили эту задачу по-своему. «В этих неожиданно развернувшихся событиях, — отмечал советский историк М.С. Югов, — вскрылась не только психологическая готовность рядовой партийной массы превратить лозунг, до известной степени пропагандистский, лозунг организации и мобилизации революционных сил в практическую директиву для сегодняшнего дня, но вскрылись и политические нюансы»⁶⁹⁴.

В частности, он указывает на такой нюанс, как ультра-радикалы в Петроградском комитете РСДРП(б), которые вопреки ленинским рекомендациям готовы были выйти за рамки организационно-пропагандистской работы и прибегнуть к вооруженной силе, «перескочив» через Совет⁶⁹⁵. «Левые» попытались заручиться поддержкой своих товарищей по городскому комитету на третьем заседании Петроградской конференции партии, но получили совет не становиться «левее самого Ленина»⁶⁹⁶.

На том самом заседании и в последующие часы происходят события, которые позволяют понять психологическую основу радикализма «группы товарищей» из ПК и так называемой Военки⁶⁹⁷. Под самый занавес партийного мероприятия некто товарищ С. (его фамилию публикаторам протоколов конференции установить не удалось) озвучил вести из эпицентра кризисных событий: «...Временное правительство отказывается от власти. Временное правительство предложило Исполнительному комитету совета придти на совместное совещание. Ре-

шено исполнить... Весь Маринский дворец занят Финляндским полком, и есть сообщения, что полки идут к думе с недоверием Временному правительству и доверием Совету рабочих и солдатских депутатов. Есть решение о передаче власти в руки Совета (выделено нами. – В.С.)»⁶⁹⁸. Кроме того, на протяжении всей ночи Исполнительная комиссия ПК, продолжавшая свою работу после окончания очередного заседания общегородской партконференции, получала тревожные известия из районов об антиправительственных митингах на заводах, где рабочие организуются *сами*⁶⁹⁹. «Под впечатлением этого, – отчитывался позднее член ПК В.В. Шмидт, – многие товарищи (из Исполнительной комиссии ПК. – В.С.) высказывались за свержение Временного правительства, не принимая, однако, определенных решений»⁷⁰⁰. Тем не менее решено было провести «грандиозную демонстрацию» и одному из товарищей поручено составить соответствующее воззвание. Этим товарищем оказался секретарь ПК С.Я. Багдатьян, который написал и опубликовал от имени Петербургского комитета большевиков листовку с призывом к свержению Временного правительства⁷⁰¹. По мнению советского историка И. Вавилина, именно под влиянием багдатьянского «авантюристического» лозунга часть рабочих 21 апреля вышла на демонстрацию под лозунгом «Долой Временное правительство!»⁷⁰². Между тем, вечером 20 апреля, когда большевистское руководство еще не успело официально сформулировать своего отношения к происходящим событиям, этот лозунг уже был подхвачен демонстрантами⁷⁰³, да и на следующий день массы чаще всего руководствовались отнюдь не партийными директивами ЦК РСДРП(б)⁷⁰⁴. Видимо, радикализм С.Я. Багдатьяна и его единомышленников в ПК как раз и стал результатом активного давления «снизу», со стороны своей нравной «социальной базы», за которую шла энергичная борьба между различными партийно-социалистическими течениями и которая к ужасу разного рода профессиональных организаторов готова была обойтись и без «партийного руководства».

Развитие событий 20 – 21 апреля, по крайней мере на основе получаемой большевистским руководством отрывочной информации, при определенном умонастроении было можно вполне рассматривать как фактическую готовность «министров-капиталистов» капитулировать под давлением просоветского столичного гарнизона, поддержанного пролетариатом. Впоследствии выяснилось, что замыслы демонстрировавших рабочих и солдат не носили столь уж радикального характера⁷⁰⁵, а Временное правительство использовало угрозу своей отставки лишь с це-

люю шантажа умеренно-социалистических лидеров Совета, однако поначалу эскалация первого после свержения самодержавия правительственного кризиса могла показаться углублением «Февральского сценария» на новом, более радикальном витке революции. Неудивительно поэтому, что и ЦК РСДРП(б) в своей резолюции от 21 апреля 1917 г. решительно заявляет о том, что правительству капиталистов, «составляющих заведомо ничтожное меньшинство народа», необходимо, не доводя дело до насилия, подчиниться воле большинства. В качестве практических мер по ликвидации кризиса власти большевики – вполне в духе принципов народной демократии – предложили «большинству населения» провести нечто вроде вечевых собраний по районам столицы и ее окрестностей «по вопросу об отношении к ноте правительства, о поддержке той или иной партии, о желательности того или иного Временного правительства (выделено нами. – В.С.)», а также провести перевыборы депутатов в Совет, с тем чтобы ввести туда достойных представителей революционного большинства⁷⁰⁶.

В.И. Ленин, направлявший официальный курс большевистской партии и писавший ключевые резолюции ЦК РСДРП(б), фактически предложил ликвидировать правительственный кризис в рамках политических правил советской демократии, именно поэтому он вынужден был одернуть своих боевитых молодых товарищей из столичного горкома, когда Петроградский совет проявил власть (в частности, запретив на два дня все уличные митинги и манифестации) и не встретил никаких возражений со стороны того самого «большинства населения», к авторитету которого апеллировал вождь большевиков. Именно поэтому 22 апреля выходит очередная резолюция Центрального комитета большевистской партии, в которой речь шла уже не о «большинстве революционных солдат... и большинстве рабочих», а о «мелкобуржуазной массе», которая «колебнулась сначала *от* капиталистов, возмущенная ими, к рабочим; а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождами, проводящими «доверие» к капиталистам и «соглашательство» с ними (курсив В.И. Ленина. – В.С.)»⁷⁰⁷. В этой же резолюции формулировалась партийная позиция по отношению к органам двоевластия. По оценке В.И. Ленина, призыв к свержению Временного правительства «либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера» без прочного завоевания большинства народа на сторону «революционного пролетариата». В свою очередь, и переход власти «в руки пролетариев и полупролетариев» имеет смысл только тогда, когда «Советы рабочих и солдатских де-

путатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки»⁷⁰⁸.

Между тем, апрельские манифестации в столице продемонстрировали, что проблема не только в том, что «соглашательский» Совет не желает перекладывать все бремя государственной власти на свои плечи, но и в том, что настроенные просоветски социальные низы вовсе не связывали развитие советской демократии и оздоровление социально-политической ситуации в стране с ведущей ролью большевиков, несмотря на их стремление монопольно артикулировать интересы «революционного пролетариата».

«21 апреля, собираясь на новые демонстрации, — отмечает известный советский историк Л.М. Спирин, — рабочие уже знали оценку событиям со стороны партии большевиков»⁷⁰⁹. Более того, ряд предприятий (Л.М. Спирин, в частности, называет заводы «Новый Лесснер», «Новый Айваз», «Динамо», «Старый Лесснер» и «Экваль») на общих собраниях трудовых коллективов одобрили предкризисную резолюцию ЦК РСДРП(б) от 20 апреля⁷¹⁰. И все же можно с большой долей уверенности предположить, что большинство рабочих, вышедших 21 апреля поддержать исполком Петроградского совета в конфликте с Временным правительством и столкнувшихся с проправительственными контрманифестантами на Невском проспекте, к «анархистам-ленинцам» себя не относили и действовали не по директивам партий, а в соответствии со своими личными, корпоративными и классовыми интересами⁷¹¹. Поэтому, на наш взгляд, столкновение между рабочими и «чистой публикой» в центре столицы не совсем корректно называть «партийной» или даже «классовой» схваткой⁷¹² (например, по обе стороны «баррикад» можно было встретить людей в солдатских шинелях), это больше походило на конфликт между сторонниками двух либертарных «проектов» — буржуазно-демократического, парламентского, с одной стороны, и народно-демократического, советского — с другой, причем среди последних было немало большевиков и сочувствующих им.

Проведя спонтанную политическую разведку боем, большевики выяснили, что, с одной стороны, они еще не могут претендовать на роль лидеров массового *антибуржуазного* движения, однако, с другой стороны, выступая в качестве последовательных и организованных сторонников *советско-демократической* перспективы для России, они получали шанс привлечь на свою сторону мощную энергию либертарного движения социальных низов⁷¹³. Да и расклад социалистических партийных сил также благоприятствовал достаточно сплоченным и целе-

устремленным соратникам В.И. Ленина: их соперники справа – меньшевики и эсеры, как в идеологии, так и на практике все заметнее уклонялись в сторону буржуазного «либерализма» (приобретающего явно авторитарные черты), а конкуренты слева – эсеры-интернационалисты и анархисты – никак не могли выпутаться из организационных проблем.

Впрочем, если безрадостные перспективы умеренных социалистов, попавших в капкан компромисса с «либеральной» буржуазией, можно было уже предугадать, то результаты конкурентной борьбы с анархистами и леворадикальными неонародниками за «политическую армию», т.е. влияние на малоимущие и эксплуатируемые слои населения, были не столь очевидны. Более того, даже в рядах самой ленинской партии периодически вспыхивали сполохи «бунтарства» и «анархизма», доставляя массу хлопот руководству.

Как указано в воспоминаниях В.Д. Бонч-Бруевича, уже в первые часы пребывания в Петрограде, в резиденции ПК вождь большевиков столкнулся с неким партийцем, который, выступая с балкона дворца Кшесинской, «стал истошным голосом взывать к толпе, призывая ее к немедленному восстанию и гоня бесконечные анархические фразы»⁷¹⁴. Оратор надеялся получить поддержку В.И. Ленина, однако тот не одобрил подобного «настоящего большевизма» и предложил перевести товарища на другую работу. Примерно так же обошлись и с петроградским большевиком Ф.Д. Канюком, которого устранили и из агитаторской коллегии ПК, и из Военки. Основная его вина заключалась в том, что «несмотря на прямое постановление ЦК и ПК не входить в договоры и соглашения с анархистами с дачи Дурново, Канюк повел какие-то самостоятельные разговоры с ними», «не имея на то никакого права, он 1 мая выступал от имени ЦК и т.д. и т.д.»⁷¹⁵. «Все это, вместе взятое, – резюмировал секретарь ЦК РСДРП(б) в своем ответе на запрос Полтавского комитета партии, – а также и то, что сами выступления его носят анархистский характер и отнюдь не способствуют уяснению позиции большевиков, и заставляет нас предостерегать от его выступлений и от доверия ему»⁷¹⁶.

* «Дело, конечно, не в Канюке, – комментировал эту историю советский историк Е.Н. Городецкий, – не в единичном факте ошибочных выступлений. Стержень этой переписки – опасность анархистских, да и всяких преждевременных вступлений, а также провокационных актов, особенно в тех случаях, когда они прикрывались именем и авторитетом партии большевиков». Он же отмечал, что «этот эпизод не случаен, а весьма характерен для обстановки в сентябре–октябре 1917 г.». (Городецкий Е.Н. Переписка секретариата Цен-

Свои «анархисты» имелись и среди кронштадтских большевиков. Член Кронштадтского комитета партии большевиков Д.Н. Кондаков так вспоминал об одном из «“левых” заскоков» своих товарищей по партии: «В один из июньских дней к зданию Кронштадтского комитета РСДРП(б) пришла многотысячная толпа матросов и солдат с требованием вести флот и солдат-кронштадтцев в Петроград для свержения Временного правительства. Во главе этой толпы оказались и большевики, в частности Кирилл Орлов, который с Якорной площади привел толпу к зданию, где помещался наш комитет. Кем-то пробита была гарнизонная тревога. Дело это едва не закончилось печально. Мы мобилизовали все силы, и после продолжительного митинга удалось ликвидировать “головокружение”»⁷¹⁷.

Значительной левее политической линии ЦК располагалась и Военная организация большевиков, которая опиралась на соответствующие районные организации и партийные коллективы в частях гарнизона⁷¹⁸. Радикализм руководства Военки подпитывался бунтарскими энергиями, исходящими «снизу», со стороны солдат и матросов, недовольных авторитарной политикой нового министра обороны социалиста А.Ф. Керенского⁷¹⁹. (В частности, 11 мая 1917 г. А.Ф. Керенский подписал «Декларацию прав солдата», которая значительно урезала свободы, полученные личным составом воинских частей в первые дни революции. В отличие от представителей правительственных партий большевики подвергли этот документ – по их определению, «декларацию бесправия» – резкой критике, получив немало политических очков в борьбе за симпатии людей в шинелях.)

Еще в середине мая руководство Военки намеревалось приступить к организации совместной рабоче-солдатской демонстрации, однако ЦК РСДРП(б) отказался санкционировать преждевременное выступление⁷²⁰. Тем не менее на заседании ВО, состоявшемся 23 мая, представители нескольких полков воинственно заявили, что «готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра»⁷²¹. Под влиянием бунтарской аргументации было принято решение провести совместное совещание с представителями Кронштадтской военно-морской базы, которое и состоялось 1 июня. По итогам этой встречи руководители Военки направили в ЦК партии список частей, выход которых на вооруженную демонстрацию, по их мнению, был гарантирован: числен-

трального комитета РСДРП(б). Март–октябрь 1917 г. // Источниковедение истории Великого Октября: Сборник статей. – М., 1977. – С. 94).

ность указанного в списке личного состава доходила до 60 тысяч человек⁷²². Свою готовность на деле выступить с новой массовой антиправительственной акцией солдаты и матросы продемонстрировали 4 июня⁷²³, вскоре и большевистское руководство в лице ЦК РСДРП(б) и ПК после достаточно напряженных дискуссий (причем в городском комитете, который был ближе к «низам», накал страстей оказался намного ниже) одобрило идею выступления против «контрреволюционного» Временного правительства⁷²⁴. Исходя из того, что солдат все равно не удержать от антиправительственных акций, большевики решили возглавить движение и направить по «своему» руслу⁷²⁵.

Окончательное решение вопроса отложили до 9 июня, однако за день до этого произошли события, связанные с попыткой «зачистки» дачи Дурново, которые создали благоприятную политическую температуру для сторонников активных антиправительственных действий и заставили большевистское руководство действовать более оперативно. Приказ министра юстиции П.П. Переверзева затронул не только «экстремистов»-анархистов, но и целый ряд рабочих организаций⁷²⁶, что вызвало возмущение самых широких слоев местного населения, независимо от партийной принадлежности и политических пристрастий, хотя главными «коноводами» на митингах протеста выступили, конечно, представители леворадикальных партий и организаций.

Солидарно рядовые большевики и анархисты действовали и в ревкоме, который самочинно собрался на даче Дурново*. «Грозным симптомом» для соглашательского советского руководства было то, что между новоявленной «смутно-бунтарской организацией» и «самыми широкими слоями рабочих масс Петрограда сразу потянулись незримые нити», более того – «участвовали в «комитете» и кронштадтцы, и представители столичного гарнизона»⁷²⁷. Именно поэтому репрессии посыпались не только на «экстремистские» партии, но и на обитателей мя-

* В частности, по свидетельству Ф. Другова, в учредительной конференции Ревкома на даче Дурново приняли участие делегаты кронштадтцев-большевиков С. Рошаль и анархист А. Железняков. Когда ЦК РСДРП(б) отменил свое решение об участии в массовой демонстрации 10 июня, кронштадтские матросы, прибывшие в столицу для участия в выступлении, были возмущены «изменой большевиков». «Рошаль неоднократно ездил к Ленину и доказывал, что выступление матросов предотвратить невозможно. В конце концов, подчиняясь воле матросов, Рошаль, вопреки постановлению ЦК большевиков, остался с матросами и принял участие в выступлении». См.: Другов Ф. Анархисты в Петербурге в 1917 году. «Дача Дурново» // Пробуждение. – 1932. – № 21–22. – С. 41–42.

тежного рабочего района. 8 июня 1917 г. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов опубликовал воззвание, в котором фактически обвинил рабочих Выборгского района в пособничестве контрреволюции и запретил им вооруженные демонстрации.

Итак, 8 июня, в обстановке многовекторного политического конфликта, разрастающегося с каждым часом, ЦК РСДРП(б) собирается на совещание – с участием представителей низовых партийных структур (Петербургского комитета и райкомов), а также профсоюзов и фабзавкомов – и большинством голосов принимает окончательное решение о подготовке демонстрации. Отчеты с мест дали надежду, что демонстрация будет носить действительно массовый характер, поскольку антиправительственные настроения охватили широкие слои рабочих и солдат, намного превышающие сферы партийного влияния большевиков⁷²⁸. Перспектива широкомасштабного сплочения всех революционных сил столицы под эгидой большевистских организаторов не могла не вдохновить участников совещания, которые подавляющим большинством голосов (примерно 130 против 20–30) высказались за «неизбежность демонстрации и за необходимость направить движение в русло организованной и мирной манифестации против контрреволюции»⁷²⁹.

По замыслу большевиков и их союзников, *мирное* многотысячное мероприятие, центром которого обозначили Марининский дворец (резиденцию Временного правительства), призвано было продемонстрировать радикальные антибуржуазные и просоветские^{*} настроения революционной столицы и оказать соответствующее давление на решения Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. С явными «общереволюционными» целями предстоящей демонстрации тесно переплетались и невысказываемые, но вполне очевидные цели партийные, связанные с реальным шансом завоевать на сторону большевиков десятки тысяч новых adepts⁷³⁰. Поэтому неудивительно, что сразу же после указанного расширенного совещания ЦК РСДРП(б) продолжило свою работу в узком составе и пришло к *единогласному* решению о демонстрации. При этом «вопрос о выходе с оружием не ставился»⁷³¹. Вскоре к решению большевистского ЦК официально присоединяется Центральный совет фабрично-заводских комитетов (ЦБФЗК), а затем и межрайонцы во главе с Л.Д. Троцким⁷³².

^{*} Ключевыми политическими лозунгами готовящейся большевиками демонстрации должны были стать: «Долой десять министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!».

В оставшиеся дни партийные организаторы, а также вызванные из Кронштадта пробольшевистски настроенные матросы должны были сплотить части столичного гарнизона под ленинскими знаменами и не допустить несанкционированных действий. При этом «ведомые», т.е. солдаты и рабочие, зачастую превращались в «ведущих», не желая ограничивать себя рамками политкорректных решений большевистского руководства. В частности, на собрании заводских представителей вечером 9 июня выяснилось, что войска не собираются выходить на запланированное массовое мероприятие без оружия, «да и рабочие, имеющие револьверы, обязательно возьмут их с собой»⁷³³. Вполне очевидным исходом вооруженной демонстрации могло стать развязывание открытой гражданской войны. Боевой настрой революционных «низов» передался и некоторым партийцам, тесно связанным с массами и руководствовавшимся не стратегическими соображениями, а конкретными политическим угрозами. Например, когда предложение члена ЦК И.Т. Смилги о захвате в случае вооруженного столкновения ключевых объектов (почты, телеграфа и Арсенала) в столице было отклонено, другой «левый» большевик – ответственный организатор Выборгского района – М.И. Лацис, не стесняя себя требованиями партийной дисциплины, проявил готовность идти до конца, опираясь на «анархистские» массы⁷³⁴.

Энергичные приготовления большевиков и других левых элементов к массовой протестной акции не остались тайной для обеих ветвей двоевластия. Однако если воинственные декларации «контрреволюционного» правительства⁷³⁵ можно и даже – для поддержания боевого духа – нужно было проигнорировать, то воплю Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов нарушать не следовало, поскольку для ленинцев это означало бы явный разрыв с собственными лозунгами и выход из «поля» советской политики. В течение всего дня 9 июня Исполком Петроградского совета, а затем и делегаты съезда будируются слухами об одновременном выступлении «слева» и «справа», о происках западных дипломатов и избииении анархистов казаками⁷³⁶. С целью недопущения «кровавых беспорядков» съезд запрещает уличные собрания и шествия в течение следующих трех дней⁷³⁷. Делегатов съезда разбили на десятки и разослали в беспокойные рабочие районы и воинские части «для непосредственного воздействия», где они получили возможность непосредственно выслушать мнение передовых представителей русской революции⁷³⁸. Вместе с ними разъезжаются и депу-

таты Совета крестьянских депутатов, мобилизованные Бюро исполкома указанной организации⁷³⁹.

Тогда же, вечером 9 июня, на совещании представителей ЦК и Военной организации Л.Б. Каменев и В.П. Ногин предложили отсрочить выступление, однако большинство присутствующих не поддержало «умеренных». (В эти же часы на рабочих окраинах Петрограда уже появляются прокламации, которые от имени ЦК РСДРП(б) и других организаторов призывали столичный пролетариат выйти на мирную манифестацию в 2 часа дня 10 июня.) Однако на другой чаше весов оказалось мнение большинства большевистской фракции Всероссийского съезда Советов, которые высказались за отмену демонстрации⁷⁴⁰. В конечном итоге в первые часы 10 июня при минимальном кворуме ЦК большевистской партии отменяет назначенную на этот день массовую акцию⁷⁴¹.

Ленинская партия стремится сохранить свой политический авторитет, а вместе с тем и легальный статус, и выступает сразу в двух качествах: «усмирителем» по отношению к бурлящим массам и «бунтарем» – по отношению к меньшевистско-эсеровскому большинству в Советах, при этом демонстративно подчеркивая свою лояльность ценностям советской демократии. Если своим сторонникам большевики объяснили отмену демонстрации необходимостью подчиниться прямому распоряжению центрального органа народной демократии, за полновластие которого в принципе и боролись массы, то в заявлении Всероссийскому съезду Советов большевистская фракция расставила акценты иначе: «...входя в Совет и борясь за переход в его руки всей власти, мы ни на минуту не отказываемся в пользу принципиально враждебного нам большинства Совета от права самостоятельно и независимо пользоваться всеми свободами для мобилизации рабочих масс под знаменем нашей классовой пролетарской партии»⁷⁴².

Параллельно с агитаторами-миротворцами из советских структур большевистский ЦК направляет на предприятия собственных представителей с целью отговорить их от несанкционированного выступления. При этом далеко не везде большевистские эмиссары встретили полное взаимопонимание со стороны рвущихся в бой пролетариев. В качестве иллюстрации разочарования части рабочих в своих вчерашних лидерах часто используют цитату из откровенного «Дневника агитатора» М.И. Лациса, который писал, что на некоторых заводах рабочие-большевики рвали партийные билеты, узнав об отмене Центральным

комитетом своей партии намеченной демонстрации^{743*}. Однако можно привести и вполне объективный показатель преобладающих массовых настроений и политического рейтинга большевиков после резкой смены ими тактических установок. Если в рабоче-солдатской конференции 9 июня 1917 г. приняли участие посланцы 89 заводов и 8 подразделений, выразивших твердое намерение выступить на следующий день, то 10 июня на подобного же рода собрании резолюцию о поддержке постановления ЦК РСДРП(б) об отмене демонстрации подписали только представители 19 заводских коллективов и 3 войсковых частей⁷⁴⁴.

Далеко не всегда рабочие столицы действовали по примеру коллективов завода Нобеля, «Старого Парвизайнена», «Нового Парвизайнена», «Нового Лесснера», которые, по наблюдению советского депутата-агитатора, выступать не предполагают, но «не потому, что к этому призывает съезд Советов, а лишь потому, что ЦК РСДРП предлагает сегодня не выступать»^{745**}. Например, на заводе «Старый Промет» была принята резолюция с порицанием деятельности ЦК РСДРП(б)⁷⁴⁶. На заводе Лесснера в большевистских кругах царил уверенность, что после трехдневной отсрочки выступление неизбежно (кстати, именно на 14 июня назначили свою «акцию» ревкомовцы с дачи Дурново)⁷⁴⁷. Солдаты 3-го пехотного запасного полка, дислоцированного в Петергофе, также согласились отсрочить выступление, но заявили, что «через три дня предъявят требования и поддержат их перед съездом с оружием в руках»⁷⁴⁸. В таких же решительных тонах была выдержана резолюция «опаснейшего» 1-го пулеметного полка⁷⁴⁹. Даже на Путиловском заводе, где организационное присутствие большевиков в этот период было невелико, рабочие заявили, что постановления съезда для них необязательны и подчиняться они будут только своим заводским организациям⁷⁵⁰.

Можно сослаться и на мнение делегатов Всероссийского съезда Советов, как правило, сторонников коалиции и правящего советского блока, которые утром 10 июня доложили о своей ночной «миротворческой»

* Наблюдение большевика подтверждается и свидетельством анархиста Ф. Другова о том, что «такое поведение большевиков вызвало возмущение среди рабочих. Большевицких (так в подлиннике. – В.С.) ораторов клеймили как предателей и сопровождали свистом и угрозами на рабочих собраниях». См.: Другов Ф. Указ. соч. – С. 42.

** Кстати, инцидент с рабочими, в отчаянии рвущими свои партбилеты, произошел также на заводе «Старый Парвизайнен». См.: Лацис М.И. Указ. соч. – С. 105.

работе в полках и на заводах. «Впечатления делегатов, – вспоминал внефракционный социал-демократ Н.Н. Суханов, – во всяком случае сходились в том, что суть дела не в манифестации и в ее ликвидации. Корни движения слишком глубоки, и разлив его слишком широк. Сдержат напор народных «низов», подлинных рабочих масс нет возможности. Если сегодня выступление предотвращено, то оно неизбежно завтра (выделено нами. – В.С.)»⁷⁵¹. В условиях, когда, по выражению того же Н.Н. Суханова, «база коалиции трещит и расползается по всем швам», у советского руководства оставался ограниченный выбор политических альтернатив: либо буржуазная диктатура, либо установление антибуржуазного режима, за которое столь энергично агитировали леворадикальные элементы «демократии». В свою очередь, большевики были намерены, не выходя за рамки просоветской лояльности, сохранить и укрепить свое партийное реноме как подлинного революционного авангарда и реальной – в отличие от конкурентов-анархистов – организованной силы. Поэтому официальный перенос демонстрации под эгидой и лозунгами Советов на 18 июня устроил всех акторов из советского лагеря: и руководство правящего эсеро-меньшевистского блока, надеявшегося публично продемонстрировать своей высокий авторитет, и большевиков, уже сделавших немало для того, чтобы подчинить спонтанное «низовое» движение своему влиянию, и анархистов, которые так и не сумели организовать массовую манифестацию в «свой» день 14 июня, и, конечно же, по-боевому настроенным массам рабочих, солдат и матросов, которые не намеревались оставаться объектом чьих-то манипуляций.

Однако если партийные и советские «верхи» в течение 10 июня исчерпали «инцидент» и пришли к определенному компромиссу, то радикально-либертарные, бунтарские «низы» вовсе не намеревались ограничивать свою активность официально обозначенными рамками. 12 июня на заседании анархистско-большевистского ревкома на даче Дурново, влияние которого распространялось на ряд предприятий и воинских частей Выборгской стороны, принимается решение об организации антиправительственного выступления в ближайшие дни⁷⁵². Центральному комитету РСДРП(б), а также Центральному совету фабрично-заводских комитетов, в котором преобладали большевики, пришлось обратиться с соответствующими публичными обращениями, чтобы хоть в какой-то степени нейтрализовать влияние самочинных радикально-либертарных структур⁷⁵³.

Немало хлопот политкорректным руководителям большевистской партии доставили и переполненные воинственным пылом делегаты Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которые очень надеялись, что В.И. Ленин и его соратники разделяют их революционное нетерпение. Более того, часть столичного гарнизона именно в конференции видела готовый орган для руководства предстоящим антиправительственным восстанием и проводила соответствующую агитацию⁷⁵⁴. Эта конференция, начавшаяся 16 июня 1917 г., вспоминал один из руководителей Военки Н.И. Подвойский, «протекала в страшно тяжелой атмосфере, потому что назревало выступление, в связи с событиями на фронте в Гренадерском и Пулеметном полках. Половину своей работы конференты употребили на то, чтобы внести успокоение в умы солдат петроградского гарнизона и доказать, что без стройной организации выступление будет равносильно преступлению. Но мы не могли скрывать от себя, что движение в ближайшие дни выльется (выделено нами. – В.С.)»⁷⁵⁵. Уже после демонстрации 18 июня Военная организация публикует обращение «к товарищам солдатам и рабочим», в котором звучал клич не верить призывам к выступлению от ее имени⁷⁵⁶. Советский историк О.А. Лидак вполне прав, отмечая, что указанное обращение было принято с целью «парализовать агитацию анархистов и революционно настроенных беспартийных рабочих и солдат»⁷⁵⁷.

Таким образом, демонстрацию 18 июня 1917 г. нельзя рассматривать как исключительную победу большевистских лозунгов и организаторов, хотя у В.И. Ленина и его соратников были немалые основания оценивать итоги указанного дня именно так⁷⁵⁸. Точнее будет назвать это смотром сил массового радикально-либертарного движения (или, по определению В.С. Войтинского, «бунтарской», «максималистской стихии»⁷⁵⁹), которое получило определенное идеологическое оформление своих чаяний в большевистских лозунгах, но, тем не менее, имело автономные механизмы самоорганизации и развивалось по собственным социально-революционным законам, к которым большевистское руководство, не говоря уже об официальных советских властях, не всегда успевало приноровиться*. Многотысячная антиправительственная де-

* «Для нас, – вспоминал представитель правящего эсеро-меньшевистского блока В.С. Войтинский, – было плохим утешением объяснить это преобладание большевистских знамен (на демонстрации 18 июня 1917 г. – В.С.) тем, что партия Ленина проявила больше энергии и ловкости, чем мы. Дело было не в энергии руководителей, а в настроении масс: оно было против нас, против

монстрация 18 июня, в которой по разным оценкам участвовало от 300 до 500 тысяч человек, несмотря на ее грандиозность, стала лишь одной из волн мощного либертарного течения, одним из эпизодов бурной эволюции и самореализации «низового» движения, нацеленного на завоевание по-своему, не по подсказке «элиты», осмысленных ценностей свободы и социальной справедливости. Именно поэтому и сама демонстрация, вдохновленная и проведенная в немалой степени благодаря усилиям организаторов-большевиков, а также последовавшие за ней события в столице развивались далеко не по большевистскому сценарию. Различные партии и организации сумели внести свой вклад в самочинное массовое движение*, но они не имели сил и возможностей направлять его «генеральную линию» и чаще всего вынуждены были плыть по течению, предпринимая отчаянные усилия для того, чтобы остаться на плаву. Автономность замыслов и действий социальных низов по отношению к разного рода партийным элитам проявилась и в событиях, последовавших за демонстрацией 18 июня и вылившихся в итоге в очередной политический кризис в стране.

19 июня под благовидным предлогом поиска преступников, бежавших при содействии анархистов из «Крестов», начинается самая настоящая осада дачи Дурново. Казаки и пехота, усиленные бронемашинной, штурмом взяли анархистский штаб, убив при этом одного участника сопротивления и арестовав всех остальных, в том числе и раненого матроса-балтийца А.Г. Железнякова. Официальное начальство натолкнулось не только на отпор «экстремистов»-анархистов, но и спровоцировало запуск механизма самочинной мобилизации пролетарских масс. В частности, рабочие-милиционеры не только отказались участвовать в карательной акции под руководством министра юстиции, но, напротив, созвали совместное совещание с представителями предприятий района, на котором единодушно решили дать твердый отпор правительству⁷⁶⁰.

Исполнительного комитета, против съезда Советов, против коалиции (выделено нами. – В.С.)» (Войтинский В.С. Указ. соч. – С. 152).

* «...И будто для того, чтобы дать исчерпывающее доказательство силы бунтарской стихии в Петрограде, анархисты прямо с демонстрации отправились к «Крестам» и силой освободили из тюрьмы несколько человек, которых признали «защитниками народа» (...), и торжественно увели в свою цитадель, на дачу Дурново», – писал В.С. Войтинский (см.: Войтинский В.С. Указ. соч. – С. 152). Как известно, именно это событие, на которое остро реагирует правительство, станет катализатором нового политического кризиса в стране.

Спонтанная самоорганизация трудящихся на основе резкого неприятия правительственных методов восстановления «правового порядка» происходит на заводах и фабриках. «Придя на завод, – вспоминал один из руководителей рабочей милиции Металлического завода В.П. Виноградов, – рабочие узнали о случившемся на даче Дурново и, не приступая к работе, устроили во дворе завода общее собрание, на котором был поставлен на обсуждение вопрос об отношении рабочих к распоряжению Временного правительства об освобождении дачи и о происшедшем случае убийства. Собрание было весьма бурное, настроение приподнятое; выступали исключительно большевики, анархисты и максималисты и клеймили позором Временное правительство и поддерживающие его правые партии»⁷⁶¹. Через несколько часов, после доклада специально избранной для расследования комиссии, рабочие-металлисты начали забастовку. В последующие часы и дни их примеру последовали и другие предприятия района и города. Причем на ряде фабрик и заводов инициаторами митингов выступили большевики, которые расценили осаду дачи бывшего царского сановника как «начало наступления контрреволюции» и опасались, что власти не ограничатся репрессиями против анархистов. В частности, в агитационной работе были задействованы делегаты Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которых распределили по предприятиям»⁷⁶².

Механизм самоорганизации и мобилизации столичных рабочих оказался настолько эффективным, что они вполне успешно могли противостоять даже общероссийской государственной власти. «Когда Временное правительство вторично пыталось посягнуть на Выборгский район, то встретило такой отпор, что на ликвидацию его потребовались силы армии. Тысячи вооруженных рабочих в течение нескольких часов были на улицах, ожидая прихода юнкеров. Конфликт с Временным правительством был ликвидирован в пользу рабочих. А. Железняков был освобожден»⁷⁶³.

Однако частные уступки со стороны правительства отнюдь не решали глобальных политических и социально-экономических проблем, которые наиболее болезненно воспринимались именно малоимущими слоями населения. Социальные низы, почувствовавшие себя реальной политической силой и имевшие собственное представление о целях и задачах революции, вовсе не собирались сидеть сложа руки в ожидании благ, обещанных политической элитой. «В первые же дни после демонстрации 18 июня среди рабочих и солдат стало крепнуть настроение:

вновь на улицу! Что это так – знают и меньшевики, и эсеры, соприкасавшиеся с массами. Требования экономического и профессионального характера сливались с требованиями политическими. На гигантском Путиловском заводе положение обострялось в связи с затяжным экономическим конфликтом. Во многих полках опасение быть расформированными порождало сильнейшее брожение. Но над всем этим, конечно, господствовало громадное недовольство общей политикой Временного Правительства», – так писал Г.Е. Зиновьев 27 июля 1917 г. в партийной газете «Рабочий и солдат» о событиях, предшествовавших июльскому кризису⁷⁶⁴. В этой же статье видный большевик отмечал, что проблема политического «кипения» масс неоднократно обсуждалась руководящими органами РСДРП(б), однако каждый раз «ЦК, ПК, Военная организация единодушно приходили к тому мнению, что выступать сейчас на улицу было бы нецелесообразно». Большевистским функционерам приходилось каждый день сдерживать революционные порывы солдат и рабочих столицы, в этой связи в агитаторском лексиконе появляется даже специальный термин – «усмирять». «С трудом, с громадным трудом удавалось удерживать массы»⁷⁶⁵, – сетует Г.Е. Зиновьев. При этом о некоторых особенностях политической позиции своей партии в указанный период член ЦК РСДРП(б) деликатно умалчивает.

Главная проблема заключалась в том, что партия большевиков, которая еще совсем недавно представлялась активным слоям социальных низов ультрарадикальным авангардом антибуржуазной революции, была вынуждена на практике проявлять явный оппортунизм и, как следствие, теряла авторитет и социальную базу.

В частности, именно те воинские части столицы и окрестностей, которые считались «цитаделями» большевиков, стали выдвигать радикально-либертарные, иногда прямо анархические лозунги и проявлять недовольство недостаточной революционностью своих политических «наставников». В новых условиях политическими кумирами для многих представителей социальных низов столицы становятся анархисты и те левые социалисты, в том числе и большевики, которые готовы были разделить массовые антиправительственные настроения. По признанию самих большевиков, в конце июня – начале июля 1917 г. чрезвычайно много хлопот им доставлял 1-й пулеметный полк, возглавляемый, кстати, выборным начальником-большевиком: «он (полк. – В.С.) стремительно рвался на улицу, причем официально разговоры шли о демонстрации, а неофициально ответственные представители полка охотно говорили о том, что полк при огромном количестве пулеметов, которое

у него имеется, может один без труда свергнуть Временное правительство»⁷⁶⁶. 3 июля пулеметчики демонстративно отказались от «политического руководства» любых партий, которые не разделили их революционного энтузиазма: во Временный революционный комитет вошли выборный начальник полка левый большевик А.Я. Семашко и анархист И.С. Блейхман, но все остальные комитетчики были избраны из солдат (по 2 представителя от роты)⁷⁶⁷. Когда организатор Выборгского райкома РСДРП(б) М.Я. Лацис попытался попасть в расположение полка, то чуть было не напоролся на солдатские штыки. Даже после того, как А.Я. Семашко уговорил своих подчиненных пропустить делегатов большевистской конференции, пулеметчики долго не могли успокоиться: «Знаем их: четыре месяца сюда ходят и отговаривают от выступления. Теперь будет с нас. Не поверим»⁷⁶⁸.

Очень решительно были настроены кронштадтские матросы, в рядах которых большевики также имели немало своих сторонников*. Незадолго до июльских событий на военно-морской базе побывал редактор большевистской газеты «Солдатская правда» А.Ф. Ильин-Женевский. По его выражению, в Кронштадте «действительно все кипело и бушевало», причем далеко не в благоприятном для большевиков направлении. «На местных митингах то и дело раздавались возгласы: «Долой Временное правительство!». Горячие головы настаивали на немедленном походе в Петроград с требованием передачи власти в руки Совета Рабочих и солдатских депутатов. Раздавались упреки по адресу большевистских вождей за то, что они якобы «трусят» и не хотят свергать Временное правительство (выделено нами. – В.С.)»⁷⁶⁹. Примерно в это же время секретарь Кронштадтского комитета РСДРП(б) Д.Н. Кондаков прислал тревожную записку своему соратнику С.Г. Рошало, которая гласила: «Товарищ Семен! Скорее возвращайтесь сюда! Вчера был митинг. Масса так нареволюционизировалась, что гонит нас с трибун, говорит, что мы боимся идти в наступление, и сами хотят идти с оружием в Петроград. Скорее сюда! Кондаков (выделено нами. –

* «...Самая ничтожная угроза революции со стороны Временного правительства или близких к нему кругов, – вспоминал Ф.Ф. Раскольников, – заставляла настораживаться красных кронштадтцев, судорожно схватывать заряженные винтовки и требовать от своих вождей немедленного похода в Петроград на выручку уже достигнутых завоеваний революции, которые, несмотря на их сравнительное ничтожество, служили в глазах кронштадтцев верным залогом близкого и всевластного пролетарского торжества» (Раскольников Ф. 20–21 апреля 1917 года // Красная летопись. – 1923. – № 7. – С. 91–92).

В.С.)». С.Г. Рошаль, срочно вернувшись на военно-морскую базу из столицы, удалось на время приостановить боевой порыв матросов, однако 3 июля даже этому авторитетному «кронштадтскому вождю и трибуну» пришлось ступешаться⁷⁷⁰.

Очень горячая обстановка накануне решающих событий сложилась на Путиловском заводе, политический контроль над которым большевики также записывали в свой партийный актив. Вечером 3 июля 1917 г. по вызову путиловцев на заводской митинг прибыл секретарь Петергофского районного совета большевик А.К. Цветков-Просвещенский. «Здесь, – вспоминал он позднее, – моим глазам предстала обширная площадь, заполненная тысячами рабочих, солдат и матросов. Посредине возвышалась построенная из досок трибуна. Кто-то произносил речь. Протискавшись к трибуне, я узнал среди стоявших нескольких нарвских большевиков и представителей Петроградского комитета партии. Большевики старались доказать нецелесообразность неорганизованного, стихийного выступления.

Однако обстановка митинга была до того накаленной, возмущение масс предательством Временного правительства таким гневным, что всем ораторам, высказавшимся против выступления, не дали говорить. Вдруг из толпы на трибуну вышел матрос и заявил, что он предлагает вопрос о необходимости выступления проголосовать. «Кто за немедленное выступление, – предложил он, – тот пусть поднимет руку». Поднялся лес рук, и вопрос был решен. Теперь возражать было тем более бесполезно (выделено нами. – В.С.)»⁷⁷¹. Независимость по отношению к решениям своих партийных, в том числе и большевистских, вожakov проявили также рабочие заводов «Лесснер», «Новый Лесснер», «Новый Парвизайнен», «Айваз», «Эриксон», «Галерный островок», Франко-русского, Балтийского, Трубочного, Сестрорецкого, фабрики «Скороход»: в лучшем случае удалось удержать их трудовые коллективы от выступления 3 июля, но уже на следующий день они влились в общий бурлящий поток⁷⁷².

Итак, вечером 3 июля демонстранты, разделившись на две колонны, направились к резиденциям обеих ветвей власти – Таврическому и Мариинскому дворцам. Главные лозунги дня – «Долой Временное правительство!» и «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!»⁷⁷³. Основные силы «восставших» (в частности, солдаты 1-го пулеметного полка, путиловцы) сосредоточились вокруг Таврического дворца, где заседал исполком столичного Совета, а также на Невском проспекте. Представители исполкома заверили демонстрантов в том, что их поли-

тические требования будут рассмотрены на следующий день, и призвали их разойтись, однако рабочие и солдаты выразили готовность ждать, «требуя к утру осуществить передачу власти Совету Р. и С.Д.»⁷⁷⁴.

Большевистское руководство было обескуражено нелояльным и неуправляемым поведением своей «политической армии». Мнение ЦК РСДРП(б), не скрывая недоумения и обиды, высказал М.П. Томский на заседании II Петроградской общегородской партийной конференции 3 июля: «Наш ЦК приглашает членов и сочувствующих удержать массу от дальнейших выступлений...; выступившие полки поступили не товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении комитет нашей партии, и потому партия не может брать на себя ответственность за это выступление. ЦК предлагает конференции: 1) выпустить воззвание, чтобы удержать массу; 2) выработать обращение к ЦИК взять власть в свои руки. Говорить сейчас о выступлении без желания новой революции нельзя. Всех «если» настоящего положения мы учесть не можем. Брать почин в свои руки рискованно. Как выльется движение, мы увидим. Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажег не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития»⁷⁷⁵. Противоречия в декларациях

М.Н. Томского были проявлением размежевания в рядах большевиков, как в низовых слоях, так и в руководящих органах, – размежевания между сторонниками массового революционного движения под либертарными лозунгами и противниками «авантюры». По мере поступления новостей из рабочих окраин и воинских частей радикальная «линия» среди столичных большевиков получает все больший перевес, увлекая за собой и более умеренные элементы.

Процесс «левения» партийной элиты вслед за революционно настроенными массами можно проследить в течение «грозового дня» 3 июля буквально по часам. В 3 часа делегаты вышеупомянутой общегородской конференции РСДРП(б), выслушав сообщение о решении личного состава I-го пулеметного полка выйти на демонстрацию, обязали пулеметчиков-большевиков не допустить каких-либо активных действий своей части «помимо призыва со стороны партийных учреждений»⁷⁷⁶. Примерно в это же время вести о несанкционированной «сверху» революционной инициативе пулеметчиков дошли и до Центрального комитета ленинской партии. Реакция последовала в 6 часов вечера, когда члены ЦК приняли решение удерживать массы от любых выступлений.

Около 9 часов вечера пулеметчики при оружии сами появились возле здания, где проходила общегородская конференция большевиков, и призывы большевистских ораторов вернуться в казармы встретили гневными криками «Долой!»^{777*}. «К 11 часам вечера, – вспоминал Я.М. Свердлов, – выяснилось, что нет возможности удержать ни солдат, ни рабочих. Получились сведения о выступлении Московского полка, Гренадерского, 180-го полка и др., Путиловского завода, завода «Вулкан», заводов Выборгской стороны и т.д., выяснилось, что движение масс уже вышло из берегов. Тогда, и только тогда, конференция в 11 часов 40 минут вечера приняла резолюцию, призывающую к организованной мирной демонстрации солдат и рабочих. Аналогичное решение было принято почти в то же время и ЦК»⁷⁷⁸. Символом *догоняющей* тактики большевистского руководства в очередной раз стала газета «Правда», вышедшая 4 июля с белой полосой на первой странице: заметку о «невystуплении» редакторы отозвали, а воззвание с призывом к «мирной и организованной демонстрации» опубликовать не успели.

Таким образом, на второй день июльского кризиса движение социальных низов было, по красноречивому выражению одного советского историка, *легализовано* и продолжалось при активном руководстве ленинской партии⁷⁷⁹. В самом деле, бурную организаторскую активность развивает Военная организация при ЦК РСДРП(б), которая на новом этапе рассылает своих эмиссаров на предприятия и в воинские части для того, чтобы наладить горизонтальные и вертикальные связи между различными отрядами революционной «стихий» и замкнуть их на себя. Петроградский комитет РСДРП(б) распространяет партийные директивы через райкомы, которые, в свою очередь, поддерживают постоянный контакт с партколлективами заводов и фабрик. Выборгский и ряд других районных комитетов партии предложили организовать на предприятиях выборы делегатов, которые должны были побудить ЦИК взять власть в свои руки⁷⁸⁰. Вечером 3 июля на заседании рабочей секции Петроградского совета по инициативе «правонарушительного» больше-

* По свидетельству одного из руководителей Военки Н.И. Подвойского, «отношение к ораторам (помимо самого Н.И. Подвойского, с балкона двorca Кшесинской выступили Я.М. Свердлов, В.И. Невский, М.М. Лашевич и другие видные большевики. – В.С.) было настолько враждебное, что многие пулеметчики для демонстрации этого настроения взяли свои винтовки на изготовку». См.: Елов Б. После июльских дней. (Экстренная июльская Конференция РСДРП(б) Питерской организации) // Красная летопись. – 1923. – № 7. – С. 100–101.

вика Л.Б. Каменева и при поддержке междрайонца Л.Б. Троцкого принято решение создать бюро из 15 человек «для руководства движением»⁷⁸¹.

Однако, несмотря на лидерские претензии большевиков, солдатские и рабочие коллективы действуют в столице вполне автономно и организовано*. В частности, роты 1-го пулеметного полка, не возглавляемые

* Стоит сразу отметить, что достаточно высокий уровень организованной «самочинности» демонстрировали не только социальные низы столицы. Например, 5 июля воинские подразделения из украинцев, направлявшиеся командованием на фронт, самочинно образовали полк имени гетмана Полуботка, взяли под контроль некоторые районы Киева, заняли помещение штаба округа и ряд других объектов, угрожая в случае необходимости арестовать Центральную раду. Одна из главных причин бунта заключалась в том, что солдаты были лишены довольствия и попросту голодали. (См.: Бунт украинского полка // Волгарь. – 1917. – 8 июля. – С. 4.)

В начале июля 1917 г. для насильственной отправки на передовую эвакуированных (т.е. направленных с фронта в тыл по ранению или по болезни) солдат 62-го запасного полка правительство снарядило в Нижний Новгород юнкеров Алексеевского училища и учебную команду 56-го полка. В ночь на 5 июля в ходе настоящих боевых действий солдатам 183-го и 185-го полков удалось не только отбить своих товарищей по оружию, но и разоружить юнкеров. В тот же день восставшие солдаты арестовали начальника гарнизона, захватили телеграф, телефонную станцию, начали раздачу винтовок и патронов рабочим. Высшим органом самочинной власти стал выборный Временный комитет для охраны города и по организации перевыборов, в который вошли 15 солдат, 2 эсера, 2 большевика, 2 меньшевика и 15 человек от рабочего Совета, крестьянского Совета и профсоюзов. В заявлении представителей комитета его деятельность и полномочия описывалась следующим образом: «...1) в силу необходимости вся власть в городе взята комитетом в свои руки; ...3) Совет солдатских депутатов раскассирован; Совету рабочих депутатов предложено произвести перевыборы; Совет крестьянских депутатов – перевыборы должны быть на съезде в августе; 4) к губернскому комиссару командирован представитель комитета; 5) губернскому исполнительному комитету (в котором преобладали соглашатели. – В.С.) предлагается продолжать свою обычную работу, но все меры по охране города и вообще распорядительного характера могут приниматься лишь с согласия и разрешения Временного комитета; 6) представительство от губернского исполнительного комитета во Временном комитете не предусматривается» (Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 211). Таким образом, город в течение нескольких дней находился во власти самоорганизовавшихся фронтовиков, требовавших отправки на передовую в первую очередь «укрывшихся буржуев и тоже из Совета солдатских депутатов, не бывших на фронте» (см. там же. – С. 218), при этом не только большевики,

большевиками и анархистами, а скорее позволившие им влиться в свой самоорганизовавшийся поток, взяли под контроль центр города и Петропавловскую крепость. Рабочие также проводят политическую линию, вполне самостоятельную как по отношению к нерешительным лидерам большевистской партии, так и по отношению к ЦИКу, который совместно с Исполкомом Всероссийского совета крестьянских депутатов в ночь с 3 на 4 июля категорически запретил любые выступления без санкции властей. Несмотря на нервозно-запретительную реакцию советского руководства, 4 июля состоялась грандиозная демонстрация в столице с участием полумиллиона человек. В этот и последующие дни антиправительственные демонстрации прошли и в ряде других городов страны. Причем рабочие часто выступают не под партийными, а под «классовыми» знаменами: они отказываются принять умеренную политическую тактику своих меньшевистских, эсеровских, а также большевистских «кураторов»⁷⁸² и налаживают прямое боевое сотрудничество с революционно настроенными полками. Например, путильовцы 4 июля действовали совместно с солдатами 2-го пулеметного полка, которые установили пулеметы на грузовики и защищали демонстрантов от вооруженных провокаций⁷⁸³.

В этот же день совещание руководящих работников большевистской партии принимает решение считать демонстрацию законченной, однако такое решение вновь натолкнулось на бунтарское своеволие «стихийных» масс. Типичной можно назвать реакцию кронштадтских моряков, среди которых было немало членов большевистской партии. После того как в соответствии с постановлением ЦК РСДРП(б) о прекращении демонстрации моряков стали отправлять обратно на базу, они с недоумением спрашивали: «Как это можно вернуться в Кронштадт, не утвердив в Петрограде советскую власть?»⁷⁸⁴.

Надо отдать должное политической смелости и проницательности большевиков и их социал-демократических союзников: они примкнули к массовому антиправительственному движению рабочих и солдат столицы, но при этом вовсе не питали иллюзий по поводу того, какие силы являются ведущим актором революции, и по поводу своего умения управлять этой саморегулирующейся «стихией». В то же время левые марксисты все больше убеждались, что созвучие их радикальных партийных лозунгов и действий максималистским чаяниям масс дает им шанс рано или поздно встать во главе новой революции.

но и официальные власти признали, что за это время «особых эксцессов в городе не произошло» (см.: ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 206. Л. 46).

В.И. Ленин в одном из документов, составленном в начале сентября 1917 г. для ЦК РСДРП(б), дал вполне объективную характеристику «современного политического момента». По оценке лидера большевиков, его партия в дни июльского кризиса допустила ошибку, недооценив революционность масс и надеясь на мирную эволюцию советской власти навстречу чаяниям трудового народа. На самом деле, политические процессы в России развиваются с «невероятной быстротой вихря или урагана», поэтому «все усилия [партии] должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы»⁷⁸⁵. Еще одной ошибкой стала бы попытка большевиков захватить 3–4 июля власть в столице, поскольку «большинство не только народа, но и рабочих не испытало еще тогда на деле контрреволюционной политики генералов в армии, помещиков в деревне, капиталистов в городе, политики, показавшей себя массам после 5 июля и порожденной соглашательством эсеров и меньшевиков с буржуазией»^{786*}. В этом отношении события 3–4 июля и восстание Корнилова стали ключевыми пунктами русской революции, которые максимально «подвинули вперед» политические процессы в стране⁷⁸⁷. Настолько вперед, что, по убеждению В.И. Ленина, рабочий класс может быть *вынужден* вступить в решительную борьбу со своим классовым врагом и завоевать власть⁷⁸⁸. Таким образом, и из своего временного ослабления в ходе июльских репрессий большевики сумели извлечь политические дивиденды и укрепить свое влияние в социальных низах. (Прав был М.М. Володарский, заявив на VI съезде РСДРП(б): «Мы на всех событиях наживали капитал»⁷⁸⁹.)

Оптимизм большевиков имел основание, поскольку потерпевшие тактическое поражение столичные «бунтари» вовсе не собирались безропотно сносить репрессии, посыпавшиеся на них после июльского «анархического» выступления. Несмотря на старания властей, на фронт удалось отправить лишь половину намеченного количества солдат и офицеров⁷⁹⁰. Не собирались складывать оружия, а точнее сдавать его

* По утверждению межрайонца К.К. Юренева, если бы революционные социал-демократы поставили целью захват власти, они сумели бы осуществить свои планы. «Мы этого не сделали, – заявил он на VI съезде РСДРП(б) и не встретил никаких возражений, – потому что мы не хотели повторить Парижскую коммуну. Фронт опрокинул бы нашу работу» (Протоколы шестого съезда РСДРП(б). – М., 1934. – С. 49). В подобном духе высказывался и И.В. Сталин (см.: Елов Б. Указ. соч. – С. 110–111).

властям, и рабочие. Разоружением солдат и рабочих, участвовавших в июльских событиях, занимался сводный отряд фронтовых подразделений во главе с членом ЦИК поручиком Г.П. Мазуренко – человеком, «кажется, связанным с эсеровской партией»⁷⁹¹. Представители сводного отряда потребовали содействия со стороны районных Советов, однако в ответ услышали, «что рабочие считают своей обязанностью защищать революцию, у них нет гарантий, что придет кто-то и не воспользуется тем, что безоружные рабочие никакого сопротивления оказать не смогут»⁷⁹². Рабочие припрятавали оружие в надежных местах, рассчитывая рано или поздно применить его против своих обидчиков. Большевики в это время вынуждены были действовать конспиративно* и проводить мероприятия в массах под флагом беспартийных, тем не менее на рабочих и солдатских митингах часто принимались откровенно «большевистские», то есть радикально-либертаристские, резолюции⁷⁹³. В частности, 21–22 июля состоялось многочисленное совещание рабочих и солдат⁷⁹⁴, на котором был выражен протест по поводу того, что после июльского политического кризиса «пролетариат фактически поставлен «вне закона», роль Советов падает и органы революционной власти сменяются учреждениями собственнических групп, идущих под гегемонией империализма»⁷⁹⁵. Вынесенная совещанием резолюция предвещала неминуемый кризис буржуазно-демократического режима и в качестве политической альтернативы предлагала борьбу за «сосредоточение всей власти в руках революционных Пролетарских, Крестьянских и Солдатских Советов»⁷⁹⁶. За резолюцию проголосовали единогласно (при четырех воздержавшихся) как беспартийные делегаты, так и рядовые партийцы эсеры и меньшевики, не говоря уже о большевиках⁷⁹⁷.

Если в столице «горячую точку» удалось на время нейтрализовать, то в провинции и в действующей армии в это же время автономно действуют многочисленные эпицентры «максималистской стихии», излучающие мощные волны либертарного радикализма. В донесениях командиров полкового, дивизионного, армейского уровня в течение всего июля и в последующие месяцы звучат тревожные сообщения о самоуправстве солдатских комитетов, о росте влияния «крайних элементов», особенно большевиков, за счет партий «умеренного направления», о готовности солдат «лечь костями» за переход власти в руки Советов⁷⁹⁸. Примечательно, что катализатором политического брожения в действу-

* Как вспоминал сормовский большевик Углев, «после июльских событий наша организация замолкла, вся рабочая масса была против нас» (ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 1. Д. 93. Л. 3).

ющей армии часто выступали подразделения расформированных после июльского кризиса частей Петроградского гарнизона⁷⁹⁹.

Репрессивные действия правительственных сил подкреплялись мощной пропагандой, направленной на дискредитацию самочинного радикально-либертарного движения социальных низов. В частности, тот же Г.П. Мазуренко в своем воззвании охарактеризовал события 3–4 июля как измену по отношению к действующей армии «в момент исполнения революционного долга на фронте». «Анархические вооруженные выступления безымянных кучек, самоокапывание в тылу трусов и дезертиров, соединенное с позорным удержанием у себя несоразмерно громадного количества пулеметов и прочего оружия – есть тот занесенный острый нож, который не позволит всадить себе в спину действующая армия»⁸⁰⁰. Свое недовольство «бунтарством» социальных низов всячески демонстрировали и представители умеренно-социалистических партий, контролировавших советские структуры всероссийского и столичного уровней, а также ряд министерств в коалиционном правительстве. В частности, когда к министру труда меньшевику М.И. Скобелеву обратился профсоюз петроградских прачек с жалобой на хозяев прачечных, тот не скрывал раздражения: «За помощью пришли, а 3–5 июля пытались свою силу показать! Ну, что ж, раз вы сильны, можете обходиться и без нас. Вы ведь считаете нас врагами, пособниками буржуазии. Посмотрим, кто сильнее! У нас – казаки, а у вас кто? Думаете бунтами взять – не выйдет!»⁸⁰¹.

Именно так «бунтовщики» и поступили в скором времени по всей стране: они перестали всерьез рассчитывать на буржуазно-«социалистическую» власть, которая оказалась не в состоянии выполнить свои же революционные обещания, а в качестве противовеса «казакам» начали наращивать собственные «незаконные вооруженные формирования». И в этих делах они могли опереться на вполне организованную и проверенную боевым опытом силу – партию большевиков.

Социальная база социалистов-соглашателей уменьшается как шагреновая кожа не только в революционной столице, но и в провинции, а также в действующей армии. При этом радикальные антибуржуазные и либертарные настроения социальных низов вступают в резонанс с соци-

* Примечательно, что в это же время командующий войсками Московского военного округа полковник А.И. Верховский шел с карательной экспедицией в Нижний Новгород, чтобы «водворить государственные начала... против контр-революции». См.: Приказ № 2 по гарнизону г. Ниж[него] Новгорода 6 июля 1917 г. // Волгарь. – 1917. – 7 июля. – С. 2.

ально-революционной агитацией большевистских агитаторов, создавая эффект, который в историографии получил название «стихийной большевизации масс». Несмотря на санкционированную правительством кампанию, нацеленную на дискредитацию В.И. Ленина и его соратников как «немецких шпионов», многие солдаты, рабочие и крестьяне именно в большевистских лозунгах видели выражение своих чаяний и выражали стремление «пштыковой расправой» разделаться с «буржуазной властью», чтобы передать ее в руки депутатов от народа⁸⁰². При этом своим вчерашним эсеро-меньшевистским кумирам «максималистские» низы выражали горькие упреки подобного рода: «Товарищи, мы на вас надеемся, но вы не идете нам навстречу, вы начали арестовывать большевиков... которые желают отдать всю власть в руки народа... Товарищи, вы идете по стопам наших буржуев... Теперь надежда у нас на вас отпала...»⁸⁰³.

Еще более отчетливо силу большевиков и слабость соглашателей подчеркнули события, связанные с неудавшимся восстанием Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. В то время как военные структуры *коалиционного* правительства выстраивали «бутафорские заставы» вокруг столицы, Комитет народной борьбы с контрреволюцией (Военно-революционный комитет) при ВЦИК Советов, в котором оборонцы работали плечом к плечу с представителями левых фракций, занимался энергичной организацией отпора корниловским войскам. Именно активные действия советского аппарата позволили быстро ликвидировать контрреволюционную угрозу, поскольку, если верить утверждению В.М. Чернова, «в действительности штаб округа не выставил вокруг Петрограда ни одной заставы: на дорогах стояли отряды вооруженных рабочих и солдат, организованные военно-революционным комитетом»⁸⁰⁴.

Консолидированная деятельность социалистических – как правых, так и левых – сил завершилась убедительной победой над незадачливыми мятежниками не в последнюю очередь благодаря прямому участию РСДРП(б) в антикорниловской борьбе. В условиях нового политического кризиса большевики чувствовали себя настолько уверенно, что на экстренном совещании членов солдатской секции и военного отдела Петросовета, военных организаций большевиков и эсеров, представителей районных Советов, фабзавкомов и ряда других структур руководители ВО при ЦК РСДРП(б) предложили сосредоточить всю оборону столицы в руках их организации и встретили поддержку у некоторых левых эсеров⁸⁰⁵. В конечном итоге для борьбы с контрреволюцией был

создан вышеупомянутый Ревком при ВЦИКе с участием представителей ведущих социалистических партий и самостоятельных народно-демократических организаций. Пример самоорганизации «красной столицы» был поддержан в масштабах всей страны: подобного рода чрезвычайные органы по борьбе с «корниловщиной» – городского, губернского и областного уровней – появились в 100 городах Финляндии, Урала, Сибири, Поволжья, Белоруссии⁸⁰⁶.

Большевики (7–8 человек⁸⁰⁷) составляли не более четверти состава центрального Комитета народной борьбы, однако, по свидетельству компетентного участника событий Н.Н. Суханова, «именно большевики должны были определить весь характер, судьбу и роль нового учреждения». «Военно-революционный комитет, – комментирует свою мысль автор «Записок о революции», – организуя оборону, должен был привести в движение рабочие и солдатские массы. А эти массы – поскольку они были организованы – были организованы *большевиками* и шли за ними. Это была тогда единственная организация – большая, спаянная элементарной дисциплиной и связанная с демократическими недрами столицы. *Без нее* Военно-революционный комитет был бессилён; без нее он мог бы пробавляться одними воззваниями и ленивыми выступлениями ораторов, утративших давно всякий авторитет. *С большевиками* Военно-революционный комитет имел в своем распоряжении всю наличную организованную рабоче-солдатскую силу, какова бы она ни была (курсив Н.Н. Суханова, выделено жирным нами. – В.С.)»⁸⁰⁸.

Центральные советские органы действовали в тесной связке с низовыми структурами народной демократии – районными Советами, фабзавкомами, профсоюзами, солдатскими комитетами, в которых большевики и их левые союзники также часто играли ключевую роль. Причем значительный отрыв вчерашних лидеров общественного мнения от радикальных запросов нового этапа революции привел к формированию феномена двоевластия теперь уже в рамках советской машины. В частности, в обход Исполнительного комитета Петроградского Совета, который ко «времени корниловщины... уже совершенно одряхлел и являлся величиной, ничего не значащей»⁸⁰⁹, из делегаций райсоветов или соответствующих исполкомов создается Междурайонное совещание, которое еще в середине августа превратилось в эффективный механизм обратной связи между центром и районами столицы*. Именно Меж-

* Председатель (А.М. Горич), его заместители (М.Я. Ладис и Д.З. Мануильский), секретарь (Г.К. Флаксерман), а также многие члены Междурайонного

дурайонное совещание, созванное по инициативе большевиков 28 августа 1917 г., принимает решение о вооружении рабочих («для несения охраны и на случай защиты революции») и направляет все силы на организацию пролетарских боевых дружин⁸¹⁰. В этих условиях рабочие не только легализовали оружие, припрятанное в июльские дни, но и, благодаря мощному революционному лобби в лице представителей левых партий в указанных чрезвычайных органах, получили тысячи новых винтовок⁸¹¹.

Народные органы защиты революции с неперменным участием большевиков и их леворадикальных союзников создаются и в районах столицы, а также в окрестных городах. В частности, 28 августа состоялось внеочередное заседание Петергофского райсовета, на котором присутствовали также представители фабзавкомов и социалистических партий. Участники совещания приняли решение создать дружину Красной гвардии из рабочих и сформировали Ревком при районном Совете в составе 18 человек (в том числе по одному официальному представителю от большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов)⁸¹². В Кронштадте по решению исполкома городского Совета была создана Военно-техническая комиссия, которой поручили техническое и оперативное руководство всеми боевыми приготовлениями. Наряду с большевиками в состав комиссии вошли представители других партийных фракций Совета, в частности анархист-синдикалист Х.З. Ярчук⁸¹³. По просьбе председателя ВЦИК Н.С. Чхеидзе в Петроград для охраны ключевых объектов столицы был направлен сводный отряд матросов общей численностью более 3,5 тысяч человек. Для руководства революционными силами, направленными в столицу, кронштадтские большевики, эсеры-интернационалисты и эсеры-максималисты выдвинули своих партийных комиссаров (соответственно – И.Н. Колбина, А.М. Брушвита, Г.А. Ривкина)⁸¹⁴.

Значительную роль большевики и их союзники по «левому блоку» сыграли также в тех фронтовых подразделениях, которые находились в непосредственной близости от предполагаемого фронта гражданской войны. «По инициативе революционных солдат и их комитетов, – пишет советский историк Л.М. Гаврилов, – создавались военно-революционные комитеты, являвшиеся оперативными органами по борьбе с контрреволюцией. Многие из них возглавили большевики, которые вовлекли в борьбу с кронливщиной и часть эсеро-меньшевицких низов.

совещания являлись членами РСДРП(б). См.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 258.

За командным составом, оружием, действиями штабов, средствами связи, корреспонденцией, командировками и отпусками личного состава устанавливался революционный контроль, для оперативного контроля выделялись специальные комиссары и дежурные воинские подразделения. Все эти меры приводили к тому, что многие солдатские комитеты становились реальными органами власти в частях и соединениях и через ВРК поддерживали революционный правопорядок в войсках»⁸¹⁵.

Как видим, в качестве альтернативы военно-буржуазной диктатуре солдатские и рабочие массы развернули структуры низовой народной демократии и убедительно продемонстрировали их высокую организационную эффективность в условиях политического кризиса. Поскольку большевики неоднократно призывали в своих многочисленных печатных изданиях к революционной самоорганизации трудящихся на подобных началах, постольку ленинская партия получила самые благоприятные возможности для стремительного расширения своей «социальной базы». Именно после августовских событий сильный «уклон» социальных низов в сторону политического максимализма, одной из разновидностей которого явился большевизм, принял угрожающий характер для существующей системы власти. Большевики, предлагая созвучную массовым настроениям идеологию и тактику, сумели в максимальной степени использовать новый мощный подъем революционной инициативы масс, опираясь на разнообразные структуры народной демократии и расширяя в них свое партийное влияние.

В августе–сентябре происходит последовательная большевизация Советов, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и других самочинных организаций как в обеих столицах, так и во многих населенных пунктах в провинции. Сначала это выразилось в принятии большевистских резолюций, а затем и в соответствующем изменении партийного представительства в ходе повсеместных перевыборов народных представителей. В частности, постановление Петроградского совета «О власти», принятое 31 августа 1917 г., а до этого утвержденное Центральным комитетом РСДРП(б), в первой половине сентября поддержали еще более чем 80 Советов в других городах, в том числе в Москве, Минске, Киеве, Самаре, Саратове, Царицыне, Кронштадте, Ревеле⁸¹⁶.

Радикализация политического курса органов низовой демократии сопровождается количественным ростом тех партийных фракций, которые стояли на крайнем левом фланге революции. В подтверждение приведем несколько примеров, которые иллюстрируют ситуацию на разных «этажах» советского аппарата. 28 февраля 1917 г. рабочие Обуховского

завода избрали 12 депутатов в Петроградский совет: 8 эсеров, 2 меньшевиков и 2 беспартийных; в сентябре на перевыборах Невского районного совета представительство обуховцев оказалось уже однородно «максималистским»: 11 большевиков и 2 синдикалиста⁸¹⁷. В состав нового исполкома Выборгского совета, сформированного 10 сентября 1917 г., избраны 8 большевиков, 2 левых эсера и анархист-коммунист⁸¹⁸. В состав Московского совета в начале июня 1917 г. входило 182 большевика, 151 меньшевик, 86 эсеров, 1 эсер-максималист, 1 анархист-индивидуалист, 2 синдикалиста⁸¹⁹. В начале ноября того же года из примерно 300 депутатов Московского совета солдатских депутатов 210 причисляли себя к большевикам и сочувствующим им, 7 – к меньшевикам, 12 – к левым эсерам, 1 – к анархистам⁸²⁰. При этом советские историки вполне обоснованно видели в «повороте масс к большевикам» после ликвидации корниловского восстания выражение «деятельной и устойчивой политической тенденции»⁸²¹, поскольку ленинцы и их союзники сумели последовательно нарастить свое партийное присутствие не только в советских, но и в «общедемократических» структурах, в частности, в муниципалитетах и земствах⁸²².

Члены ленинской партии стали практически монополистами в руководящих органах производственной демократии, начиная от многих отдельных предприятий и заканчивая общероссийскими объединениями⁸²³. «Большевики, – пишут авторы книги «Пролетариат в трех российских революциях», – рассматривали профсоюзы и фабзавкомы как взаимодополняющие друг друга организационные формы массового рабочего движения, обеспечивающие его масштабность и остроту. Относительная самостоятельность этих форм позволяла большевикам завоевывать профсоюзы «снизу», в ходе классовых столкновений, изолируя при этом соглашателей, заседавших в руководстве некоторых союзов (железнодорожников, печатников)»⁸²⁴. При этом и лидеры рабочего движения отдавали себе отчет в том, что они способны лишь корректировать «стихийный» либертаризм социальных низов, являющихся подлинным субъектом, а отнюдь не объектом, революционных преобразований. На эту тему откровенно высказался, например, председатель Нижегородского губернского совета профсоюзов В.И. Сибиряков, который на II губернской конференции (октябрь 1917 г.) подчеркнул, что «Совет (профессиональных союзов. – В.С.) не желает быть штабом без армии, он не противодействует требованиям масс, а лишь согласует их с задачами классовой борьбы и вкладывает организационное начало в стихийное движение пролетариата»⁸²⁵.

Таким образом, успех левых радикалов, в первую очередь большевиков, был вызван не только способностью В.И. Ленина и его соратников эффективно использовать методы агитации и пропаганды (то, что сейчас принято называть манипулятивными технологиями) в массах для решения тактических партийных задач, но и их умением выявить на каждом историческом повороте наиболее мощные и многообещающие стратегические тенденции политической эволюции, а также готовностью вовремя и, как правило, с неизменным повышением своего партийного «рейтинга» приобщиться к указанным тенденциям. Поэтому мы согласимся с бытовавшей в советской историографии оценкой РСДРП(б) как партии, которая всегда «стремилась сплавить воедино энергию и разум эксплуатируемых масс, подвести их через осознание причин своего бедственного положения к самостоятельному революционному творчеству»⁸²⁶, добавив, однако, что способные к самоорганизации и конструктивной политической инициативе социальные низы, в свою очередь, тоже в немалой степени определяли содержание программных лозунгов и параметры деятельности различных партийных объединений, в том числе и своих вожakov из леворадикального лагеря.

Итак, после июльских событий большевики недолго оставались в роли политических париев – к осени они могли уже строить реальные планы прихода к власти на волне стихийной «большевизации» народных масс как в столице, так и в провинции. На популярность РСДРП(б) и большевистской политической программы сыграли не только решительные действия ленинцев против корниловской контрреволюции, их популистская пропаганда, но и неспособность правящих умеренно-социалистических партий даже на декларативном уровне удовлетворить насущные ожидания масс. Буквально «в последний час», вечером 24 октября 1917 г., социалисты во Временном Совете Российской республики (Предпарламенте) настояли на принятии резолюции, в которой отмечалось, что почва для успеха большевистской агитации «создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры»⁸²⁷. В ночь на 25 октября представители Предпарламента эсеры Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц и меньшевик Ф.И. Дан известили главу Временного правительства о принятом решении, однако А.Ф. Керенский и его коллеги не вос-

пользовались последним (как оказалось) шансом, отвергнув «бессмысленную и преступную резолюцию»^{828*}.

Тяжелым грузом для умеренно-социалистических партий, представленных в правительстве, стала самоубийственная приверженность к сотрудничеству с буржуазией и ее политическими представителями. В глазах широких масс рабочих на фоне углубляющегося социально-экономического кризиса и продолжающейся за «империалистические» цели войны буржуазия давно стала реакционным классом, а буржуазные партии – прямыми пособниками генеральской контрреволюции. Радикально-антибуржуазные настроения рабочих воспринимались леворадикальными силами как проявление растущей популярности социалистического социального проекта и как благоприятная предпосылка к достаточно быстрому созиданию нового общественного уклада, независимо от «научных» политико-теоретических канонов и зрелости объективных материально-технических факторов. Как отмечает известный российский историк Г.Л. Соболев, «в Петрограде раньше, чем где бы то ни было, появились признаки того, что невозможность разрешить насущные проблемы начинает восприниматься как крах капитализма. Все это создавало благоприятную почву для распространения представлений о том, что только на путях отрицания капиталистического общества может быть найден выход из безнадежного положения. Отсюда и возросшая популярность социалистических лозунгов среди рабочих. Причем им казалось, что социализм должен был заменить капитализм теперь же, немедленно. Вопрос о том, есть ли для «введения социализма» условия и каким будет этот новый строй, как правило, не возникал и объяснялось это не верой рабочих в «светлое будущее», а растущим убеждением, что хуже быть уже не может (потом выяснится, что может)... Распирающий опыт рабочего контроля – прямого вторжения рабочих в сферу производства – усиливал в рабочей массе убеждение в том, что буржуазное общество зиждется на песке, что страна накануне перехода к новому социальному строю»⁸²⁹.

* Позднее в советской литературе признавалось, что «выступая с такой платформой, Дан и меньшевики вполне заслуживают прозвище “полубольшевиков”», поскольку все эти требования соответствовали «основным предоктябрьским лозунгам большевиков» (см.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. – С. 309, прим.), однако, на наш взгляд, «недостаточный» большевизм умеренных социал-демократов заключался не в том, что они «сукрали» политические лозунги своих левых оппонентов, а в том, что они далеко отстали от «стихийного большевизма» народных масс. После прихода к власти с этой проблемой столкнулись уже сами большевики.

Можно вполне согласиться с мнением известного российского историка, не сбрасывая со счетов и планы рабочих на будущее, которое мыслилось ими вполне по-марксистски – как переход из «царства необходимости» в «царство свободы». В качестве иллюстрации можно привести выдержки из «Обращения ко всем рабочим при заводах Сормова», составленного Сормовским заводским комитетом, перевыборы в который проходили в октябре 1917 г. В «Обращении», в частности, указывалось, что, принимая во внимание неподготовленность рабочих к решению многих задач, поставленных на повестку дня Февральской революцией, нужно высоко оценить деятельность предыдущего состава общезаводского комитета, который «много сделал в интересах пролетариата и на ошибках своих показал, чего не надо делать». «И теперь, товарищи, – отмечалось далее, – вникая в смысл всего происходящего, мы должны признать, что существование фабрично-заводских комитетов при заводах «Сормово» является необходимостью в целях замещения новыми творческими силами с все возрастающей скоростью стремящейся к своей гибели – строй капиталистического производства и безболезненного перехода в царство свободного труда (выделено нами. – В.С.)»⁸³⁰.

В октябре большевики, записывая в свой актив рост революционно-либертарного энтузиазма рабочих и солдатских масс, решаются перейти от слов к делу. На заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 г. принято принципиальное решение о «технической» подготовке антиправительственного восстания и формулируются тезисы политического обоснования предстоящего переворота. В частности, в резолюции, принятой участниками заседания, отмечалось: «ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), – так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского и К° сдать Питер немцам), – так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, – все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное приготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), все это ставит на очередь дня вооруженное восстание...»⁸³¹.

На следующем, расширенном, заседании Центрального комитета большевистской партии 16 октября состоялось более детальное обсуж-

дение политической ситуации в стране и перспектив запланированного вооруженного выступления. В ходе разговора четко проявились особенности ленинской (на данном этапе можно сказать – и общепартийной) методологии революционной политики, суть которой – в подталкивании общественных процессов всеми возможными средствами, как «снизу» – спонтанными усилиями пробудившихся к борьбе за свободу масс, так и «сверху», то есть со стороны партийного авангарда, который должен руководствоваться «объективным анализом и оценкой революции». Указанный подход просматривается уже в первых репликах вождя большевиков на заседании ЦК: с одной стороны, он констатирует, что «настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету», но с другой стороны, по словам В.И. Ленина, «массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел»⁸³².

Еще одним важным пунктом большевистского анализа сопутствующих и противодействующих факторов предстоящего перехвата власти стала проблема либертарного радикализма, как в виде «стихийного» антигосударственничества народных масс, так и виде организационно-практической деятельности идейных революционеров-анархистов. Что касается массовых «анархических выступлений», то, по оптимистичному мнению лидера РСДРП(б), они являются действенным противовесом контрреволюционным поползновениям российской буржуазии и Временного правительства, а также подтверждением растущего авторитета большевистской партии, единственно способной в глазах трудящихся масс к «решительной политике и в борьбе с войной, и в борьбе с разрухой»⁸³³. В отношении широкого распространения антибуржуазных и антигосударственнических настроений в столичных социальных низах В.И. Ленин, вероятно, был недалек от истины, однако он без особых доказательств отождествлял «стихийный» максимализм масс с партийным большевизмом. Несколько точнее, но также излишне оптимистично, положение дел охарактеризовал Я.М. Свердлов, который был среди участников заседания ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г. По его выражению, «говорить о том, что большинство против нас, не приходится, оно только еще не за нас»⁸³⁴.

Еще более драматично об этом говорилось в докладах с мест. Представитель Петербургского комитета партии Г.И. Бокий привел интересную сводку о настроениях рабочих в различных столичных районах. Если верить его сведениям, «боевая подготовка» более или менее активно велась на Васильевском острове и в Выборгском районе, достаточно прочные позиции имелись у большевиков в Шлиссельбурге и Пороховском

районе, однако в других местах ситуация не внушала особого оптимизма: 1-й Городской район: «Настроение трудно учесть. Красная гвардия есть». 2-й Городской район: «Настроение лучше». Московский район: «Настроение беспашаанное, выйдут по призыву Совета, но не партии». Нарвский район: «Стремления выступать нет, но упадка авторитета партии нет. На Путиловском [заводе] усиливаются анархисты». Невский район: «Настроение круто повернулось в нашу пользу. За Советом пойдут все». Охтинский район: «Дело плохо». Петербургский район: «Настроение выжидательное». Рождественский район: «Тоже сомнение, выступят ли, усиление влияния анархистов (выделено нами. – В.С.)»⁸³⁵. Представитель Окружного комитета РСДРП(б) Степанов отметил, что сестрорецкие и колпинские рабочие вооружаются и готовятся к восстанию, при этом «в Колпине поднимается анархистское настроение»⁸³⁶. Н.А. Скрышник, описывая обстановку в фабзавкомках, отметил: «Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроение масс; первые более консервативные; замечается рост влияния анархо-синдикалистов, особенно в Нарвском и Московском районах»⁸³⁷. Таким образом, в среде столичных рабочих, которые – наряду с солдатами петроградского гарнизона – на протяжении предыдущих месяцев выступали в качестве застрельщиков углубления революции, к концу октября 1917 г. возобладали антибуржуазные, антиправительственные и просоветские, но далеко не всегда пробольшевистские (в партийном смысле) настроения, более того, кое-где, даже в прежних «цитаделях» большевизма (например, на Путиловском заводе), вполне успешными политическими конкурентами большевиков стали выступать более радикальные приверженцы социальной революции – анархисты. В этих условиях отказ от решительных действий со стороны большевиков означал не только сдачу позиций силам буржуазной контрреволюции, новой «корниловщине», но и уступку роли авангарда социалистической революции идеологическим конкурентам слева. Тревога по этому поводу прозвучала в словах участника заседания ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г. члена Петербургского комитета И.А. Рахья, который заявил, что «если бы питерский пролетариат был вооружен, он был бы уже на улицах вопреки всяким постановлениям ЦК... Массы ждут лозунга и оружия. Массы высыпят на улицу, ибо их ждет голод. По-видимому, уже наш лозунг стал запаздывать, ибо есть сомнение, будем ли мы делать то, к чему зовем... (выделено нами. В.С.)»⁸³⁸.

Таким образом, в своих проектах социалистического переворота в октябре 1917 г. большевики вынуждены были исходить не только из

явно сформулированных внешне- и внутривнутриполитических факторов, но также и с учетом *анархистского фактора* (как вектора деятельности широких масс, а также революционных организаций, исповедующих соответствующую идеологию), который не был прописан в итоговых документах партии, но по умолчанию стал серьезным стимулом для радикальной активизации политической деятельности РСДРП(б). По компетентному мнению Л.Д. Троцкого, если бы в рядах российской политической элиты после Февраля возобладали сторонники закрепления буржуазно-демократических преобразований, то «развитие революции пошло бы в обход нашей партии (то есть РСДРП(б). – В.С.), и мы получили бы в конце концов восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами – июльские дни гигантского масштаба, то есть уже не как эпизод, а как катастрофу»⁸³⁹. Поэтому В.И. Ленин и его единомышленники, постаравшись *точно определить день и час, в который грянет гром*, сделали все возможное, чтобы *оседлать циклон или хотя бы направить его в нужном направлении*⁸⁴⁰.

3.3. На строительстве «государства-коммуны»

Вырвав кормило власти из некрепких рук Временного правительства, большевики по-прежнему опираются на мощные либертарные устремления социальных низов – устремления, которые на «пролетарском» этапе российской революции представляют собой влиятельнейший фактор созидания новых общественно-политических отношений.

Системообразующими элементами социальной структуры российского общества становятся как раз те самостоятельные организации, ко-

* «Народ все равно выйдет на улицы без нас, – говорил американским журналистам большевик П.С. Восков в октябре 1917 г., – так уже было в июле, и, как мы тогда ни старались сначала сдерживать, а потом направить и возглавить это выступление, было уже поздно, оно выходило из-под контроля. Результат вам известен – кровавая бойня и репрессии. Однако никакое восстание не могло быть тогда победоносным, даже если бы нам удалось полностью возглавить движение масс. Теперь все по-другому. Теперь у нас есть организация, теперь у нас большинство в Советах. За нами фабрики и заводы, на нашей стороне большинство армии и, безусловно, Петроградский гарнизон. На нашей стороне фронт. Да и провинция не подведет. Основная масса крестьян нас поддержит... совершенно ясно: когда массы выступают, мы должны быть вместе с ними...» (Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Вильямс А.-Р. Путешествие в революцию: Пер. с англ. – М., 1987. – С. 427).

торые в эпоху недолговечной буржуазной демократии расценивались представителями правящей политической элиты как «незаконные», «анархические», «бунтарские». «Если бы народное творчество, — писал В.И. Ленин за несколько недель до Октябрьского переворота, — революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя (выделено нами. — В.С.)»⁸⁴¹. В качестве явных преимуществ советской модели общественного самоуправления лидер большевиков называл:

- опору на подлинно народную вооруженную силу (здесь явно имелись в виду отряды Красной гвардии, рабочей милиции и т.п.), которая в военном отношении «несравненно более могучая, чем прежние», а «в революционном отношении она незаменима ничем другим»;

- тесную связь «этого аппарата» с профессиональными объединениями, с массами, с большинством народа, что позволяет решать многие социальные проблемы и осуществлять реформы «самого глубокого характера» «без бюрократических формальностей»;

- «возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов»;

- наличие готового механизма общественного управления, «посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории» (курсив В.И. Ленина. — В.С.)⁸⁴². Как мы видим, вождь большевиков, высоко оценивая социально-революционное творчество масс, вместе с тем вольно или невольно выражает сомнение по поводу готовности *народных масс*, по его оценке, совсем еще недавно ставших субъектом истории, играть в полной мере самостоятельную роль в большой политике. Вероятно, по этой причине на разных этапах борьбы своей партии за власть и возможность направлять стратегический курс развития России (и не только ее одной) лидер большевиков в определенной пропорции использует как авторитарные, этатистские, так и либертарные, антигосударственные лозунги. Как показывает исторический опыт, именно правильное умение подобрать необходимое сочетание «государственных» и «анархистских» методов воздействия на социальную среду очень часто помогало ленинцам быть на высоте.

В преддверии Октябрьского революционного переворота, а затем на начальном этапе советизации России в теоретических построениях и практических начинаниях большевиков преобладают именно либертаристские тенденции. В.И. Ленин в этот период задается вопросом, почему 240 000 членов большевистской партии не смогут управлять Россией «в интересах бедных и против богатых», если после первой русской революции 130 000 помещиков сумели управлять страной «посредством безграничных насилий»⁸⁴³. Но он тут же уточняет, что дело вовсе не в замене одной стоящей над обществом элиты другой, а в радикальной демократизации политических отношений. Только *революционный демократизм*, по убеждению теоретика радикального марксизма, поможет российскому обществу оправиться от тягот войны и социальных проблем, и в этом направлении именно перед большевиками открываются широкие возможности. «К управлению государством в таком духе мы можем сразу привлечь государственный аппарат, миллионы в десять, если не в двадцать человек, аппарат, не виданный ни в каком капиталистическом государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой» (...) рабочие, которые в состоянии создать рабочую милицию и постепенно расширить ее (начиная расширять немедленно) во всенародную милицию. Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных (курсив В.И. Ленина. – В.С.)»⁸⁴⁴. В своих статьях, написанных осенью–зимой 1917 г., лидер большевистской партии, ставший на II Всероссийском съезде Советов главой правительства, неоднократно выступает против *нелепого и гнусного* предвзвешивания, будто управлять государством и заниматься творческой организационной работой по созиданию социализма могут только особые чиновники, высшие классы, элита⁸⁴⁵. По его глубокому убеждению, «организаторская работа посильна и рядовому рабочему, и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, *масса*. Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник»⁸⁴⁶.

Указанные ленинские призывы и лозунги не стоит расценивать как политиканские приемы популистской риторики, ведь они стали руко-

водством к действию для новых органов политической власти в советской России. Например, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов 17 ноября 1917 г. принял постановление: «1) Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники. 2) Разделить без всякой оттяжки районные и общегородские Советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления. 3) Привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить таким образом силы на помощь каждому народному комиссару»⁸⁴⁷.

На либертарной основе формируются и новые органы общественной самоорганизации в масштабах всей страны. В этом отношении показательна деятельность Комиссии по разработке Советской конституции, созданной 1 апреля 1918 г. по решению ВЦИК Советов 4-го созыва. В состав комиссии вошли от РСДРП(б) Я.М. Свердлов (председатель), И.В. Сталин и М.Н. Покровский, от ПЛСР – А.А. Шрейдер и Д.А. Магеровский, от ССРМ – А.И. Бердников, от Наркомнаца – В.А. Аванесов, от Наркомвоенна – Э.М. Склянский, от НКВД – М.И. Лацис, от Наркомюста – М.А. Рейснер, от Наркомфина – Д.П. Боголепов, от ВСНХ – И.И. Скворцов-Степанов, а также редактор «Известий ВЦИК» Ю.М. Стеклов⁸⁴⁸. Подлинным либертаристом (видимо, сказались еще дореволюционные идейные пристрастия) выступил на заседаниях комиссии большевик М.А. Рейснер. В своем докладе он, с одной стороны, выразил уверенность в том, что социалистически организованный пролетариат сможет найти «пути к единству федерации без анархического распыления на мелкие коммуны анархического типа», но с другой стороны, его концепция конституции весьма далека от идеалов политического централизма и унитаризма: по убеждению представителя наркомата юстиции, она «должна быть гибкой и достаточно эластичной для того, чтобы живые силы трудовых масс могли безостановочно и органически творить новые формы. Иначе старая история: идеологическая организация в виде политических форм застывает и будет не содействовать, а мешать новой жизни, пока не произойдет новой ломки (выделено нами. – В.С.)»⁸⁴⁹. Проект самого М.А. Рейснера предполагал создание вертикали выборной Советской власти, где базовым низовым звеном будет федеративная община (коммуна) трудящихся, а венцом – Совет рабо-

чих, крестьянских, казачьих, батрацких и трудовых депутатов Всероссийской Федерации^{850*}.

Примечательна также позиция председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. На том же заседании комиссии 10 апреля 1918 г. он напоминает известный марксистский постулат о том, что с течением времени происходит изживание классовой борьбы, поэтому «тот организм, который получается взамен прошлого государства, уже перестает быть государством, приобретает совершенно иные функции». Однако переходный период еще не закончился, подчеркнул председатель комиссии, «а пока еще государство существует, постольку не может быть речи об отнятии у советов руководства всей политикой и проч.»^{851**}. Как известно, в Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов, именно Советы разных уровней были признаны высшей формой власти на территории революционной России.

На этапе становления Красной республики в России развивается *социалистическая* (как антитеза *буржуазной*) форма народоправства – народно-трудовая демократия, которая подразумевала ключевую роль неэксплуататорских слоев населения в органах самоуправления (в первую очередь – в Советах), периодическое и повсеместное применение технологий прямой демократии на разных уровнях общества, многопартийность с участием социалистов разных оттенков и анархистов. Примечательно, что даже в таких важных государственных учреждениях, как ВЧК и Наркоминдел, «коммунистическая прослойка» (включая не только членов и кандидатов в члены РКП(б), но и комсомольцев, а также представителей зарубежных социалистических и рабочих партий) составляла чуть больше половины общего состава служащих. В Наркомнаце, Управлении делами СНК, ВЦИК, Наркомосте и НКВД этот процент колебался в пределах 38–10, а в большинстве остальных советских центральных учреждений – от 2 до 10⁸⁵². В центральных учреждениях Советского государства работало значительное количество членов других социалистических и анархических партий и групп. Например, в единый ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избранный на III Всероссийском съезде, прошли 160 большевиков, 125 членов ПЛСР, 7 членов ПСР, 7 эсеров-максималистов, 3 анархиста-коммуниста, 2 социал-демократа-интернационалиста и 2 меньшевика⁸⁵³.

* См. Приложение (документ 8).

** См. Приложение (документ 9).

При этом даже после серьезных политических «столкновений по одну сторону баррикад» (Д.О. Чураков) – например, после левозсеровского «мятежа» – социалисты-небольшевики, сохранившие лояльность советскому строю, сохраняли свои посты в аппарате⁸⁵⁴.

Еще более демократично развивался процесс советского строительства на местах. К октябрю 1917 г. в России насчитывалось от 952 до 974 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, преимущественно на уровне областей, губерний, городов и уездов⁸⁵⁵. А в середине 1918 г. по всей стране действовало уже 12 тысяч Советов всех уровней, в том числе и сотни волостных^{856*}. Кроме того, к сентябрю 1918 г. на территории Советской республики функционирует 3267 местных народных судов⁸⁵⁷. В деятельности органов советского управления и правосудия принимали активное участие десятки и даже сотни тысяч трудящихся, как членов различных партий, так и беспартийных⁸⁵⁸. Это, конечно, было далеко от идеала поголовного участия трудового населения страны в управлении государством, однако советская демократия предоставляла представителям социальных низов намного больше возможностей «вхождения во власть», чем институты буржуазной парламентской демократии.

На определенном этапе развития российской революции либертаризм Советов и разного рода «правительств» на местах стал принимать формы самоуправства и сепаратизма, что в суровых условиях зимы-лета 1918 г. могло привести к поражению в войне, катастрофическому нарушению хозяйственных связей и распаду России как единого общественного организма. Так, Совнарком Московской области, в котором преобладали «левые коммунисты» и левые эсеры, попытался перетянуть административное «одеяло» в указанном регионе^{**} на себя, приняв Эрешение о денационализации Московского банка взаимного кредита, об эмиссии собственных денег и предложив Совнаркому РСФСР вести все дела с губерниями только при своем посредничестве⁸⁵⁹. Поэтому высшим инстанциям большевистской власти пришлось, по выражению

* В частности, по подсчетам М.П. Ирошникова, к маю 1918 г. только в 19 губерниях центральной части России образовано 1922 волостных Совета крестьянских депутатов. Всего на 1 ноября 1918 г. на территории 32 губерний Советской России действовало 6550 исполнительных комитетов Советов, из них: 2 областных, 30 губернских, 28 районных, 121 городской, 286 уездных и 6083 волостных. См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. – С. 112; Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября. – С. 85.

** В состав Московской области входило 14 губерний центральной России.

С.Г. Кара-Мурзы, вести борьбу на два фронта: «против анархизма Советов (“бунта”) и против левых партий, который потакали “бунту” и по всем главным вопросам исходили из принципа “меньше государства!”»⁸⁶⁰. В.И. Ленин, Я.М. Свердлов и их соратники пытаются преодолеть своеволие местных советских правительств, лишая их властных полномочий⁸⁶¹ и создавая сеть «партийных центров»⁸⁶², беспрекословно выполняющих директивы московского руководства, однако, по мнению ряда современных исследователей, только после окончания Гражданской войны большевикам удалось взять под контроль органы народной демократии и построить устойчивую и эффективную «вертикаль власти». «До выборов 1924 г. Советы представляли собой не государственную власть, а «прямую демократию». На заводах все работники составляли Совет, в деревне – сельский сход. Они посылали своих представителей в крупные Советы (которые тогда называли «совдепами» – в отличие от просто Советов). Действия Советов были независимы, они не регулировались законами, у них была вся власть. С точки зрения нормального государственного управления это был хаос... И в то же время именно в Советах были зерна той власти, которой «чаяли» крестьяне и рабочие...»⁸⁶³.

Таким образом, именно позиция миллионов низовых организаторов городской и сельской жизни становится решающим фактором осуществления первоначального ленинского проекта «государства-коммуны», поэтому все политические и хозяйственные проблемы революционного общества рассматриваются новой центральной властью сквозь призму либертарных устремлений социальных низов.

Главной задачей большевиков после рождения Красной республики становится урегулирование отношений с рабочими и их организациями, не только в силу соответствующих марксистских догматов, но и по причине того, что в ходе переворота и в последующие недели и месяцы российский пролетариат продемонстрировал высокий уровень самоорганизанности и политической самостоятельности. Например, в конце октября – начале ноября 1917 г. широкое распространение в рабочей среде получил лозунг «однородного социалистического правительства»⁸⁶⁴, и хотя большевики отказались от сотрудничества с соглашателями, тем не менее не без давления «снизу», они все-таки не стали форсировать создание однопартийного режима и согласились войти в коалицию с левыми эсерами⁸⁶⁵. Стремясь удержать на стороне своей партии симпатии «социальной базы», председатель Совнаркома В.И. Ленин в обмен на политическую лояльность новому правительству предложил рабочим реализа-

цию их либертаристских устремлений в сфере производства. В этом смысле показательным является эпизод с появлением «Положения о рабочем контроле»: уже 1 ноября публикуются проекты этого важного документа (автором одного из них был В.И. Ленин, другой предложен Центральным советом фабрично-заводских комитетов), а 14 ноября волей ВЦИК появляется соответствующий закон*. Как подметил Д.О. Чураков, «принятие декрета о рабочем контроле последовало только после того, как правительство покинули несколько «мягких большевиков» – эти люди и в октябрьские дни, и потом были в числе тех сил внутри большевистской партии, которые наиболее активно выступали против рабочего контроля и вообще самоуправления рабочих организаций в экономической сфере (курсив Д.О. Чуракова. – В.С.)»⁸⁶⁶. Таким образом, был не только разрешен первый после Октября правительственный кризис, но и создаются более или менее стабильные и благоприятные условия для укрепления «диктатуры пролетариата».

Большевики, используя политические технологии народной демократии, укрепляют свой имидж социально-революционной партии и расширяют «политическую армию» большевизма за счет новых слоев рабочего класса. А рабочие, в свою очередь, получили возможность на законном основании создавать новые и укреплять существующие органы корпоративного самоуправления, превращая их в инструмент реального влияния на стратегию и тактику центральной власти в производственной сфере⁸⁶⁷. В частности, ключевой орган управления российской экономикой – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) создается по проекту, разработанному сотрудниками ЦС ФЗК Петрограда⁸⁶⁸.

Рабочие, которые при царском и буржуазно-демократическом режиме не могли по определению рассчитывать на особые социальные привилегии, при большевиках получили официальный статус *господствующего* класса, играющего роль политического авангарда в мелкобуржуазной стране. Не кто иной как глава советского правительства убеждал рабочих в декабре 1917 г., что нужно забыть о своих сиюминутных экономических интересах, а вместо этого думать о классовой гегемонии промышленного пролетариата в эпоху социалистического преобразования государственного строя. «Нельзя надеяться, – утверждал В.И. Ленин в докладе на заседании рабочей секции Петроградского совета 4 декабря 1917 г., – что пролетариат деревни ясно и твердо

* Как отметил американский историк Альфред Мейер, благодаря декрету от 14 ноября «синдикализм занял почетное место в своде законов нового советского государства» (Meyer A.G. Leninism. – Cambridge (Mass.), 1957. – P. 192).

сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и каждый пролетарий, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя руководителем и повести за собой массы.

Пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися и классом господствующим политически (выделено нами. – В.С.)»⁸⁶⁹* Рабочие стали привилегированной социальной группой советского общества не только в политико-метафорическом, но и в правовом смысле: согласно первой Советской конституции 1918 г., норма представительства на съезды Советов разных уровней от городов и рабочих поселков была в 5 раз выше, чем от сельских территорий.

В соответствии с указанной выше установкой рабочий класс стал подлинной «кузницей кадров» для самых разных учреждений новообразующегося политического режима. Рабочие не только вошли в управленческие структуры на своих предприятиях и в вышестоящие народнохозяйственные инстанции⁸⁷⁰, но также приняли самое живое участие в формировании Красной Армии⁸⁷¹, в деятельности Советов и других органов народной демократии. Например, к 1 апреля 1918 г. из 120 495 работников 557 предприятий Петрограда, 6253 рабочих фактически сменили свой статус, причем некоторые ушли «на повышение»: 4041 рабочий находился в Красной армии, 540 (в том числе 43 женщины) – в Советах, 1672 (из них 187 – женщины) – в других организациях народного самоуправления⁸⁷². В дальнейшем, в связи с началом радикальных экономических и политических преобразований, развертыванием Гражданской войны и интервенции, процессы вертикальной мобильности в рабочей среде примут еще более грандиозные масштабы.

* «Классовые различия, – пояснял в 1918 г. другой видный теоретик большевизма Н.И. Бухарин, – не уничтожаются одним росчерком пера. Буржуазия не исчезает как класс после того, как она лишилась политической власти. Точно так же и пролетариат остался пролетариатом после своей победы. Но он перешел на положение господствующего класса. Должен ли он держаться в качестве такового, или он должен сразу раствориться в остальной, глубоко враждебной ему массе? Так исторически стоит вопрос. И на него не может быть двух ответов. Единственный ответ гласит: пролетариат обязан как движущая сила революции продержаться в качестве господина положения до тех пор, пока он не переделает остальных классов по своему образу и подобию. Тогда – и только тогда – пролетариат распускает свою государственную организацию, и государство “отмирает” (выделено Н.И. Бухариным. – В.С.)» (Бухарин Н.И. Анархизм и научный коммунизм // Коммунист. Орган Московского бюро РКП (б). – 1918. – № 2. – С. 13).

Серьезные, можно даже сказать – принципиальные, коррективы вносятся в аграрную программу и крестьянскую политику большевиков, поскольку именно «мелкобуржуазная» крестьянская масса на буржуазно-демократическом этапе российской революции превратилась в мощную антигосударственную силу и сохраняла свой радикально-либертарный потенциал после прихода к власти большевиков и их союзников. По справедливому мнению советского историка С.А. Никольского, «главное теоретическое и политическое положение, отстаиваемое Лениным, – отмена частной собственности на землю и ее передача в собственность государства – может быть верно понято лишь в связи с идеей последовательной демократизации всей жизни общества, в том числе уничтожением государства в виде бюрократического инструмента, обеспечивающего господство одних социальных групп над другими»⁸⁷³. Именно в этом направлении развивались программные положения большевистской партии еще со времен Первой русской революции⁸⁷⁴.

Однако готовность большевиков удовлетворить требования крестьянства (чтобы, в свою очередь, превратить его если не в союзника, то, хотя бы в нейтральную политическую силу⁸⁷⁵) зашла так далеко, что они отказались от своего программного требования национализации земли и в «Декрете о земле» прокламировали передачу всех помещичьих и церковных земель *в распоряжение народа* при посредстве волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, «впредь до Учредительного собрания»⁸⁷⁶. Инструкцией для осуществления земельных преобразований, которые полным ходом, но без

санкции «сверху», шли еще со времен последних коалиционных правительств, стал Примерный наказ, составленный на основании 242 крестьянских наказов и опубликованный в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» в августе 1917 г. Раздел II («О земле») Примерного наказа без изменений прилагался к вышеуказанному декрету и объявлялся временным законом⁸⁷⁷. Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства в ответ на обвинения в заимствовании декрета и наказа у эсеров высказался как либертарно мыслящий – или, по крайней мере, действующий – политик: «...Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В

духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, – не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь (выделено нами. – В.С.)»⁸⁷⁸.

Крестьянство в полной мере воспользовалось теперь уже легальной возможностью осуществить перераспределение земельного массива страны в соответствии со своими представлениями о социальной справедливости. Но в скором времени выяснилось, что либертарный поток русской революции разлился по стране совсем не по большевистскому сценарию. Получив землю и в значительной степени повысив свое благосостояние, «село» проявило, с точки зрения новой власти, полное нежелание считаться с интересами «пролетарской» государственности, отказываясь от неэквивалентного обмена с «городом». Либертарные представления крестьян о вольной жизни без помещиков, чиновников и разного рода мироедов, наконец-то обретающие плоть и кровь, столкнулись с насущными потребностями «рабоче-крестьянской» государственности, которая в условиях углубляющегося экономического кризиса и разрастающейся Гражданской войны была вынуждена прибегнуть к авторитарным методам общественного управления. Красноречиво и цинично создавшуюся дилемму между либертаризмом крестьянских масс и усиливающимся этатизмом «диктатуры пролетариата» описал видный теоретик ленинской партии К. Радек. По его словам, «крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству, весьма близкое к мнению, что такая дьявольская вещь, как государство, вообще не нужно крестьянину. Если бы мы попытались обложить его натуральным налогом, мы бы не сумели собрать его, так как для этого не было аппарата, а крестьянин добровольно бы ничего не дал. Нужно было сначала разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права»⁸⁷⁹.

Довольно быстро начались трения между режимом «диктатуры пролетариата» и «его величеством рабочим классом». Уже в начале 1918 г. обнаружилось, что либертаризм рабочих, создавший благоприятный политический и психологический фон для прихода к власти РСДРП(б) и ее союзников, на новом этапе становится серьезным препятствием на пути к оформлению революционной государственности. По образному выражению современного историка, большевики столкнулись с тем, что рабочие оказались «большими большевиками, чем они сами»⁸⁸⁰. Наиболее опасным для большевиков стал тот факт, что значительные слои

максималистски настроенных пролетариев стали прислушиваться к политическим силам, которые всерьез готовились к «третьей революции», т.е. анархистам и левым неонародникам.

Советскому правительству (в котором после подписания «похабно-го» мира с Германией большевики остались практически в одиночестве) пришлось воплощать в жизнь непопулярные экономические и политические меры, которые стоили власти их «буржуазно-демократическим» предшественникам: эвакуацию предприятий из прифронтовой полосы; закрытие предприятий, не обеспеченных сырьем и рабочей силой⁸⁸¹; демобилизацию заводов, работавших на военные нужды, и т.п. При этом ситуация весны–лета 1918 г. представлялась намного более взрывоопасной, чем аналогичный период предыдущего года, поскольку «красное правительство» не могло рассчитывать на финансовую помощь прежних союзников России, обширные сырьевые и топливные районы страны были оккупированы интервенционистскими войсками, а российское общество уже окончательно раскололось в Гражданской войне. Поэтому неудивительно, что массовые выступления рабочих в 1918 г. спорадически вспыхивали во многих городах, в том числе и в крупнейших промышленных центрах страны^{882*}.

Однако второму Временному правительству, в отличие от первого, удалось устоять и превратиться в постоянную политическую величину^{**}, потому что активные рабочие и субъективно, и объективно оставались социальной опорой «диктатуры пролетариата» и заинтересованными исполнителями протосоциалистических преобразований в обществе. В принявшей острейшие формы войне за хлеб между «городом» и «деревней» именно большевики стали той направляющей и организующей силой, которая помогла голодающему пролетариату не только выжить, но подчинить и себе «мелкобуржуазную стихию». Кроме того, стратегическое поражение большевиков и их леворадикальных союзников в Гражданской войне с «демократической контрреволюцией», за спиной

* К удивлению вождей Красной республики, даже в таких индустриальных центрах, как Сормово, где «сосредоточены кадры пролетариата в наиболее чистом виде», «большевики в последнее время потеряли... часть своей прежней популярности» (из доклада Ф. Ф. Раскольников в Кремле о событиях 19–20 мая 1918 г. в Сормове (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 8. Д. 159. Л. 286)).

** Символично, что на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (июль 1918 г.) эпитет «временное» был исключен из названия советского правительства. Теперь оно официально стало называться «Рабочее и Крестьянское правительство Российской Советской Республики». См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. – С. 149.

которой оказались «белые генералы», означало бы для рабочего класса неминуемое превращение из субъекта политики, «гегемона», в «плебс», а то и просто в «быдло». В такой сложной обстановке «конкретные мероприятия, предпринятые большевиками летом 1918 г., – пишет О.Д. Чураков, – и их пропагандистское сопровождение как бы сигнализировали рабочим, что они по-прежнему останутся классом, победившим в революции, и материальные проблемы, возникшие в последние месяцы, вполне преодолимы. Среди прочих факторов все это в немалой степени способствовало стабилизации отношений между Советским государством и его социальной базой»⁸⁸³.

Что касается сельских тружеников, то они, получив летом и осенью 1918 г. возможность на собственном опыте сравнить «прелести» белой и красной диктатур, посчитали для себя более терпимой вторую, так как «чрезвычайщина», созданная большевистской продовольственной политикой и комбедами, выкачивала из деревни хлеб, но по крайней мере не покушалась на крестьянское распоряжение землей⁸⁸⁴. Взаимоотношения между основной крестьянской массой и «пролетарской диктатурой» еще больше «выровнялись» после того, как VI Всероссийский съезд Советов в ноябре 1918 г. принял решение о ликвидации комбедов.

Однако ценой относительной консолидации социальных сил на территории Советской России стал отказ от радикально-либертарных технологий организации политических, производственных и т.д. отношений в пользу этатизации, централизации и усиления авторитарных начал. Достаточно четким маркером начала новой эпохи стали законы, принятые высшими органами Советской власти осенью 1918 г.: постановление ВЦИК от 2 сентября о превращении Советской республики в военный лагерь, постановление СНК от 5 сентября о красном терроре, образование Комиссии использования материальных ресурсов как прообраза центрального планового органа (21 ноября 1918 г.), создание Совета рабочей и крестьянской обороны (30 ноября), решения которого имели обязательную силу для всех учреждений и граждан страны, и т.п. В этом же русле осуществлялась и перестройка низовых звеньев советской и производственной демократии, которая выразилась в последовательной замене коллегиальности в управлении предприятиями единоначалием и стремлением взять Советы разных уровней под полный контроль соответствующих большевистских парторганизаций⁸⁸⁵.

Сворачивание лидерами большевиков либертаристского «эксперимента» было обусловлено, по нашему мнению, целым рядом тесно сцепленных между собой субъективных и объективных факторов.

Начнем с того, что большевики, в теории радикально «продвинувшие» Марксову концепцию «диктатуры пролетариата»^{*}, ее практическое воплощение представляли поначалу в утопических формах – как политическую гегемонию сплоченного эксплуатируемого большинства во главе с пролетарским авангардом над незначительным эксплуататорским меньшинством. Однако, как выразился в 1919 г. Н.И. Бухарин, «опыт социальной борьбы позволил конкретизировать вопрос по самым разнообразным направлениям»⁸⁸⁶. Поддержанная империалистическими государствами отечественная буржуазия и ее социальные союзники оказали ожесточенное и продолжительное сопротивление радикально-революционным преобразованиям, что обусловило «необходимость самой решительной, действительно *железной* диктатуры рабочих масс (курсив Н.И. Бухарина. – В.С.)»⁸⁸⁷. Проблема осложняется прямым вмешательством капиталистических держав во внутренние дела революционной России: если первоначально революция замыслилась большевиками как исходный пункт развития к бесклассовому, а значит и *безгосударственному* обществу в глобальном масштабе (поэтому «новое правительство не спешило с государственно-правовой самоидентификацией»⁸⁸⁸), то в ходе расширяющейся Гражданской войны и интервенции *государственно-организованной* международной буржуазии революционные силы неизбежно должны были противопоставить собственную государственную организацию, степень авторитарности которой напрямую зависела от давления «внешней» конъюнктуры.

Однако еще более взрывоопасной проблемой, чем сопротивление «крупной буржуазии», для новой власти оказался социальный феномен, который в советской исторической литературе характеризовался как «огромная мелкобуржуазная стихия, совершенно анархическая по своим

^{*} В частности, К. Каутский в 1918 г. упрекнул большевиков в том, что для оправдания своей диктатуры они «вспомнили ксатати *слово* о диктатуре пролетариата, которое Маркс *однажды*, в 1875 году, употребил в *одном из писем*». Цит. по: Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры // Избранные произведения. – М., 1988. – С. 8.

^{**} «Если бы не было наличия империалистских сил вовне, – полагал Н.И. Бухарин, – побежденная отечественная буржуазия, опрокинутая в открытом столкновении классов, не могла бы надеяться на буржуазную реставрацию. Процесс *деклассирования* буржуазии шел бы более или менее быстро, а вместе с тем исчезала бы и необходимость в специальной организации противобуржуазной репрессии, в *государственной организации пролетариата, в его диктатуре* (курсив Н.И. Бухарина, выделено жирным нами. – В.С.)» (Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры. – С. 10).

настроениям и взглядам»^{889*}. Деструктивная суть этого явления заключалась в том, что при жесточайшей нехватке самых необходимых жизненных ресурсов (в первую очередь продовольствия), социальные низы (городские и сельские) как на коллективном, так и на индивидуальном уровне стремились обеспечить себе условия выживания, невзирая на интересы общества, государства, революции и прочих «высоких материй», перед лицом голодной смерти превратившихся в абстракции. Война и голод серьезно деформировали либертарный энтузиазм восставших «рабов капитала», превратив его из инструмента самостоятельного созидания свободного и справедливого уклада жизни в средство элементарной борьбы за сепаратное выживание «здесь и сейчас». Это относилось и к рабочим действующих предприятий, которые предпочитали припрятывать горячее и сырье, нежели делиться с менее благополучными собратьями по классу^{**}, и к крестьянам производящих губерний, которые не топились безвозмездно делиться хлебом с голодающими соседями, и к другим категориям «социальной базы» революции.

При той широкой свободе местной инициативы и народного самоуправления, которая в рассматриваемый период лишь формально ограничивалась декретами «сверху», единая политическая и социально-экономическая ткань Красной республики легко могла превратиться (и постепенно превращалась) в сепаратистские лоскуты, представлявшие легкую добычу для более сплоченных, авторитарно оформленных сил внутренней и внешней контрреволюции. Большевики, которые имели решимость не только выжить физически и политически, не только по-

* «Если на фоне производственного распада и неизбежно связанного с этим разложения здоровой пролетарской психологии, – пояснял в 1918 г. Н.И. Бухарин, – создается уклон в сторону растворения пролетарских требований в общей массе стремлений «общенародных», то есть по существу дела, крестьянских, то, с другой стороны, эти же обстоятельства, люмпен-пролетаризируя пролетариат, превращая отдельные его части из производительных работников в деклассированных «индивидуумов», не связанных с пролетарским коллективом узами совместного массового труда и массовой борьбы, создают более или менее благоприятную почву для анархических настроений» (Бухарин Н.И. Анархизм и научный коммунизм. – С. 11).

** Известный большевик И.И. Скворцов-Степанов, в частности, сетовал, что фабрично-заводской комитет как ячейка рабочего контроля «во многих отношениях является преемником капиталистического предпринимателя»: «на все промышленные отношения он смотрит прежде всего глазами данной фабрики и завода». Еще резче по этому поводу высказывался другой известный марксистский экономист В.А. Базаров (см.: Мау В.А. Реформы и догмы. – М., 1993. – С. 63). См. также: Лозовский А. Анархо-синдикализм и коммунизм. – М., 1923. – С. 79–80.

бедить международную «буржуазию» на полях Гражданской войны (и даже во всемирном масштабе), но и осуществить социалистические преобразования в обществе по марксистской модели, просто не могли не прибегнуть к авторитарно-централистской модели «собирая землю вокруг Москвы», которая к тому же являлась вполне легитимным элементом их идеологической доктрины*. Таким образом, в 1918 г. Россия делает рывок в «военный коммунизм», преобразаясь из «оазиса свободы» в «военный лагерь».

* «Мы, коммунисты, – писал в 1918 г. Н.И. Бухарин, – полагаем, что будущее общество должно избавить нас не только от угнетения человека человеком, но и сделать людей возможно более независимыми от внешней природы, довести до минимума «необходимое рабочее время», доведя до максимума общественные производительные силы и производительность общественного труда. Поэтому наш идеал – централизованное и планомерно организованное крупное производство, в пределе – организация всего мирового хозяйства (выделено нами. – В.С.) (Бухарин Н.И. Анархизм и научный коммунизм. – С. 12). А вот как, например, в 1921 г. описывал «идеальную» модель индустриально-производственных отношений в духе радикально интерпретированного марксизма видный советский экономист Л.Н. Крицман: «В современном предприятии одетые в синее люди теряются среди громады суровых, ни на секунду не останавливающихся машин. Производительный труд – необходимый труд и в том смысле, что всецело подчинен логике движения железных машин... Но планомерное общественное хозяйство – единое предприятие. И потому, что оно гигантски велико и сложно, особенно необходимо внимание к железной логике его движения. В царстве труда нет места свободе, в нем царствует необходимость» (цит. по: Мау В.А. Реформы и догмы. – С. 81).

Не стоит также упускать из виду и явную преемственность большевистского «военного коммунизма» по отношению к тем мероприятиям по милитаризации и огосударствлению многих сфер общественной жизни, которые осуществлялись правительствами царской России, Германии и других государств – участниц Первой мировой войны. Как отмечает современный исследователь В. Мау, «с позиции исторической логики развития экономики, потребностей этого развития и путей их осуществления события октября – ноября 1917 г. и последующий затем период ... были лишь естественным этапом в поиске новой экономической системы, которым на самом деле жила тогда вся страна... И как бы дико ни звучало слово «естественный» по отношению к военному коммунизму, надо признать, что этот крупномасштабный экономический эксперимент (подчеркиваю: имеются в виду экономические проблемы тех лет, а не гражданская война) был подготовлен предшествующим развитием российского хозяйства, его производительных сил и производственных отношений» (Мау В.А. Указ. соч. – С. 57–58). См. также: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. – М., 1991. – С. 50–52.

В феврале 1917 г. в России начинается спонтанная массовая революция, в которой каждый класс, социальная группа, сословие увидели избавление от наиболее болезненных для себя лишений и проблем. Предпринимательские круги и политизированная «буржуазная» интеллигенция надеялись обеспечить прогрессивное развитие страны за счет интенсивной капитализации экономики и ликвидации феодальных рудиментов в различных сферах жизни общества. Рабочие возлагали надежды не только на антифеодальные преобразования – своими требованиями 8-часового рабочего дня, создания гуманных условий труда, кардинального повышения статуса работника в системе производства и распределения они придавали революционным процессам антикапиталистический и протосоциалистический характер. Крестьяне, не утруждая себя размышлениями о таких отвлеченных понятиях, как *революция*, *модернизация*, *прогресс*, по-своему осуществляли радикальный социальный переворот, вовлекая в «черный передел» земли помещиков и местных «мироедов» и надеясь наладить мирскую жизнь без помех со стороны потерявших былую властную важность чиновников.

Однако для миллионов россиян – особенно из простонародья – обязательными условиями достойной жизни, путь к которой открыла революция, являлись не только физическая безопасность и материальный достаток, но и воля (в этой связи вспомним, что главными лозунгами дня были: «Мира! Хлеба! Свободы!»). Поэтому, по нашему убеждению, при всей исследовательской плодотворности концепции множественности социальных потоков российской революции, которая прочно прописалась в работах современных историков, следует все-таки говорить о единстве революционного процесса в нашей стране в 1917–1918 гг., о единстве его стратегической либертарной направленности.

Либертарный характер Великой российской революции, как и любой другой революции подобного рода, заключался в том, что различные социальные, политические, экономические, национальные силы стремились к достижению оптимальных условий жизнедеятельности, которые предоставляют высокую степень индивидуальной и коллективной свободы, при этом представления о свободе в разных клетках и органах общественного организма носили, конечно же, весьма своеобразные черты. Буржуазия и обуржуазившаяся разночинная общественность мечтали избавиться от авторитарных утеснений со стороны полуфео-

дальной самодержавной монархии, считая лучшей альтернативой парламентскую демократию. Так называемые инородцы, видевшие в империи всего лишь «тюрьму народов», стремились в идеале к освобождению в границах собственной государственности, при этом в «революции наций» вполне четко прослеживались и элементы других социальных типов революции. Рабочие и солдаты как наиболее организованные и боевые отряды российского общества, почувствовав собственную силу в революционную эпоху, вовсе не собирались довольствоваться ролью эксплуатируемой массы и «пушечного мяса» и стремились вывести пределы собственной свободы далеко за рамки буржуазной демократии, чем и воспользовались леворадикальные организации. Крестьяне, будучи самодостаточным классом, производящим все необходимое для прожиточного минимума, в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса стремились избавиться не только от начальства, но и от настойчивых авторитарных посягательств «города» на сельскохозяйственный продукт. Крестьянские представления о земле и воле значительно расходились с теми идеологическими конструкциями, которые на протяжении десятилетий создавались интеллигентскими партиями, в том числе и народниками разных направлений. Однако в условиях противостояния с Временным правительством, которое как огня боялось греха «предрешенчества» и стремилось ввести аграрную проблему в «правовое» русло вплоть до использования вооруженных команд, крестьянство и леворадикальный партийный лагерь вполне могли стать союзниками в «антибуржуазной» и даже «социалистической» борьбе.

Таким образом, после того как самодержавный политический режим был ликвидирован, после того как уже на ранней стадии социального переворота закладываются основы для созидания нового, свободного общества, в России начинается напряженная конкуренция между сторонниками различных либертарных проектов. При этом соперничество за право направлять революционные преобразования разворачивается не только между социальными «низами», приверженными традиционным ценностям мирского общежития, и «верхами», радеющими за последовательный прогресс и всеобщую эмансипацию, но и между различными идейными направлениями в «верхах», борющимися за преобладающее влияние в массах и – в конечном итоге – за политическую гегемонию в обществе. Все наиболее значимые партийно-политические течения в революционной России изначально несли в своих идеологических постулатах и актуальных декларациях разнород-

ные освободительные потенциалы, однако по мере приближения новых элит к государственной власти и по мере нарастания системного кризиса в обществе именно либертаризм как сверх-идея общественного строительства в первую очередь приносится в жертву политической злобе дня и заменяется более привычными и «эффективными» авторитарными технологиями.

Первым не выдержал конкуренции «буржуазно»-либертарный проект обновления России, лоббированием которого занимались партии либералов и примкнувших к ним умеренных социалистов. Модель парламентской демократии, вероятно, имела возможность закрепления в нашем обществе при условии синтеза ее импортных элементов с отечественными традициями земско-общинной, коллективистской политики. Однако настойчивая тяга кадетов и их союзников к неадекватным в условиях всеобщего «хаоса и энтузиазма» процедурам классического правового государства, их элитарное нежелание считаться с набирающими силу самобытно-демократическими органами самоуправления тружеников города и села привели к резкому сужению социальной базы отечественного либерализма и его эволюции в сторону генеральской диктатуры. В июле 1917 г. «либеральное» правительство как будто бы сумело ликвидировать досадную «помеху» в лице самочинных Советов для реализации в первородной чистоте своих доктринальных планов, однако уже в конце того же лета стало ясно, что подлинными вершителями истории и гарантами радикальных революционных преобразований являются отнюдь не «министры-капиталисты» и не советские «соглашатели». Именно те партийно-политические силы, которые поддержали стремление вчерашних непривилегированных сословий к активному самоопределению в качестве субъекта революции, а именно – левые радикалы, получили реальный шанс не только направить «стихийный» освободительный порыв масс против хрупких структур буржуазной государственности, но и попытаться реализовать в масштабах всей страны один из вариантов либертарно-социалистического проекта. При этом наилучшую перспективу превращения в лидера общественного мнения, а затем и политического гегемона, получала та партия (организация), которая проявляла наибольшую чуткость к актуальным нуждам и чаяниям все более «левеющих» масс и которая наиболее динамично могла трансформировать организационные формы своей деятельности в нужном направлении.

В процессе расширения и углубления многовекторного социального движения в стране «крайняя левая» российской партийной системы –

радикальные марксисты, левые неонародники и анархисты – действовали вполне солидарно перед лицом общего противника – буржуазно-демократического режима. На этом фоне очень часто и небезосновательно большевиков упрекали в анархистских пристрастиях, а леворадикальные неонародники и анархисты действовали вполне побольшевистски. Все течения левого радикализма объединяло общее стремление к ликвидации механизмов централизованного государственного управления и капиталистической эксплуатации и к созданию на руинах «Власти и Капитала» свободного мира (в виде ли государства-коммуны, Трудовой республики или вольной федерации городских и сельских общин). При этом мало кто из теоретиков и вождей многоликого радикального революционаризма отдавал себе отчет в том, что ненависть социальных низов к разного рода «начальству» и работодателям-эксплуататорам далеко не тождественна массовому приобщению к идеологическим ценностям социализма и коммунизма. Тем не менее, именно последовательная радикализация социальных настроений и практик, а также готовность масс *самим* решить наболевшие проблемы, стали преобладающими тенденциями развития Великой российской революции 1917–1918 гг., – в этих условиях политическая элита (так же как контрэлита) страны была поставлена перед жестким выбором: исчезнуть – причем не только в переносном смысле – или «соответствовать высоким требованиям».

На подъеме либертарной социальной «стихии» большевики и их левые союзники без особых затруднений свергли Временное правительство, однако сразу же после Октябрьского революционного переворота 1917 г. освободительный максимализм социальных низов стал острейшей комплексной проблемой для новой власти. Большевики – частично из конъюнктурно-политических, частично из идеалистических соображений – попытались оформить самостийный либертаризм трудовых слоев населения в ленинскую конструкцию государства-коммуны, где не должно быть дифференциации верхов и низов ни в политике, ни на производстве, ни в общественной жизни, однако суровая действительность оказалась намного сложнее партийно-теоретических схем. Автономизация крестьянских общин в самоуправляемых селах и рабочих коллективов на промышленных предприятиях вынуждали новую, «пролетарскую», власть не только отложить на неопределенное время планы создания современного планового народно-хозяйственного комплекса, но постепенно превращались в подлинные угрозы системного характера, что было особенно опасно перед лицом авторитарно-организованной

международной империалистической контрреволюции. Единый, как представлялось левым радикалам, либертарный порыв эксплуатируемых масс породил в эпоху «триумфального шествия Советской власти» неуправляемый конгломерат социальных атомов, молекул и их соединений, озабоченных не столько построением передовых моделей «светлого будущего», сколько обеспечением актуальных «молекулярных» потребностей.

Реальная опасность внутреннего (голодный бунт рабочих и «серых шинелей») и внешнего («белая» контрреволюция и иностранная интервенция) поражения заставили леворадикальное правительство Советской республики прибегнуть к авторитарным методам государственного управления, при этом происходит раскол в либертарном лагере – как «наверху» (между большевиками, с одной стороны, и анархистами, а затем и левыми неонародниками – с другой), так и «внизу» (между «городом» и «селом» и их различными фракциями). Отказ ленинской партии от радикально-либертаристских лозунгов имел свою непреложную логику (а также теоретическое обоснование в марксистском идеале «единой фабрики»), поскольку безграничная свобода социальной жизнедеятельности одних слоев общества (в первую очередь, крестьян, имевших запасы хлеба) в условиях углубляющегося экономического и политического кризиса оборачивалась трагической перспективой гибели от голода других, пролетарских, слоев, именем которых совершалась революция и вводилась диктатура.

К осени 1918 г. вопрос стоял уже не о том, какая партия из левого политического спектра возглавит новую социальную революцию и продолжит осуществление либертарных преобразований в российском обществе (именно так прокламировали свои цели вчерашние союзники коммунистов-ленинцев) перед лицом авторитаристской реакции, а о том, кто – «белые» или «красные» – сумеют создать эффективный (в тех сложных условиях почти неизбежно авторитарный) механизм управления и распределения скудными материальными ресурсами для того, чтобы сохранить право на существование и историческое будущее. (Эта мысль подтверждается и тем, что анархисты и левые неонародники на тех территориях, где им в эпоху «первой Советской власти» удавалось закрепить свою политическую гегемонию, демонстрировали не меньшую склонность к партийной диктатуре, нежели большевики во всероссийском масштабе.) Большевицкая партия, в которой авторитарно-централистская традиция имела гораздо более глубокие идеологические и организационные корни, чем в других леворадикальных партиях, ока-

залась в наибольшей степени подготовленной к жестоким условиям «героического периода» – именно ей и довелось заняться радикальной трансформацией либертарной социальной «стихии» в долговременную авторитарную систему «социалистической государственности».

№ 1. Из статьи *Фомы Пращура* «К коммунам»

Мы живем в условиях социальной революции. Ее разрушающий дух уже не в силах угасить ни сопротивление отечественной буржуазии в союзе с партиями предателей социал-патриотов, ни натиск международного капитала.

Но «дух разрушающий, в то же время и созидающий дух», разрушая одно, мы уже тем самым должны творить другое, новое. Как физическая природа не терпит пустого места, так и в общественной жизни на место отживающих старых форм неизбежно сейчас же приходят новые.

Те, которые говорят: «создайте новое, прежде чем разрушить старое», или сознательные лжецы, лицемеры, или заблуждающиеся слепцы.

Старое и новое – это два смертельных врага, каждый из них ожесточенно борется за свое место в жизни, но побеждает всегда *новое*. Оно приобретает свои силы, укрепляет их и формирует самого себя в самом процессе борьбы за разрушение старого. Без этой борьбы *новое* никогда не сможет занять своего места в жизни. А потому разрушайте без пощады, без сожаления весь старый строй до основания, не бойтесь, что при этом может остаться пустое место, нет, оно будет занято *прекрасным новым*.

Что это действительно так [,] можно убедиться, проследив хотя бы краткую историю нашей революции, за которой видно, как народ, свергая одно правительство за другим, разрушая устоя за устоем буржуазно-капиталистического владычества [,] приобретает себе все большие и большие права. Из истории революции видно, как народ научается сам управлять собой, обходясь без всякой власти, как он из коленопреклоненного раба становится *свободным и сильным человеком*. В самом деле: не есть ли весь годовой период нашей революции *сплошное безвластие*. Что делали за короткие дни своего царствования революционные властители? Не состояла ли вся их работа в борьбе со своими политическими противниками, со своими конкурентами на власть, и не то же ли самое мы видим теперь?

* В публикуемых документах сохраняется стилистика, орфография и пунктуация подлинника.

Но сам народ не дремал и шаг за шагом завоевывал себе все новые и новые позиции, не надеясь на своих непрошенных ученых попечителей, не дожидаясь их писаных законов и декретов, которые приходили тогда, когда все написанное в них было уже добыто и закреплено самим народом...

...Перед Русской революцией стоят теперь две основные задачи: первая – это расширить сферу ее влияния, перекинуть пламя начавшегося у нас пожара за границы государств и уничтожить эти границы, а вторая задача, на которой мы здесь подробнее остановимся, состоит в том, чтобы, продолжая разрушение основ капиталистического строя, приступить одновременно и к созданию новых социалистических форм жизни, чтобы от устной и печатной пропаганды перейти к живому практическому делу.

Основной формой социалистического строя является *коммуна*. Коммуна, мыслимая как «Все принадлежит всем» – без всякой торговли, без денежной системы, а также при полном отсутствии всякой власти.

Предопределить заранее известную последовательность в осуществлении анархо-коммунизма, предначертать программу, как это делают социалисты, – задача весьма неблагодарная и совершенно бесполезная, что доказано практикой жизни, так зло посмеявшейся над всеми программами.

Живые силы революции должны действовать одновременно во всех революционных направлениях, в зависимости от своих сил и способностей и от условий, в которых протекает их борьба.

Наиболее благоприятные условия для осуществления коммунистических начал имеются в городской жизни, где многочисленные фабрики, заводы, мастерские, торгово-промышленные предприятия и т.д., представляют из себя уже готовые организации трудящихся.

Теперь этим организациям нужно лишь иметь желание, чтобы из стада подневольных рабов капитализма они превратились в равноправных членов свободной *трудовой коммуны*.

Начиная с установления одинаковой для всех платы за труд, надо сказать: «все равное число трудятся и равную долю продуктов труда получают».

Не верьте, что труд инженера нужнее, чем труд метельщика, не верьте, что труд конторщика легче труда директора.

Разве можно сказать, что в паровой машине важнее цилиндр, поршень, вал, не одинаково ли встанет машина при порче как той, так и другой части.

Рабочие!

Для того чтобы организовать эти коммуны [...] вам вовсе не нужно отбирать фабрик и заводов, так как они и так ваши.

Вам нужно лишь равно распределить произведенные вами блага.

Привозите все в общественные магазины и распределяйте все поровну: равную долю поденщику и директору.

Не выдумывайте расценков, забросьте ваши расчетные книжки, старайтесь обойтись без денег, посылайте своих делегатов за тем, что вам нужно [...] и меняйте на то, что производите.

Не бойтесь, что лентяи сядут на ваши шеи, не бойтесь, сейчас у вас на шее сидят и лентяи, и желающие работать, не имеющие работы по прихоти капитала.

Не бойтесь, рабочие! Творите рабочие производительные коммуны.

Ремесленники!

Сапожники, портные, шапочники, столяры, жестяники, вы все мелкие ремесленники. зачем вам работать в одиночку или на хозяев?

Объединяйтесь в коммуны, в вольные мастерские, работайте на один общий магазин, склад, не продавайте сапог, костюмов за деньги, берите за них товарами же, такими [...] которые вам нужны. Ремесленники, творите вольные мастерские ремесленников.

Приказчики!

Берите магазины, склады в свои руки, гоните старых хозяев, пусть будут все хозяевами!

Получайте от фабричных рабочих, от ремесленников товары, доставляйте хлеб у крестьян, привозите все в магазины, распределяйте, давайте каждому, что ему нужно!

Приказчики, творите распределительные коммуны. Вы, все жители города, квартиранты, комнатные жильцы, не платите денег своим хозяевам, распределяйте справедливые квартиры, ломайте гнилые дома! Устраивайте общие бесплатные столовые, не возитесь с кухней каждое семейство в отдельности, не выгоднее ли десяти семействам иметь одну общую кухню! Соединяйтесь в союзы коммун, для производства и потребления. И вы, артисты, певцы, музыканты, гоните антрепренеров, пускайте, хотя бы по очереди, всех желающих отдохнуть, насладиться искусством, в театры, на концерты, дайте хорошо отдохнуть после трудового дня, а есть, пить, одеваться, учиться вы будете тоже бесплатно в Союзе трудовых коммун в Вольном городе.

И вы [...] крестьяне! Не делите землю! Не мудрите над путанными законами, они лишь перессорят вас! Пашите сплошь, сейте сплошь, все

вместе, и когда будет урожай, собирайте в общие амбары, меняйтесь с городом, меняйте хлеб на то, что вам нужно! Вы будете обеспечены, и плотники, каменщики построят вам хорошие дома для жилья вместо старых лачуг!

Все творите Коммуны!

Под черным знаменем. – 1918. – № 3. – С. 3–4.

№ 2. Статья *Н. Кузенкова* «Что делать в деревне»

Наступила весна, приближается лето, а из деревни по-прежнему крестьяне целыми артелями и в одиночку отправляются в город на заработки. Теперь более чем когда либо кажется странным такой отлив рабочего люда из деревни, теперь, когда земля перешла в руки трудового народа, когда работы стало так много.

А что их ожидает в городе? Ведь там фабрики и заводы закрываются, безработных масса, хлеба нет и для своих жителей...

Однако люди бегут из деревни... А между тем, стоит лишь хорошенько подумать [...] и мы увидим, что и в деревне работы много.

Теперь помещиков нет, земля вся в наших руках, а ее довольно много и можно было бы применить тот труд, тот вольный труд землепашца, где бы не чувствовалось ни гнета, ни кнута, ни издевательства. Но не принимается наш крестьянин за работу. Темнота, косность, отсутствие самостоятельности, инициативы, а главное предрассудки, веками сложившиеся, мешают ему взяться за дело.

Не верит уж он никому, наверился за 300 лет во все, не может, не знает, как приняться за творческую деятельность.

А между тем дел в деревне много, ох как много... Надо лишь подумать, сговориться, как лучше все устроить, побольше солидарности и взаимного доверия, и работа пойдет успешно.

Все мы знаем давно, что работа сообща гораздо успешнее и продуктивнее, чем когда работаешь один.

Землю нужно обрабатывать сообща, не деля ее на отдельные полосы. Этим мы используем также землю, которая служит межой между двумя полосами, которая только ухудшает землю, делая ее неровной.

Да и количество людей тогда понадобится меньше. 500–600 человек вполне могут быть заменены 50 человеками, так как обрабатывать ее можно будет подряд, не считаясь полосами.

Далее, все мы знаем, что машинным способом гораздо легче и экономнее обработать. Нужны сеялки, молотилки, веялки. Но ведь в одиночку, каждому их приобрести трудно, да и применять негде. Когда же будем работать сообща, то приобрести это гораздо доступнее, да и работать будет гораздо легче.

А экономия-то какая!

Ни для кого не тайна, что если землю засеять при помощи сеялки, то семян от каждой десятины остается 3–4 пуда.

Теперь возьмем примерно селение, имеющее трехпольную систему, 600 десятин земли и требуется засеять яровым 200 десятин, озимым 200 десятин, следовательно, 400 десятин земли. Теперь, засевая при помощи сеялки, как я уже говорил, мы сэкономим 3–4 пуда с одной десятины, со 100 десятин – сэкономим 1600 пудов.

Если считать в среднем, при современной дороговизне, стоимость пуда семян 40 рублей, то мы сэкономим 6400 рублей. Вот какая большая сумма остается от экономии семян, а в других работах – и не перечтешь.

Мне могут задать вопрос, что же будут делать остальные люди?

Да все, что угодно.

Надо обратить серьезное внимание на огородничество, надо часть земли отвести под фруктовые сады для общественного пользования, надо пчеловодство поставить на должную высоту, скотоводство улучшить и следить за правильным ведением молочного хозяйства.

Что касается ремесленников, если таковые имеются: сапожники, столяры, плотники и пр., то они должны объединиться и организовать сапожные, столярные и прочие мастерские, где также будет вестись обучение детей тем или иным ремеслом. Ремесленные мастерские будут обслуживать интересы данного селения, при избытке же товаров их будут вывозить на рынок или обменивать на другие товары.

Пусть плотники строят новые и чинят старые дома, пусть мельницы обслуживают все население и там пусть работают специалисты.

Да мало ли работ в деревне!

А главное, пусть каждый работает для всех и все для одного, от этого жизнь не только проиграет, но даже выиграет. Пусть все сработанное пойдет в один распределительный магазин и пусть каждый из этого магазина берет все, что ему нужно: хлеб, одежду, сапоги и все прочие предметы, нужные для жизни.

А главное, пусть каждый отрешится от предрассудков, пусть с любовью примется за труд, за вольный свободный труд. Труд – это жизнь,

человек любит трудиться и будет трудиться. Но только пусть каждый отрешится от предрассудков, пусть откажется от частной собственности, ибо в ней наша погибель.

Создавайте же сами Царствие Божие на земле, создавайте коммуны, где не будет частной собственности, где не будет зависти, где все будет принадлежать всем.

Это было еще 2000 лет тому назад предвозвещено страдальцем Иисусом Христом. Так работайте же «все для одного, один для всех» и тогда наступит равенство и братство.

Дер. Борцово, Ниж[егородский] у[езд]
Под черным знаменем. – 1918. – № 9. – С. 4.

№ 3. Из конспекта доклада анархиста Семенова «К работе, товарищи! Армию немедленно распустить!» [1918 г.]

...Доколе же нас будут мучить социал-идиоты?

Они нас пугают нашествием немцев и порабощением.

Что за гнусная тупость! Ну что может взять в голодной России Германия, Англия или Франция? Бесчисленных насекомых, поедающих русский народ?

А как же Урал и Сибирь с их несметными богатствами? Ведь их заберут немцы. Так вопиют буржуа, кадеты и социал-мародеры.

Сволочи несчастные! Что же вы думали, когда были у власти?

...Вы боитесь, что германский или французский рабочий придет копать руду на Алтай и вам не острить его. Но мы будем работать рука об руку с ним и будем вместе свергать всякое насилие.

Мы не смеем и не можем думать, что наши заграничные товарищи глупее нас и менее нуждаются в социальной революции. Искусственные перегородки государства мешают нам убедиться в том, что мы – братья. Мы явочным порядком снимаем эти перегородки и вместо убивания братьев говорим: мы будем вместе и у вас [...] и у нас работать, без кнута и охранки. Это и только это, а не война [...] принесет счастье народам.

Товарищи! Явочным порядком мы осуществили мир, давайте явочным анархическим порядком осуществлять и братство людей...

Госархив Владимирской области. Коллекция документов. Папка 102. № 3845. Типографский оттиск.

№ 4. Воззвание Воронежской группы анархистов-коммунистов [25 января 1918 г.]

Товарищи рабочие, устраивайте мир сами, не дожидаясь приказов и согласия какого бы то ни было начальства. Братайтесь, устраивайте мир без посредничества властей. Мир солдата с солдатом, полка с полком и т.д. Товарищи крестьяне, не верьте, что Учредительное собрание подтвердит переход земли в ваше владение. Земля ваша, не опустошайте ее. Берегите инвентарь. Товарищи рабочие, не довольствуйтесь благодушным контролем. Контроль над производством – это контроль голодного над ломающимся от яств столом. Контроль – это хозяйничанье фабрикантов под прикрытием и защитой фабрично-заводских комитетов. Контроль усиливает разруху, ибо он создает двое-хозяйничанье; хозяйничанье фабрикантов и хозяйствование рабочих. Берите фабрики в свои руки. Фабрики – ваши. Кто помееет их отнять у вас, пока в ваших руках оружие?! Не отдавайте оружие. Учащаяся молодежь – гимназисты, студенты, берите вашу школу в ваши руки. Управляйте ею сами. Не дайте учителям и профессорам властвовать вами. Довольно вас мучили экзаменами и уроками. Школа ваша и порядок в ней должны устанавливать вы, только вы, и никакие учителя-мучители, профессора-кесари. Угнетенные народы, не отделяйтесь от России, не устраивайте себе новых национальных берлог, национально-государственных или территориальных автономий. Нужно уничтожить старые государственные границы, а не прибавлять новые, национально-государственные. Женщины, никакое равноправие, никакие выборы, никакие Учредительные собрания не освободят вас от рабства кухни. Свободными вы будете лишь в коммуне. Граждане и гр[аждан]ки! Не верьте в парламентские речи и государственные бумажки. Пора взяться за дело, за строительство новой жизни. Словами и бумажками вы не убедите угнетателей бросить свое угнетение. Словами не убедите богатых отдать вам свое богатство. Нужно дело. Нужно отобрать все у богатых; земли у помещиков, фабрики у фабрикантов, банки у банкиров, богатство у богатых. Нужно брать, но не для себя, а для общества; не уничтожая и расхищая, а все для всех, все для коммуны. Города, села и деревни, не ждите никаких приказов, декретов, законов, распоряжений из центра, из столицы, от правительства, под каким именем и названием оно бы не прикрывалось. Правительство в конце концов будет не за вас, не с вами, а против вас, и потому не доверяйтесь никакому правительству, никакому центру,

устраивайте все сами, все самостоятельно, миром и миром между собой. Устраивайте так, как велит ваш здоровый народный ум, который умнее всех столичных законов, дела мастеров. Голодные, безработные, бедные, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и все угнетенные! Готовьтесь к 3-ей анархической революции, к истин[н]о-социальной революции, коммуне. Все зависит от вас и вашей сознательности, от вашей отзывчивости, от ваших же интересов, от вашего недовольства подачками и крохами, от вашей проницательности и нежелания быть обманутыми и вновь поработенными; поэтому всегда помните, что никакое правительство не освободит вас, никакая власть не уничтожит различия между бедными и богатыми. Никакая власть не уничтожит угнетение, ибо она сама – угнетение. Свободными и счастливыми вы будете лишь в анархо-коммуне, во всеанархии.

Госархив Воронежской области. Ф. И-312. Оп. 1. Д. 61. Лл. 20–22. Гектографический оттиск.

№ 5. Из письма Г. Сандомирского П.А. Кропоткину от 12 августа 1919 г.

... Радоваться же сейчас нечему. Лишь больно, что наши правители работают сейчас против самих себя, больно, что идея социальной революции, действительно, в наше время назревшая для самых широких кругов населения (а не только пролетариата), дискредитируется общей правительственной политикой. Недавно мне пришлось беседовать в течение 1 ½ часа с одним видным коммунистом – культурным человеком (редактором «Правды»). Поразительно, какой сумбур в голове у этих людей, какая детски-слепая вера в могущество государства как единственного орудия всяких экономических преобразований! Издательское дело, просветительская работа – не на должной высоте, – государственная власть наладит всё. Кооперация не удовлетворяет нашим требованиям – власть её «переделает». И, конечно, при помощи арестов, чрезвычайка. У этих людей презрение к творческой инициативе и самостоятельности масс. общества достигло апогея. Социальная революция – это уже не та повивальная бабка, о которой писал Бакунин, позднее Маркс, – это старая ворчунья вроде французской tante Anastasie, которая своими ножницами стрижёт всё и всех на один образец. Неудивительно, что вокруг каждого их начинания оседает непроходимолостый слой мошенников, проходимцев всяких мастей и калибров, ко-

торых они надеются «использовать» ради социализма, но которые, конечно, великолепным образом надувают этих (в лучшем случае) лысых или длиннорылых ребят, уверовавших в то, что нагайка может заменить все остальные методы социалистического строительства.

... Настроение тем более подавленное, что я, конечно, **ничего хорошего, ни малейшего просвета** не жду и из противоположного лагеря. Перспектива, вроде венгерской, не сулит ничего радужного (подчеркнуто в подлиннике. – В.С.)...

ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 2213. Л. 8-9. Рукопись. Подлинник.

№ 6. Проект резолюции по продовольственному вопросу фракции левых эсеров на III Нижегородском губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [июнь 1918 г.]

1. В настоящий грозно-катастрофический момент, когда надвинувшийся на потребляющие губернии ужас голода и анархии грозит самому существованию рабоче-крестьянской власти и завоеваниям революции и создавшаяся обстановка повелительно диктует немедленное условие ввоза хлебных продуктов, съезд находит, что объявленная центральной властью продовольственная диктатура, как показал недолговременный опыт, чревата своими ужасными последствиями и, как вредная и не отвечающая потребностям момента, должна быть немедленно отменена. В целях же регулирования хлебной монополии, твердых цен и использования навигации необходима правильная постановка комиссариатов продовольствия на местах, для чего должен быть немедленно созван всероссийский продовольственный съезд из работников по продовольствию.

2. Довести до сведения центральной власти, что продовольственная политика должна включать в себя все хозяйственные мероприятия, ранее принятые на съездах, как то: товарообмен, фиксация цен на предметы первой необходимости, изменение заготовительных цен, привлечение к делу заготовок кооперативов и других хозяйственно-экономических организаций советов.

3. В целях укрепления хлебной монополии и противодействия расшатыванию её на местах признать необходимым немедленное проведение следующих мероприятий:

а.) Установление для Сибири, Прикамья, Поволжья, Северного Кавказа и других хлебородных районов платы за подвоз хлеба, считая твёрдые цены франко амбар.

б.) Пересмотр всех твёрдых цен, приведение их в соответствие с текущими условиями и установление твёрдых цен на все предметы широкого потребления и на продукты питания по единообразной системе (себестоимость и проценты за распространение).

4. Признать, что надежда на вооружённое отобрание хлеба, как массовый способ получения его, является бесплодной и парализует хозяйственные методы заготовок, может вызвать столкновение трудящихся между собой, уменьшить площадь засева и подорвать на местах авторитет советской власти.

5. Ходатайствовать о предоставлении права представителям голодающих губерний самостоятельных заготовок хлеба по планам и нарядам народного комиссара по продовольствию с отведением для заготовок определённых районов в производящих губерниях с тем, чтобы в общий котёл из заготовленного таким путём хлеба поступало не более 25%.

[Приписка от руки: за 22 прот[ив] 45].

ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22. Л. 24-25. Машинопись. Подлинник.

№ 7. Проект резолюции по текущему моменту фракций левых эсеров и эсеров-максималистов на III Нижегородском губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [июнь 1918 г.]

Русская трудовая революция в настоящее время переживает жесточайший кризис, который требует от всех преданных делу социализма революционных партий полного единства и подъёма духа.

1.) Этот подъём духа не может создать капитуляторская и покорная внешняя политика, ибо она отдаёт нас на растерзание германскому империализму и русской контр-революции.

2.) Разрыв с этой губительной политикой является непрямым (в тексте: неправильным – В.С.) условием оздоровления власти советов.

3.) Тяжёлое положение, кроме того, требует, чтобы советы, не слагая оружия в борьбе с поднявшей голову контр-революцией, проводили в то же время решительно и неуклонно программу трудового строительства,

которая избавила бы трудовой народ от эксплуатации всех видов капитала.

4.) Борьба с отечественной контр-революцией может вестись при тесном сплочении трудовых масс вокруг советов, которые должны вернуть себе значение действенных органов революционной борьбы и трудового строительства.

5.) Теперь, когда контр-революция не довольствуется работой вне советских организаций, а проникает при помощи некоторых отсталых и утомлённых слоёв трудящихся в самое сердце советских организаций, необходимо теснее сомкнуть фронт революционно-социалистических советских партий и повести решительную борьбу с германским империализмом, обостряющим у нас голод, разруху и питающим русскую контр-революцию.

6.) Когда крайним обострением продовольственной нужды, создающей почву для контр-революционного движения, окрылённого восстановлением буржуазной власти на Украине и на Дону и опирающейся как на центральные державы, так и на державы согласия, поднимающаяся контр-революция представляет собой единый фронт, на правом фланге которого наступают сторонники царского самодержавия, а на левом соглашательские партии (меньш[евики] и правые с.-р.), выбрасывающие для привлечения широких масс флаг общенациональной демократической власти.

Объединённое общим стремлением свергнуть советскую власть как диктатуру пролетариата и трудового крестьянства, это движение в случае своего временного торжества неизбежно даёт трудящимся не Учредительное Собрание и свободу, а беспощадный кровавый террор буржуазной диктатуры, яркие примеры которой наблюдаем сейчас на Украине, в Финляндии и Прибалтийском крае. Чтобы провести всё это в жизнь, необходимо, чтобы

7.) Советская власть отказалась от вредной политики единоличной диктатуры, централизации всей творческой работы, ведущей к удалению влияния местных советов на трудовые массы.

Исходя из вышесказанного [,] Чрезвычайный Нижегородский губернский Съезд советов предлагает 5-му Всероссийскому съезду советов признать неотложным организацию советской России на принципе истинно советской трудовой власти, организацию городского и сельского хозяйства на трудовых началах.

[Приписка карандашом: за резолюцию 22. против 60].

ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 14. Лл. 22-23. Машинопись. Подлинник.

№ 8. Из доклада М.А. Рейснера об основных началах Конституции РСФСР [апрель 1918 г.]

... На основании вышесказанного возможно было бы формулировать сущность Российской Социалистической Федерации в следующих положениях.

1. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика есть свободное социалистическое сообщество рабочих, крестьян, казаков, батраков и всех трудящихся, объединённых в классовые, трудовые, профессиональные, хозяйственные и политические союзы.

2. Указанные союзы и организации рабочих, крестьян, казаков и вообще трудящихся составляют на местах федеративные общины для ведения социалистического хозяйства, для организации государственной жизни и культурной деятельности. Такие местные общины именуются коммунами.

3. Во главе каждой коммуны стоит Совет рабочих, крестьян, казаков, батраков и вообще трудовых депутатов, который образуется из выборных представителей, входящих в состав коммунальной федерации хозяйственно-общественных союзов и соединений.

4. Для целей хозяйственного, политического и культурного управления делами, общими многим коммуна, последние образуют особый федеративный союз. Территория [,] подведомственная такой федерации коммун [,] именуется провинцией.

5. Во главе провинциального союза стоит съезд коммунальных Советов или провинциальный Совет рабочих, крестьянских, казачьих, батрачских и трудовых депутатов, который состоит из представителей коммунальных Советов, а также всех представителей важнейших хозяйственно-общественных Союзов, соединений и установлений провинции.

6. Для заведывания и управления делами [,] общими нескольким провинциям, провинциальные федерации образуют областной союз под наименованием «областная республика», во главе которой стоит Областной Съезд Советов рабочих, крестьян, казачьих, батрачских и трудовых депутатов, образуемый из представителей провинциальных федераций, а также представителей важнейших хозяйственно-общественных союзов, соединений и установлений области.

7. Областные республики, в свою очередь, для осуществления целей, общих всему рабочему, крестьянскому, казачьему и трудовому населению областей, расположенных на территории бывшей Российской империи, образуют союз под наименованием Российская Социалистиче-

ская Федеративная Советская Республика, во главе которой стоит Совет рабочих, крестьянских, казачьих, батрачских и трудовых депутатов Всероссийской Федерации.

8. В случае образования в других странах Социалистических Федеративных Советских Республик Российская Федеративная Социалистическая Республика, в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов входит как полноправный член на началах равенства и свободы в их высший федеративный Союз Соединённых Социалистических Федеративных Республик.

ГАРФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Лл. 49–51. Машинопись. Подлинник.

№ 9. Из выступления Я.М. Свердлова на заседании комиссии по выработке Конституции РСФСР 10 апреля 1918 г.

... мы должны поставить своей задачей в настоящее время восстановить былую связь советов и масс, мы должны оживить советы. Если принять это положение в целом, то всякий страх об уничтожении совета является бесплоднейшей думой. Раз самая основа жизни советов, общее направление нашего государства, а пока еще государство существует, постольку не может быть речи об отнятии у советов руководства всей политикой и проч. Но в том-то вся штука, что переходный период еще не закончился, когда он закончится, мы не знаем, и вот, с точки зрения этого переходного периода мы должны подойти к другому вопросу о федерации и к вопросу о самоопределении.

ГАРФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 17. Машинопись. Подлинник.

Примечания

Введение

¹ См.: Шешин А.Б. Революционное и освободительное движение в России (этапы и цели) // Вопросы истории. – 1999. – № 9. – С. 43.

² В частности, по мнению А.Б. Шешина, «следует говорить не о смене одного класса другим в революционном движении, а о постепенном возникновении новых движений (т.е. последовательно – буржуазного, социалистического и коммунистического. – В.С.), которые не сменяли старые, а существовали одновременно с ними. При этом различные движения могли в какие-то периоды действовать независимо друг от друга, а в какие-то моменты поддерживать друг друга в борьбе с правительством. Позднее, когда стало ясно, что коммунистическое движение ведет не к освобождению, а к «диктатуре пролетариата», борцы за свободу стали противниками марксистского (коммунистического) революционного движения» (Шешин А.Б. Указ. соч. – С. 43).

³ В этом отношении характерно, например, название книги Ю.К. Бегунова, А.В. Лукашева и А.В. Пониделко, опубликованной в Санкт-Петербурге в 2002 г.: «13 теорий демократии». Иными словами, можно говорить уже о десятках значений понятия «демократия».

⁴ Баландин Р.К., Миронов С.С. Тайны смутных эпох. – М., 2003. – С. 249–250.

⁵ В этом смысле можно даже ранжировать политические объединения левых по критерию демократичности и приверженности ценностям либертаризма: чем более широкие круги трудящихся масс включались в их социальных проектах в «правящий класс», тем более демократической и социал-либертаристской можно назвать ту или иную партию и организацию.

⁶ Гимпельсон Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. – 1994. – № 4–5. – С. 98. См. также: Истягин Л.Г. История. Век Советов // Свободная мысль. – 2002. – № 12. – С. 56.

⁷ Например, известный российский историк Е.Г. Плимак полагает, что Октябрьская революция в городах закончилась после подавления «восстания» левых эсеров летом 1918 г. См.: Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. – М., 2004. – С. 155.

⁸ Карр Э. История Советской России. С. 103. Не кто иной как В.И. Ленин в Отчете ЦК РКП (б) на VIII съезде своей партии отметил,

что «наша революция до организации комитетов бедноты, т.е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной революцией *буржуазной* (курсив В.И. Ленина. – В.С.)». См.: Ленин В.И. Отчет Центрального Комитета 18 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 38. – М., 1981. – С. 143.

⁹ Поэтому вполне естественным считалось, говоря о повышении классово-политического статуса пролетариата в послеоктябрьской России, указывать на количественный рост в объединенных Советах депутатов-*большевиков* (а не рабочих). См., напр.: Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября: Международное значение исторического опыта советских рабочих. – М., 1987. – С. 81, 87.

¹⁰ Service R. The Russian Revolution, 1900–1927. – 3rd ed. – New York: Palgrave, 1999. – P. 27.

¹¹ См., напр.: Очерки по истории Октябрьской революции. В 2-х т. / Под ред. М.Н. Покровского. – М.–Л., 1927; Ярославский Е.Е. Партия большевиков в 1917 году. – М., 1927; Лидак О.А. 1917 год. Очерки истории Октябрьской революции. – М.–Л., 1932; Борьба КПСС за победу социалистической революции в России. – Л., 1957; Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. – Л., 1973; Непролетарские партии России. Урок истории. – М., 1984; Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1965; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). – М., 1968; Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. – М., 1973; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. – М., 1982; Гусев К.В., Полушкина В.А. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. – М., 1983; Великий Октябрь и проблемы построения социализма в СССР. Очерки истории идейно-политической борьбы / Под ред. Н.Я. Иванова, Г.Л. Соболева. – Л., 1987 и др.

¹² См., напр.: Горин П.О. Пролетариат в 1917 году в борьбе за власть. – М.–Л., 1927; Лемешев Ф., Паялин И. Путиловцы в боях за Октябрь. – Л., 1933; Мительман М. 1917 год на Путиловском заводе. – Л., 1939; Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. – Горький, 1964; Степанов З.В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. – М.–Л., 1965; Фрейдлин Б.М.

Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. – М., 1967; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. – М., 1970; Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Период двоевластия. – Л., 1973; Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918–1920 гг. Социально-политические изменения. – М., 1974; Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917–1920 гг. Отв. ред. Л.С. Гапоненко. – Т. 1. – М., 1984; Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Сб. статей / Под ред. Г.Л. Соболева. – М., 1986; Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября: Международное значение исторического опыта советских рабочих. – М., 1987 и др.

¹³ См., напр.: Шестаков А.В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. – М.–Л., 1927; Дубровский С.М. Крестьянство в Октябрьской революции // Аграрные проблемы. – Т. 1. – М.–Л., 1927; Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. – М., 1933; Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.) – М., 1954; Першин П.Н. Аграрная революция в России. – В 2-х т. – М., 1966 и др.

¹⁴ См., напр.: Рабинович С.Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. // Война и революция. – 1927. – № 6; Чаадаева О.Н. Октябрь на фронте // Борьба классов. – 1931. – № 6–7; Гапоненко Л.С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, 1917. – М., 1953; Ионов А. Борьба большевистской партии за солдатские массы Петроградского гарнизона в 1917 г. – М., 1954; Богданов А.В. Моряки-балтийцы в 1917 г. – М., 1955; Голуб П.А. Партия, армия и революция: Отвоение партий большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 гг. – М., 1967; Борьба большевиков за армию в трех революциях. – М., 1969; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. – М., 1971; Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 г.: Деятельность большевиков в прифронтовых округах. – М., 1975; Вооруженные силы Великого Октября. – М., 1977; Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. – М., 1977; Смольников А.С. Армия победившей революции: Советская историография большевизации армии в период подготовки и проведения Великой октябрьской социалистической революции. – М., 1984; Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. – Л., 1985 и др.

¹⁵ См., напр.: Югов М.С. Советы в первый период революции // Очерки по истории Октябрьской революции. Под ред. М.Н. Покровского. – Т. 2. – М.–Л., 1927; Аверьев В.Н. Партия большевиков в борьбе за Советы (1917 г.) // Советское строительство. – 1937. – № 9–10; Городец-

кий Е.Н. Рождение Советского государства. – М., 1965; Потехин М.Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. – Л., 1966; Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. – М., 1967; Гимпельсон Е.Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. – М., 1968; Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1974; Морозов Б.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. – М., 1977; Совокин А.М. На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. – М., 1977; Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. – М., 1977; Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. Очерки становления Советского государства. – Л., 1987 и др.

¹⁶ См., напр.: Цейтлин Д.А. ФЗК Петрограда в феврале–октябре 1917 г. // Вопросы истории. – 1956. – № 11; Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г. – Л., 1979; Степанов З.В. Фабзавкомы Петрограда в 1917 г. – Л., 1985.

¹⁷ См., напр.: Панкратова А.М. Политическая борьба в российском профдвижении. – Л., 1927; Профессиональное движение в Петрограде. Очерки и материалы / Под ред. А.Л. Анского. – Л., 1928; Егорова А.Г. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. – М., 1970; Носач В.И. Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны: 1918–1920. – М., 1978 и др.

¹⁸ См., напр.: Першин П.Н. Крестьянские земельные комитеты в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. – 1948. – № 7; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. – М., 1975; Седов А.В. Крестьянские комитеты в борьбе за демократию накануне Октябрьской революции. – Горький, 1978 и др.

¹⁹ См., напр.: Миллер В.И. Ставка и солдатские комитеты в марте 1917 г. // Октябрь и гражданская война в СССР. – М., 1966; Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. – М., 1974; Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). – М., 1983 и др.

²⁰ См.: Ворожейкин И.Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. – М., 1975. – С. 51.

²¹ См.: Покровский М.Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал» наперекор общественному мнению? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого «1905») // Красная Новь. – 1922. – № 3; Троцкий Л. Об особенностях исторического развития в России. (Ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. – 1922. – 1, 2 июля; Покровский М. Своеобразие русского исторического процесса и первая

буква марксизма. (Нечто вроде ответа т. Троцкому) // Правда. – 1922. – 4 июля; Троцкий Л. Пароход – на пароход, а баржа // Правда. – 1922. – 7 июля; Покровский М. Кончаю // Правда. – 1922. – 13 июля.

²² См.: Атабекян А.М. Возможна ли анархическая социальная революция? – М., 1918; Атабекян А.М. Вопросы теории и практики. – М., 1918; Атабекян А.М. Право и власть. – М., 1922; Боровой А.А. Анархизм. – М., 1918; Боровой А.А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. – Пг.–М., 1920; Карелин А. Россия в 1930 г. – М., 1918; Карелин А. Фабрики – народу. – М., 1919; Карелин А. Что такое анархия? – М., 1923; Новомирский Д.И. Лавров на пути к анархизму. – Пг., 1922; Очерки истории анархического движения в России: Сборник статей. – М., 1926 и др.

²³ См., напр.: Преображенский Е.А. Анархизм или коммунизм? – М.–Пг., 1918; Яковлев Я. Русский анархизм в великой русской революции. – Пг., 1921; Вардин И. Политические партии и русская революция. – М., 1922; Святловский В.В. Очерки по анархизму. – Пг., 1922; Лозовский А. Анархо-синдикализм и коммунизм. – М., 1923; Генкин И. Среди преемников Бакунина. Заметки по истории российского анархизма // Красная летопись. – 1927. – № 1; Горев Б.И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). – М., 1930; Равич-Черкасский М.Н. Анархисты (Какие партии были в России). – Харьков, 1930.

²⁴ См., напр.: Иванов-Разумник Р.В. Год русской революции. – Пг., 1918; Камков Б.Д. Кто такие левые социалисты-революционеры. – Пг., 1918; Трутовский В. Переходный период: Между капитализмом и социализмом. – Пг., 1918; Устинов А. Нам по пути // Воля труда. – 1918 – № 20; Бельский П. Теория революционного марксизма о государстве и ее противоречия // Воля труда. – 1920. – № 16–17, 19; Устинов А. Что раскололо нас? // Воля труда. – 1920. – № 7; Мстиславский С.Д. Пять дней. – М., 1922; Мстиславский С.Д. Медовый месяц // Былое. – 1924. – № 5; Пионтовский С.С. Мстиславский. Пять дней: Начало и конец Февральской революции. 1922 // Печать и революция. – 1922. – № 2; Павлович М. Ленин как разрушитель народничества // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 4/5; Владимирова В. Год службы «социалистам» капиталистам. – М.–Л., 1927; Владимирова В. Левые эсеры в 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. – 1927. – № 4; Шестаков А.В. Блок с левыми эсерами // Историк-марксист. – 1927. – № 6; Астров В. Левые эсеры. – М.–Л., 1928.

²⁵ Очерки по истории Октябрьской революции. В 2-х т. / Под ред. М.Н. Покровского. – Т. 2. – М.–Л., 1927. – С. IV.

²⁶ См.: там же.

²⁷ В частности, в марте 1931 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «О работе в Комакадемии», а в октябре того же года в журнале «Пролетарская революция» публикуется директивная статья Генерального секретаря И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма».

²⁸ Залежский В. Анархисты в России. – М., 1930. – С. 30.

²⁹ Горев Б.И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). – М., 1930. – С. 101. В данном случае Б.И. Горев полемизировал с другим анархистом Я. Яковлевым, который полагал, что «в октябрьские дни оказавшиеся в наличии анархистские элементы были увлечены стихией массового рабочего движения и не выставляли отличных от нас, коммунистов, лозунгов и задач», поэтому «по существу историю русского анархизма, как активного фактора революции и контрреволюции, можно вести с весны 1918 г.» (см. там же. – С. 100).

³⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП (б). – М., 1953. – С. 194.

³¹ См.: там же. – С. 194, 202, 213.

³² Там же. – С. 214.

³³ Ярославский Е. Анархизм в России (Как история разрешила спор между анархистами и коммунистами в русской революции). – М., 1939; Парфенов, В. Разгром «левых» эсеров. – М., 1940.

³⁴ См.: Витенберг Б.М. История и историки 1917-го: прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 6. – С. 335.

³⁵ См.: там же.

³⁶ См.: Полянский Ф.Я. Критика анархизма В.И. Лениным // Критика экономических предшественников современного ревизионизма. – М., 1960; Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. – М., 1963; Косичев А.Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. – М., 1964; Смирнов А.С. Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. – 1966. – № 2; Кузина Л.А. Из истории борьбы большевиков против анархистов в период подготовки Октябрьской революции // Ленин. Партия. Октябрь: Сборник статей. – Л., 1967 и др.

³⁷ См.: Минц И.И. История Великого Октября. – Т. 1. Свержение самодержавия. – М., 1967; Т. 2. Установление диктатуры пролетариата. – М., 1968; Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. – М., 1973.

³⁸ См., напр.: Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции. Очерки по истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. – М., 1968; Гусев К.В. Партия

эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Исторический очерк. – М., 1975; Жуков А.Ф. Разоблачение Лениным теории и тактики максимализма социалистов-революционеров // Идеи Ленина живут и побеждают. – Л., 1970; Жуков А.Ф. Критика большевиками эсеро-максимализма в период подготовки Октябрьской революции // Борьба КПСС против оппортунизма и национализма. – Л., 1978; Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – Л., 1979; Шестак Ю.И. Большевики и левые течения мелкобуржуазной демократии. – М., 1974; Шестак Ю.И. Банкротство эсеров-максималистов // Вопросы истории. – 1977. – № 1; Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. – М., 1974; Канев С.Н. Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). – М., 1987; Комин В.В. Анархизм в России. – Калинин, 1969; Полянский Ф.Я. Социализм и современный анархизм. – М., 1973; Непролетарские партии в России в 1917 г. и в годы гражданской войны. – М., 1980; Непролетарские партии России: Урок истории. – М., 1984; Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. – М., 1987 и др.

³⁹ См.: Пономарев Н.В. Критика анархистской концепции власти и современность. – Казань, 1978.

⁴⁰ Пономарев Н.В. Проблема власти в политической доктрине анархизма и максимализма: Автореф. дис... канд. филос. наук. – Казань, 1974. – С. 10–11.

⁴¹ См.: там же. – С. 11, 14, 16.

⁴² Иоффе Г.З. Финал советской историографии (как мы не написали последнюю «Историю КПСС») // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 151.

⁴³ См., напр.: Октябрьская революция: Вопросы и ответы. – М., 1987. (На вопросы отвечали такие видные советские историки, как П.А. Голуб, А.Я. Грунт, Г.З. Иоффе и др.); Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / Сост. В.А. Иванов. – М., 1989 (см. очерки А. Велидова «Шестое июля» и Ю. Кларова «Побочный сын анархизма»); Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди / Под общ. ред. А.Т. Кинкулькина. – М., 1989; Алексеева Г.Д. Народничество в XX веке: Идеинная эволюция. – М., 1990; Набатов Г.В. Октябрь в российской деревне (Из опыта большевистской партии по вовлечению революционных солдат и матросов в борьбу за власть Советов). – Саранск, 1990; Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Послушная история, или Новый публицистический рай. Грустные заметки // Трудные вопро-

сы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты / Под ред. В.В. Журавлева. – М., 1991; История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. – М., 1991 (см. очерк «На повороте. 1917 год: революция, партии, власть», написанный В.П. Булдаковым) и др.

⁴⁴ Подробнее см.: Согрин В.В. Двадцать лет российской трансформации. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 20–34.

⁴⁵ См., напр.: Медведев А.В. Неонародничество и большевизм в России в годы Гражданской войны. – Н. Новгород, 1993; История политических партий России. – М., 1994; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – М., 1995; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – Казань, 1995; Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997; Набатов Г.В., Медведев А.В., Устинкин С.В. Политическая Россия в годы гражданской войны. – Н. Новгород, 1997; Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? – М., 2003; Арутюнов А.А. Ленин. Личностная и политическая биография. (Документы, факты, свидетельства.) – Т. 1. – М., 2003; Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. – М., 2004 и др.

⁴⁶ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С. 55.

⁴⁷ Стоит отметить, что отечественные историки очень активно принялись за освоение профессионального словаря психиатров. В частности, довольно часто в исторических исследованиях можно встретить рассуждения о «прогрессирующей классовой шизофрении» крестьянства и городских жителей в первые десятилетия XX века, о «возможной эпилептоидности крестьянского поведения в общинной революции», о «психопатической эпидемии» в российском обществе, которая позволяла большевикам внедрять «в сознание и в реальную жизнь не только России, но и всего мира новую религию – доктрину немедленной мировой пролетарской революции». См.: Телицын В.Л. Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С. 145, 149; Булдаков В.П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 50; Сироткин В.Г. Почему проиграл Троцкий? – М., 2005. – С. 27.

⁴⁸ Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? – С. 158–159, 170.

⁴⁹ Там же. – С. 170.

⁵⁰ Арутюнов А.А. Ленин. Личностная и политическая биография. (Документы, факты, свидетельства). – Т. 1. – М., 2003. – С. 174, 202.

⁵¹ Антонов-Овсеенко А.В. Указ. соч. – С. 164.

⁵² Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи. – С. 158–159.

⁵³ См.: там же. – С. 158, 160.

⁵⁴ Там же. – С. 160.

⁵⁵ См., напр.: Набатов Г.В., Медведев А.В., Устинкин С.В. Политическая Россия в годы гражданской войны. – С. 67.

⁵⁶ Там же. – С. 68.

⁵⁷ См.: Медведев А.В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 гг.): Дис. ... д.и.н. – Н. Новгород, 1994. – С. 210, 259.

⁵⁸ См., напр.: Рыбаков А.М. Проблемы насилия и террора в Октябрьской революции и гражданской войне: левозероветская альтернатива: Дис. ... к.и.н. – М., 1993; История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994 (см. главу 11 «Разбитые надежды: левые социалисты-революционеры (интернационалисты)», авторы – Л.М. Овруцкий и А.И. Разгон); Медведев А.В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство... – Н. Новгород, 1994; Пакунова Т.А. Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов): идеология, организация, тактика (ноябрь 1917 – 1923 гг.): Автореф. дис. ... к.и.н. – СПб., 1998; Стариков С.В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг. (На материалах Поволжья). – Йошкар-Ола, 2004 и др.

⁵⁹ См., напр.: Сухотина Л.Г. Пророчество Михаила Бакунина // Вестник АН СССР. – 1991. – № 5; Гордон А.В. Глубокая философия хрустально чистой души // Анархия и власть: Сборник статей. – М., 1992; Мкртчян А.А. П.А. Кропоткин: утопист и реалист // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. – М., 1992; Ударцев С.Ф. Власть и государство в теории анархизма в России (XIX – начало XX в.) // Анархия и власть: Сборник статей. – М., 1992; Королева-Конопляная Г.И. Идеи федерализма в политической теории русского анархизма // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX в.): Автореф. дис. ... д.и.н. – Омск, 1997; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России в XX в.: Автореф. дис. ... д.и.н. – СПб., 1998; Сапон В.П. Анархизм и русская революция // Россия в XX в.: Реформы и революция / Под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. – Т. 1. – М., 2002; Орчакова Л.Г. Анархисты в

Москве и Московской губернии. 1905 – февраль 1917 гг.: Дис. ... к.и.н. – М., 2003; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии: 2-я пол. XIX в. – 1918 г.: Дис. ... к.и.н. – Тверь, 2004; Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2005; Шубин А. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. – М., 2005 и др.

⁶⁰ Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы, 1994. – С. 254.

⁶¹ Там же. – С. 64

⁶² В частности, в одном месте он подчеркивает отрицание анархизмом «любых форм власти и тем более государства», а в другом (буквально на следующей странице) заявляет, что «по дороге к анархии анархисты могут терпеть и даже использовать государство» (см.: Шубин А. Анархия – мать порядка... – С. 10, 11). Чтобы избежать подобного дуализма, мы и пытаемся «развести» понятие *анархизм*, подразумевающее тотальное отрицание политической власти, и понятие *либертарный социализм*, не исключающее возможности использования централизованно-политических властных структур на пути к самоуправляющемуся обществу.

⁶³ См.: Шубин А.В. Указ. соч. – С. 94–95.

⁶⁴ Штырбул А.А. Идеи и практика коммунизма: исторический опыт и перспективы // Государство и общество: философия, экономика, культура: Доклады и выступления. – М., 2005. – С. 185.

⁶⁵ Там же. – С. 185; Штырбул А.А. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н.э. – II тысячелетие н.э.): Монография. – Омск, 2006. – С. 344.

⁶⁶ Штырбул А.А. Безгосударственные общества в эпоху государственности. – С. 315.

⁶⁷ Помимо ряда вышеуказанных, назовем еще несколько работ последнего десятилетия: Российские консерваторы. – М., 1997; Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. – М., 1998; Макаренко В.П. Главные идеологии современности. – Ростов-на-Дону, 2000; Пантин И.К., Плимак И.Г. Драма российских реформ и революций. – М., 2000; Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. – М., 2003; Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. – М., 2004; Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880-е гг.). – Саратов, 2004.

⁶⁸ См., напр.: Chamberlin W.H. The Jacobin Ancestry of Soviet Communism // Russian Review. – 1958. – Vol. 17, № 4. – P. 255.

⁶⁹ См., напр.: Shapiro L. The Basis and Development of the Soviet Polity // Fifty Years of Communism in Russia. Ed. by M. Drankovitch. – London, 1968. – P. 49–50; Wesson R.G. The Russian State. – N.Y., 1972. – P. 39, 66; Wesson R.G. Lenin's Legacy. The Story of the CPSU. – Stanford, 1978. – P. 74–75; Page S. The Geopolitics of Leninism. – Boulder: Columbia University Press, 1982. – P. 33, 35.

⁷⁰ Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. Пер. с англ. И.Е. Полоцка. – М., 2006. – С. 142.

⁷¹ В качестве иллюстрации процитируем известного американского исследователя А. Рабиновича. «Изучая источники, необходимые для данной книги, – пишет он в предисловии к своей монографии «Большевики приходят к власти», – я пришел к выводу, что успех большевиков в Октябре был, по существу, обеспечен двумя обстоятельствами чрезвычайной важности: демократической и гибкой структурой большевистской организации и исключительной популярностью в массах Советов, о чем свидетельствовал известный лозунг “Вся власть Советам!”» (Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание в 1917 году. – М., 1989. См. также с. 13–14, 330–332). О «старой либертарной традиции» (old libertarian tradition) в практике большевиков пишет автор американской «Истории КПСС» Леонард Шапиро; по его мнению, «заслуга» окончательного искоренения этой традиции принадлежит И.В. Сталину. См.: Schapiro L. The Basis and Development of the Soviet Polity. – P. 49.

⁷² Общее мнение указанной группы исследователей выразил, в частности, Х. Роджер. «Да, – пишет он, – революция была совершена во имя рабочих и крестьян; правда, новое правительство называло себя рабоче-крестьянским. Но рабочие и крестьяне не получили политической власти в Октябре 1917 г. или позднее, так же как сложившаяся система советов и формула диктатуры пролетариата не могли скрыть того факта, что власть удерживалась и осуществлялась под руководством партии, которая представляла рабочий класс лишь в самом отдаленном и абстрактном смысле слова» (Roger H. October 1917 and the Tradition of Revolution // Russian Review. – 1968. – Vol. 27, № 4. – P. 400–401). См. также: Tomasic D. Interrelations Between Bolshevik Ideology and the Structure of Soviet Society // American Sociological Review. – 1951. – Vol. 1, № 2. – P. 137; Wesson R.G. Lenin's Legacy. The Story of the CPSU. – Stanford (California); Hoover Institution Press, 1978. – P. 72; Mattick P. Anti-Bolshevik Communism. – London: Merlin Press, 1978. – P. 54, 55;

Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia. – Illinois: AHM Publishing Corporation Northbrook, 1970. – P. 194 etc.

⁷³ Service R. The Russian Revolution, 1900–1927. – P. 27. Достаточно типичной для западной историографии является позиция американского историка Роберта Вессона. С одной стороны, он критикует советских коллег за то, что они приписывали успех «славной революции, которая на деле оказалась военным переворотом» (т.е. Октября) гениальному руководству В.И. Ленина. С другой стороны, он утверждает, что при всей *ненормальности, неправильности* ленинского прихода к власти (Lenin's seizure of power) «это [событие] было почти предсказуемым в ненормальных условиях 1917 года»: «Качества, которые способствовали изоляции Ленина в предвоенные годы – бескомпромиссная резкость, смесь догматизма и оппортунистической гибкости, претензия на ортодоксальность и всепоглощающая жажда власти – привели к его победе в запутанных и тяжелых обстоятельствах военного поражения, экономического и политического развала» (Wesson R.G. Lenin's Legacy. The Story of the CPSU. – P. 74, 72).

⁷⁴ В частности, по мнению британского историка Пол Мэттика, «Ленин и большевики не изобрели победный лозунг “Земля – крестьянам”, наоборот, они были вынуждены признать действительную крестьянскую революцию, развивающуюся независимо от них». В свою очередь, «в промышленных городах борьба рабочих шла за социалистические требования, по-видимому, независимо от крестьянской революции и все же при ее решающем влиянии» (Mattick P. Anti-Bolshevik Communism. – P. 52, 53). Американский исследователь Владимир Бровкин также убежден, что «политический опыт рабочих в 1917 г. не был ограничен рамками пробольшевистской радикализации» – «в этот период в них развилось чувство политической независимости, убеждение в том, что любое правительство обязано считаться с чаяниями рабочих» (Brovkin V. Politics, Not Economics Was the Key // Slavic Review. – 1985. – Vol. 44 (№ 2). – P. 244). См. также: Meyer A.G. Leninism. – Cambridge (Mass.), 1957. – P. 186–187; Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. – Bloomington, 1968; Anweiler O. The Soviets: The Russian Workers, Peasants, and Soldiers Councils, 1905–1921. – N.Y., 1974; Keep J. L. H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. – N.Y., 1976; Koenker D. The Evolution of Party Consciousness: The Case of the Moscow Workers // Soviet Studies. – 1978. – Vol. 30 (№ 1). – P. 38–39 etc.

⁷⁵ Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. Пер. с англ. Л.А. Черняховской. – М., 1990. – С. 10. Соотечественник Э.Х. Карра Джеффри Хоскинг, описывая революционные события 1917 г., справедливо опровергает расхожий на Западе и среди западников тезис о пассивности русского народа, его склонности исполнять повеления своих правителей. Дж. Хоскинг, напротив, подчеркивает тот факт, что «вновь обретенная свобода способствовала небывалому подъему в стремлении простых людей к самоорганизации... в 1917 году, после внезапного исчезновения правительственной системы подавления, произошел настоящий взрыв создания организации «самопомощи» среди русских рабочих, крестьян и солдат, каждая – со своими собственными, часто преувеличенными требованиями». См.: Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. Пер. с англ. П. Куценкова. – М., 1994. – С. 37.

⁷⁶ Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. – С. 11. См. также: Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание в 1917 году. – С. 330–332.

⁷⁷ Mattick P. Anti-Bolshevik Communism. – London: Merlin Press, 1978. – P. 54.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia. – N.Y., 1970. – P. 194.

⁸⁰ Mattick P. Op. cit. – P. 55.

⁸¹ Meyer A. G. Leninism. – Cambridge (Mass.), 1957. – P. 196.

⁸² См.: Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. – М., 2006. – С. 321–326; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск, 2001. – С. 491–492; Carr E.H. 1917: before and after. – London; Melbourne; Toronto, 1969. – P. 90.

⁸³ Service R. The Russian Revolution, 1900–1927. – P. 29.

⁸⁴ Земцов Б.Н. Историкография революции 1917 г. // Международный исторический журнал. – 1999. – № 2. Для сравнения приведем цитату из статьи современника событий – издателя проэсеровского журнала «Красное знамя» А. Амфитеатрова. «...В настоящем же мы, – писал он, – чтобы применить к себе рамки и типы европейского деления, должны совершить какой-то сверхъестественный скачок вне времени и пространства, а затем улечься на Прокрустово ложе интернационала и подвергнуться вытяжке оконечностей по мерке, до которой мы не доросли, да и не могли дорасти. А если в чем частично доросли и даже, скоропелом, переросли, то опять-таки Прокрустово ложе интернационала

оказывается нам не по мерке и, чтобы уместить на нем русского человека, приходится туловище его съежить и окончности обрубить» (Амфи-театров А. На страже дней. (От издателя) // Красное знамя. – 1917. – № 1. – С. XIX).

⁸⁵ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М., 1997. – С. 102.

⁸⁶ Там же. – С. 103.

⁸⁷ Чернов В.М. Конструктивный социализм. – М., 1997. – С. 533.

⁸⁸ См., напр.: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2-х т. / Т. 2. 1917–1935 гг. – М., 1999; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. В 3-х т. / Т. 1. Июль 1917 – май 1918 гг. – М., 2000; Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. – М., 2002; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы. – СПб., 2003.

Глава 1

⁸⁹ Ге А. Наш лозунг // Буревестник. – 1917. – 21 декабря. – С. 1.

⁹⁰ См., напр.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. – М., 1981. – С. 85.

⁹¹ Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 224.

⁹² См.: Иванович С. Анархизм в России и борьба с ним // Современный мир. – 1906. – № 10. – Ч. II. – С. 9.

⁹³ Там же. – С. 10.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. – С. 10–11.

⁹⁶ Праздник труда [1 мая 1917 г.] [Коллектив русских анархистов г. Женева] // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – М., 1999. – С. 28.

⁹⁷ См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. В 2-х ч. – Ч. 1 (1900–1918). – Омск, 1996. – С. 139.

⁹⁸ См.: Декларация Московской федерации анархических групп // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – М., 1999. – С. 69. Такую же позицию занимали и некоторые сибирские анархисты. В частности, в программной брошюре Я. Южина «К трудящемуся люду» (Иркутск, 1917) провозглашалось: «Поскольку новое правительство будет терпеть в стране проповеди анархистов, заранее предвещающих его скорую и необходимую гибель и нашу революцию, борьбу за Социалистическую революцию, поскольку оно само будет сознать неизбежные законы

истории, ведущие к общественной организации труда, поскольку оно не будет задерживать ни этого процесса, ни нашей борьбы, – постольку оно в нас не увидит открытых врагов». Цит. по: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 31.

⁹⁹ См.: Революция [Лозанна, 5 (18) марта 1917 г.] // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 13.

¹⁰⁰ Там же. – С. 16.

¹⁰¹ Там же. – С. 17.

¹⁰² Там же. – С. 13. Об ультрареволюционных настроениях «анархобунтарей» в России см.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 140.

¹⁰³ См.: Цели и задачи революции // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 22.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. – С. 21.

¹⁰⁶ Там же. – С. 22.

¹⁰⁷ Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии: 2-я половина XIX в. – 1918 г.: Дис. ...к.и.н. – Тверь, 2004. – С. 169.

¹⁰⁸ См.: там же. – С. 168.

¹⁰⁹ См.: там же. – С. 169.

¹¹⁰ См.: там же. – С. 169.

¹¹¹ Корноухов, Е.М. Указ. соч. – С. 90.

¹¹² Булдаков В.П., Корелин А.П., Уткин А.И. Пролетариат в трех российских революциях. – М., 1987. – С. 125.

¹¹³ См.: Внеочередное заявление представителя петроградской группы анархистов-коммунистов о возможности участия делегатов анархистов в работе Совета рабочих и солдатских депутатов // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 18.

¹¹⁴ В частности, еще в мае 1917 г. Обуховский завод представлял собой «эсеровско-меньшевистскую твердыню», а уже на исходе лета инициатива переходит в руки левых радикалов: на перевыборах в исполком Обуховского райсовета прошли 11 большевиков и 2 анархиста-синдикалиста, а в Петросовет – также 11 большевиков и 2 анархиста. См.: Гундоров А.С. В.И. Ленин на Обуховском заводе // Это есть наш последний и решительный бой! В 2-х кн. Кн. 1 (Март–июль 1917 г.). – М., 1987. – С. 104; Корноухов, Е.М. Указ. соч. – С. 104.

¹¹⁵ См.: Волин В.М. Незвестная революция, 1917–1921. – М., 2005. – С. 537, прим. к с. 305; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 174, 175.

¹¹⁶ Например, в Ревельском совете рабочих и солдатских депутатов из 311 делегатов анархистов было 11 (большевиков – 57), из двадцати членов исполкома анархистов – 2 (как и большевиков) (см.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. – С. 148). В августе 1917 г. после перевыборов членами Кронштадтского совета стали 7 анархистов и 96 большевиков (из 285 депутатов). В исполкоме они получили 1 место из 30 (большевики – 10) (см.: Зинченко, П. Незабываемое // Рассказывают участники Великого Октября. – М., 1957. – С. 100). В сентябре 1917 г. на заседании нового состава Выборгского совета был избран исполком, членом которого стал анархист-коммунист Лик (а также 8 большевиков и левых эсеров), членом исполкома Кронштадтского совета являлся анархист-синдикалист Х.З. Ярчук (см.: Сапожников Г. За власть Советов // Рассказывают участники Великого Октября. – М., 1957. – С. 183; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М., 1996. – С. 723).

¹¹⁷ К. Гринбаум был председателем Екатеринославского губернского совета. В той же губернии анархист-синдикалист А.М. Аникст возглавлял Павлоградский уездный совет и Н.И. Махно – Гуляйпольский волостной. Анархист-коммунист П.А. Еремеев в конце мая – начале июля 1917 г. руководил УИКом Александровского совета (Владимирская губ.), опираясь на поддержку большевиков. 1 июля 1917 г. он оставляет председательский пост, тем не менее сохраняет влияние в уездном исполкоме. Позднее он становится губернским комиссаром по народному просвещению. Анархист-синдикалист М. Буйских стоял во главе Черемховского совета рабочих депутатов Иркутской губернии, а М.Т. Трусов – во главе совдепа Семипалатинского уезда. М.Н. Иванов был избран 7 марта 1917 г. председателем уездного Осташковского совета, но вскоре добровольно уступил это место социал-демократу Михайлову как подлинному представителю пролетариата. В первые месяцы 1918 г. анархисты Л.А. Алексеев, П.А. Магунов и анархосочувствующий Н.Д. Долгирев возглавляли соответственно Бежецкий, Краснохолмский и Весьегонский уездные советы Тверской губернии. Председателем Чинтинского совета в это же время являлся анархист Б.Г. Жданов. Возглавляли анархисты и Советы волостного уровня. Например, анархист Морев в 1918 г. председательствовал в течение нескольких месяцев в волостном совдепе в с. Городец Балахнинского уезда Нижегородской губ., а его соратник Кириллов руководил местной милицией. См.: Волин В.М. Незвестная революция. – С. 537, прим. к с. 305; Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 39; Суворов

В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 175, 217, 218; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 144, 170; Под черным знаменем (Нижний Новгород). – 1918. – № 10. – С. 3; Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-25. Оп. 5. Д. 1. Лл. 33(об), 39, 75–76(об); Борьба и труд (Владимир). – 1918. – № 21. – С. 1.

¹¹⁸ Именно так ставился вопрос большевиками и их идейными эпитонами. Еще в 1918 г. Н.И. Бухарин безапелляционно заявил: «...Последовательный анархист должен быть против советской власти». Через 60 лет советский анархист Е.М. Корноухов продолжил эту мысль. По его мнению, «при первом же серьезном испытании анархистская идеология оказалась в непримиримом противоречии с жизнью. Революционное творчество масс, породившее Советы, нанесло серьезный удар по анархистским предрассудкам о власти, заставило часть их носителей критически отнестись к бакунинским догмам, которые десятки лет они считали непререкаемыми, непогрешимыми истинами». (См.: Бухарин Н.И. Анархизм и научный коммунизм // Коммунист. Орган Московского бюро РКП (б). – 1918. – № 2. – С. 13; Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 105).

¹¹⁹ См.: Воззвание ко всем товарищам, рабочим и солдатам [Петроградская федерация анархистов] // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 55. Одновременно анархисты критикуют и большевиков за выдвинутый на предпольском этапе революции лозунг «Вся власть Советам»: «Как будто бы, свергая одну власть и заменяя ее другой, они этим спасают дело революции». См.: там же. – С. 55.

¹²⁰ См.: Вторая конференция Петроградской федерации анархистов, г. Петроград. 26–28 ноября 1917 г. // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 81. При этом анархисты намерены были использовать Советы как структуры низовой демократии при перестройке хозяйственной жизни страны на либертарно-социалистических началах. См.: Манифест Московской федерации анархических групп // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 67.

¹²¹ На раннем этапе создания историографии революционных событий 1917 г. даже советские историки признавали, что главная заслуга создания новых органов демократии на предприятиях принадлежала не партиям, а самим рабочим, что фабзавкомы возникли так же стихийно, как и сама Февральская революция, что «в их лице пролетариат выдвигает ... наиболее революционную наступательную колонну, которая

таранит крепости капитала и сносит преграды и пути социал-соглашательства» (Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 4).

¹²² Большую известность в первые месяцы революции получил анархист-коммунист И.П. Жук, который в феврале 1917 г. был освобожден из Шлиссельбургской крепости рабочими местного порохового завода, и вскоре они же избрали его своим первым «красным директором». Коллектив Шлиссельбургского порохового завода, принадлежавшего прежде барону Медему, не только не допустил закрытия основного производства, но взял под контроль подсобные предприятия – кирпичный завод и молочную ферму. См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – С. 210.

¹²³ См.: Колесников Б. Профессиональное движение и контрреволюция. Очерки истории профессионального движения на Украине. – Харьков, 1923. – С. 29.

¹²⁴ Там же. – С. 21.

¹²⁵ Там же. – С. 29.

¹²⁶ Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 4–5.

¹²⁷ См.: Панкратова А.М. Политическая борьба в российском профдвижении. – Л., 1927. – С. 41.

¹²⁸ См.: Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 33.

¹²⁹ См.: там же. – С. 37.

¹³⁰ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 96–97. В данном вопросе мнения партийной интеллигенции и пролетарских низов оказались вполне созвучными. В частности, представитель трудового коллектива завода «Новый Парвийнен» напомнил участникам конференции: «Припомните только, не так давно все кричали на нас, большевиков: «вы анархисты», «вызываете гражданскую войну» – это за то, что мы требовали контроля над производством. А теперь все в один голос утверждают, что контроль над производством необходим». См.: там же. – С. 104

¹³¹ При этом анархисты не ограничились участием в деятельности фабзавкомовского движения, возглавляемого пробольшевистским Центральным советом (ЦС ФЗК), но попытались создать в первых числах июня 1917 г. собственную «версию» общегородского центра фабзавкомов – так называемый Революционный Центр, резиденцией которого стала дача Дурново. ЦС ФЗК назвал создание нового центра «вредным и вносящим рознь в нашу трудную работу» (см.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 143. См. также: Ко всем фаб.-зав. комитетам г. Петрограда // Правда. – 1917. – № 81).

¹³² Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 105.

¹³³ В частности, после того как И. Жук зачитал свой проект резолюции о мерах борьбы с экономической разрухой, конференция постановила воплотить их в жизнь путем формирования из своего состава Исполнительного комитета, который был призван: «1) немедленно создать контрольные комиссии при всех предприятиях в Петрограде и в прилегающих к нему районах, 2) немедленно созвать в Петрограде Всероссийский союз представителей тружеников от различных предприятий, 3) немедленно войти в соглашение Петроградскому центральному бюро контрольных комиссий с Центральным Бюро Всероссийского крестьянского Союза, дабы, в интересах всего трудящегося народа, общая работа протекала вполне организованно, интенсивно и в желательном направлении» (Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 95).

¹³⁴ Например, большевик В.Я. Чубарь, отметив очередной кризис власти в стране, призвал рабочих «своими живыми организациями вытеснить старые бюрократические учреждения с их бесконечной волокитой» (Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 191).

¹³⁵ Октябрьская революция и фабзавкомы. – С. 206.

¹³⁶ Там же. – С. 215.

¹³⁷ Там же. – С. 216.

¹³⁸ См.: там же. – С. 228.

¹³⁹ См. выступление А.С. Лозовского на II Петроградской конференции фабзавкомов (Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 229–230).

¹⁴⁰ «У нас создается, – возмущался на одном из заседаний Второй конференции фабзавкомов большевик Д.Б. Рязанов, – масса несвязных друг с другом рабочих организаций, каждая из которых пытается вести свою особую политику и влиять на все выступления рабочего класса в целом. Развивается какой-то фанатический патриотизм своей организации, который затрудняет соглашения при встрече их на одном поприще деятельности, что при настоящем положении вещей, когда функции фабрично-заводских комитетов и проф. Союзов точно и ясно не разграничены, случается сплошь да рядом. Продолжать так работу невозможно; необходимо строго определить круг деятельности каждой организации. Фаб.-зав. комитеты должны точно выяснить себе свои задачи и не путаться в ногах партий и профессиональных союзов (выделено нами. – В.С.)» (Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 230).

¹⁴¹ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 229. См. также: там же. – С. 231.

¹⁴² Это выражение взято из предложенного анархистом В.М. Волиным проекта резолюции о рабочем контроле. См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 233.

¹⁴³ См.: там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Показательно, что, предлагая вычеркнуть из большевистской резолюции о текущем моменте и рабочем контроле пункты, касающиеся перехода власти в руки пролетариата, В.М. Волин называет ее в целом «обоснованной и продуманной». См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 216.

¹⁴⁶ См.: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. (Март–октябрь 1917 г.). Сборник документов. – М., 1957. – С. 12.

¹⁴⁷ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть I. – С. 254.

¹⁴⁸ Avrich P. The Anarchists in the Russian Revolution // Russian Review. – 1967. – Vol. 26, № 4. – P. 342.

¹⁴⁹ См.: Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 42.

¹⁵⁰ Солонович А. Позиции интеллектуального труда // Клич (Москва). – 1917. – № 1. – С. 25.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² См.: Клич (Москва). – 1917. – № 1. – С. 46.

¹⁵³ Там же. – С. 7.

¹⁵⁴ Там же. – С. 25.

¹⁵⁵ Там же. – С. 46–47.

¹⁵⁶ См.: Панкратова А.М. Политическая борьба в российском профдвижении. – Л., 1927. – С. 84.

¹⁵⁷ Там же. – С. 93. См. также: Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 39.

¹⁵⁸ См.: Syndicalists in the Russian Revolution. By G. Maximov // http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/coldoffthe presses/maximoff/m aximoff.html

¹⁵⁹ См.: там же.

¹⁶⁰ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 144. По сведениям А.А. Штырбула, к ноябрю 1917 г. на приисках Забайкалья, приобретенных рабочими захватным методом, трудилось уже около 10 тыс. чел. «В ходе захватов приисков в сентябре–октябре 1917 г. влияние анархо-синдикалистских идей на часть

рабочих заметно усилилась, что проявилось в дальнейшем, после октябрьских событий». См.: там же. – С. 147, 148..

¹⁶¹ См.: там же. – С.145–146.

¹⁶² Волин В.М. Неизвестная революция. – С. 131.

¹⁶³ См.: Syndicalists in the Russian Revolution. By G. Maximov // http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/coldoffthe presses/maximoff/maximoff.html

¹⁶⁴ См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 351.

¹⁶⁵ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – С. 138.

¹⁶⁶ См.: Конференция анархистов 17-ти городов юга России // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 47.

¹⁶⁷ Там же. – 47–48.

¹⁶⁸ Там же. – С. 48.

¹⁶⁹ См.: Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 51.

¹⁷⁰ В частности, представитель Вологодской федерации высказал мнение, что «съезд необходим еще и потому, что в деревне и среди рабочих в провинции анархизм растет вишь и вглубь и нужно уже не только пропагандировать словом, но и переходить к делу. Все авторитеты в деревне расшатаны, и крестьяне начинают недоверчиво относиться к анархизму. Съезд должен выработать общую программу действий... На съезде не должно быть этой междуусобицы, так как роль анархистов в революции огромна». См.: Вторая конференция Петроградской федерации анархистов. Г. Петроград. 26–28 ноября 1917 г. // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 79. См. также с. 78, 80.

¹⁷¹ См.: Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 97.

¹⁷² В частности, «в течение марта – декабря 1917 г. в Сибири вышли 36 буржуазных, 38 эсеровских, 4 меньшевистских, 75 эсеро-меньшевистских, 5 энесовских и 17 большевистских газет». См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 138.

¹⁷³ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. Т. 2. Кн. 3–4. – М., 1991. – С. 143. В описании Н.Н. Суханова, в условиях «эпохи свобод», последовавшей в первые месяцы после Февральской революции, именно ирония определяла эмоциональный фон деятельности анархистов. «От имени анархистов-коммунистов почти в каждом заседании (Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. – В.С.) выступал некий Блейхман, наивная демагогия которого встречала полуирони-

ческое сочувствие у некоторой части аудитории», – эта фраза написана Н.Н. Сухановым при описании апрельских событий 1917 года. В июне ему поручили выяснить намерения анархистов по отношению к запланированной Советом массовой манифестации. Когда представители столичного совета прибыли на знаменитую дачу Дурново, поначалу никто не обратил на них внимания. Когда же весть о прибытии официальных советских представителей распространилась среди обитателей анархистского центра, Н.Н. Суханова и его спутников «стали окружать любопытные люди, с довольно ироническим видом». (См.: там же. – С. 143, 299.)

¹⁷⁴ Цит. по: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 100.

¹⁷⁵ Антонов-Овсеев В.А. В революции. – М., 1983. – С. 7–8.

¹⁷⁶ См.: там же. – С. 101–102.

¹⁷⁷ См.: Гопнер С.И. Сила большевистской правды // Это есть наш последний и решительный бой! В 2-х кн. Кн. 1. (Март–июль 1917 г.) / Сост.: В.И. Миллер и Т.Ф. Кузьмина. – М., 1987. – С. 114.

¹⁷⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 107.

¹⁷⁹ Там же. – С. 108.

¹⁸⁰ Там же. – С. 114.

¹⁸¹ См.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 133. Возможно, об этом же эпизоде апрельских событий – без указания «партийной» принадлежности автомобиля, но в контексте митинговой деятельности большевиков – речь идет в книге «Петроградские большевики в Октябрьской революции» (Лениздат, 1957). Там лозунг звучит так: «Пулемет и булат уничтожат капитализм!». См. с. 99.

¹⁸² См.: там же. – С. 133.

¹⁸³ См.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 133.

¹⁸⁴ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 103.

¹⁸⁵ Там же. – С. 109.

¹⁸⁶ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. – 2-е изд. – М., 1990. – С. 101.

¹⁸⁷ Антонов-Овсеев В.А. В революции. – С. 43.

¹⁸⁸ Там же. – С. 280.

¹⁸⁹ Цит. по: Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – СПб., 1997. – С. 50.

¹⁹⁰ См.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 139.

¹⁹¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 281.

¹⁹² См.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 139; Суханов, Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 281.

¹⁹³ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 281.

¹⁹⁴ Там же. – С. 282.

¹⁹⁵ См. там же. – С. 282.

¹⁹⁶ Там же. – С. 282.

¹⁹⁷ См.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 141–142.

¹⁹⁸ См.: Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С. 51; Суханов, Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 283.

¹⁹⁹ Другов Ф. Анархисты в Петербурге в 1917 году. «Дача Дурново» // Пробуждение. – 1932. – № 21–22. – С. 41.

²⁰⁰ См.: там же. – С. 41–42.

²⁰¹ По мнению члена ПК РСДРП(б) И. Рахьи, «если бы демонстрация 10 июня нам удалась, то наш авторитет сразу бы поднялся в глазах масс: сказали бы – “это сделали большевики”. Теперь мы должны признать тот факт, что благодаря несостоявшейся демонстрации нам “попало”. Теперь свою демонстрацию мы должны вырвать зубами» (см.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. – С. 320). А анархисты, в свою очередь, «объясняли нерешительность большевиков тем, что те не имели еще достаточного влияния в рабочих массах и потому опасались, что анархисты, как инициаторы переворота, увлекут за собой массы недовольных туманной тактикой Врем[енного] Правительства и захватят движение в свои руки» (Другов Ф. Анархисты в Петербурге в 1917 году. «Дача Дурново». – С. 41–42).

²⁰² См.: там же.

²⁰³ См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. – С. 312, 311, 313.

²⁰⁴ См.: там же. – С. 315.

²⁰⁵ Лацис М.Я. Июльские дни в Петрограде. (Из дневника агитатора) // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 116.

²⁰⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 287. См. также: Лацис М.Я. Указ. соч. – С. 105.

²⁰⁷ Суханов Н.Н. Указ. соч. – С. 295.

²⁰⁸ Там же. – С. 299. Переговоры с И.С. Блейхманом от имени исполкома Петроградского совета проводили Н.Н. Суханов, матрос И.Д. Сладков и рабочий Г.Ф. Федоров (последние оба – большевики) на даче Дурново. См. там же. – С. 299–300.

²⁰⁹ См.: Из сообщения газеты «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» о демонстрации 18 июня в Петрограде. 20 июня 1917 г. // Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Под ред. Д.А. Чугаева (отв. ред.) и др. – М., 1959. – С. 529–533. Для сравнения укажем, что в том же отчете фигурирует точно такое же количество *меньшевистских* (в том числе Бунда и группы «Единство») партийных колонн, но ведь меньшевики входили в правительственную коалицию и имели намного более благоприятные возможности для продвижения своих лозунгов в массы!

²¹⁰ См.: там же. – С. 531.

²¹¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 302.

²¹² См.: Михайлов, Сухарев. Как был убит т. Аснин // Буревестник. – 1917. – 7 декабря. – С. 3–4; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С. 52; Суханов Н.Н. Записки о революции. – С. 307.

²¹³ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. – С. 308.

²¹⁴ В заявлении ЦК РСДРП(б) в исполком Совета рабочих и солдатских депутатов и президиум съезда Советов от 18 июня 1917 г. отмечалось: «1) ...наша организация никакого участия в освобождении Хаустова не принимала и ее члены решительно отвергли предложение анархистов вместе с ними идти к «Крестам».

2) Так как одновременно с т. Хаустовым был освобожден анархистами ряд других лиц, то мы считаем необходимым констатировать, что лица эти совершенно неизвестны нашей организации, и решительно отклонить всякие попытки связать их дела с делом Хаустова.

3) Выяснившиеся до сих пор обстоятельства побега половины заключенных Пересыльной тюрьмы, по нашему мнению, дают основание предполагать здесь определенный ход контрреволюции, видимо, рассчитывавшей этим путем добиться своих провокационных целей. В связи с этим побегом 400 мы считаем необходимым самое строгое расследование» (Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. (Март–октябрь 1917 г.). – С. 17–18).

²¹⁵ Ладис М.Я. Июльские дни в Петрограде. – С. 109.

²¹⁶ Свердлов Я.М. Контрреволюция провоцирует вооруженное столкновение // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 332.

²¹⁷ См.: Свердлов Я.М. Контрреволюция провоцирует вооруженное столкновение. – С. 332.

²¹⁸ Цит. по: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков... – С. 152.

²¹⁹ См.: там же. – С. 157–158.

²²⁰ «Многие из солдат-большевиков, – отметил на заседании ПК РСДРП(б) 13 июня 1917 г. член Военки В.В. Сахаров, – ходят к анархистам и удивляются, почему большевики не поддерживают анархистов, тогда как анархисты всегда стоят на стороне большевиков. Заливая пожар, вступать в борьбу с анархистами нам невыгодно». Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 314.

²²¹ Воззвание ко всем товарищам, рабочим и солдатам // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 55–56. Для нейтрализации уже существующего органа представительной власти анархисты предлагали создать другой представительный орган – Временный революционный комитет, «помимо» Совета, из представителей столичных предприятий и армейских частей, который «был бы всегда на страже интересов трудящихся масс, контролируя действия Совета Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов, выражая волю народа и его желание» (см. там же. – С. 56).

²²² См.: Стулов П.М. 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 года (По новым материалам). – С. 97.

²²³ Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март–октябрь 1917 г. – М., 1967. – С. 228.

²²⁴ «Впрочем, – компетентно заявляет в своих мемуарах член бюро исполкома Петроградского совета В.С. Войтинский, – как украинский вопрос был не причиной, а поводом разрыва кадетами майской коалиции, так и отставка 4 министров кадетов явилась лишь поводом, а не причиной бурных событий следующих дней» (Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю. Фельштинского. – М., 1999. – С. 165).

²²⁵ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 315–317.

²²⁶ См.: Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март–октябрь 1917 г. – С. 231.

²²⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. – С. 314.

²²⁸ См.: там же. – С. 314.

²²⁹ Там же. Кстати, в другом месте своих мемуаров Н.Н. Суханов отмечает: «По всем данным, большевистский Центральный Комитет не организовал, не назначал выступления на 3 июля – не в пример тому, как было 9 июня. Я знаю, что настроение масс считалось несколько «худшим», немного размякшим, менее определенным, чем три недели назад... Восстание, конечно, считалось неизбежным, ибо столица кипе-

ла, а общее положение было нестерпимо. Большевики готовились к нему – технически и политически. Но видимо, на 3 июля они его не назначали (курсив Н.Н. Суханова. – В.С.)» (Там же. – С. 320).

²³⁰ Там же. – С. 313.

²³¹ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 164. «Были основания и для злобы, – продолжает В.С. Войтинский, – ибо правые круги... вели по отношению к революции и рабочему классу политику грубой провокации. Достаточно перечесть правую либеральную печать того времени, чтобы понять, как трудно было революционно настроенным рабочим Петрограда понять нашу политику «коалиции» с буржуазией, обливавшей презрением и ненавистью все то, что было им дорого и свято, с кругами, которые на пятом месяце революции все еще не расстались с мечтой о восстановлении монархии» (там же).

²³² Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». – С. 135.

²³³ Воззвание ко всем товарищам, рабочим и солдатам // Анархисты. Документы и материалы. – Т. 2. – С. 54–55.

²³⁴ Лидак О.А. 1917 год. Очерк истории Октябрьской революции. – М.–Л., 1932. – С. 43.

²³⁵ См.: Лидак О.А. Указ. соч. – С. 42; Соболев Г.Л. Указ. соч. – С. 130; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С. 53.

²³⁶ См.: Постановление Особой следственной комиссии... 18 июля 1917 г. // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 274.

²³⁷ См.: Владимирова В. Июльские дни 1917 г. // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 9–10; Стулов П.М. 1-й пулеметный полк в июльские дни... – С. 97–98.

²³⁸ См.: Постановление Особой следственной комиссии... 18 июля 1917 г. – С. 274.

²³⁹ См.: Владимирова В. Июльские дни 1917 г. – С. 10.

²⁴⁰ См.: Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С. 53.

²⁴¹ Лидак О.А. Указ. соч. – С. 43–44.

²⁴² Суханов Н.Н. Указ. соч. – С. 322.

²⁴³ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. – С. 122.

²⁴⁴ Там же. – С. 123.

²⁴⁵ Цит. по: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 185.

²⁴⁶ Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. – С. 123.

²⁴⁷ См.: Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. – С. 123–124; Соболев Г.Л. Указ. соч. – С. 135.

²⁴⁸ Кондаков Д.И. Кронштадтцы – с большевиками! // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 373.

²⁴⁹ Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С. 54.

²⁵⁰ См.: Женеvский А. Арест В. Чернова в июльские дни 1917 г. // Красная летопись. – 1926. – № 6. – С. 73.

²⁵¹ См.: там же. – С. 73–74.

²⁵² См.: Ермаков В.Д. Указ. соч. – С. 54–55.

²⁵³ Шубин А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. – М., 2006. – С. 51.

²⁵⁴ Ответ т. Зиновьева / Рабочий и солдат. – 1917. – 27 июля. – С. 3–4.

²⁵⁵ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. – С. 83.

²⁵⁶ Там же. – С. 84.

²⁵⁷ Корноухов Е.М. Указ. соч. – С. 172.

²⁵⁸ Там же. – С. 173–174.

²⁵⁹ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. (Март–октябрь 1917 г.). – С. 243.

²⁶⁰ Там же. – С. 292.

²⁶¹ Там же. – С. 343.

²⁶² Там же. – С. 294.

²⁶³ Сафронov В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 гг.). – Красноярск, 1962. – С. 416.

²⁶⁴ См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 149–151. См. также: Сафронov В.П. Указ. соч. – С. 416–417.

²⁶⁵ Глушаков Ю.Э. Идеи П.А. Кропоткина и их последователи в Белоруссии: история и современность // П.А. Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2005. – С. 80. При этом не только меньшевики, спешно покинувшие через запасной выход указанное заседание Гомельского совета, но и большевики в выпущенной по итогам событий листовке, резко негативно оценили самочинное выступление солдат. См.: там же.

²⁶⁶ См.: Махно Н.И. Воспоминания. Книга 1. Русская революция на Украине. (От марта 1917 г. по апрель 1918 г.). – Киев, 1991. – С. 76–77, 84.

²⁶⁷ Там же. – С. 84–85.

²⁶⁸ Документально подтверждено участие в ВРК анархистов-синдикалистов В. Шатова и Е. Ярчука, анархиста-коммуниста И. Блейхмана, независимого анархиста Г. Богацкого (последние двое вошли в «штаб восстания» уже после свержения Временного правительства), анархиста-индивидуалиста Ф.П. Другова. Кроме того, по свидетельству А.Р. Вильямса и Дж. Рида, членом ВРК являлся еще один анархист – член завкома Обуховского оружейного завода Н.М. Петровский. См.: Список членов Военно-революционного комитета // Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. – Т. 3. – М., 1967. – С. 663–664; Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Вильямс А.-Р. Путешествие в революцию. – М., 1987. – С. 181, 414. (В упомянутом выше списке членов ВРК фамилия Петровского не значится, однако можно предположить, что список не является полным. Например, 4 ноября 1917 г. Петроградская организация ССРМ уполномочила М.А. Карповского представлять себя в ВРК, однако его имя также не упоминается в указанном списке. См.: Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. – Т. 3. – С. 567, 663–664.)

²⁶⁹ См.: Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С. 59–60.

²⁷⁰ См.: там же. См. также: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 382, 386; Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 210.

²⁷¹ См.: Ермаков В.Д. Указ. соч. – С. 59.

²⁷² См.: Товарищи // Анархия. – 1917. – № 8. – С. 1; Ко всем рабочим, солдатам и крестьянам // Там же.

²⁷³ См.: Ко всем рабочим, солдатам и крестьянам // Анархия. – 1917. – № 8. – С. 1.

²⁷⁴ Там же. См. также: К моменту // Там же.

²⁷⁵ Медлить нельзя // Анархия. – 1917. – № 8. – С. 1.

²⁷⁶ См.: Захват типографии «Московского Листка» // Анархия. – 1917. – № 8. – С. 1.

²⁷⁷ См.: там же.

²⁷⁸ См.: Манифест Московской федерации анархических групп // Анархия. – 1917. – № 9. – С. 1.

²⁷⁹ См.: Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 202.

²⁸⁰ См.: там же.

²⁸¹ См.: там же. – С. 203.

- ²⁸² См.: там же. – С. 204.
- ²⁸³ См.: Поздняков А. Красноярский гарнизон в дни революции // Рассказывают участники Великого октября. – М., 1957. – С. 403.
- ²⁸⁴ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 161, 166.
- ²⁸⁵ См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX века). Автореф. дис. ... д.и.н. – Омск, 1997. – С. 30.
- ²⁸⁶ См.: Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии. – С. 212.
- ²⁸⁷ См.: там же. – С. 211.
- ²⁸⁸ См.: там же. – С. 212.
- ²⁸⁹ См.: там же. – С. 212–213.
- ²⁹⁰ См.: там же. – С. 213.
- ²⁹¹ См.: там же. – С. 216.
- ²⁹² См.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 4. Д. 35. Л. 32; Оп. 37. Д. 1. Л. 1.
- ²⁹³ См.: Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. – М., 2005. – С. 159, 160.
- ²⁹⁴ Богацкий Г. Либо–либо // Буревестник. Орган Петроградской федерации анархических групп. – 1917. – 15 ноября. – С. 1.
- ²⁹⁵ Непомнящий. Контроль над производством // Буревестник. – 1917. – 8 декабря. – С. 1.
- ²⁹⁶ Кочегаров А. О Политике // Буревестник. – 1917. – 16 ноября. – С. 2.
- ²⁹⁷ См.: там же.
- ²⁹⁸ Солнцев Н. Большевизм и Учредительное Собрание // Буревестник. – 1917. – 28 ноября. – С. 1.
- ²⁹⁹ См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 165–166.
- ³⁰⁰ См.: Суворов В.П. Указ. соч. – С. 213–214.
- ³⁰¹ См.: там же. – С. 215.
- ³⁰² Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 163.
- ³⁰³ См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX века)... – С. 30.
- ³⁰⁴ См.: Шубин А.В. Анархия – мать порядка. – С. 40–43, 63–70.
- ³⁰⁵ Там же. – С. 69–70.
- ³⁰⁶ См.: Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? – С. 279.
- ³⁰⁷ См.: Резолюция // Буревестник. – 1917. – 21 декабря. – С. 1.
- ³⁰⁸ См.: Шубин А.В. Указ. соч. – С. 63.
- ³⁰⁹ См.: Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. – М., 1990. – С. – С. 234.

³¹⁰ См.: Вниманию! // Буревестник. – 1917. – 22 декабря. – С. 4.

³¹¹ Верхоустинский Б. Анархические дружины // Буревестник. – 1917. – 23 декабря. – С. 1.

³¹² «Но как с большевиками? – задался вопросом автор цитируемой выше статьи. – Им можно ответить так:

– Не мешайте нам организовывать своих сил. Ваши враги справа найдут в наших дружинах безжалостных врагов, в борьбе с ними мы вам поможем.

– Но, если вы встанете на нашем пути к Анархии и Коммуне, мы растопчем и вас. Если вы действительно революционеры, вы, конечно, присоединитесь к нам» (См.: Верхоустинский Б. Анархические дружины. – С. 1).

³¹³ См., напр.: Зернов Д. Довольно играть в жмурки! // Буревестник. – 1917. – 23 декабря. – С. 1. См. также: Ге А. Наш лозунг // Буревестник. – 1917. – 21 декабря. – С. 1.

³¹⁴ См.: Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. – 4-е изд. – М., 1986. – С. 154–155; Садуль Ж. Записки о большевистской революции. – С. 234.

³¹⁵ См.: Голинков Д.Л. Указ. соч. – С. 154.

³¹⁶ По наблюдению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, «они выбирали стратегические пункты – как раз против всех наиболее важных советских учреждений города, поэтому мы имели основание предполагать, что якобы анархическими организациями руководит опытная рука контрреволюции. И, действительно, как доказывают найденные при аресте «анархистов» инструкции, выбор тех или иных особняков был далеко не случайным» (Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. – М., 1958. – С. 108. См. также: Мальков П.Д. Записки коменданта Московского Кремля. – М., 1959. – С. 204.).

³¹⁷ См.: Запись беседы заместителя председателя ВЧК Я.Х. Петерса с корреспондентом газеты «Известия» об итогах работы ВЧК за год, 6 ноября 1918 г. // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. – М., 1958. – С. 208.

³¹⁸ См.: Садуль Ж. Указ. соч. – С. 234–235.

³¹⁹ См.: там же. – С. 234.

³²⁰ Так первое время называли Совет народных комиссаров. См., напр.: Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Отв. ред. Д.А. Чугаев. – М., 1967. – С. 616.

³²¹ См., напр.: Мальков П.Д. Указ. соч. – С. 208–210.

³²² См.: Сообщение газеты «Правда» о проведенном ВЧК разоружении анархистов в Москве. 13 апреля 1918 г. // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. – М., 1958. – С. 106.

³²³ См.: Запись беседы председателя ВЧК Ф.Э. Держинского с сотрудником газеты «Известия» о разоружении анархистов в Москве. 16 апреля 1918 г. – С. 109.

³²⁴ См., напр.: там же. – С. 107–108. Исключительно криминальные аспекты деятельности анархистов выделяют и многие современные авторы. См., напр.: Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006. – С. 68–83.

³²⁵ См.: Садуль Ж. Указ. соч. – С. 242. Аналогичную политическую оценку дает и автор статьи «К событиям в Москве», опубликованной в газете Нижегородской федерации анархистских групп «Под черным знаменем» (№ 4, 1918 г.). Примечательна подпись автора указанной статьи: М. Ткачевский (*бывший большевик*).

³²⁶ См.: Ратьковский И.С. Указ. соч. – С. 77–83; Ермаков В.Д. Указ. соч. – С. 71.

³²⁷ См.: Строев П. О tempora, o mores // Под черным знаменем. – 1918. – № 5. – С. 3.

³²⁸ См.: Тржасковский В. За торжество социалистической революции // Рассказывают участники Великого Октября. – М., 1957. – С. 346–350.

³²⁹ Глушаков Ю.Э. Указ. соч. – С. 80.

³³⁰ Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 237.

³³¹ См.: там же. – С. 237–238.

³³² См.: там же. – С. 240–244.

³³³ См.: там же. – С. 245–253.

³³⁴ См.: там же. – С. 254–256.

³³⁵ См.: там же. – С. 263–265.

³³⁶ См.: Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1. – С. 184.

³³⁷ См.: там же. – С. 184–185.

³³⁸ Там же. – С. 186.

³³⁹ Батырев В. Задачи пролетарского движения // Голос труда. – 1918. – 4 апреля. – С. 2.

³⁴⁰ См.: там же.

³⁴¹ Там же.

³⁴² См.: там же.

³⁴³ См., напр.: Сахновский Г. Осуществимость анархической коммуны // Буревестник. – 1917. – 17 ноября. – С. 3; Его же. Обращение к товарищам-анархистам // Буревестник. – 1917. – 23 декабря. – С. 2.

³⁴⁴ См., напр.: Суворов В.П. Производственный федерализм П.А. Кропоткина и попытки его осуществления на Тверской земле (к истории создания и деятельности Бежецкой трудовой земледельческой коммуны) // П.А. Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2005. – С. 208.

³⁴⁵ См., напр.: Wesson R.G. The Soviet Communes // Soviet Studies. – 1962. – Vol. 13, № 4. – Р. 351; Суворов В.П. Производственный федерализм П.А. Кропоткина и попытки его осуществления на Тверской земле... С. 209–211.

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 642. Л. 101(об).

³⁴⁷ Рыжик Б. На наклонной плоскости // Под черным знаменем. – 1918. – № 6. – С. 2.

³⁴⁸ Сахновский Г. Обращение к товарищам-анархистам // Буревестник. – 1917. – 23 декабря. – С. 2.

³⁴⁹ II Всероссийская конференция анархо-синдикалистов. 25 ноября – 1 декабря 1918 г., г. Москва. Резолюции // Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. – С. 280.

³⁵⁰ I Всероссийский съезд анархистов-коммунистов (протоколы). Москва, 25–28 декабря 1918 г. // Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. – С. 190.

³⁵¹ См.: там же. – С. 174.

³⁵² См.: там же. – С. 177–178.

³⁵³ Именно так оценивали ситуацию в стране уже весной 1918 г. красноярские анархисты в статье «Власть», опубликованной в газете «Сибирский анархист». Цит. по: Штырбул А.А. Анархистское движение в период кризиса Российской цивилизации (конец XIX – I-я четверть XX вв.). – Омск, 1998. – С. 34.

Глава 2

³⁵⁴ Полянский Н.А. Социализм и власть // Максималист. – 1918. – 10 мая. – С. 2.

³⁵⁵ См.: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. – С. 348.

³⁵⁶ См.: Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. – С. 45–46.

³⁵⁷ См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). – С. 51.

- ³⁵⁸ См.: Хесин С.С. Моряки в борьбе за советскую власть. – С. 41.
- ³⁵⁹ Залежский В. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 147.
- ³⁶⁰ Там же. – С. 150.
- ³⁶¹ Там же. – С. 149.
- ³⁶² См.: Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. – С. 308.
- ³⁶³ См. там же. – С. 246–248.
- ³⁶⁴ Это требование на III съезде ПСР озвучил В.А. Алгасов. См.: Астрахан Х.М. Указ. соч. – С. 253.
- ³⁶⁵ Спиридонова М. Свет немеркнущий // Земля и Воля. – 1917. – 18 июня. – С. 2.
- ³⁶⁶ См.: там же.
- ³⁶⁷ См.: На новых позициях // Земля и воля. – 1917. – 9 июля. – С. 1.
- ³⁶⁸ Минц И.И. История Великого Октября. – Т. 2. – С. 906.
- ³⁶⁹ Раскольников Ф. Мемуарные вольности // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 385.
- ³⁷⁰ См.: там же. – С. 906–907.
- ³⁷¹ См.: VII Совет Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Дело народа. – 1917. – 11 августа. – С. 2.
- ³⁷² См.: Минц И.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 908; Астрахан Х.М. Указ. соч. – С. 306–307.
- ³⁷³ См.: Среди обуховцев // Пролетарий. – 1917. – № 4. – С. 4.
- ³⁷⁴ См.: Первое заседание Петергофской районной думы 16 августа // Пролетарий. – 1917. – № 8. – С. 11.
- ³⁷⁵ Минц И.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 884, 889; Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов. – С. 370; Грасис К. Октябрь в Казани // Пролетарская революция. – 1924. – № 10. – С. 124; Погребинский М.Б. Борьба большевиков с левыми эсерами на Украине весной 1918 г. // Вопросы истории КПСС. – 1972. – № 1. – С. 70–71.
- ³⁷⁶ См.: Минц И.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 889.
- ³⁷⁷ Любович А. Кронштадтский совет за год // Известия Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – 4 апреля. – С. 1.
- ³⁷⁸ Минц И.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 870.
- ³⁷⁹ См.: Андреев А.М. Указ. соч. – С. 370.
- ³⁸⁰ См.: Муравейский С. «Сентябрьские события» в Ташкенте в 1917 году. (По архивным материалам и опросам участников.) // Пролетарская революция. – 1924. – № 10. – С. 145–146. См. также: Андреев А.М. Указ. соч. – С. 356–359; Минц И.И. Указ. соч. – С. 892–893.

³⁸¹ См.: Муравейский С. Указ. соч. – С. 145.

³⁸² См.: там же. – С. 147.

³⁸³ См.: там же. – С. 156–160.

³⁸⁴ См.: там же. – С. 138.

³⁸⁵ См.: там же. – С. 161. 15 ноября 1918 г. в Ташкенте на краевом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялось фракционное соглашение, в соответствии с которым в Совнаркоме Туркестанского края большевики получили 7 мест, а левые эсеры – 8. См.: Государственный архив Воронежской области (ГАВорО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 (об). – Вестник Отдела Местного Управления Комиссариата Внутренних дел. – 1918. – 8 января. – С. 8.

³⁸⁶ См.: Минц И.И. История Великого Октября. – Т. 2. – С. 958.

³⁸⁷ Цит. по: Минц И.И. Указ. соч. – С. 959.

³⁸⁸ Там же. – С. 960.

³⁸⁹ Цит. по: Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. – М., 1977. – С. 84.

³⁹⁰ Разгон А.И. Указ. соч. – С. 86. См. также: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. – С. 349–350; Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. – С. 48–49.

³⁹¹ Цит. по: Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – Л., 1979. – С. 50.

³⁹² Цит. по: Жуков А.Ф. Указ. соч. – С. 50.

³⁹³ В частности, в одной из резолюций II Всероссийской конференции ССРМ говорилось: «Политику Романовых усвоило и углубило правительство А.Ф. Керенского, отдавшее фактическое заведование министерствами продовольствия, торговли и промышленности представителям крупного капитала и капиталистам». См.: Материалы II Всероссийской конференции Союза эсеров-максималистов. Москва, 15–21 октября 1917 г. // Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. – М., 2002. – С. 108.

³⁹⁴ См.: Жуков А.Ф. Указ. соч. – С. 56–57.

³⁹⁵ См., напр.: Жуков А.Ф. Указ. соч. – С. 51, 155. Этот же автор пишет, что «максимализм, как течение мелкобуржуазного социализма, в корне враждебен марксизму» (там же. С. 154).

³⁹⁶ В этом плане интерес представляет мнение самих максималистов. В одной из статей в максималистском журнале «Трудовая республика» (9.10.1917 г.) констатировалась близость по существу большевистского проекта «государства-коммуны» принципам «Трудовой республики», однако одновременно отмечалось, что этот проект «коренным образом

отличается в практической постановке и решении вопросов социального переустройства общества» (см.: Жуков А. Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – С. 74).

³⁹⁷ См.: Задачи максимализма. (Материалы к построению программы). Вып. 2. – М., 1918. – С. 7.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же. – С. 8.

⁴⁰⁰ Там же. – С. 8.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же. – С. 7.

⁴⁰³ Сущность максимализма // Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. – С. 36.

⁴⁰⁴ Задачи максимализма. (Материалы к построению программы). Вып. 2. – С. 8.

⁴⁰⁵ Там же. – С. 8–10.

⁴⁰⁶ Там же. – С. 10–11.

⁴⁰⁷ Там же. – С. 11.

⁴⁰⁸ Там же. – С. 13.

⁴⁰⁹ Там же. – С. 14.

⁴¹⁰ См., напр.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – С. 581; Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 377.

⁴¹¹ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – С. 581; Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. По материалам Центрального промышленного района, Урала и Поволжья. – М., 1977. – С. 126; Цыпкина Р.Г. О партийном составе местных военно-революционных комитетов. (По материалам губерний Европейской части России.) // Вопросы истории КПСС. – 1976. – № 12. – С. 105; Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 378; Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 2. – С. 375, 401.

⁴¹² См.: Разгон А.И. ВЦИК Советов... – С. 103.

⁴¹³ См.: там же. – С. 89.

⁴¹⁴ См.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 343; Минц И.И. История Великого Октября. – Т. 2. – С. 1022; Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. – Т. 3. – М., 1967. – С. 663–664. – Левые эсеры вошли в ВРК не только в столице, но и в ряде провинциальных городов. Например, во Влади-

мире активным членом ревкома являлся член ПЛСР Я. Туркин, который после переворота стал выполнять обязанности члена Президиума губисполкома и губернского комиссара по судебному ведомству. См.: ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1. Л. 234; Борьба и труд (Владимир). – 1918. – 27 февраля. – С. 5.

⁴¹⁵ Зензинов В.М. Левые эсеры самоопределились // Дело народа. – 1917. – 1 ноября. – С. 1.

⁴¹⁶ См.: там же.

⁴¹⁷ См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири. – С. 88–93; Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. – С. 50; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 202–203; Погребинский М.Б. Борьба большевиков с левыми эсерами... – С. 71.

⁴¹⁸ См.: Писарев А. Октябрьская революция в Н. Новгороде // Год пролетарской революции. 1917–1918. Юбилейный сборник. – Н. Новгород, 1918. – С. 17. Шансы Комитета спасения на победу уменьшилось еще больше в связи с выходом из его оперативного подчинения бундовской боевой дружины. По свидетельству А. Писарева, «бундовцы заявили, что они не могут вместе с офицерами, черносотенными студентами и всяким остальным сбродом выступать против войск, стоящих за Советы, и поэтому уходят» (см. там же).

⁴¹⁹ ГАВорО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 3. Л. 224.

⁴²⁰ См.: Врачев И. Октябрьская революция в Воронеже. (Заметки участника) // Пролетарская революция. – 1924. – № 10. – С. 171–172.

⁴²¹ Как отмечал И.Я. Врачев в своей автобиографии, написанной в январе 1919 г., Воронежский ВРК состоял из 3 большевиков и 2 левых эсеров. См.: ГАВорО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 65. Л. 26.

⁴²² См.: там же. – С. 181.

⁴²³ См.: Непролетарские партии России. Урок истории / Под общ. Ред. И.И. Минца. – М., 1984. – С. 358.

⁴²⁴ Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). – Пг., 1918. (Далее: Протоколы I съезда ПЛСР). – С. 52.

⁴²⁵ Там же. – С. 51.

⁴²⁶ Там же. – С. 51.

⁴²⁷ Там же. – С. 53.

⁴²⁸ Там же. – С. 53.

⁴²⁹ Там же. – С. 54.

⁴³⁰ Там же. – С. 57.

⁴³¹ Там же. – С. 58.

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же. – С. 86.

⁴³⁴ Там же. – С. 91.

⁴³⁵ Там же. – С. 87. При этом в качестве главного критерия для построения партийной линии в данном вопросе вновь предлагается *мнение масс*. «Те товарищи, – предостерегает Муравьев, – которые стоят за Учр[едительное] Собр[ание], объясняют это боязнью контрреволюции, но если мы не пойдем против Учред[ительного] Собр[ания], то и массы отойдут от нас, как в свое время отошли от правых с.-р. и меньшевиков, когда они, боясь буржуазии, поддерживали ее. И мы останемся без армии» (см.: Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). – С. 87). Иные оттенки радикализма (интеллигентского радикализма, если можно так сказать) прозвучали в словах делегата Теймана. Он, в частности, заявил: «Тут говорилось о том, что мы должны идти в Учр[едительное] Собрание и передать ему власть, потому что массы темны и не поймут нас, если мы отречемся от Учр[едительного] Собр[ания]. На то мы и вожди, чтобы вести массы и руководить ими» (см. там же. – С. 93).

⁴³⁶ Протоколы I съезда ПЛСР. – С. 91–92.

⁴³⁷ См. там же. – С. 61, 65, 69, 91, 92, 93 и др.

⁴³⁸ Там же. – С. 108.

⁴³⁹ См. там же. – С. 35.

⁴⁴⁰ Там же. – С. 88.

⁴⁴¹ Там же. – С. 88–89.

⁴⁴² Там же. – С. 89.

⁴⁴³ Там же. – С. 90.

⁴⁴⁴ Там же. – С. 90.

⁴⁴⁵ См.: Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. – С. 30, 103.

⁴⁴⁶ История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. – С. 353.

⁴⁴⁷ См.: Непролетарские партии России: Урок истории. – С. 356.

⁴⁴⁸ См., напр.: Агалаков В.Т. Советы Сибири. – С. 113–118; Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября. (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке.) – М., 1986. – С. 40; Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. – С. 50–55; Пролетарская революция. – 1924. – № 10. – С. 215–216; Врачев И. Октябрьская революция в Воронеже. – С. 188–190.

⁴⁴⁹ См.: Центральный архив нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1102. Оп. 1. Д. 56. Л. 13–14.

⁴⁵⁰ См.: Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 213–214.

⁴⁵¹ См.: там же. – С. 213.

⁴⁵² Цит. по: Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – С. 73.

⁴⁵³ Н.И. [Ривкин Г.А.] Объединение и полемика // Трудовая республика (Саратов). – 1918. – № 2. – С. 3.

⁴⁵⁴ См.: там же.

⁴⁵⁵ См.: Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – С. 75, 76.

⁴⁵⁶ Об этом же, но в других терминах, пишет и профессор А.В. Медведев. По его оценке, «максималисты были в вопросах социалистического строительства на крайне левых позициях. Их призывы к немедленной социализации земли, средств производства оказывали влияние на левых эсеров и отколовшихся от ПЛСР народников-коммунистов и революционных коммунистов, а также, видимо, и на часть коммунистов-большевиков. Их идея «трудовой советской республики» с максимальной децентрализацией вела к созданию полуанархического государственного образования, в этом отношении максималисты были левее всех народников». См.: Медведев А.В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). В 2-х т. Т. 1: Дис. ...д.и.н. – Н. Новгород, 1994. – С. 148.

⁴⁵⁷ См.: Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. – С. 163.

⁴⁵⁸ См.: там же. – С. 162.

⁴⁵⁹ В частности, в начале 1918 г. в Сормово вернулась большая группа демобилизованных солдат – бывших заводских рабочих. Они потребовали обеспечить их работой и соответствующими продовольственными пайками, что и было выполнено районными властями. См.: Маслов К.П. Указ. соч. – С. 181.

⁴⁶⁰ См.: там же. – С. 181.

⁴⁶¹ См.: ЦАНО. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

⁴⁶² См.: там же. – С. 181–182.

⁴⁶³ См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири. – Табл. 13.

⁴⁶⁴ См.: Мстиславский С.Д. Революционный социализм // Знамя труда. – 1918. – № 143. – С. 1.

⁴⁶⁵ См.: там же.

⁴⁶⁶ Ц.И.К. Пленум 14 июня // Знамя труда. Орган ЦК ПЛСР. – 1918. – 16 (3) июня.

⁴⁶⁷ См.: Мстиславский С.Д. Революционный социализм. – С. 1.

⁴⁶⁸ См.: там же.

⁴⁶⁹ Заявление фракции Союза эсеров-максималистов по поводу подписания мира с Германией // Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. – С. 121.

⁴⁷⁰ Полянский Н.А. Организация власти // Знамя труда. – 1918. – 27 (14) марта. – С. 1.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Магеровский Д. Фетишизм власти // Знамя Труда. – 1918. – № 172. – С. 1.

⁴⁷³ См.: Из материалов V Всероссийского съезда Советов. Москва, 4–10 июля 1918 г. // Союз эсеров максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. – С. 151.

⁴⁷⁴ См.: там же. – С. 135. См. также: Полянский Н.А. Социализм и власть // Максималист. – 1918. – № 37–38.

⁴⁷⁵ От Центрального комитета партии левых с.-р. // Знамя труда. – 1918. – 16(3) июня.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Роспуск Ц.И.К. // Знамя труда. – 1918. – 16(3) июня.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ См.: там же.

⁴⁸² Виссарионов Л. С двух сторон // Знамя труда. – 1918. – 16(3) июня.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Третий съезд партии левых с.-р. // Знамя труда. – 1918. – 2 июля (19 июня).

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Цит. по: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. – С. 358.

⁴⁸⁹ Третий съезд партии левых с.-р. // Знамя труда. – 1918. – 2 июля (19 июня).

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Стоит отметить, что в «законодательных» органах Советской власти, а также в исполнительных органах надгубернского уровня, левые эсеры имели значительно более скромные позиции. В частности, на I съезде советов Северной области (в эту область входило 8 губерний, в том числе и экс-столичная – Петроградская), прошедшем в апреле 1918 г., из 173 делегатов присутствовало только 44 члена ПЛСР и 2 сочувствующих (преобладали большевики – 89 членов партии и 15 сочувствующих). Левые эсеры настаивали – и при этом опирались на решительную поддержку Г.Е. Зиновьева, чтобы им предоставили треть мест в исполкоме и Совете комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО). В итоге они своего добились, проведя в исполкоме областного совета 14 своих представителей (большевики – 25), а в областной совет комиссаров – 5 (большевики – 13). Комиссаром внутренних дел СКСО стал один из лидеров ПЛСР П. Прошьян. См.: Хмелевский В.П. Северный областной комитет РКП(б). – Л., 1972. – С. 82, 86–87.

⁴⁹⁷ См.: Хмелевский В.П. Указ. соч. – С. 102.

⁴⁹⁸ См.: Агалаков В.Т. Советы Сибири. – Табл. 13. В ЦИК Советов Сибири (Цетросибире) в левоэсеровскую фракцию входили 8 членов и 3 кандидата, а также 25 большевиков, 4 максималиста, 2 социал-демократа-интернационалиста и 4 анархиста. В совнаркоме Сибири работало 11 большевиков и 4 левых эсера. См.: там же. – Табл. 13, с. 118.

⁴⁹⁹ См. Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии... – С. 219–220.

⁵⁰⁰ См.: ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Лл. 3(об), 4, 5(об).

⁵⁰¹ Рабочий-сормович правый меньшевик И.Г. Уповалов вспоминал: «Стремясь к тому, чтобы волна народных восстаний не унесла измученные массы крестьян и рабочих в правую сторону, нижегородский комитет с.-д. партии созвал в июне месяце 1918 г. беспартийную конференцию рабочих для обсуждения всех тревожных вопросов момента». По приказу Сормовского совета отряды красноармейцев заняли все общественные места, пригодные для проведения массового мероприятия, поэтому конференция прошла в тесном помещении местного бюро меньшевиков. Согласно анализу современного историка Д.О. Чуракова, состоявшаяся в Сормове 1-я конференция уполномоченных фабрик и заводов оказалась вполне рабочей (из 181 участника 149 обозначили свой пролетарский статус), но вовсе не беспартийной: таковых оказалось только 63 человека. Большую часть делегатов составили эсеры (61 чел.) и меньшевики (42 чел.), присутствовали также бундовцы, энесы и даже один коммунист. См.: Чураков Д.О. Революция, государство,

рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. – М., 2004. – С. 146–147, 183 (прим. 77). См. также: Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса... – С. 214.

⁵⁰² См.: Протокол общего собрания Нижегородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о созыве губернского съезда Советов [15 июня 1918 г.] // Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 524.

⁵⁰³ Как отмечает Д.О. Чураков, в первоначальной версии одного из агитационных документов движения уполномоченных так и говорилось: «Сормовские рабочие созвали на 9 июня Совецание Уполномоченных фабрик и заводов Нижегородского района, которое запрещено рабочими как контрреволюционное (выделено нами. – В.С.). В дальнейшем эта «фрейдиистская», по определению Д.О. Чуракова, оговорка была устранена и в опубликованном варианте речь шла о совещании, которое «было запрещено как контрреволюционное, но все же состоялось» (см.: Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест. – С. 182 (прим. 75). Кстати, подобного рода оговорку «по Фрейду» допустил на общем собрании Нижегородского совета 15 июня меньшевик Терентьев. Согласно его заявлению, «может, эта конференция (т.е. 1-я конференция уполномоченных фабрик и заводов в Сормове. – В.С.) была и контрреволюционная, но факт разгона и расстрела есть грубое насилие над рабочими (выделено нами. – В.С.)». Большевик А. Костин тут же попросил завести неосторожно оброненную фразу меньшевистского депутата в протокол. См.: Протокол общего собрания Нижегородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о созыве губернского съезда Советов [15 июня 1918 г.] // Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 524.

⁵⁰⁴ См.: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 524.

⁵⁰⁵ См.: там же. – С. 525.

⁵⁰⁶ См.: там же. – С. 526.

⁵⁰⁷ См.: там же. – С. 525.

⁵⁰⁸ См.: там же.

⁵⁰⁹ См.: там же.

⁵¹⁰ См. Там же.

⁵¹¹ См.: ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

⁵¹² В частности, левый эсер А.Н. Волков поддержал мысль, что «съезд этот неполный», а В.К. Хрекин иронично поздравил большеви-

ков с тем, что и сам Столыпин удивился бы их умению управлять так, что «созвали съезд и ни одного противника» (см.: ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 6).

⁵¹³ См.: там же. Л. 6 об.

⁵¹⁴ См.: там же. Л. 8 об.

⁵¹⁵ См.: там же. Л. 8 об.

⁵¹⁶ См.: там же. Л. 13 об.

⁵¹⁷ См.: См.: ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 14. Л. 17(об), 18.

⁵¹⁸ Стенографический отчет 5-й Нижегородской губернской конференции РКП (большевиков). – Н. Новгород. Б.г. – С. 142–143.

⁵¹⁹ См.: Свень. Белый террор // Знамя труда. – 1918. – 3 июля (20 июня).

⁵²⁰ Отметим, что, критикуя «белый террор» большевистских чрезвычайных органов, Свень, в духе народнических установок своей партии, противопоставляет органичность и организованность народных низов прямо противоположным качествам верхов, т.е. правящей политической элиты. «Мелочный частичный террор, убийства из-за хлеба или из-за незаконных, хотя бы и миллионных сделок, привлечение общественного внимания к заговорам – не признак силы. Они больше дезорганизуют, чем организуют. Они – бесперспективны. Силы, двигающие пресом рабоче-крестьянской власти, расходятся в этих делах по мелочам. Массы – органичны по натуре своей, они не терпят паники и мстят за панику. Поэтому-то и от власти своей они более всего требуют органичности». Это не только дань идеологической и тактической традиции. Таким образом, стремясь к радикальному перераспределению государственной власти в свою пользу, левые эсеры подобно большевикам в 1917 г. пытаются активизировать некие архетипы классового сознания и стремятся запустить механизм спонтанных массовых действий. Однако ленинский Совнарком в 1918 г. мало напоминал правительство А. Керенского любого состава.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Попытки практического расширения «трудовой революции» эсерами-максималистами можно проследить по событиям в Ижевске в первые месяцы 1918 г. В частности, согласно описанию современного историка Д.О. Чуракова, уже в феврале 1918 г. «творимые Красной гвардией (большинство бойцов которой составляли максималисты. –

В.С.) беззакония перешли все пределы. Аресты, обыски, избиения теперь угрожали не только состоятельным гражданам, которых можно было заподозрить в "сочувствии контрреволюции", но и рабочим... За короткое время в кладовых Красной гвардии и на руках у красногвардейцев было накоплено немалое количество золота, оружия, предметов потребления. Вслед за Пастуховым (председателем городского Совета. – В.С.), угрозы начали звучать и в адрес других большевистских активистов... В марте максималисты от угроз перешли к делу. Не редки стали случаи, когда рядовых членов Совета, его Председателя красногвардейцы не пропускали на заседания Совета. Устраивались слежки за многими партийными работниками. Обычными стали бессудные аресты меньшевиков и эсеров... Но попытки руководителей ижевской организации большевиков нормализовать ситуацию в городе встречали серьезные препятствия со стороны самой Красной гвардии, а также со стороны радикально настроенных рабочих и рядовых членов большевистской партии... Тем не менее, фракция большевиков в Совете на своем заседании постановила категорически потребовать от штаба Красной гвардии дать полный ответ о своей деятельности Ижевскому совету» (Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест. – С. 90–91). После категорического отказа руководства неуправляемой Красной гвардии большевики приступили к решительным действиям: провели массовую чистку партийной организации, создали Военно-полевой штаб и 20 апреля предъявили красногвардейцам ультиматум о безоговорочном разоружении. Вскоре, после прибытия из Казани отряда матросов, большевикам силой оружия удалось восстановить контроль над городом (см.: там же. – С. 91–92). Подробнее о событиях 20 апреля 1918 г. в Ижевске см.: Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии: Монография. – Ижевск, 1997. – С. 68–70). Максималистская печать интерпретировала события прямо противоположным образом. «До недавнего времени, – отмечала газета «Максималист» 24 апреля 1918 г., – в красной гвардии преобладали большевики, действительно совершавшие бесчинства. Когда же максималисты потребовали реорганизации красной гвардии, очистки ее от хулиганских, именовавших себя большевиками, элементов, Совет воспротивился этому. Тогда максималисты влили в красную гвардию свою дисциплинированную боевую дружину, которая и вытеснила тех из большевиков, которые на деле позорили дело революции. Красная гвардия сделалась по направлению максималистской и это обстоятельство дало повод большевикам к позорной, дикой расправе» (Лозунг дан! // Максималист. – 1918. – 24 ап-

реля. – С. 1). Как бы там ни было, междоусобица между леворадикальными организациями подготовила почву для политического реванша правых социалистов.

Не менее драматическая ситуация сложилась весной 1918 г. в Самаре. Здесь после VI губернского съезда Советов (14–26 марта 1918 г.) установилось двоевластие губисполкома, в котором преобладали фракции максималистов, левых эсеров и примкнувших к ним анархистов и большевистского горисполкома. Неонародники провели реорганизацию губернской исполнительной власти, заменив комиссариаты коллегиями; подчинили губисполкому наличные части Красной армии и приступили к формированию военных отрядов «коммунаров». Не желая терять контроль над городом и губернией, большевики созвали собрание представителей самарского гарнизона, которое «большинством всех, при двух воздержавшихся, приветствовало городской исполнительный комитет как свой верховный орган». 6–7 мая 1918 г. пробольшевистские части разоружили часть анархо-максималистских отрядов, а 9 мая комиссариат по делам печати принял постановление о закрытии местного печатного органа ССРМ «Трудовая республика». После того, как 11 мая в Самару пришли известия о выступлении оренбургских и уральских казаков, в городе формируются два органа – Чрезвычайный военнореволюционный штаб при горисполкоме и Губернский чрезвычайный штаб при губисполкоме, каждый из которых претендует на монопольное руководство вооруженными силами. Кульминацией противостояния двух леворадикальных лагерей стали события 17–19 мая, когда отряды анархистов и максималистов захватили ряд ключевых объектов города. 20 мая после подавления «мятежа» губисполком был распущен, вся власть перешла в руки большевистского ревкома. Выборы делегатов нового губернского съезда Советов провести не удалось, так как 8 июня Самару захватили чехословаки. Комментируя события, максималистская печать отмечала, что «там, где [...] как в Самарской губернии [...] за нашими лозунгами идет большинство честных и революционных крестьян и рабочих – мы от слов переходим к делу: уничтожаем частную торговлю, социализируем промышленные заведения, берем на учет весь хлеб в деревнях. За это большевистские самарские сатрапы и узурпаторы власти губернского совдепа, превратившиеся в саботажников и изменников Советской власти, спешат объявить максималистов контрреволюционерами и врагами советов, спешат разгромить слишком усилившихся максималистов, закрыть их печать, бюро и т.д... Мы оплакиваем происходящую междоусобную войну и, обращаясь к выс-

шей советской власти, еще раз повторяем: остановите безумцев и прохвостов, именем советской власти убивающих нашу социальную революцию и наши революционные советы». (См.: Москва, 23 мая // Максималист. – 1918. – 23 мая. – С. 1. См. также: [Сообщение Петроградского телеграфного агентства] // Максималист. – 1918. – 24 апреля. – С. 4; Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – С. 118–122; Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. Борьба за власть в Самарской губернии (конец 1917 – первая половина 1918 г.) // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. – 1996. – № 1; Стариков С.В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг. (На материалах Поволжья). – Йошкар-Ола, 2004 (глава 4)). Таким образом, конфликт между двумя органами власти, охваченными «партийным централизмом», не оставил левым социалистам сил и времени для какой-либо значительной конструктивной деятельности, более того – косвенно содействовал ослаблению, а затем и полной ликвидации Советской власти в регионе.

⁵²⁷ Фельштинский Ю.Г. Большевики и левые эсеры, октябрь 1917 – июль 1918: На пути к однопартийной диктатуре. – Париж: YMCA PRESS, 1985. – С. 17.

⁵²⁸ См. там же. – С. 56.

⁵²⁹ См. там же. – С. 49–50.

⁵³⁰ Именно такую формулировку использовал в своей записке председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. См.: ГАРФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 12. Л. 292.

⁵³¹ Рабинович А. Самосожжение левых эсеров // Россия XXI. – 1998. – № 1–2. – С. 136.

⁵³² Там же. – С. 139. А. Рабинович приводит пример подобной «интенсификации попыток» на материалах выборов делегатов от Могилевской губернии. На пленарном заседании губисполкома 21 июня 1918 г. были утверждены два представителя на съезд – большевик и левый эсер. Однако в начале июля, после получения телеграммы из Москвы, большевистская фракция втайне от левых эсеров провела дополнительные выборы и направила на съезд еще 5 своих товарищей по партии (см.: Рабинович А. Самосожжение левых эсеров. – С. 139, прим. 36).

⁵³³ «В своем заседании от 24 июня ЦК ПЛСР – интернационалистов, – указывалось в соответствующем протоколе, – обсудив настоящее политическое положение Республики, нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского договора. В этих

целях Центральный Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении... Кроме того, постановлено подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая их к решительным действиям против настоящей политики СНК». Вместе с тем левозсеровское руководство подчеркнуло, что рассматривает «свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков». «А чтобы в этой схватке, — отмечалось в протоколе заседания ЦК ПЛСР, — партия не была использована контрреволюционными элементами, постановлено немедленно приступить к выявлению позиции партии, к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интернациональной и революционно-социалистической политики в Советской России (везде выделено нами. — В.С.)» (см.: Красная книга ВЧК. Т. 1. — С. 185–186). Таким образом, резко критикуя внешнюю политику советского правительства и готовя массовое вооруженное восстание против австро-германских оккупантов, левые эсеры во внутренней политике оставались вполне лояльной просоветской и никак не антибольшевистской оппозицией. Оппозиционность леворадикальных неонародников как раз и стимулировалась нарушениями первородных принципов революционного интернационализма и советской демократии в практике правящей партии.

⁵³⁴ См.: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. — С. 365. Примечательно, что, признавая «бесспорную историческую правоту» большевиков, которые в действиях левых эсеров обнаружили «нарушение воли съезда Советов», авторы соответствующей главы «Истории политических партий России» (М., 1994), тем не менее, поставили под вопрос сам факт антибольшевистского мятежа. Раздел, посвященный указанным событиям, озаглавлен уклончиво: «Мятеж?» (см. с. 363).

⁵³⁵ Фельштинский Ю.Г. Большевики и левые эсеры... — С. 189–190.

⁵³⁶ См.: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. — С. 365.

⁵³⁷ См.: Воззвание крестьянской секции Всероссийского ЦИК ко всему трудовому крестьянству [7 июля 1918 г.] // Красная книга ВЧК. Т. 1. — С. 213.

⁵³⁸ См.: там же. – С. 212.

⁵³⁹ См.: там же. – С. 211.

⁵⁴⁰ Товарищи железнодорожники [Воззвание ЦК ПЛСР] // Красная книга ВЧК. Т. 1. – С. 208.

⁵⁴¹ См.: [Воззвание ЦК ПЛСР] Партия левых эсеров социалистов // Красная книга ВЧК. Т. 1. – С. 206.

⁵⁴² Например, в конце июля 1918 г. левые эсеры подняли восстание в 7 волостях Нижегородского уезда одноименной губернии. В следующем году властями была отмечена «активизация работы левых эсеров, ведущих контрреволюционную пропаганду» в Арманихинской волости указанного уезда. См.: ЦАНО. Ф. 1678. Оп. 11. Д. 3. Лл. 22, 23.

⁵⁴³ См., напр.: Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. – С. 100–101.

⁵⁴⁴ Например, левый эсер Михайлов в июле 1918 г. вышел из партии «из-за разногласий с центром», благодаря чему сумел сохранить высокие посты в Воронежском губисполкоме (в частности, в начале 1919 г. он совмещал должности члена коллегии губернского комиссариата труда и председателя исполкома губернского союза рабочих касс социального страхования (см.: ГАВорО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 65. Л. 19). Достаточно благополучно сложилась судьба ряда бывших нижегородских левых эсеров, которые вовремя вышли из рядов «мятежной» партии: в 1919 г. Н.В. Кожевников служил инструктором в отделе народного образования, Багаев – в народном суде, Б.К. Суровежин – в милиции, а Н.Н. Перфилов даже возглавлял железнодорожную милицию в г. Семёнове (двое последних на тот момент уже состояли в РКП(б)). См.: ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 6999. Лл. 13(об), 20, 24–25(об). См. также: Леонтьев, Я.В. Указ. соч. – С. 106–107.

⁵⁴⁵ «Председателями в Исполкомах. – строго предписывала директива Московского областного бюро РКП (б) от 22 июля 1918 г., – должны быть коммунисты. Военный Комиссариат, Продовольственный и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией должны быть исключительно в руках коммунистов». См.: Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 16.

⁵⁴⁶ ГАВорО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 47. Л. 25.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 29.

⁵⁴⁸ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Лл. 55–56(об).

⁵⁴⁹ Там же. Л. 57.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 57(об). – Примерно так же развивались события и в Юрьев-Польском уезде Владимирской губернии. В частности, на заседании уездного исполкома 25 июля 1918 г. было единогласно принято решение «организовать фракцию при Совете, в которую должны входить коммунисты и левые социалисты-революционеры; меньшевикам же и правым эсерам нет места в Совете» (ГАВО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 14. Л. 34(об)). 22 августа 1918 г. в составе Юрьев-Польского УИКа была сформирована комиссия по созыву крестьянского съезда из 5 человек – 3 большевиков и 2 левых эсеров (см.: там же. – Л. 48).

⁵⁵¹ ГОПАНО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Лл. 38–39.

⁵⁵² Резолюция 1-го Совета партии левых с.-р., принятая 4 августа 1918 г. // Знамя трудовой коммуны. – 1918. – 27 августа. – С. 4.

⁵⁵³ См.: Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. – С. 111. Об эволюции левозсеровской концепции «синдикально-кооперативной федерации» см. также: Медведев А.В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 гг.). В 2-х т. Т. 1: Дис. ... д.и.н. – С. 193–194.

⁵⁵⁴ См.: Почему мы не объединились с вновь народившейся партией революционного коммунизма? // Знамя трудовой коммуны. – 1918. – 1 октября. – С. 1.

⁵⁵⁵ См.: там же.

⁵⁵⁶ О роли интегрального социализма. Доклад т. Устинова, читанный на всероссийском съезде партии // Воля труда. Еженедельный орган ЦК ПРК. – 1918. – 4 декабря. – С. 1.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ См.: там же.

⁵⁵⁹ Магеровский Д. Свободная федерация советских республик // Знамя Труда. – 1918. – 19 (6) мая. – С. 1.

⁵⁶⁰ III Всероссийская конференция Соц[иалистов]-Рев[олюционеров] Максimalистов // Максimalист. – 1918. – 28 апреля. – С. 2. – Не менее резонные мысли высказал и другой делегат конференции, С.Ф. Светлов. Он, в частности, напомнил, что «для ведения войны нужно иметь сложившийся, хорошо организованный хозяйственный аппарат, способный снабжать армию и фуражом, и боевыми припасами, и орудиями войны. Нынешнюю войну выдержит только то государство, хозяйственный аппарат которого работает без перебоев». «Наше же революционное хозяйство настолько расшаталось, что эти элементарные требования войны для него непосильны», – резюмировал докладчик и после этого пришел к не совсем логичному выводу о выдвижении лозунга восстания

против порабощателей. Не без сарказма делегат Волах заявил, что «тов. Светлов хочет обмануть народ, посылая его на войну и утверждая, что это не война, а восстание». См.: там же.

⁵⁶¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – Т. 35. – М., 1969. – С. 492.

⁵⁶² Цит. по: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. – Л., 1987. – С. 183. См. там же мнение по поводу Брестского мира «с другого берега» – германского генерала Макса Гофмана.

⁵⁶³ См., напр.: III Всероссийская конференция Соц[иалистов]–Рев[олюционеров] Максималистов // Максималист. – 1918. – 28 апреля. – С. 2.

Глава 3

⁵⁶⁴ Из выступления В.И. Ленина на VII Всероссийской конференции РСДРП(б). См.: Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 года: Протоколы. – М., 1958. – С. 147.

⁵⁶⁵ Сироткин В.Г. Почему проиграл Троцкий? – М., 2005. – С. 266.

⁵⁶⁶ Программа Российской Социал-демократической Рабочей Партии // Полный сборник платформ всех русских политических партий. Репринтное издание. – М., 2002. – С. 13.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ См.: там же. – С. 14–15.

⁵⁶⁹ Там же. – С. 14.

⁵⁷⁰ См.: Сталин И.В. Анархизм или социализм? // Сталин И.В. Сочинения в 13 т. – Т. 1. – М., 1946. – С. 296.

⁵⁷¹ См.: Богданов А.А. Новый мир // Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990. – С. 66.

⁵⁷² Плеханов Г.В. Критика теории и практики синдикализма. Статья 2-я. Энрико Леонэ и Ивано Бономи // Сочинения. – Т. XVI. Под ред. Д. Рязанова. – Изд. 2-е. – М.–Л., 1928. – С. 111.

⁵⁷³ См.: там же.

⁵⁷⁴ Сталин И.В. Анархизм или социализм? – С. 335. См. также с. 360.

⁵⁷⁵ Подробнее см.: Сапон В.П. Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной идеологии (1840-е – 1917 гг.): Монография. – Н. Новгород, 2005. – С. 253–264.

⁵⁷⁶ См.: Архив А.М. Горького. – Т. IV. Горький А.М. Письма к К.П. Пятницкому. – М., 1954. – С. 210–211. Горький характеризует Луначарского как «парня с будущим», по его убеждению, «это человек

духовно богатый, и, несомненно, он способен сильно толкнуть вперед русскую революционную мысль» (см.: там же. – С. 212, 216).

⁵⁷⁷ Официальное отношение меньшевиков к проблеме революционной власти было сформулировано 7 марта 1917 г. в первом номере центрального партийного органа – «Рабочей газете». В статье «Временное правительство», в частности, утверждалось, что «пролетариат и революционная армия всем своим поведением за первую, самую трудную неделю революции показали свою готовность не раскалываться и вести дело освобождения России вместе с либеральной буржуазией (выделено нами. – В.С.)». В статье «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов», помещенной в том же номере, подчеркивалось, что Совет «претендентом на общероссийскую власть ни в коем случае являться не мог», поскольку «этот орган рабочих и солдат не может пользоваться авторитетом в широких слоях буржуазии, а между тем на данном уровне нашего экономического развития буржуазии не может не принадлежать руководящая роль в экономической жизни страны». Цит. по: Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. – Кн. 1–2. – С. 370.

⁵⁷⁸ См.: Ленин В.И. Подготовительные материалы к книге «Государство и революция» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 33. – М., 1981. – С. 173.

⁵⁷⁹ В 1925 г. Н.И. Бухарин напомнил о своем теоретическом приоритете в этом вопросе, за что позднее, в ходе борьбы с «правым уклоном», его подвергает резкой критике И.В. Сталин. См.: Сталин И.В. Сочинения в 13 т. – Т. 12. – М., 1949. – С. 76–78.

⁵⁸⁰ Ленин В.И. Материалы к ненаписанной статье «К вопросу о роли государства» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 33. – М., 1981. – С. 333.

⁵⁸¹ Там же.

⁵⁸² Там же. – С. 337.

⁵⁸³ Там же. – С. 337–338. Американский историк С. Козн полагает, что реабилитация Бухариным первоначальных антигосударственных положений марксизма вытекала из «его предвидения прихода кошмарного «нового Левиафана» и соответствовала его свободолюбивым наклонностям»; кроме того, «она была его важнейшей попыткой революционизировать марксистскую идеологию», которую ревизионисты очистили от боевого пафоса» (Козн С. Бухарин. – М., 1988. – С. 67).

⁵⁸⁴ См.: Ленин В.И. Интернационал молодежи (заметка) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 30. – М., 1969. – С. 227–228.

⁵⁸⁵ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 3. О пролетарской милиции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 31. – М., 1962. – С. 39–40.

⁵⁸⁶ Там же. – С. 42.

⁵⁸⁷ См.: там же. По поводу своего схематического примера В.И. Ленин делает оговорку во вполне либертаристском духе: «Нечего и говорить, что была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было «плана» пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики» (см. там же).

⁵⁸⁸ Там же. – С. 43–44.

⁵⁸⁹ Там же. – С. 45.

⁵⁹⁰ Там же. – С. 45–46. Как отмечал Н.И. Бухарин в докладе, сделанном в 1924 г., «Ленин всегда ставил вопрос, как можно получить смычку с максимумом народа, с максимумом людей, которые могут сыграть роль известных энергетических величин, брошенных против классового врага» (Бухарин Н.И. Ленин как марксист // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. – С. 67).

⁵⁹¹ Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 31. – М., 1962. – С. 109.

⁵⁹² Там же. – С. 111.

⁵⁹³ Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 31. – М., 1962. – С. 115.

⁵⁹⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 2. Кн. 3–4. – С. 13.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Ср. у А.А. Богданова: «На основании всего опыта прошлой, да и нынешней революции мы до сих пор полагали, что Советы Рабочих и иных Депутатов представляют *органы революционной борьбы*, орудие движения революции, выполняемого ею разрушения и строительства; следовательно – учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое. Теперь нам предлагают создать из них «новый тип государства (курсив А.А. Богданова. – В.С.)» (Богданов А.А. Вопросы социализма. – С. 344).

⁵⁹⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 2. Кн. 3–4. – С. 13.

⁵⁹⁸ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 33. – М., 1981. – С. 20.

⁵⁹⁹ Там же. – С. 24.

⁶⁰⁰ Там же. – С. 60.

⁶⁰¹ Там же. – С. 53.

⁶⁰² Коэн С. Бухарин. С. 70.

⁶⁰³ См: Schapiro L. The Basis and Development of the Soviet Polity // Fifty Years of Communism in Russia/ Edited with an introduction by M.M. Drachkovitch. – Pennsylvania State University Press, University Park and London, 1968. – P. 55; Meyer A. Leninism. – Cambridge (Mass.), 1957. – P. 195; Evans A.B. Rereading Lenin's State and Revolution // Slavic Review. – 1987. – Vol. 46, № 1. – P. 1–2; Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. – Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М., 2004. – С. 323.

⁶⁰⁴ Вероятно, еще одной причиной либертарного поворота большевиков стало их стремление развенчать западноевропейских марксистских теоретиков, которые, по словам Н.И. Бухарина «выражали одну и ту же тенденцию вырождения марксизма, тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе». В частности, Н.И. Бухарин резкой критике подверг так называемый *ревизионистский «марксизм»*, или *марксизм в кавычках* за то, что тот «в его последовательной форме приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, капиталистическому режиму и пр. (выделено нами. – В.С.)». См.: Бухарин Н.И. Ленин как марксист. – С. 54.

⁶⁰⁵ Цит. по: Evans A.B. Rereading Lenin's State and Revolution. – P. 3.

⁶⁰⁶ Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4-е. – Т. 24. – М., 1949. – С. 47.

⁶⁰⁷ Трутовский В. Государство и революция // Наш путь. Орган ЦК ПЛСР. – Май 1918 г. – С. 266.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ См.: Богданов А.А. Вопросы социализма. – С. 348.

⁶¹⁰ Там же. – С. 344, 346.

⁶¹¹ Там же. – С. 345.

⁶¹² Там же. – С. 347.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ По убеждению А.А. Богданова, на повестке дня в странах Европы, в том числе и в России, стоит не социалистическая революция, а ряд *иных* революций, которые должны устранить разрушительные последствия войны и ликвидировать довоенную отсталость, свойственную большинству европейских стран. В политическом отношении это означает: «Установить демократический строй повсюду, где его раньше не было; восстановить там, где он был, но фактически устранен, оттеснен-

ный громадным развитием авторитарности: диктатурою властей и стоящей за нею олигархией финансистов» (см.: Богданов А.А. Вопросы социализма. – С. 343).

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Там же.

⁶¹⁷ Там же. – С. 348. Кстати, именно «финансовый» вопрос стал одной из причин отказа А.А. Богданова занять ответственную должность в Наркомате просвещения. «... Если бы я *хотел* принять твое предложение, – писал оно наркому А.В. Луначарскому, – я *не мог бы* этого сделать по материальным причинам. Время и силы надо отдать целиком; а жалование – «не выше обученного рабочего»... Разве Ленин и Троцкий не читали Маркса, не знают, что стоимость рабочей силы определяется нормальным уровнем потребностей, связанных с выполнением данной функции. Конечно, знают, но они сознательно рвут с логикой социализма для логики военного коммунизма... А впрочем, может быть, и незнательно (курсив автора письма. – В.С.)» (см.: Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990. – С. 353).

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ См.: там же. – С. 334.

⁶²⁰ «Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление» (Богданов А.А. Вопросы социализма. – С. 344).

⁶²¹ Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. – С. 352.

⁶²² Характерно, что когда социал-демократ В.С. Войтинский, отбывавший ссылку в Иркутске, в начале марта 1917 г. услышал о Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, то он испытал недоумение: «“Совет рабочих депутатов” – это было понятно, это возвращало мысль к октябрьским дням 1905 года. Но солдатские депутаты? Почему они здесь? Может быть, восставшие воинские части послали своих представителей в Совет рабочих? А может быть, попросту телеграф напутал? Во всяком случае, название “Совет рабочих и солдатских депутатов” в первый момент казалось неожиданным, странным (курсив автора. – В.С.)» (Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 25).

⁶²³ Там же. – С. 353, 352. Об угрозе «милитаризации» советской власти в том же смысле предупреждал еще весной 1917 г. лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов. По его мнению, даже при условии замены правительства кадетов Советами «это была бы не власть социалистов, а власть крестьянской солдатчины, держащей в плену социалистов». См.: 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. – С. 156.

⁶²⁴ Там же. – С. 354.

⁶²⁵ Плеханов Г.В. Заметки публициста // Сочинения. Под ред. Д. Рязанова. – Изд. 2-е. – Т. XV. – М.–Л., 1926. – С. 417.

⁶²⁶ См.: Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. – С. 352, 355.

⁶²⁷ Von Laue T.H. Westernization, Revolution and the Search for a Basis of Authority. Russia in 1917 // Soviet Studies. – 1967. – Vol. 19, № 2. – P. 176.

⁶²⁸ Ibid.

⁶²⁹ Махно Н.И. Воспоминания. – В 3-х кн. – Кн. 2–3. – Киев, 1991. – С. 128.

⁶³⁰ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Вильямс А.-Р. Путешествие в революцию: Пер. с англ. – М., 1987. – С. 399. Через семь лет после Февраля видный межрайонец К.К. Юренев напоминал, что «никто из активных участников тогдашних событий не предвидел всей их предстоящей грандиозности и полной катастрофы царизма. Сейчас в памяти некоторых товарищей стерлись грани между дофевральскими и послефевральскими настроениями. Теперь им кажется, что февральская революция – это дело рук тех или иных комитетов и партий» (Юренев И. «Межрайонка» (1911–1917 гг.) // Пролетарская революция. – 1924. – № 2. – С. 140). См. также соответствующие высказывания В.М. Зензинова, Н.Н. Суханова, С. Гопнер, П.Н. Милюкова, Мансырева и других в книге: Очерки по истории Октябрьской революции. В 2-х т. Под общ. ред. М.Н. Покровского. – Т. 1. – С. 53–55, 60–61.

⁶³¹ Цит. по: Очерки по истории Октябрьской революции. – Т. 1. – С. 54.

⁶³² Там же.

⁶³³ Цит. по: там же. – С. 55.

⁶³⁴ См.: там же. – С. 57, 59.

⁶³⁵ Шляпников А.Г. Накануне семнадцатого года. Семнадцатый год. – Т. 1. – С. 78–79.

⁶³⁶ Там же. – С. 79.

⁶³⁷ См.: Протоколы шестого съезда РСДРП(б). – М., 1934. – С. 49.

⁶³⁸ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917–1921. – С. 179.

⁶³⁹ В частности, активисты-большевики могли иметь посты на разных уровнях партийной иерархии. Например, М.И. Калинин, В.Н. Залежский, К.И. Шутко с начала марта 1917 г. являлись одновременно членами и «левоцентристского» Русского бюро ЦК, и «правоцентристского» Петербургского комитета (ПК) РСДРП(б). См.: Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 465–466, прим. 4.5.

⁶⁴⁰ Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание в 1917 году. – С. 43. – А вот как расслоение столичных большевиков по отношению к Временному правительству выглядит в описании активного участника событий – члена Бюро ЦК РСДРП(б) А.Г. Шляпникова: «Выборжцы были несколько склонны к форсированию событий, но их позиция была по принципу более родственна нам (то есть Бюро ЦК. – В.С.), чем позиция Петербургского Комитета. Мы расходились с Выборгским районным комитетом лишь в том, что призывали сначала вести подготовительную работу, организовать силы, а потом уже идти в бой» (Шляпников А.Г. Накануне семнадцатого года. Семнадцатый год. – Т. I. – С. 230).

⁶⁴¹ Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 434.

⁶⁴² Там же. – С. 435.

⁶⁴³ См.: там же. – С. 163. – В «Манифесте» формулировалась радикальная «задача рабочего класса и революционной армии – создать *временное революционное правительство*, которое должно встать во главе нового нарождающегося *республиканского* строя (курсив подлинника. – В.С.)». Создание новой власти представлялось авторам документа как акт прямой «низовой» демократии: они призывали рабочих и солдат «немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е, доп. и испр. – Т. I. – М., 1970. – С. 427, 428). Именно так в первые дни революции будут создаваться Советы.

⁶⁴⁴ Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 165.

⁶⁴⁵ Показательно, что некоторые социал-демократы, причислявшие себя к большевикам (в частности, П.А. Красиков и Ю.М. Стеклов), «угрожали» А.Г. Шляпникову и его единомышленникам рассказать об их «немарксистском поведении» В.И. Ленину, когда тот вернется из эмиграции. Последние, в свою очередь, тоже ожидали вождя – «как тяжелую боевую артиллерию и товарища, способного помочь партии в

деле преодоления различных разногласий». См.: Шляпников А.Г. Указ. соч.

С. 205, 443.

⁶⁴⁶ Нет оснований утверждать, что при определенном стечении обстоятельств (например, при более широком представительстве большевиков и других радикальных партийных элементов в Петроградском совете) план создания «советской» власти в конце февраля – начале марта 1917 г. не имел шанса воплотиться в жизнь. «Первые заседания Исполнительного Комитета (Петроградского совета рабочих депутатов. – В.С.), как 27-го, так и в следующие дни, были заседаниями органа власти революционной демократии, – вспоминал А.Г. Шляпников. – И казалось, что те лозунги, которые были выдвинуты нами в манифесте Центрального комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии о Временном революционном правительстве, получают свое выражение в действиях и намерениях Исполнительного Комитета. Наш манифест и его лозунги в те дни не только никем не опровергались, но даже и распространялись органом Совета. Поэтому мы встретили все разговоры о составе власти из недр Государственной Думы как сдачу занятых революционной демократией позиций» (Шляпников А.Г. Накануне семнадцатого года. Семнадцатый год. – Т. 1. – С. 193). Кстати сказать, многие делегации рабочих и солдат из районов столицы и ее пригородов воспринимали Исполком Петроградского совета именно как Временное революционное правительство, но «большинство членов Исполнительного Комитета расходилось с мнением широких масс относительно своей роли и задачи, склоняясь к тому, чтобы его считали просто «общественной организацией»» (см.: там же. – С. 199).

⁶⁴⁷ В резолюции, принятой ПК 3 марта 1917 г., говорится, что он «не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления». В свою очередь, резолюция Бюро ЦК РСДРП(б), принятая 4 марта 1917 г., подчеркивала: «Теперешнее Временное правительство, по существу, контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократиче-

ского характера (диктатура пролетариата и крестьянства)». Цит. по: Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 229, 438.

⁶⁴⁸ Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 439–440. – Стоит отметить тот факт, что на собрании большевистской советской фракции преобладали рабочие, «среди них были 2–3 солдатские шинели». И вообще, по наблюдению А.Г. Шляпникова, среди сторонников «крайне левой позиции» преобладали представители социальных низов (в частности, рабочие заводов Выборгской стороны, – причем не только члены большевистской партии), а противниками слишком радикальной постановки вопроса о власти выступали «товарищи из интеллигенции». См.: там же. – С. 438–439, 203.

⁶⁴⁹ См.: там же. – С. 444.

⁶⁵⁰ Там же. – С. 436.

⁶⁵¹ Там же. Еще 21 марта на заседании ПК член этого большевистского органа Н.П. Глебов (Авилев) отметил, что «объединение с М[еждурайонным] к[омитетом] предрешиено, теперь лишь важно развить вопрос объединения с меньшевиками» (см.: Петербургский комитет большевиков РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 147). Однако, как известно, межрайонцы вступили в партию большевиков только через пять месяцев, на VI съезде РСДРП(б).

⁶⁵² Временное Правительство и революционная социал-демократия // Правда. – 1917. – 14 марта. – С. 2–3.

⁶⁵³ Внезапный отказ руководящих органов РСДРП(б) от «большевистской» линии стал причиной волнений в партийной массе столицы. «Негодование в районах, – вспоминает А.Г. Шляпников, – было огромное, а когда пролетарии узнали, что «Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями «Правды», то потребовали исключения их из партии» (Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 451).

⁶⁵⁴ Шляпников А.Г. Накануне семнадцатого года. Семнадцатый год. – Т. I. – С. 452.

⁶⁵⁵ Там же. – С. 453–454.

⁶⁵⁶ См.: Рабинович А. Кровавые дни. – С. 46–47.

⁶⁵⁷ См.: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 91; Шляпников А.Г. Указ. соч. – С. 368; Исторический опыт трех российских революций. В 3-х кн. Кн. 2 Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России. Гл. ред.: Голуб П.А. и др. – М., 1986. – С. 326–327.

⁶⁵⁸ Крупская Н.К. Из воспоминаний о Ленине // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 22.

⁶⁵⁹ Суханов Н.Н. Записки революции. – Т. 2. Кн. 3–4. – С. 16.

⁶⁶⁰ Крупская Н.К. Из воспоминаний о Ленине. – С. 23. См. также: Суханов Н.Н. Указ. соч. – С. 15–17.

⁶⁶¹ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Под ред. Л.С. Гапоненко (отв. ред.) и др. – М., 1958. – С. 30–35.

⁶⁶² См.: Революционный Петроград. Год 1917. Отв. ред. Н.Е. Носов. – Л., 1977. – С. 96.

⁶⁶³ Каменев Ю. Наши разногласия // Правда. – 1917. – 8 апреля. – С. 4.

⁶⁶⁴ Каменев Ю. О тезисах Ленина // Правда. – 1917. – 12 апреля. – С. 2.

⁶⁶⁵ См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. – С. 84, 69 (прим. 2), 60, 83.

⁶⁶⁶ Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 года: Протоколы. – М., 1958. – С. 20.

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Там же. – С. 10.

⁶⁶⁹ Там же. – С. 12, 22, 21.

⁶⁷⁰ Там же. – С. 22.

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² Там же. – С. 12–13.

⁶⁷³ См.: там же. – С. 149.

⁶⁷⁴ Там же. – С. 145.

⁶⁷⁵ Там же. – С. 145–146.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Там же. – С. 146.

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ См., напр.: Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 75.

⁶⁸⁰ См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990. – С. 259.

⁶⁸¹ См., напр.: Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. – М., 1987. – С. 118.

⁶⁸² Там же. – С. 259–260.

⁶⁸³ На заседании Исполкома Петросовета 19 апреля и на общем собрании столичного Совета 20 апреля 1917 г. не только представители

левых фракций, но и такие убежденные соглашатели, как М.И. Скобелев, А.Р. Гоц, В.М. Чернов, заявили, что нужно подготавливать народ и Советы к переходу власти в свои руки, однако никаких конкретных решений так и не было принято. См.: Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. – С. 159–164, 179–183; Соболев Г.Л. Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте–октябре 1917 года // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 160.

⁶⁸⁴ См.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 94–96.

⁶⁸⁵ Одним из неформальных лидеров выступивших солдат был «революционер, стоявший вне партий», член исполкома Петросовета, прапорщик запасного батальона Финляндского полка Ф.Ф. Линде. Согласно более позднему описанию событий, в самом начале апрельского кризиса, «не посоветовавшись ни с кем, не доверив никому своего плана, он сразу приступил к действиям»: заручился поддержкой полкового комитета и вывел полк в полном вооружении к резиденции правительства. По дороге «финляндцы» увлекли за собой ряд других воинских частей. См.: Югов М.С. Советы в первый период революции // Очерки по истории Октябрьской революции. – Т. 1. – С. 180–181.

⁶⁸⁶ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 83. См. также: Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 2. Кн. 3–4. – С. 102–103.

⁶⁸⁷ Югов М.С. Указ. соч. – С. 181.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ См.: Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 307.

⁶⁹⁰ Там же. – С. 307–308.

⁶⁹¹ См.: Рабинович А. Кровавые дни. – С. 52. «Двусмысленность» усугубляется еще и тем, что, согласно ленинской резолюции, принятой 15 апреля 1917 г. на Петроградской городской конференции большевистской партии, главным тактическим средством борьбы за власть Советов является «долительная работа по прояснению классового пролетарского сознания и сплочение пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии (курсив подлинника. – В.С.)» (см.: Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 291).

⁶⁹² На это, в частности, указал Л.Б. Каменев на Апрельской конференции РСДРП(б). «Если вы не хотите таких недоразумений, то политическая партия не может поставить своей задачей только разъяснение: необходимо указать массам конкретные политические действия, ибо в противном случае масса всегда будет из общей характеристики делать

слишком прямолинейные выводы («долой Временное правительство»)), – резюмировал он. См.: Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 86.

⁶⁹³ «Наша общегородская с.-д. конференция, – писал в этот день В.И. Ленин, – сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность нашей позиции. Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали (курсив В.И. Ленина, выделено жирным нами. – В.С.)» (Ленин В.И. Нота Временного правительства // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 31. – М., 1969. – С. 298). См. также аналогичную реплику В.И. Невского на третьем заседании Петроградской конференции РСДРП(б) (Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 42).

⁶⁹⁴ Югов М.С. Указ. соч. – С. 189.

⁶⁹⁵ Яркий пример – позиция члена президиума Военной организации при ПК РСДРП(б) В.И. Невского на третьем заседании Петроградской городской конференции большевиков, которое совпало с началом массовых манифестаций в столице. В.И. Невский, в частности, поддержал «предложение военной комиссии вызвать войско, которое могло быть очень полезным». См.: Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 42.

⁶⁹⁶ См. реплику Л.Н. Сталь: (Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 43).

⁶⁹⁷ Так сокращенно называлась Военная организация (ВО) при ПК РСДРП(б), учредительный съезд которой прошел 31 марта 1917 г. С 15 мая Военка переходит под непосредственное руководство ЦК партии большевиков. Подробнее см.: Питулько А.А. Основные этапы деятельности военной организации при ЦК РСДРП(б) в 1917 г. в Петрограде // Борьба КПСС за победу социалистической революции в России. – Л., 1957. – С. 114–148.

⁶⁹⁸ Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 43.

⁶⁹⁹ См.: там же. – С. 204.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Листовка С.Я. Багдатьяева опубликована в сборнике: Петербургский комитет большевиков РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 202.

⁷⁰² См.: Ленин как руководитель ленинградской организации большевиков. Сборник статей под ред О.А. Лидак. – Л., 1934. – С. 86. Американский историк А. Рабинович также полагает, что именно написанная Багдатьяевым листовка «дала непосредственный толчок к появлению

среди демонстрантов (21 апреля. – В.С.) неожиданного лозунга «Долой Временное правительство!»» (Рабинович А. Кровавые дни. – С. 53).

⁷⁰³ На это указывает и сам И. Вавилин. См.: Ленин как руководитель ленинградской организации большевиков. – С. 83.

⁷⁰⁴ В частности, с «левацким» лозунгом «Долой Временное правительство» 21 апреля вышли на демонстрацию рабочие таких столичных заводов, как 1-й автомобильный завод Пузырева, «Экваль» (машиностроительный), «Струк» (наждачный). Русско-Балтийский, Оптический, Невская ниточная мануфактура. (См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Под ред. Л.С. Гапоненко (отв. ред.) и др. – М., 1958. – С. 752, 743). Кронштадтский совет 21 апреля принял резолюцию в поддержку Временного правительства, однако это не устроило многих рабочих, солдат и матросов, которые собрались на десятитысячном митинге возле здания городского комитета РСДРП(б). После обсуждения злободневных политических проблем митингующие «прошлись» по городу с лозунгами «Долой Временное правительство!», «Долой тайные договоры!», «Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!». Как и в столице, местные большевики вполне разделяли антиправительственные лозунги и намерения возмущенных масс. (См.: Колбин И. Кронштадтцы // Литературный современник (Ленинград). – 1937. – № 5. – С. 163.) Гельсингфорсский совет 22 апреля направил Петроградскому совету свою резолюцию, в которой обещал «в любой момент поддержать *вооруженной силой* требования об уходе Временного правительства (курсив подлинника. – В.С.). (См.: Югов М.С. Советы в первый период революции. – С. 191.) Чasti Выборгского гарнизона 22 апреля устроили демонстрацию под лозунгом «Долой Временное правительство!». (См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. – С. 520.)

⁷⁰⁵ В частности, 23 апреля 1917 г. в газете «Новая жизнь» «финляндцы» опубликовали письмо, в котором заявили, что их намерения носили вполне мирный характер и ограничивались лозунгом «Милюкова – в отставку!». Это же письмо дает представление о самостоятно-низовом характере выступления Финляндского полка, а также о высокой степени самоорганизации революционизированных армейских масс: «...Проходы и выходы Марининского дворца финляндцами заняты не были, чьего-либо приказа для устройства демонстрации тоже не было (выделено нами. – В.С.), а демонстрация состоялась по постановлению соединенного заседания батальонного, ротных, командных и офицерского комитетов с целью немедленно поддержать Совет рабочих и солдатских

депутатов в его ясном определении позиции к войне. Демонстрация была организована в течение часа, причем батальон выступил полностью с офицерами, во главе с командиром батальона...». См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. – С. 729.

⁷⁰⁶ Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 310–312.

⁷⁰⁷ Резолюция ЦК РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 31. – М., 1969. – С. 319.

⁷⁰⁸ Там же. – С. 319–320.

⁷⁰⁹ Спирин Л.М. Россия, 1917 год... – С. 115.

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ См., напр., протоколы допросов участников и свидетелей демонстрации в столице 21 апреля в кн.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. – С. 747, 752.

⁷¹² См.: Спирин Л.М. Россия, 1917 год... – С. 114.

⁷¹³ Партийные итоги событий, связанных с правительственным кризисом, В.И. Ленин подвел на втором заседании Апрельской конференции РСДРП(б) 24 апреля: «...В чем состоял наш авантюризм? Это была попытка прибегнуть к насильственным мерам. Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, и вопрос был бы другой, если бы она колебнулась сильно... Вместе с правильным лозунгом «да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!» был дан неправильный: «долой Временное правительство». В момент действия братъ «чуточку полее» было неуместно...

Меньшевики и К° треплют слово «авантюризм», но вот у них-то, действительно, не было ни организации и не было никакой линии. У нас есть организация и есть линия.

В тот момент буржуазия мобилизовала все силы, центр прятался, а мы организовали мирную демонстрацию. Политическая линия была только у нас. Были ошибки? Да, были. Не ошибается только тот, кто не действует. А организоваться хорошо – это трудное дело (выделено нами. – В.С.)» (Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б)... – С. 111).

⁷¹⁴ См.: Бонч-Бруевич В.Д. До полной победы пролетариата! // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 41.

⁷¹⁵ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. (Март–октябрь 1917 г.). Сборник документов. – Т. 1. – С. 94.

⁷¹⁶ Там же. См. также с. 372. Кстати, полтавские большевики не согласились с мнением руководства и высоко оценили выступление т. Канюка на губернском съезде крестьянских депутатов осенью 1917 г. (см. там же. – С. 371). Другие детали этой истории содержатся в: Петербургский комитет большевиков РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 315; Городецкий Е.Н. Переписка секретариата Центрального комитета РСДРП(б). Март–октябрь 1917 г. // Источниковедение истории Великого Октября: Сборник статей. – М., 1977. – С. 93–94.

⁷¹⁷ Кондаков Д.И. В революционном Кронштадте. – С. 149.

⁷¹⁸ О степени влияния Военки говорит тот факт, что на одном из ее общих собраний в начале июня присутствовали представители 54 частей столицы, Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса, Гатчины и форта Ино. В рядах самой организации в этот период насчитывалось 1100 членов. См.: Питулько А.А. Основные этапы деятельности военной организации при ЦК РСДРП(б)... – С. 127.

⁷¹⁹ «Массы рвались на улицу, чтобы выразить свой протест, – вспоминал один из руководителей Военки Н.И. Подвойский, – и начиная с мая Военная организация направляла свою работу для того, чтобы целесообразнее использовать такое настроение, с одной стороны, а с другой – чтобы предотвратить возможность распыления неорганизованных выступлений» (Подвойский Н.И. Из воспоминаний // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. I. – С. 175).

⁷²⁰ См.: Рабинович А. Кровавые дни. – С. 64.

⁷²¹ См.: Протокол общего собрания Военной организации при ЦК РСДРП(б). 23 мая 1917 г. // Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 483. Американский исследователь Р. Слассер пытается доказать, что радикализм низов подстегивался призывами политических лидеров. В частности, он указывает на статью В.И. Ленина, опубликованную в «Правде» 20 мая, где лидер большевиков утверждает, что «двоевластие долго держаться не может». «По-боевому настроенные активисты в Кронштадте, в Военной организации и в Петербургском комитете, – делает вывод американский историк, вполне могли истолковать эти слова как призыв ускорить революционный процесс с помощью каких-нибудь прямых действий» (Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции: Пер. с англ. – М., 1989. – С. 136).

На наш взгляд, следует говорить скорее об обратном влиянии, что подтверждается не только давлением «низов» на «верхи» в Военной

организации большевиков, но и, например, эпизодом, который вошел в историю как «Кронштадтская республика». 16 мая 1917 г. Кронштадтский совет своей резолюцией упразднил должность правительственного комиссара и объявил себя единственной властью в городе, поразив своим «непредвиденным радикализмом» (Ф.Ф. Раскольников) даже большевиков. Либертарное своеобразие кронштадтцев вызвало гневную реакцию не только правительственных кругов, но и большевистского руководства, с которым «не посоветовались». Правда, в конце концов В.И. Ленин «примирился» с крамольной резолюцией, узнав, что ее инициировало беспартийное большинство Кронштадтского совета и, значит, большевики не несли за нее политическую ответственность. (См.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. – С. 81–85.)

В этой связи нельзя признать правоту В.С. Войтинского, который утверждал, что к середине мая «тактика большевистской партии окончательно выкристаллизовалась: если в апрельских тезисах Ленина на первый план выдвигалась революционная *пропаганда*, то теперь партия со всей решительностью стала на почву *бунтарской агитации*, сделала ставку на стихийные силы бунта, повернулась спиной к Марксу и лицом к Бакунину. И если бы Бакунин в мае 1917 г. восстал из гроба, он должен был бы признать, что его идеал осуществился в Кронштадте» (Войтинский В.С. Указ. соч. – С. 127). Точнее будет сказать, что вся малоимущая Россия в своем массовом либертарном порыве повернулась «лицом к Бакунину», а большевики, позиционируя себя как партию революционного пролетариата, не могли проигнорировать столь мощную общественную тенденцию.

⁷²² См.: Рабинович А. Кровавые дни. – С. 65.

⁷²³ В этот день несколько сот кронштадтских моряков, а также солдат некоторых петроградских полков под руководством большевиков провели митинг на Марсовом поле с целью почтить память павших героев Февраля.

⁷²⁴ Большинство членов ЦК и ПК, участвовавших в заседаниях соответствующих органов 6 июня 1917 г., были озабочены расширением политической сферы влияния своей партии в Петроградском гарнизоне и рабочих кругах, но, адекватно оценивая свои достаточно скромные возможности, сторонники демонстрации, в числе которых на этот раз оказался и В.И. Ленин, все-таки исходили из приоритета самочинного поведения масс: «В массах идет брожение» (В. Володарский), «Перелом в настроении, и дело не в большевиках» (И.В. Сталин), «Брожение это настолько сильно требует выхода, что если Военная организация не

возьмет инициативу демонстрации в свои руки, демонстрация произойдет стихийно» (В.И. Невский), «Безбожно упустить стихийное стремление солдат к демонстрации» (Стуков), «Выборы в районную думу показали, что настроение рабочих таково, что каждую минуту может толкнуть их на улицу» (М.И. Лацис), «Масса упрекает нас: «Вы кричите, советуете, а не делаете». 21 апреля массы вышли, а вы назвали их авантюристами» (Абрамович). См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 485–492 (см. также: Петербургский комитет большевиков РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 247, 249, 262, 265, 266, 269).

⁷²⁵ См.: там же. – С. 66–69.

⁷²⁶ В частности, там располагалась рабочая милиция, сформированная рядом заводов Выборгского района. См.: Виноградов В.П. Красная гвардия Петроградского Металлического завода // Октябрью навстречу / Сост.: А.В. Гоголевский, З.В. Степанов. – Л., 1987. – С. 108.

⁷²⁷ См.: Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 146.

⁷²⁸ См.: Петербургский комитет большевиков РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003. – С. 273.

⁷²⁹ Там же. – С. 273–274.

⁷³⁰ «Удачная демонстрация, – подметил советский историк М.С. Югов, – явилась бы серьезным аргументом в борьбе лево-большевистского крыла съезда Советов с его соглашательским большинством: она явилась бы не просто смотром сил, а демонстрацией сил перед лицом враждебного советского большинства. Авторитет петербургских рабочих, сваливших самодержавие, был очень силен среди рабочих и солдат всей столицы. Показать, что питерский пролетариат, революционные полки столицы резко расходятся с той самой верхушкой, которая до сих пор направляет и определяет политику от имени тех же самых рабочих и солдат Питера, показать, что большинство революционного Петрограда против оборончества и коалиции, – имело важное значение» (Югов М.С. Советы в первый период революции. – С. 229). В свою очередь, способность сформулировать злободневные политические лозунги для передовых отрядов российского пролетариата и армии, способность вывести столичные массы под своими знаменами весьма кардинально повысили бы авторитет большевиков в масштабах всей страны.

⁷³¹ Цит. по: Совокин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. – 1966. – № 5. – С. 48.

⁷³² См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 512; Югов М.С. Указ. соч. – С. 231.

⁷³³ См.: Лацис М.Я. Июльские дни в Петрограде. (Из дневника агитатора). – С. 104.

⁷³⁴ «Я с этим примириться не могу, – записал он в своем дневнике 9 июня 1917 г. – Должен же я иметь ответ на всякий исход. Ну, так и буду действовать. Сговорюсь с товарищами Семашко (1-й Пулеметный полк) и Рахвей, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, Арсенал, банки, почту и телеграф, опираясь на Пулеметный полк» (Лацис М.Я. Указ. соч. – С. 105).

⁷³⁵ В частности, 9 июня Временное правительство твердо заявило, что «всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти» (см.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 498). Свое весьма специфическое отношение к официальному органу государственной власти В.И. Ленин выразил в краткой заметке «Загадка». Из ее контекста следует, что лидеру большевиков «обычное буржуазное правительство», которое «может запрещать манифестации, лишь считаясь с конституцией», менее неприятно, чем «необычное и почти социалистическое», которое «может запрещать демонстрации без всяких условий» (см.: Ленин, В.И. Загадка // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 32. – М., 1969. – С. 327).

⁷³⁶ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 2 Кн. 3–4. – С. 284–285; Совокин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. – С. 49.

⁷³⁷ См.: Постановление I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о запрещении на три дня уличных демонстраций в Петрограде. 9 июня 1917 г. // Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 497.

⁷³⁸ Донесения начальников агитационных делегатских десятков зафиксировали факт резкой «большевизации» и «анархизации» настроений в рабочих районах столицы. Начальник 14-го десятка Сухов, в частности, докладывал о ситуации на Выборгской стороне: «Заводы: Парвизайнен, Кениша, Лесснера, Барановского, О[бщест]ва Соединенных механических заводов и др. – демонстраций никаких не будет. К меньшевикам и социал-демократам отношение враждебное. Верят только «Правде». Кое-где кричат: «Мы вам не товарищи». Протесты против сегодняшнего заявления Врем[енного] правительства о подавлении беспорядков. Кое-где заметно влияние анархистов (выделено нами. – В.С.)» (см.: Югов М.С. Советы в первый период революции. – С. 233–234). Такое же описание событий характерно для большинства

других донесений. (См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 500–503.)

⁷³⁹ См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 499; Югов М.С. Указ. соч. – С. 233.

⁷⁴⁰ См.: Совокин А.М. Указ. соч. – С. 49.

⁷⁴¹ На указанном совещании ЦК РСДРП(б) присутствовали 5 из 9 членов, при этом за отмену демонстрации голосовали лишь трое; двое – В.И. Ленин и Я.М. Свердлов – воздержались. См.: Совокин А.М. Указ. соч. – С. 49.

⁷⁴² См.: Заявление ЦК РСДРП(б) и фракции большевиков Всероссийскому съезду Советов по поводу запрещения демонстрации, оглашенное на соединенном собрании Исполнительного комитета, Президиума съезда, членов бюро съездовских фракций и представителей Крестьянского союза. 11 июня 1917 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. 27 февраля – 4 июля 1917 г.: Сборник документов. Под ред. Г.Д. Обичкина и М.Д. Стучебникова. – М., 1957. – С. 87. В проекте этого заявления, написанном В.И. Лениным, звучали еще более воинственные ноты. Там, в частности, говорилось: «Мы считаем, что своеобразное учреждение, называемое Советами рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, ближе всего подходит к всенародному органу воли большинства народа, к революционному парламенту... Но если бы даже Советы взяли всю власть (чего мы желаем и всегда поддерживали бы), если бы Советы стали всевластным революционным парламентом, мы не подчинились бы таким его решениям, которые стеснили бы свободу нашей агитации... Мы предпочли бы в таком случае перейти на положение нелегальной, официально преследуемой партии. Но не отказались бы от своих марксистских, интернационалистских принципов» (см.: Ленин, В.И. Проект заявления ЦК РСДРП(б) и бюро фракции большевиков Всероссийскому съезду Советов по поводу запрещения демонстрации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 32. – М., 1969. – С. 328–329).

⁷⁴³ См.: Лацис М.Я. Июльские дни в Петрограде. – С. 105. Примечательно, что в переиздании «Дневника» в сборнике «Это есть наш последний и решительный бой!», опубликованном в 1987 г., указанный эпизод опущен. См.: Это есть наш последний и решительный бой! В 2-х кн. Кн. 1. – С. 202–203.

⁷⁴⁴ См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 497, 499–500.

⁷⁴⁵ См.: там же. – С. 500.

⁷⁴⁶ Лацис М.И. Указ. соч. – С. 105.

⁷⁴⁷ Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 501.

⁷⁴⁸ См.: там же. – С. 503. См. также: Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 148.

⁷⁴⁹ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 2. Кн. 3–4. – С. 287.

⁷⁵⁰ Там же. – С. 287. Раскол между «радикальными» и «умеренными» элементами произошел не только на уровне рабоче-солдатских «низов», но и в рядах партийных «верхов». Например, члены большевистского руководства И.В. Сталин и И.Т. Смирнов сочли «ошиб[очной] отмену дем[онстрации] и даже подали заяв[ление] о выходе из ЦК» (цит. по: Соловьев А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. – С. 52).

⁷⁵¹ Там же. – С. 287. См. также: Войтинский В.С. Указ. соч. – С. 148.

⁷⁵² См.: Югов М.С. Советы в первый период революции. – С. 237–238.

⁷⁵³ ЦК большевистской партии, не желая уступать политическую инициативу и «социальную базу» леворадикальным конкурентам, со страниц «Правды» 14 июня призвал рабочих – членов партии, а также сочувствующих, покинуть «так называемый» Временный революционный комитет (см.: Правда. – 1917 г. – № 81 (14 июня)). В этом же номере «Правды» была опубликована статья члена ЦК РСДРП(б) И.В. Сталина «Против разрозненных демонстраций», в которой он весьма категорично заявил, что «слиться с анархистами и предпринимать вместе с ними безрассудные выступления, заранее обреченные на неудачу, – это недопустимо и преступно со стороны сознательных рабочих». См. также: Югов М.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 237–238.

⁷⁵⁴ См.: Подвойский Н.И. Из воспоминаний. – С. 178. См. также с. 180, 187, 195.

⁷⁵⁵ См.: Елов Б. После июльских дней. (Экстренная июльская Конференция РСДРП(б) Питерской организации) // Красная летопись. – 1923. – № 7. – С. 100.

⁷⁵⁶ См.: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 277–278.

⁷⁵⁷ Там же. – С. 277.

⁷⁵⁸ Советский историк М.С. Югов вычислил даже количественные показатели демонстрации 18 июня, которая, по его мнению, имела «чисто большевистский характер». По подсчетам этого исследователя, из 51 группы участников демонстрации, упомянутых в подробном отчете «Известий», только 9 не имели большевистских лозунгов. См.: Югов М.С. Указ. соч. – С. 239.

⁷⁵⁹ См.: Войтинский В.С. Указ. соч. – С.150, 152.

⁷⁶⁰ См.: Гаврилов И. Красная гвардия в Выборгском районе. (Воспоминания о 1917–1918 гг.) // Красная летопись. – 1926. – № 6(21). – С. 94.

⁷⁶¹ Виноградов В.П. Красная гвардия Петроградского Металлического завода // Октябрю навстречу. – С. 108–109.

⁷⁶² См.: Приезжинский М.Г. На конференции военных организаций. // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 197.

⁷⁶³ Гаврилов И. Указ. соч. – С. 94.

⁷⁶⁴ Ответ т. Зиновьева / Рабочий и солдат. – 1917. – 27 июля. – С. 5.

⁷⁶⁵ Там же. – С. 6.

⁷⁶⁶ Ильин-Женевский А.Ф. Контрреволюция наступает. (Июльские дни в 1917 году в Петрограде) // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. (Март–июль 1917 г.). – С. 346. См. также: [Ивин А.] 3–4 июля на Выборгской стороне // Рабочий и солдат. – 1917. – 26 июля. – С. 7.

⁷⁶⁷ См.: Стулов П.М. 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 года... – С. 99.

⁷⁶⁸ См.: там же. – С. 102.

⁷⁶⁹ Ильин-Женевский А.Ф. Контрреволюция наступает. – С. 345.

⁷⁷⁰ См.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. – С. 123; Мичман Ильин (Раскольников). Заявление прокурору Петроградской судебной палаты. 22 июля 1917 г. // Рабочий и солдат. – 1917. – 3 августа. – С. 2; Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 185.

⁷⁷¹ Цветков-Просвещенский А.К. Грозная ночь // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 361–362.

⁷⁷² См.: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 292–293; Петроградские большевики в Октябрьской революции. – С. 184.

⁷⁷³ Петроградские большевики в Октябрьской революции. – С. 186.

⁷⁷⁴ См.: Спиринов Л.М. Россия, 1917 год. – С. 186.

⁷⁷⁵ Цит. по: Лидак О.А. 1917 год. Очерк истории Октябрьской революции. – М.; Л., 1932. – С. 44.

⁷⁷⁶ Свердлов Я.М. Контрреволюция провоцирует вооруженное столкновение // Это есть наш последний и решительный бой! Кн. 1. – С. 333.

⁷⁷⁷ Свердлов Я.М. Указ. соч. – С. 332–333. См. также: Протоколы шестого съезда РСДРП(б). – М., 1934. – С. 18; Стулов П.М. 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 года... – С. 106–107.

⁷⁷⁸ Свердлов Я.М. Указ. соч. – С. 333. См. также: Извлечение из доклада т. Сталина о политической деятельности ЦК за май, июнь, июль. События 3, 4 и 5 июля // Рабочий и солдат. – 1917. – 30 июля. – С. 4–5.

⁷⁷⁹ См.: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 290.

⁷⁸⁰ См.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – С. 188–189.

⁷⁸¹ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 2. Кн. 3–4. – С. 321; Протоколы шестого съезда РСДРП(б). – С. 19.

⁷⁸² См.: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 292–293.

⁷⁸³ См.: там же. – С. 293.

⁷⁸⁴ См.: Раскольников Ф. В июльские дни. (Воспоминания) // Пролетарская революция. 1923. – № 5. – С. 79.

⁷⁸⁵ Ленин В.И. Проект резолюции о современном политическом моменте // Ленин В.И. Поли. собр. соч. в 55 т. – Т. 34. – М., 1974. – С. 146–147.

⁷⁸⁶ Там же. – С. 145.

⁷⁸⁷ Там же. – С. 144, 146.

⁷⁸⁸ Там же. – С. 147.

⁷⁸⁹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б). – М., 1934. – С. 32.

⁷⁹⁰ См.: В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917 г. Под ред. Е.Ф. Ерыкалова. – М., 1961. – С. 119.

⁷⁹¹ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 182.

⁷⁹² См.: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 328.

⁷⁹³ См., напр.: Чиненов И. Пережитое // Рассказывают участники Великого Октября. Составители М.Ф. Комарова, Р.С. Лихачева, Я.М. Шорр. – М., 1957. – С. 206–207.

⁷⁹⁴ На совещании были представлены 29 полков действующей армии, военные подразделения Кронштадта и его фортов, 90 столичных предприятий, а также заводы Кронштадта и окрестностей столицы. Примечательно, что из более чем 160 участников частного совещания только 4 официально представляли партийные организации. См.: Рабочий и солдат. – 1917. – 26 июля. – С. 6.

⁷⁹⁵ См.: Резолюция совместного заседания делегатов фронта, представителей заводов, фабрик и мастерских Петрограда и Кронштадта, гарнизона и флота г. Кронштадта и окрестностей Петрограда, вынесенная на совещании 21–22 июля 1917 г. // Рабочий и солдат. – 1917. – 26 июля. – С. 5. См. также: Резолюция, принятая собранием рабочих мелких предприятий (27 предприятий) Петергофского района 27 июля по вопросу о кризисе власти и текущему моменту // Рабочий и солдат. –

1917. – 4 августа. – С. 8–9; О текущем моменте. Коломенский Районный Совет Раб. и Солдат. Депутатов // Рабочий и солдат. – 1917. – 6 августа. – С. 8 и др.

⁷⁹⁶ Там же. – С. 6.

⁷⁹⁷ См.: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 328.

⁷⁹⁸ См.: Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. (Действующая армия). – М., 1983. – С. 81–82.

⁷⁹⁹ Так, сильное «разлагающее» влияние на 2-ю Кавказскую стрелковую дивизию (Кавказский фронт) оказали солдаты одной из рот 1-го пулеметного полка, прибывшие из Петрограда. Согласно донесению в штаб армии от 12 августа 1917 г., «солдаты этой пулеметной роты открыто пропагандируют самые крайние лозунги большевиков и, между прочим, убеждают не выбирать в комитеты офицеров... Одно время офицеры 13-го Кавказского стрелкового полка даже не имели возможности показываться из палаток, не желая вызывать эксцессов». См.: Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции... – С. 93.

⁸⁰⁰ Цит. по: Лидак О.А. Июльские события 1917 года. – С. 327. По нашему мнению, намного более объективной является оценка событий членом ВЦИКа оборонцем В.С. Войтинским, который утверждал, что «удар в спину», нанесенный столчными большевиками доблестно сражавшейся на фронте армии, – не более чем легенда, созданная для политических целей. Но невозможно отрицать, что наше поражение на фронте имело тот же источник, что и беспорядки в Петрограде. В основе ухода полков с позиций лежал тот же дух бунта, что и в основе петроградского выступления. Армия бежала» (Войтинский В.С. Указ. соч. – С. 183. Ср.: [Зиновьев Г.] Кто виноват? // Пролетарий. – 1917. – № 3. – С. 2–3.). Таким образом, «бунтарская стихия» являлась не столько плодом антивоенной агитации большевиков, сколько нежеланием солдатской массы воевать вообще и особенно за чуждые ей империалистические цели. Ленинцы и в данном случае лишь переплавили в четкие партийные лозунги чаяния социальных низов, уставших от войны.

⁸⁰¹ Гончарская С. Совет стал большевистским // Рассказывают участники Великого Октября. – С. 50.

⁸⁰² См., напр.: Гаврилов Л.М. Указ. соч. – С. 78.

⁸⁰³ Цит. по: Гаврилов Л.М. Указ. соч. – С. 78 (см. также с. 93–94). См. также: Хесин С.С. Моряки за Советскую власть. – С. 41.

⁸⁰⁴ См.: Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. – С. 220.

⁸⁰⁵ См.: Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов... – С. 295.

⁸⁰⁶ См.: там же. – С. 296.

⁸⁰⁷ См.: там же. – С. 295.

⁸⁰⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. – Т. 3. Кн. 5–7. – С. 113. Высоко оценивает влияние ленинцев в Комитете народной борьбы с контрреволюцией и другой член ВЦИК – В.С. Войтинский, которого еще меньше можно заподозрить в пробольшевистских симпатиях. См.: Войтинский В.С. Указ. соч. – С. 222.

⁸⁰⁹ См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. – Т. 3. Кн. 5–7. – С. 114.

⁸¹⁰ См.: там же. – С. 115; Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. – М., 1959. – С. 483–484; Андреев А.М. Указ. соч. – С. 300.

⁸¹¹ См.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – Л., 1957. – С. 261.

⁸¹² Протокол объединенного заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Петергофского района Петрограда и представителей заводских комитетов. 28 августа 1917 г. // Революционное движение в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. – М., 1959. – С. 484–485.

⁸¹³ См.: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. – С. 503.

⁸¹⁴ См.: Сивков П.З. Кронштадт. Страницы революционной истории. – Л., 1972. – С. 287.

⁸¹⁵ Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции... – С. 95. См. также: Петроградские большевики в Октябрьской революции. – С. 265–266.

⁸¹⁶ См.: Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов... – С. 314.

⁸¹⁷ См.: Капранов Н.П. Незабываемое // Октябрю навстречу. – Л., 1987. – С. 343, прим. 5.

⁸¹⁸ См.: Рассказывают участники Великого Октября. – С. 183.

⁸¹⁹ См.: Революционное движение в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. – С. 216–217.

⁸²⁰ См.: Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. Приложения. Табл. 7.

⁸²¹ См.: Булдаков В.П., Корелин А.П., Уткин А.И. Пролетариат в трех российских революциях. – С. 171.

⁸²² Так, на выборах в районные думы Петрограда в мае–июне большевики получили 20 %, а в августе на выборах в городскую думу – уже 33,5 %. «Большевизация» муниципалитетов получила еще более значительные масштабы в Москве: там на выборах в гордуму в июне больше-

викам отдали голоса 11,6 % избирателей, а в сентябре на выборах в районные думы – уже 51,5 % (см.: Булдаков В.П., Корелин А.П., Уткин А.И. Указ. соч. – С. 171–172). Солидные большевистские фракции появились в городских думах Екатеринослава (22 из общего количества 97) и Риге (49 из 112) (см.: Выборы в городские думы // Пролетарий. – 1917. – № 9. – С. 8). Внушительного успеха добились ленинцы и в некоторых земствах. Например, по итогам выборов в Сормовское волостное земство в сентябре 1917 г. большевики получили 14 мест (эсеры – 13, меньшевики в блоке с кадетами и народными социалистами – 22), пост председателя и два места из четырех в земской управе (см.: Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса... – С. 148–149; см. также: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 281).

⁸²³ В частности, на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов (19–22 октября 1917 г.), в работе которой приняли участие 137 делегатов, расклад партийных сил выглядел следующим образом: большевиков – 86, анархистов – 11, эсеров – 22, меньшевиков – 8 (см.: Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. Приложения. Табл. 8). См. также: Булдаков В.П., Корелин А.П., Уткин А.И. Пролетариат в трех российских революциях. – С. 173, 175.

⁸²⁴ См.: Булдаков В.П., Корелин А.П., Уткин А.И. Указ. соч. – С. 175.

⁸²⁵ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. – С. 301.

⁸²⁶ См.: Булдаков В.П., Корелин А.П., Уткин А.И. Пролетариат в трех российских революциях. – С. 172.

⁸²⁷ Цит. по: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». – С. 249–250.

⁸²⁸ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. – Пер. с англ. – М., 1993. – С. 309.

⁸²⁹ Соболев Г.Л. Указ. соч. – С. 210–211.

⁸³⁰ Драницын Н.И. Летопись революционных событий в Нижегородской губернии с 1917 по 1921 гг. // Материалы по истории революционного движения. Т. 3. Под ред. В.Т. Илларионова. – Н. Новгород, 1922. – С. 82–83.

⁸³¹ Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы. Т. 1. / Отв. ред. Д.А. Чугаев. – М., 1966. – С. 37.

⁸³² Там же. – С. 42.

⁸³³ Там же. – С. 42.

⁸³⁴ Там же. – С. 47.

⁸³⁵ Там же. – С. 42–43.

⁸³⁶ Там же. – С. 43.

⁸³⁷ Там же. – С. 44.

⁸³⁸ Там же. – С. 45.

⁸³⁹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – С. 250.

⁸⁴⁰ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Вильямс А.-Р.

Путешествие в революцию: Пер. с англ. – С. 427, 428.

⁸⁴¹ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? //

Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 34. – М., 1974. – С. 305.

⁸⁴² Там же. – С. 304–305.

⁸⁴³ Там же. – С. 313.

⁸⁴⁴ Там же. – С. 315–316.

⁸⁴⁵ См., напр.: Ленин В.И. Как организовать соревнование? //

Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 35. – М., 1969. – С. 198–199; Ленин

В.И. Удержат ли большевики государственную власть? – С. 316–317.

⁸⁴⁶ Ленин В.И. Как организовать соревнование? – С. 198–199.

⁸⁴⁷ Цит. по: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем... – С. 92.

⁸⁴⁸ См.: там же. – С. 154.

⁸⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Лл. 38, 49. – Красноречивым свидетельством того, что на местах «живые силы трудовых масс» на деле и вполне самостоятельно творили новые формы общественной жизни, является циркуляр Отделения государственного права Отдела законодательных предположений Наркомата юстиции всем Советам (№ 1163, 18 февраля 1918 г.). В этом документе, подписанном М.А. Рейснером, звучала полупросьба-полупредписание: «Период Рабоче-Крестьянской Революции характеризуется неуклонным расширением Советской власти, поглощением Советами разнообразных учреждений общегосударственного и местного значения. Реформы эти обыкновенно совершаются самостоятельно и часто предвосхищают декреты центральной власти... Отделение Государственного Права просит сообщать о всех самостоятельных мероприятиях Советов и, в особенности, об организации Советов, о мероприятиях, касающихся народных судов, органов местного самоуправления... (выделено нами. – В.С.)» (ГАВорО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1. Л. 63).

⁸⁵⁰ ГАРФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 49–51.

⁸⁵¹ ГАРФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

⁸⁵² Ирошников М.П. Указ. соч. – С. 109–110.

⁸⁵³ См.: там же. – С. 149. См. также: Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1974. – С. 95.

⁸⁵⁴ См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем... – С. 111, а также: Ирошников М.П. Председатель Совета народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. – Л., 1974. – С. 389–399.

⁸⁵⁵ См.: Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов... – С. 351.

⁸⁵⁶ См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем... – С. 112.

⁸⁵⁷ См.: там же.

⁸⁵⁸ См.: там же.

⁸⁵⁹ См.: там же. – С. 153. См. также: Морозов Б.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. – М., 1977. – С. 223–224; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – М., 2004. – С. 275.

⁸⁶⁰ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 287. «Сейчас легко нашим кабинетным трибунам, – комментирует этот автор, – проклинать номенклатуру. А тогда принцип подбора советских кадров, который включал их в общегосударственную систему, был важнейшим шагом к соединению всех Советов в единую систему».

⁸⁶¹ В частности, решение об упразднении Московского СНК было принято 30 марта на расширенном заседании Бюро ЦК РКП(б), а затем 9 июня 1918 г. оформлено постановлением Президиума ВЦИК. Такие же меры были приняты в апреле–июне 1918 г. и по отношению к другим «самостийникам». См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем... – С. 153.

⁸⁶² См., напр.: ГАРФ. Ф. 6980. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 20.

⁸⁶³ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой победы. – С. 286–287.

⁸⁶⁴ См.: Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест... – С. 36–39.

⁸⁶⁵ См.: там же. – С. 40.

⁸⁶⁶ Там же. См. также: Животов М. Беседы с Владимиром Ильичом // Рассказывают участники Великого Октября. – С. 141. Указанный декрет, так же как и «Декрет о земле», был серьезной идеологической уступкой левых марксистов «стихийному» либертаризму рабочих, поскольку, по справедливому замечанию С.Г. Кара-Мурзы, «сама идея рабочего контроля на отдельном предприятии отвечала скорее принципам синдикализма, чем социализма, который предполагает планомерную организацию производства в обществе в целом» (см.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 203).

⁸⁶⁷ К лету 1918 г. около 90 % всех предприятий на территории советской России функционировали уже в условиях рабочего контроля. См.: Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября... – С. 134.

⁸⁶⁸ См.: Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября. – С. 134. См. также: Животов М. Беседы с Владимиром Ильичом. – С. 141.

⁸⁶⁹ Ленин В.И. Доклад об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса на заседании рабочей секции Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 4 (17) декабря 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 35. – М., 1969. – С. 146–147.

⁸⁷⁰ Например, по переписи 1918 г. из 5041 работника заводоуправлений 690 человек незадолго до этого были рабочими. По данным 1919 г., из 529 членов заводоуправлений металлических заводов России рабочих было 338 (64 %). По данным 1920 г., рабочие составляли 51 % членов коллегий главков и центров (72 человека из 140), а также 57 % членов Президиума ВСНХ и губсовнархозов (107 из 187). См.: Батаева Т.В. Указ. соч. – С. 42; Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. Сборник 3 (19). Отв. ред. А.М. Панкратова. – М., 1934. – С. 226.

⁸⁷¹ См.: Гильберт М. Указ. соч. – С. 226–227. В соответствии с декретом СНК от 8 апреля 1918 г. в стране начинается создание военкоматов. Во второй половине того же года из 5562 волостных военкомов около 22 % (1210 чел.) составили рабочие. Еще более значительной была прослойка рабочих среди политкомиссаров в действующей Красной армии. Например, в конце Гражданской войны среди комиссаров 10-й армии рабочие составляли 84 %. См.: Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября. – С. 118, 122.

⁸⁷² См.: там же. – С. 225.

⁸⁷³ Никольский С.А. Власть и земля. – М., 1990. – С. 21.

⁸⁷⁴ Там же. – С. 21–23. См. также: Луцкий Е.А. Анализ источников Декрета о земле // Источниковедение истории Великого Октября: Сборник статей. Отв. ред. Г.А. Трукан. – М., 1977. – С. 125–134.

⁸⁷⁵ В своем докладе о земле на заседании II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября В.И. Ленин подчеркнул, что «правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, – вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты (выделено нами. – В.С.)». В этой же связи лидер большевиков указал на печальный пример своих предшественников, которые «под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым

привели страну к разрухе и крестьянскому восстанию». Не желая понять чаяния сельских тружеников, Временное правительство и «соглашательские партии» необоснованно обвинили их в анархии. Но «где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться?» – заявил глава Совнаркома. См.: Ленин В.И. Доклад о земле 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 35. – М., 1969. – С. 23–27.

⁸⁷⁶ См.: Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле. 26 октября (8 ноября) // Декреты Советской власти – Т. 1. – М., 1957. – С. 17.

⁸⁷⁷ Кстатн, § 1 Крестьянского наказа о земле гласил, что земля самых разных категорий, в том числе и *государственная*, «обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» (см.: Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле. 26 октября (8 ноября). – С. 18.

⁸⁷⁸ Ленин В.И. Доклад о земле 26 октября (8 ноября). – С. 27.

⁸⁷⁹ Радек К. Пути русской революции. (По поводу новой экономической политики) // Красная новь. – 1921. – № 4. – С. 188.

⁸⁸⁰ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест... – С. 30.

⁸⁸¹ На территории России, не занятой оккупационными войсками к концу лета 1918 г., было закрыто: в 1916 г. – 299 предприятий, в 1917 г. – 545, а в течение 1-го полугодия 1918 г. – 500 предприятий. При этом концентрация рабочей силы, а значит и количество увольняемых, в советский период была намного выше, чем в предыдущие годы, поскольку в 1916 г. на каждом закрытом предприятии работало в среднем 40 рабочих, в 1917 г. – 70, а в 1918 г. – уже 105. См.: Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР... – С. 224.

⁸⁸² Там же. – С. 84.

⁸⁸³ Там же. – С. 88–89.

⁸⁸⁴ По убедительному мнению известных историков Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, в указанный период большевики удержались «не потому, что вели исключительно разумную и правильную политику, пользовались поддержкой крестьянства, а потому, что оформление белогвардейских контрреволюционных государственных образований на севере, на юге и востоке страны поставило крестьянство перед выбором.

В сущности, с того и другого края – как со стороны большевиков, так и со стороны белогвардейцев – на крестьян осуществлялся мощный

нажим. Из двух зол оно поневоле вынуждено было выбирать меньшее. И большевики удержались у власти в критический момент лета – начала осени 1918 г., вплоть до первых побед Красной Армии, благодаря тому, что сила, которая могла прийти им на смену, в глазах крестьян представляла как еще большее зло» (Бордюгов Г.А., Козлов В.А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения... – С. 74.).

В этой связи стоит привести и любопытную трактовку проблемы, предложенную В.Л. Телицыным. «Спонтанный поворот крестьянства к Советской власти, – пишет он, – произошел под влиянием элементарной сентенции: «Мы против всех». Крестьяне были убеждены, что «нужно сначала выгнать добровольцев», т.е. белогвардейцев (которые в сознании крестьян представляли большую опасность, чем большевики, ибо в их рядах находились и бывшие «господа»), а «потом не допустить к себе коммунию». Однако крестьяне просчитались, ибо не учли способность большевиков использовать в политической борьбе любую возможность с наибольшей выгодой для себя...» (Телицын В.Л. Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С. 151).

⁸⁸⁵ См.: История политических партий России. Под ред. А.И. Зевелева. – С. 402; Батаева Т.В. На защите завоеваний Октября. – С. 137.

⁸⁸⁶ Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры / Н.И. Бухарин // Избранные произведения. – М., 1988. – С. 9.

⁸⁸⁷ Там же.

⁸⁸⁸ Буддаков В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения... – С. 48.

⁸⁸⁹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? – С. 52.

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. АНАРХИСТЫ: «АНАРХИЯ – НАША ЦЕЛЬ, РЕВОЛЮЦИЯ – НАШ ЛОЗУНГ»	29
1.1. Февральская революция, анархисты и органы самочинной демократии	29
1.2. Кризисы Временного правительства и действия анархистов ...	49
1.3. В решительном натиске на Государство и Капитал	67
1.4. Несостоявшаяся Третья революция	71
ГЛАВА 2. ЛЕВЫЕ НЕОНАРОДНИКИ: «...СОЦИАЛИЗМ ЕСТЬ ОТРИЦАНИЕ КАПИТАЛИЗМА, А СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО – ОТРИЦАНИЕ ГОСУДАРСТВА»	96
2.1. Выделение и самоопределение леворадикальных «фракций» в неонародническом течении между Февралем и Октябрем ...	96
2.2. Левые неонародники в послеоктябрьский период: соправители – оппозиционеры – «мятежники»	119
ГЛАВА 3. РАДИКАЛЬНЫЕ МАРКСИСТЫ: «БЕСПОЩАДНАЯ БОРЬБА С ИГРОЙ В ГОСУДАРСТВО...»	151
3.1. Либертарная проблематика в программных установках российских социал-демократов	151
3.2. Большевики на гребне либертарной волны	168
3.3. На строительстве «государства-коммуны»	219
Заключение	235
Приложение.....	241
Примечания	254

Владимир Петрович Сапон

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ СВОБОДЫ
Либертаризм в идеологии и революционной
практике российских левых радикалов
(1917–1918 гг.)

Монография

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 21,9. Усл. печ. л. 19,3. Зак. 367. Тир. 500 экз.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23

Типография Нижегородского госуниверситета
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37